ПОЛ РАССЕЛ

100 КРАТКИХ ЖИЗНЕОПИСАНИЙ ГЕЕВ И ЛЕСБИЯНОК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ПОЛ РАССЕЛ
"100 КРАТКИХ ЖИЗНЕОПИСАНИЙ ГЕЕВ И ЛЕСБИЯНОК"

Автор приводит в книге жизнеописания 100 выдающихся личностей, оказавших наибольшее влияние на ход мировой истории и развитие культуры, – мужчин и женщин, приверженных гомосексуальной любви.

- Введение
- ОГЛАВЛЕНИЕ
- 1. СОКРАТ
- 3. ОСКАР УАЛЬД
- 4. МАГНУС ХИРШФЕЛЬД
- 6. УОЛТ УИТМЕН
- 7. ГЕРТРУДА ШТАЙН
- 8. КАРЛ ХАЙНРИХ УЛЬРИХ
- 9. ЭДВАРД КАРПЕНТЕР
- 10. ДЖОН АДДИНГТОН САЙМОНДС
- 11. МЭРИ УОЛЛСТОУНКРАФТ
- 12. СЬЮЗАН Б. ЭНТОНИ
- 13. ВИРДЖИНИЯ ВУЛЬФ
- 14. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
- 15. АДРИАН
- 16. СВЯТОЙ АВГУСТИН
- 17. МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРОТТИ
- 18. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ
- 19. КРИСТОФЕР МЭРЛОУ
- 20. УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
- 21. ИОГАНН ИОАХИМ ВИНКЕЛЬМАНН
- 22. ГАРРИ ХЭЙ
- 23. ХАРВИ МИЛК
- 24. КОРОЛЕВА ШВЕЦИИ КРИСТИНА
- 25. ЭДУАРД II
- 26. ДЖЕЙН АДАМС
- 27. ЭМИЛИ ДИКИНСОН
- 28. РЭДКЛИФФ ХОЛЛ
- 29. ПЕТР ИЛЬИЧ ЧАЙКОВСКИЙ

- 30. АНДРЕ ЖИД
- 31. МАРСЕЛЬ ПРУСТ
- 32. МИШЕЛЬ ФУКО
- 33. ЭНДИ УОРХЭЛ
- 34. ДЖОН КЕЙДЖ
- 35. РУТ БЕНЕДИКТ
- 36. ДЖЕЙМС БОЛДУИН
- 37. ХАФИЗ
- 38. БАЙРОН
- 39. ЛЕНГОЛЛЕНСКИЕ ЛЕДИ:
- 40. ДАВИД И ИОНАФАН
- 41. ПЕТРОНИЙ
- 42. АМАЗОНКИ
- 43. НАТАЛИ БЭРНИ
- 44. ЭЛЕОНОРА РУЗВЕЛЬТ
- 45. ЖАН ЖЕНЕ
- 47. АДРИАНА РИЧ
- 48. ЛАРРИ КРАМЕР
- 49. ТЕННЕСИ УИЛЬЯМС
- 50. РОЗА БОНЭ
- 51. АРТУР РЭМБО ПОЛЬ ВЕРЛЕН
- 52. ОДРИ ЛОРД
- 53. ВИ-УА
- 54. ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ
- 55. УИЛЛА КЭСЕР
- 56. БАРНИ ФРАНК
- 57. БАЙАРД РАСТИН
- 58. Е.М.ФОРСТЕР
- 59. МАРТА КЭРИ ТОМАС
- 60. КРИСТОФЕР ИШЕРВУД
- 61. ПЬЕР ПАОЛО ПАЗОЛИНИ
- 62. ЮКИО МИСИМА
- 63. РОК ХАДСОН
- 64. СЭР ГАРОЛЬД НИКОЛСОН ВИТА СЭКВИЛЛ-УЭСТ
- 65. ЭЛЬЗА ДЕ ВУЛЬФ
- 66. ЛИБЕРАС
- 67. АЛЛЕН ГИНСБЕРГ
- 68. МАРЛЕН ДИТРИХ
- 69. КВЕНТИН КРИСП
- 70. Х.Д.
- 71. ДОКТОР С. ДЖОЗЕФИНА БЕЙКЕР
- 72. РОУМЭЙН БРУКС
- 73. БЕНДЖАМИН БРИТТЕН
- 74. РИТА МЭЙ-БРАУН

- 75. КЕЙТ МИЛЛЕТТ
- 76. МАРТИНА НАВРАТИЛОВА
- 77. БАРБАРА ГИТТИНГС
- 78. МАРТИН ДУБЕРМАН
- 79. ГЛОРИЯ АНЗАЛЬДО ШЕРРИ МОРАГА
- 80. МЭРИ РЕНОЛТ
- 81. ФРЕНСИС БЭКОН
- 82. ДЕРЕК ДЖАРМЕН
- 83. АЛАН ТЮРИНГ
- 84. РОЙ КОН
- 85. АННА ФРЕЙД
- 86. ГАРЛЕМСКИЕ ШУТНИЦЫ
- 87. ДОКТОР ТОМ УОДДЕЛЛ
- 88. ХОЛЛИ НИР
- 89. РУДОЛЬФ НУРИЕВ
- 90. ФРЕДДИ МЕРКЬЮРИ
- 91. ДЖУДИ ГРАН
- 92. ЭДМУНД УАЙТ
- 93. КЭТРИН ФИЛИПС
- 94. ЭТЕЛЬ СМИТ
- 95. ХОЛСТОН
- 96. САМУЭЛЬ ДЕЛАНИ
- 97. ЯН МАК-КЕЛЛЕН
- 98. ДЖЕЙМС МЕРРИЛЛ
- 99. МАДОННА
- 100. МИКЕЛАНДЖЕЛО СИНЬОРИ
- notes
  - Note1
  - Note2
  - Note3
  - Note4
  - Note5
  - Note6
  - Note7
  - Note8
  - Note9
  - Note10
  - Note11
  - Note12
  - Note13
  - Note14
  - Note15
  - Note16
  - Note17

- Note18
- Note19
- Note20
- Note21
- Note22
- Note23
- Note24
- Note25
- Note26
- Note27
- Note28
- Note29
- Note30
- Note31
- Note32
- Note33
- Note34
- Note35
- Note36
- Note37
- Note38
- Note39
- Note40
- Note41
- Note42
- Note43
- Note44
- Note45
- Note46
- Note47
- Note48
- Note49
- Note50
- Note51
- Note52
- Note53
- Note54
- Note55
- Note56
- Note57
- Note58
- Note59
- Note60
- Note61

- Note62
- Note63
- Note64
- Note65
- Note66
- Note67
- Note68
- Note69
- Note70
- Note71
- Note72
- Note73
- Note74
- Note75
- Note76
- Note77
- Note78
- Note79
- Note80
- Note81
- Note82
- Note83
- Note84
- Note85
- Note86
- Note87
- Note88
- Note89
- Note90
- Note91
- Note92
- Note93
- Note94
- Note95
- Note96
- Note97
- Note98
- Note99
- Note100
- Note101
- Note102
- Note103
- Note104
- Note105

- ○ Note106
- ○ Note107
- ○ Note108
- ○ Note109
- ○ Note110
- ○ Note111
- ○ Note112
- ○ Note113
- ○ Note114
- ○ Note115
- ○ Note116
- ○ Note117
- ○ Note118
- ○ Note119
- ○ Note120
- ○ Note121
- ○ Note122
- ○ Note123
- ○ Note124
- ○ Note125
- ○ Note126

Введение

Вместо предисловия

В 1593 году драматург Кристофер Мэрлоу, будучи привлечён к суду, помимо прочих нападок в свой адрес, отвечал по поводу обнаруженного у него при обыске списка лиц гомосексуальной ориентации. В этом смысле он не был ни первым, ни последним. Лично я убежден, что все геи составляют подобные списки — секретные метрики хода мировой истории, игнорируемые официальными историками, иногда становящиеся частью официальной хроники, но чаще всего хранимые за семью печатями.

Лично я считаю, что мы, люди, скажем так, неформальной сексуальной ориентации, сохранили свою сущность в течение многих веков только благодаря тому, что мы всегда умели распознавать друг друга. Именно в этом был стимул нашего выживания: мы знали — вокруг нас есть люди, подобные нам. Наш дух укреплялся незримыми флюидами, витавшими среди нас.

То, что сегодня определяется таким аморфным явлением, как **гей-культура**, зиждется на традиции многих веков, когда имена некоторых выдающихся личностей с гомосексуальными наклонностями иногда произносили с проклятиями, иногда с благоговейным трепетом, но всегда они были в центре внимания благодаря своим исключительным способностям в том или ином виде человеческой деятельности.

В этой книге я попытался представить некую галерею из сотни оказавших наибольшее влияние на ход мировой истории и развитие мировой культуры людей: мужчин и женщин гомосексуальной ориентации, живших в прошлом и наших современников.

ЧТО Я ВКЛАДЫВАЮ В ПОНЯТИЕ «ОКАЗАВШИЕ НАИБОЛЬШЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ХОД МИРОВОЙ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»?

Однажды мой друг рассказал мне случай из жизни. Он был в Париже и там в кафе познакомился с одним молодым человеком. Когда этот юноша узнал о том, что мой друг имеет кандидатскую степень по философии, он настоял на том, чтобы они вместе отправились на кладбище, где рядом находятся могилы всемирно известного философа-бунтаря Жана-Поля Сартра и «широко известной в узких кругах» деятельницы феминистского движения Симоны де Бовуа. Две простые, ничем не выделяющиеся среди прочих могилы с одним лишь отличием — могила де Бовуа вся

усыпана цветами, письмами, уставлена свечами и прочими предметами поклонения, принесенными сюда людьми, иногда преодолевшими полмира, чтобы отдать дань памяти своему кумиру, а могила Сартра пустынна, заброшена и не ухожена.

Одним словом, я хочу сказать, что в явной или неявной форме влияние каждой выдающейся личности сказывается на материальной и духовной жизни всех людей, и именно это «влияние» я и имею в виду. Это влияние, или, если хотите, значимость, заключается в цепи непрерывных перемен, в примере противостояния жизненным коллизиям и в том, что можно охарактеризовать как «ответ на брошенный вызов». В своей попытке как-то дифференцировать это влияние я волей-неволей пришел к необходимости ответа на следующий двойной вопрос: можно ли считать, что каждый из рассматриваемых мною людей внес большой вклад не только в мировую историю (либо культуру), но и в гей-культуру?

Все это может быть наилучшим образом проиллюстрировано на примере жизни Александра Македонского. Какова бы ни была оценка его деяний, несомненным является одно — своей жизнью он изменил ход мировой истории. Благодаря ему произошло смешение двух культур: греческой и персидской. Ни один полководец не может сравниться с ним по силе воинского таланта. Все это является общепризнанным фактом, и без всякой поправки на его сексуальную ориентацию. Мой взгляд на роль Александра Великого в мировой истории учитывает не только его общепризнанные заслуги, но также и то, как его гомосексуальная ориентация влияет на представление о сути данного явления в течение 2300 лет после его смерти

Вообще в истории человечества, особенно в истории войн, куда ни кинешь взгляд, всюду натыкаешься на мужчин, испытывавших любовь к лицам своего пола: тут Юлий Цезарь и Ричард Львиное Сердце, прусский король Фридрих Великий и легендарный полковник Лоуренс или герой второй мировой войны Бернард Монтгомери. Тем не менее во все века именно Александр Македонский был олицетворением того факта, что гомосексуалист — это вовсе не обязательно, что-то хрупко-женственное, безвольное и пассивное. Я включил в свой список этого выдающегося человека не просто потому, что это своего рода казус: великий полководец и (надо же!) при всем при том — гей. Причина в другом: все его жизнеописания неразрывны с его гомосексуальностью — это исторический факт, и отмахнуться от него никак нельзя. Александр, таким образом, един в двух лицах — как гениальный военачальник и как мужчина, испытывавший влечение к мужчинам.

Конечно же, я не берусь судить о том, были ли завоевательные походы Александра Македонского благим делом с точки зрения современного представления о добре и зле. Я всего лишь констатирую факт — он своими делами в значительной степени изменил ход мировой истории.

Рассматривая множество выбранных мною для этой книги личностей, я должен был каким-то образом сравнивать их значимость. Согласно моей классификации, их можно разделить на две группы. В первую группу входят люди, чья гомосексуальность всегда была общеизвестной, и тем самым их жизнь способствовала разрушению предрассудка о какой-то моральной ущербности сексуальных меньшинств. К таким людям относятся многие писатели, художники, музыканты — по той простой причине, что именно в этих областях искусств наиболее ярко выражалась и передавалась от поколения к поколению гей-культура. Воображаемые миры, которые эти люди развернули перед нами, давали нам новое толкование нашей сущности, наших желаний и наших надежд. К группе людей, оказавших влияние другого рода, относятся личности, пусть не столь широко известные, как, например, Магнус Хиршфельд, Карл Хайнрих Ульрих и Эдвард Карпентер, но тем не менее внесшие большой вклад, в борьбу сексуальных меньшинств за свои права. Некоторые из этих фигур как бы второго плана на самом деле оказали наибольшее влияние на представление о гомосексуальности, и я в описании их судеб старался восстановить справедливость и отдать им должное.

Деятели науки, особенно из области так называемых естественных наук, здесь практически не представлены, и мне кажется это логичным — вклад в развитие математики или, скажем, ядерной физики не мог каким-либо образом соотноситься с гомосексуальной сущностью данного человека (хотя один мой друг убежден, что такие романтично звучащие названия микрочастиц, как «электрон» и «протон», мог придумать только гей). К примеру, великий математик Алан Тюринг присутствует в данной книге не столько благодаря яркости своего научного таланта, сколько в качестве примера мучительной раздвоенности своей жизни: с одной стороны, гей, с другой — ученый, занимающийся сверхсекретными исследованиями по заданию отрицающего права сексуальных меньшинств правительства.

К сожалению, недостаточный объем этой книги ограничил число тех, кого я хотел бы здесь представить: основное внимание я сосредоточил на людях, внесших вклад в гей-культуру Америки и Европы с конца прошлого века до наших дней. Многие и многие люди не вошли в избранную мною сотню — это великий поэт-

суфист Джелал-ад-Дин Руми, китайский император династии Хань Аиди, отрезавший рукав своего халата, чтобы, вставая, не потревожить сон заснувшего на этом рукаве своего возлюбленного Донг Сианя — этот поступок дал название понятию dianxiu (отрезать рукав), обозначающему в китайском языке мужскую гомосексуальную любовь. Эти и многие другие великие люди не оказали большого влияния на современное олицетворение состояния гомосексуальности в Европе и в Америке.

ЧТО Я ВКЛАДЫВАЮ В ПОНЯТИЕ «ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ»?

Если мы говорим о некоем влиянии, которое оказали известные люди, то, само собой разумеется, должен существовать и сам объект этого влияния. В рамках моей книги под этим объектом я подразумеваю совокупность мужчин и женщин гомосексуальной ориентации, живущих в наше время преимущественно в Северной Америке и в Западной Европе. Сообщество этих людей крайне неоднородно — велики этнические, классовые, религиозные и многие другие различия, что, собственно, вообще ставит под сомнение употребление в отношении этих людей термина «сообщество». Фактически можно говорить о множестве сообществ — от престижных клубов, объединяющих преуспевающих белых господ, до колоний экономически бесправных лесбиянок латиноамериканского происхождения («чиканос») на юге Калифорнии. Границы этих сообществ размыты: происходит постоянный взаимный обмен элементами культуры; моральные принципы, течения моды и прочие понятия постоянно эволюционируют.

Наверное, единственными людьми, которые убеждены в существовании единой, монолитной, внутренне цельной гей-лесийской культуры (или, как еще принято говорить, «образа жизни»), являются заклятые враги этой культуры — будем в дальнейшем называть их гомофобами — в частности, некоторые из религиозных фанатиков, в воспаленном воображении которых существование этой огромной, хорошо организованной системы является «гей-угрозой». Но ведь любой человек, хотя бы однажды посетивший какой-нибудь митинг сексуальных меньшинств, может четко засвидетельствовать — среди геев и лесбиянок существует масса разногласий по многим вопросам. Не случайно активистами движения за права сексуальных меньшинств в качестве эмблемы своего движения выбрана радуга, многоцветие которой символизирует весь диапазон и богатство проявлений гей-культуры.

Но, несмотря на все различия, есть нечто, что может служить

для всех этих людей и объединяющим признаком. Этим признаком является отношение к нам представителей традиционной культуры, то есть так называемой культуры «мэйнстрим». Это отношение настолько огульное, что не учитывает обстоятельств и нюансов и характеризует гей-культуру в качестве чего-то извращенного, болезненного и греховного. Все мы представляемся им какими-то изгоями, гонимым меньшинством, постоянными аутсайдерами и мятежниками против здравого смысла; нам приписывается то, что очень часто мы используем свой статус аутсайдеров для того, чтобы подвергнуть сомнению, извратить или исказить культуру «мэйнстрим»; нас обвиняют в том, что мы, любя друг друга, нарушаем все мыслимые запреты, моральные установки и табу, принятые обществом; нас ненавидят за эту любовь. Все это, как мне кажется, дает нам повод говорить об имеющемся у нас общем опыте отношения к себе подобным.

Люди, жизнеописания которых представлены на страницах этой книги, являются живой иллюстрацией разных способов того, как мы реагировали на упрямую вражду общества к нам, многих путей нашего переосмысления своей сущности и своих жизней, многих каналов реализации всего огромного потенциала скрытых в нас желаний, «любви, не смеющей назвать свое имя». Жизнь каждого из этой сотни людей — геев и лесбиянок — позволила всем нам, либо путем личного примера, либо благодаря активной деятельности по защите наших прав ощутить себя полноценной частью окружающего мира.

ЧТО Я ПОДРАЗУМЕВАЮ ПОД ПОНЯТИЕМ «ГЕИ И ЛЕСБИЯНКИ», ОСОБЕННО С УЧЕТОМ 2500 ЛЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЭТОГО ПОНЯТИЯ?

История — это не костюмированная драма. Люди античности не были точной копией современных людей с тем лишь отличием, что они носили тоги, а не костюмы-тройки. На самом деле, как часто говорится, прошлое — это как бы другая страна с другими жителями. Это относится к обычаям, привычкам, представлениям и предрассудкам. Соответственно, исключением не может быть ни культура, ни сексуальность. По мере изменения параметров культуры меняются сексуальные воззрения, сексуальная практика и даже такое понятие, как сексуальная сущность. В то же время возникают широкие потоки мировосприятия, эта первооснова желаний, потребностей и вкусов, формирующихся разными путями в рамках различных эпох и различных культур. Одним из этих потоков, существующих повсеместно, хотя и в разных проявлениях, является любовь к людям своего пола. Такая любовь существовала во все времена во всех культурах параллельно со

своим эквивалентом: взаимной любовью людей противоположного пола. И та и другая разновидность любви в течение времени претерпевали значительные изменения.

На протяжении большей части мировой истории наше современное представление о разнице между «гетеросексуальной» и «гомосексуальной» любовью не имело столь конкретного смысла. Сам термин гомосексуальность даже не фигурировал нигде до 1869 года, а термин гетеросексуальность появился еще позднее. Если нечто не имеет имени, то существует ли оно вообще? Французский философ Мишель Фуко доказал, что мы даем вещам названия тогда, когда нам надо их как-то идентифицировать. Таким образом, изобретение нашего современного представления об отличиях между гомосексуальностью и гетеросексуальностью относится к некой новой конфигурации человеческой сексуальности, возникшей где-то в продолжение последних двухсот лет истории человечества. В предшествующее этому время сексуальность имела другие формы, характеризовалась другими способами мышления и словесного описания. >

Все эти размышления я привел лишь для того, чтобы читателю было понятно — при составлении списка, включающего людей, живших в период с VI века до н. э. и вплоть до наших дней, я старался свести в единое целое широчайший набор различных типов сексуальности, имеющих общее лишь в одном: однополая любовь. В качестве пояснения приведу один пример: в общественном сознании в античной Греции мужская сексуальность представляла собой крайне причудливую картину с точки зрения современного человека. В частности, свободные граждане мужского пола вполне могли рассматриваться как «женщины», то есть как пассивные сексуальные партнеры по отношению к активным «мужчинам», которыми, в свою очередь, могли считаться женщины, мальчики, рабы или чужестранцы. В пределах этого диапазона возможных объектов желания некоторые мужчины предпочитали главным образом женщин, другие — преимущественно мальчиков, в то время как третьим казались равноценно притягательными все существующие в рамках тогдашней культуры варианты.

Но в то же время жившим тогда афинянам была совершенно чуждой идея о том, что секс может «менять знак с плюса на минус», то есть что активные партнеры могут на какое-то время становиться пассивными и наоборот. Секс был действием, совершаемым активным партнером над пассивным, как интимное проявление существующей общественной иерархии. Взаимности в сексе было не намного больше, чем взаимности в отношениях

между грабителем и его жертвой. К тому же мысль о том, что человек может в течение всей своей жизни испытывать влечение лишь к лицам одного пола — или своего, или противоположного, — была странной для сознания древних афинян. В контексте такой культуры говорить о гомосексуальности и гетеросексуальности в современном понимании будет некорректным. Тем не менее в афинском обществе были люди наподобие Сократа, у которых главным эротическим влечением было влечение к несовершеннолетним мальчикам. Этих людей в полном смысле нельзя отнести к геям или гомосексуалистам (хотя, наверное, можно употребить термин педерастия), однако, я думаю, не будет такой уж большой ошибкой отнести и их к «гей-континууму».

Если сверяться с современными, весьма жесткими, сексуальными категориями, многие люди из моего списка могут считаться скорее бисексуалами, чем строго гомосексуалами. Многие из этих людей женились и имели детей, при этом у них были любовные романы с людьми обоих полов. Важно учитывать сильно разнящиеся культурные предположения, ожидания и возможности, доступные различным людям, вошедшим в мой список.

Я хочу, помимо прочего, еще и еще раз подчеркнуть чрезвычайно важное для всех нас явление — повторяемость и, если хотите, живучесть однополой любви в течение всей истории человечества. Так как ее описание почти полностью монополизировано гетеросексуалами, существует тенденция считать, что все ключевые фигуры прошлого были стопроцентно гетеросексуалами. Все известные исторические факты, указывающие на то, что в продолжение обозримого исторического периода существует любовь людей одного пола, постоянно умалчиваются. В этом смысле я хочу вновь напомнить всем геям и лесбиянкам о существовании богатых исторических традиций гомосексуальной любви. В то же время следует исправить искажения, внесенные в официальную историю предпосылками о гетеросексуальности той или иной значимой для нас личности.

В ходе моих биографических исследований я все больше И больше чувствовал острую необходимость выхода в свет подобной книги: раз за разом я обнаруживал то, как тема Гомосексуальности замалчивается в биографиях известных мужчин и женщин. Попробуйте изучить биографии геев и лесбиянок, упоминаемых в моей книге, в официальных энциклопедиях — там о гомосексуальных влечениях этих людей вы не найдете ни слова. Вопрос сексуальности этих людей либо вообще опускается, либо, что еще хуже, о нем говорится с

лицемерным эвфемизмом. Мэрлоу становится «человеком с оригинальными наклонностями», Джейн Адаме «никогда не выходила замуж», Рэмбо и Верлен были «очень близкими друзьями». Крайне важным является то, чтобы люди, особенно молодые люди, которым и в наши дни приходится бороться с чувством изолированности и одиночества, были осведомлены о присутствии геев и лесбиянок во всей мировой истории.

Хотя появление в моей книге некоторых имен может стать сюрпризом для вас, не стоит сомневаться: ни в одном случае я не пытался «притягивать факты за уши»; о них свидетельствуют исторические документы, хотя иногда надо изрядно потрудиться, чтобы их откопать. Тем не менее считаю отрадным то обстоятельство, что при сборе фактического материала для этой книги мне не пришлось пользоваться какими-либо спецхранилищами в крупных библиотечных фондах: практически все необходимое нашлось в весьма ординарной библиотеке университета штата Нью-Йорк в Нью-Пальтце. Вся приведенная мною информация не имеет столь уж широкого распространения, однако она вполне доступна каждому. Биографии, на многие из которых я ссылаюсь в библиографии в конце книги, были для меня наиболее ценным подспорьем для разрушения заговора молчания, царившего столь долго. Там, где это было возможно, я старался называть вещи своими именами, иногда при рассмотрении данной персоны я гораздо большее внимание уделял вопросам его или ее интимной жизни и лишь кратко описывал таланты и заслуги, упоминание о которых при желании можно найти в официальных энциклопедиях и в справочной литературе. Я же в первую очередь старался представить сексуальность выбранных мною геев и лесбиянок такой же цельной и неотъемлемой частью их жизни, как и сексуальность большинства людей, независимо оттого, написаны их биографии или нет.

ПОЧЕМУ В КНИГЕ ЛЕСБИЯНКИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ НЕ В РАВНОМ КОЛИЧЕСТВЕ С ГЕЯМИ?

Хотя кому-то количественное соотношение геев и лесбиянок в книге может показаться дискриминационным — на шестьдесят биографий мужчин приходится тридцать восемь биографий женщин, а две статьи посвящены одновременно мужчинам и женщинам, — я считаю, что дал картину, довольно объективно отражающую своего рода дискриминацию в исторических документах. Можно с прискорбием констатировать, что в исторических документах вплоть до XX века не содержится сведений о лесбиянках, чье влияние может сравниться с влиянием, скажем, Александра Македонского, Микеланджело или

Шекспира. При всем при том я честно старался приоткрыть, где это было возможно, правду о лесбийской любви в прошлые века. Поначалу это казалось практически невыполнимой задачей.

Когда я начал работу над этим проектом, меня сильно тревожило то, что я не смогу набрать достаточного числа персонажей-лесбиянок, живших задолго до нашего века. Между Сафо, поэтессой VI века до нашей эры, и Гертрудой Штайн, нашей современницей, казалось, был период великого молчания в отношении лесбийской любви — по крайней мере, если говорить об этой любви в современной ее трактовке. Но по мере того, как работа моя продвигалась, я начал понимать, что подхожу не с теми мерками к лесбийской любви прошлого. Я оцениваю лесбиянок с современной точки зрения. Если бы я продолжал использовать этот же подход, я бы, наверное, так и не нашел ни одной интересующей меня женщины, и это было бы закономерно. Лесбийская любовь XX века — это продукт XX, и только XX века. Лесбиянки XVIII и XIX столетий совершенно не похожи на современных, поскольку культура тогда была другая. Это все равно как если бы я рылся в исторических документах, пытаясь найти женщин, чья судьба и жизненная сущность напоминали бы типичных домохозяек — представительниц среднего класса, живущих в наши дни где-нибудь в пригороде крупного центра гетеросексуальной жизнью. Мне вряд ли удалось бы решить такую задачу. Конечно, никому не придет в голову просеивать исторические факты в попытке отыскать таких женщин, да, собственно, нет и причин расстраиваться по поводу их отсутствия. Живущая в зажиточном пригороде гетеросексуальная домохозяйка XX века никак не может быть в этом смысле скомпрометирована просто потому, что мы не можем найти эквивалент, к примеру, XIV столетия. Можно только говорить об их предшественницах: женщинах, чье замужество было, например, обусловлено необходимостью экономического альянса между семьями, а не продуктом свободного выбора, так называемой «романтической» любовью между мужчиной и женщиной.

Это открытие окрылило меня. Я все полнее начал осознавать революционную важность высказанной Адрианой Рич концепции лесбийского континуума. Согласно Рич, лесбийский континуум — это «сфера распространения специфического женского опыта в жизни каждой женщины и во всей мировой истории; это ни в коем случае нельзя понимать просто как то, что какая-либо женщина вступала или осознанно желала вступить в физическую близость с другой женщиной. Если мы расширим наше толкование этого понятия до многих форм, имеющих гораздо более существенное значение, в частности родства душ и

богатства внутренних миров, солидарности в борьбе против тирании мужчин, взаимной житейской, а иногда политической поддержки; если мы также будем способны услышать в этом ассоциации с нежеланием выходить замуж не по любви… мы начнем чувствовать область распространения женской истории и психологии — всего того, что никак не могло вписаться в прокрустово ложе ограниченного, почти клинического, определения «лесбиянство».

Я начал видеть, что, будучи зажатой общественными рамками общества XIX и XX столетий, такая же, как и в наше время, взаимная женская привязанность волей-неволей имела другие формы проявления. По причине воспитания, психологии и жизненной практики сексуальные контакты между женщинами в то время были, вероятно, нечастым явлением. Только на рубеже веков сексологи и психологи дали современное понятие секса — как в гетеро, так и в гомоварианте. В наше сознание внедрилась потребность желать удовлетворения плотских желаний в качестве вершины проявления романтической любви — и гетеросексуальной, и гомосексуальной. Но ведь раньше это было вовсе не обязательно. Тогдашние страстные романтические привязанности женщин друг к другу не имели «сексуального» продолжения в его современном смысле. Не собираясь вступать в спор по поводу того, была ли это всего лишь дружба между гетеросексуалами, которая (по какой-то загадочной причине — возможно, из-за страха перед новым термином нашего века — «лесбиянство») вдруг исчезла как явление. Я всего лишь хочу высказать предположение, что такие варианты дружбы как раз и были единственной приемлемой в те годы формой лесбиянского сексуального влечения. Если просто проигнорировать лесбиянский аспект этих страстных дружеских отношений, это будет равносильно замалчиванию истории существования лесбийской любви вообще.

Вряд ли я первый, кто включает упоминаемых в этой книге женщин в историю лесбийской любви. Поначалу я вообще сомневался, стоит ли делать это, ведь надо иметь какие-то «доказательства» того, что эти женщины были лесбиянками. Это, кстати, свидетельствует о том, насколько извращено наше понимание лесбийской любви в прошлом под воздействием проповедей современных гомофобов. Мы не можем даже допустить возможность существования богатства и разнообразия проявлений любви между женщинами в любую эпоху, кроме нашей. Завершив работу над этой книгой, я понял, что мои тревоги по поводу отсутствия доказательств были напрасны. Могу смело утверждать, что, например, по отношению к Мэри

Уоллстоункрафт, Эмили Дикинсон, Джейн Адаме или Флоренс Найтингейл имеются совершенно убедительные доказательства того, что они были лесбиянками, но только ни в коем случае не в современном понимании этого слова. Кроме того, каждая из этих женщин оказала такое неоспоримое влияние на прогресс человеческого сознания — ив социально-политическом смысле, и в области искусства, — что это не могло не способствовать появлению в XX веке тех женщин, которые в нашем сегодняшнем понимании считаются лесбиянками.

НЕОБХОДИМОСТЬ ОТВЕТА НА ВЫЗОВ.

Безусловно, моя книга является спорной, но она — ответ на интеллектуальный вызов, который всегда стоит перед исследователем. Я приглашаю вас тоже ответить на этот вызов. Я предлагаю вам поспорить со мной, дать свою трактовку жизни того или иного человека, попытаться осмыслить саму сущность гомосексуальной любви и движущие ею силы; осознать то, что определяет ее настрой и формы проявления; разобраться в том, как мы воспринимаем себя сами, в том, как мы сегодня живем.

Каждый волен составить свой рейтинговый список, и он, безусловно, будет отличаться от моего. Ваш список, вне всяких сомнений, для вас будет важнее, чем мой. Считайте мой перечень просто стимулом для осмысления вами этой темы и формирования своей точки зрения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОКРАТ
САФО
ОСКАР УАЙЛЬД
МАГНУС ХИРШФЕЛЬД
ЗАЩИТНИКИ КАФЕ "СТОУНУОЛЛ ИНН"
УОЛТ УИТМЕН
ГЕРТРУДА ШТАЙН
КАРЛ ХАЙНРИХ УЛЬРИХ
ЭДВАРД КАРПЕНТЕР
ДЖОН АДДИНГТОН САЙМОНДС
МЭРИ УОЛЛСТОУНКРАФТ
СЮЗАН Б. ЭНТОНИ
ВИРДЖИНИЯ ВУЛЬФ
АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
АДРИАН
СВЯТОЙ АВГУСТИН
МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРОТТИ
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ
КРИСТОФЕР МЭРЛОУ
УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
ИОГАНН ИОАХИМ ВИНКЕЛЬМАНН
ГАРРИ ХЭЙ
ХАРВИ МИЛК
КОРОЛЕВА ШВЕЦИИ КРИСТИНА
ЭДУАРД II
ДЖЕЙН АДАМС
ЭМИЛИ ДИКИНСОН
РЭДКЛИФФ ХОЛЛ
ПЕТР ИЛЬИЧ ЧАЙКОВСКИЙ
АНДРЕ ЖИД
МАРСЕЛЬ ПРУСТ
МИШЕЛЬ ФУКО
ЭНДИ УОРХОЛЛ
ДЖОН КЕЙДЖ
РУТ БЕНЕДИКТ
ДЖЕЙМС БОЛДУИН
ХАФИЗ
БАЙРОН
ЛЕНГОЛЛЕНСКИЕ ЛЕДИ: ЛЕДИ ЭЛЕОНОРА БАТЛЕР, САРА ПОНСОНБИ
ДАВИД И ИОНАФАН

ПЕТРОНИЙ
АМАЗОНКИ
НАТАЛИ БЭРНИ
ЭЛЕОНОРА РУЗВЕЛЬТ
ЖАН ЖЕНЕ
СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ, ВАЦЛАВ НИЖИНСКИЙ
АДРИАНА РИЧ
ЛАРРИ КРАМЕР
ТЕННЕСИ УИЛЬЯМС
РОЗА БОНЭ
АРТУР РЭМБО, ПОЛЬ ВЕРЛЕН
ОДРИ ЛОРД
ВИ-УА
ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ
УИЛЛА КЭСЕР
БАРНИ ФРАНК
БАЙАРД РАСТИН
Е.М. ФОРСТЕР
МАРТА КЭРИ ТОМАС
КРИСТОФЕР ИШЕРВУД
ПЬЕР ПАОЛО ПАЗОЛИНИ
ЮКИО МИСИМА
РОК ХАДСОН
СЭР ГАРОЛЬД НИКОЛСОН, ВИТА СЭКВИЛЛ-УЭСТ
ЭЛЬЗА ДЕ ВУЛЬФ
ЛИБЕРАС
АЛЛЕН ГИНСБЕРГ
МАРЛЕН ДИТРИХ
КВЕНТИН КРИСП
ХИЛЬДА ДУЛИТЛ
ДОКТОР С. ДЖОЗЕФИНА БЕЙКЕР
РОУМЭЙ БРУКС
БЕНДЖАМИН БРИТТЕН
РИТА МЭЙ-БРАУН
КЕЙТ МИЛЛЕТТ
МАРТИНА НАВРАТИЛОВА
БАРБАРА ГИТТИНГС
МАРТИН ДУБЕРМАН
ГЛОРИЯ АНЗАЛЬДО, ШЕРРИ МОРАГА
МЭРИ РЕНОЛТ
ФРЕНСИС БЭКОН
ДЕРЕК ДЖАРМЕН
АЛАН ТЮРИНГ
РОЙ КОН

АННА ФРЕЙД

ГАРЛЕМСКИЕ ШУТНИЦЫ: ГЛЭДИС БЕНТЛИ, МА РЕЙНИ, БЕССИ СМИТ

ДОКТОР ТОМ УОДДЕЛЛ

ХОЛЛИ НИР

РУДОЛЬФ НУРИЕВ

ФРЕДДИ МЕРКЬЮРИ

ДЖУДИ ГРАН

ЭДМУНД УАЙТ

КЭТРИН ФИЛИПС

ЭТЕЛЬ СМИТ

ХОЛСТОН

СЭМУЭЛЬ ДЕЛАНИ

ЯН МАК-КЕЛЛЕН

ДЖЕЙМС МЕРРИЛЛ

МАДОННА

МИКЕЛАНДЖЕЛО СИНЬОРИ

1. СОКРАТ

note 1

«Когда мы пришли из театра, я отправился в спальню и перед сном решил почитать Платона. Я открыл наугад и начал читать «Федру». Я читал и читал, не отрываясь до самого конца. Затем я начал читать «Пир»; и солнце своими лучами осветило кустарник, росший под окнами первого этажа, где была моя комната, когда я, наконец, закрыл книгу…

Именно здесь, в «Федре» и «Пире», — в мифе души и в речах Паусания, Агатона и Диотимы — я открыл истинную свободу любви (liber amoris), откровение, которого я так долго ждал, освящение давно взлелеянного идеализма. Это было так, словно голос моей собственной души говорил со мной посредством Платона, словно во мне ожил какой-то унаследованный опыт, когда я был философствующим о любви жителем Древней Греции.

…Я наконец ощутил твердь под ногами. Я получил благословение моей любви, любви, которая влекла меня за собой с детства. Это была поэзия, философия моего собственного восхищения подлинной мужской красотой, выраженная со всем волшебством непревзойденного стиля. И, что еще важнее, я в тот момент понял то, что жители Древней Греции относились к такой любви со всей серьезностью, наполняя ее моральным очарованием, наделяя ее возвышенностью».

Так писал в своих «Мемуарах» известный адвокат XIX столетия Джон Аддингтон Саймондс, прославившийся как один из первых адвокатов, выступавших за права сексуальных меньшинств. Этот отрывок относится к его семнадцатилетию, когда он открыл для себя Сократа. Философские откровения Сократа являются одним из самых наглядных подтверждений того влияния, которое этот античный философ оказал на представление о мужской гомосексуальной любви за последующие 2400 лет. Сократ, как никто другой, сумел четко и логически безупречно обосновать моральное право такой любви на существование. Тем самым он открыл геям и лесбиянкам дорогу к познанию себя и к самосовершенствованию.

Сократ родился в 469 г . до н. э. в столице Греции городе Афины. Его отцом был скульптор Софроний, а мать звали Фенарита, и она была акушеркой. Нам мало известно о ранних годах его жизни, хотя имеются сведения о том, что в семнадцать лет он уже был любимым учеником философа Архелая, который в свою очередь был учеником Анаксагора — первого афинского

философа. Во время Пелопонесской войны (431 — 404 г . до н. э.) Сократ служил пехотинцем в афинской армии и в битве при Потидии спас жизнь своего будущего знаменитого ученика Алчибиада. Стремясь укрепить в себе свободу духа, Сократ жил крайне неприхотливой жизнью, что дало повод его современнику Антифону сказать об этом так: «Если бы раба заставить жить такой жизнью, он бы непременно сбежал». Сократ полностью забросил все житейские дела и проводил дни, сидя в тени оливковых деревьев и обсуждая вопросы справедливости, добродетели, благочестия и духовности в кругу юношей — выходцев из знатных семейств. Будучи одновременно как духовным, так и любовным наставником молодых людей, он олицетворял собой существовавший в Афинах институт педерастии (paiderastia), что означает «любовь к мальчикам».

Сократ не вел никаких записей, и наше знание о его учении и его личности основывается на дошедших до нас диалогах его самого известного ученика Платона, а также воспоминаниях еще одного из его учеников – Ксенофона. Оба они были рядом с Сократом последние десять лет его жизни.

Еще при жизни Сократ считался одним из самых мудрых людей своего времени. Это было признано даже великим Дельфийским оракулом. Предметом всех его диалогов, которые Сократ вел с некоторым лукавством, было опровержение так называемых неоспоримых истин. Для того чтобы, как он выражался, «ниспровергнуть бога фальши», он начинал спорить сам с собой, пытаясь найти абстрактного оппонента, который был бы мудрее, чем он сам. Однако каждый раз сам собой складывался вывод, что все-таки самым мудрым является Сократ — по той причине, что он отдает отчет в своем незнании. Об этом говорит самая известная фраза Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю». У него не было каких-либо твердых философских доктрин: его роль была другой. Он служил своего рода «акушеркой» для идей окружающих. Сложился сократовский метод: задавая ученикам серию наводящих вопросов и интерпретируя их ответы на эти вопросы, он извлекал на свет мудрость, которая дремала в их душах. Его целью было самопознание, провозглашенное в таких известных изречениях, как: «Познай себя» и «Непознанная жизнь недостойна самой себя». Так как никто не совершает ошибок сознательно, учил Сократ, знание истины о самом себе непременно ведет человека к благочестивой жизни.

Считается, что Сократ обратил философию от науки к этике, а также, что он поставил проблему метода в философии. Его огромное влияние на западную философскую мысль можно оценить хотя бы исходя из того факта, что во всех философских

справочниках используется термин досократовский период философии, охватывающий всех его предшественников.

Сократ едко критиковал существовавшие тогда в Афинах политические и религиозные институты, чем нажил себе массу врагов. В 339 году до н. э. он был обвинен в моральном разложении афинской молодежи и в религиозной ереси. Сейчас многие историки склоняются к тому, что его арест был непосредственно связан с именами его учеников Алчибиада и Крития, которые предали Афины в период «олигархии тридцати тиранов» (404 — 403). Представ перед судом, Сократ хладнокровно парировал все обвинения в свой адрес и фактически доказал обратное: его нужно не судить, а воздать ему почести как благодетелю общества за его роль духовного наставника. Это привело судей в ярость, и Сократ был приговорен к смертной казни. Однако, согласно древней традиции, приговор мог быть приведен в исполнение лишь по возвращении из плавания священного корабля, еще; не вернувшегося с острова Делос. Находясь в заточении, Сократ продолжал общаться со своими учениками и дискутировал с ними по вопросам философии. Его ученик Критон даже придумал план побега, однако Сократ от него отказался, сказав, что его казнь должна стать для афинян назидательным моральным примером, иллюстрирующим несправедливость приговора. Когда ему поднесли чашу с ядом, он принял ее со спокойствием. Суд над Сократом и его казнь красочно описаны Платоном в его «Апологиш», «Критоне» и «Федоне».

Сократ оказал наибольшее влияние на формирование мировоззрения геев, представ во всем величии своей мысли в «Федре» и «Пире» Платона. В этих двух диалогах Сократ говорит о том, что любовь начинается с эротической страсти взрослого мужчины к прекрасному юноше. Страсть мужчины к юноше является божественным помешательством — находясь под ее властью, мы отбрасываем наши материальные устремления, мы действуем щедро и великодушно, забыв про какой-либо расчет. Но страсть эта должна выйти за рамки плотского влечения. Испытывая любовь к прекрасному юноше, мужчина преклоняется не столько перед его физической красотой, сколько перед той философской красотой, воплощением которой является этот юноша. Безумство страсти в чем-то очень близко безумству поэзии и парадоксальности философии. Оно отрывает нас от сосредоточения на частном и направляет на нечто более отвлеченное, следовательно, философичное, – рассмотрение универсального. Именно прекрасное, которое олицетворяет собой юноша, ведет нас от одной божественной страсти к другой.

Это и есть вкратце то, что впоследствии стало называться платонической любовью. Она означает, что старший по возрасту учитель нежно любит своего прекрасного ученика, являясь одновременно его духовным наставником. Как говорит Сократ в «Федре»: «Каждый, кто влюблен, желает, чтобы объект его любви был похож на бога, в которого он верит, и когда он становится близок с ним, он увлекает своего возлюбленного на путь стремления к божественному совершенству, отдает ему все лучшее, что есть в нем. Не может быть ревности или суетной расчетливости в его делах, и каждым его поступком движет достижение его любимым учеником сходства с ним самим и с богом, которому они оба поклоняются. Что может быть более славным и благословенным делом, чем эта мистерия, в которой участвуют два искренне любящих друг друга человека».

Хотя философы вплоть до сегодняшних дней упорно пытались замалчивать откровенно гомосексуальную любовь, которая составляет основу «Федры» и «Пира», читатели – геи всегда правильно понимали эти тексты, и то, что они находили в них, всегда наполняло их силой откровения. Лично я считаю Сократа геем номер один мировой истории благодаря тому, что его учение заложило мощный фундамент в философию самопознания и ощущения себя в этом мире для геев и лесбиянок. Только после него мы сумели осознать свою сокровенную суть.

2.САФО

note 2

Сафо родилась на острове Лесбос, находящемся в Эгейском море вблизи побережья Малой Азии в начале VI века до н. э. Нам очень мало известно о жизни этой женщины, чье имя, как и название ее родного острова, стало символом любви женщин друг к другу. Мы знаем, что она вышла замуж за преуспевающего купца по имени Серколас, от которого родила дочь по имени Клеис. Известно также, что она участвовала в восстании против тирана Питтакия и была за это сослана на остров Сицилия, где прожила некоторое время. Скорее всего большую часть своей жизни она прожила на острове Лесбос.

Как принято считать, в VI веке до н. э. на Лесбосе женщины из родовитых семейств организовывали неформальные сообщества, где сочиняли и декламировали поэтические произведения. Сафо была лидером одного из таких сообществ — своеобразного античного богемного салона — и являлась кумиром восхищенных поклонниц; некоторые добирались сюда из дальних стран для того, чтобы послушать ее. Она писала стихи на

эолийском диалекте, используя различные стихотворные ритмы, один из которых, сафический, непосредственно назван ее именем. Лирика Сафо, простая и страстная, скорее, более близка к народному эпосу, чем к литературе в чистом виде. Ее темы — любовь и ненависть, нежное общение подруг, девичья красота. Имена ее самых любимых подруг — Аттис, Анактория, Гонгилия, Мнасадика — живут в веках.

Хотя до наших дней в полном виде не дошла ни одна из ее поэм, мы можем наслаждаться их чудесными фрагментами, самый длинный из которых — это всего двадцать восемь строф. Она пользовалась большим уважением среди поэтов античного мира. Платон называл ее десятой музой; ее произведения оказали большое влияние на таких поэтов Древнего Рима, как Катулл и Овидий.

Хотя доказательства ее приверженности лесбийской любви практически невозможно обнаружить в дошедших до нас фрагментах ее поэм, античные авторы, которые могли составить гораздо более полное впечатление о ее творчестве, давали такое описание ее образа, которое, по современным представлениям, можно смело считать лесбиянским. Максим из Тира, к примеру, сравнивал ее отношения с девушками с гомосексуальными отношениями Сократа со своими учениками.

Неизвестно, каким образом поэтические творения Сафо распространялись и доходили до читателей в древности. Нам достоверно известно то, что двести—триста лет спустя после ее смерти, то есть во II—III веке до н. э., все ее поэтическое наследие было объединено в десять книг: девять из них содержали лирику и в одной были элегии. Копии этих сборников стихов дошли до средневековья, но там их следы теряются. К IX веку нашей эры можно встретить лишь цитаты из Сафо, приводимые другими авторами.

Само же имя Сафо и дело, которому она служила, не растворились во мраке столетий. Она была проклятием для гомофобов. Всего лишь через поколение после ее смерти греческий поэт Анакреон писал, что с острова Лесбос распространяется зло, которое надо изжить, — ненормальные, как он считал, интимные отношения между женщинами. Из истории XVIII века нам известно, что Мария Антуанетта обвинялась в том, что она «возглавляла секту моральных уродов, которые называли себя сафистками и хвастались тем, что подражают ей». С другой стороны, идеал содружества женщин лесбийской ориентации, полный поэзии и страсти, несмотря ни на что, существовал всегда.

Одной из самых известных литературных мистификаций XIX

века была книга «Песни Билитии» — сборник эротических поэм о лесбийской любви, написанных Пьером Луи, одно время считавшихся переводом с древнегреческого произведений Сафо. «Эта маленькая книга об античной любви, писал Луи, посвящается молодым женщинам общества будущего». Эта работа, даже после того как стало известно, что это литературная мистификация, была очень близко к сердцу принята поколением женщин, которые только начали осознавать себя лесбиянками. В 1902 году писательница Натали Бэрни воспела Сафо в своих «Маленьких поэтических греческих диалогах». Со своей возлюбленной Рене Вивьен она отправилась на остров Лесбос в надежде основать там школу поэзии, взяв за основу традицию Сафо. В 50-е годы нашего века американские лесбиянки, подыскивая название своей зарождающейся организации, назвали свое общество «Дочери Билитии» в честь одной из самых известных последовательниц Сафо. В 1972 году вышла книга, которую можно назвать пионерской в движении за права лесбиянок. Ее написали Сидни Эбботт и Бернис Лав, и называется она «Сафо была настоящая женщина». Известная как авторитетный литературный критик, Джуди Гран прослеживает традицию лесбийской эротической лирики непосредственно от Сафо до творчества таких поэтесс, как Эми Лоуэлл, Хильда Дулитл, Адриана Рич и Ольга Броумас.

Можно утверждать, что Сафо стоит у истоков чрезвычайно длинной родословной — ее присутствие на протяжении всех 2500 лет, вплоть до наших дней, загадочным образом оказывало влияние на поэтические души. Можно сказать, что с нее и началась история лесбийской любви.

3. ОСКАР УАЛЬД

Гомосексуал номер один новейшей истории, Оскар Уайльд, полное имя которого Оскар Фингел О'Флагерти Уиллс Уайльд, родился 16 октября 1854 года в Дублине в Ирландии. Его отец был известным хирургом, в свободное от работы время увлекавшимся археологией. Мать собирала народный фольклор и писала стихи.

С 1864 по 1871 год Оскар Уайльд посещал Королевскую порторскую школу в Эннискиллене, а после этого продолжил образование сначала в Тринити-колледж, в Дублине, а затем в Колледже Святой Магдалины в Оксфорде, который окончил с отличием в 1878 году. В Оксфорде Уайльд имел репутацию не только эстета и денди, давая повод для обсуждений всему колледжу его причудливо декорированных комнат и колких острот, но и серьезного исследователя классической литературы и талантливого поэта (еще учась на последнем курсе, он выиграл престижную премию Ньюдигейт).

Перебравшись в Лондон, Уайльд продолжил свою экстравагантную жизнь, прославившись своими карикатурами в сатирическом журнале «Панч» и в качестве прототипа персонажа (Бэнтборн) комической оперы Гилберта и Салливана «Терпение». Это внимание к собственной персоне было как нельзя кстати Уайльду, который уже опубликовал первую книгу стихов и жаждал литературной славы. С этой целью он в 1882 году отправился с циклом лекций по городам США и Канады, сопровождаемый ироническим иканьем американской прессы, что не мешало ему собирать скептически настроенные, но всегда большие аудитории. Одетый в темно-лиловый бархатный жакет с кружевными манжетами, в коротких штанах, заправленных в черные шелковые гетры, в ботинках с блестящими пряжками, он проповедовал свою доктрину эстетизма, прославляя искусство и все прекрасное. В Кэмдене, Нью-Джерси, состоялась его встреча с Уолтом Уитменом, перед которой он заявил: «Я пришел сюда как поэт, чтобы пообщаться с поэтом». Встреча была сердечной и искренней, и Уитмен позднее вспоминал Уайльда как «милого, очаровательного молодого человека». Уайльд посетил по ходу своего путешествия достопримечательные места Америки, всюду рассыпая Свои неизменные остроты, временами просто блестящие. Назвав Ниагарский водопад «бесконечным падением воды в неправильном направлении», он тут же пояснил: «Ниагара выдержит любой мой критицизм. Однако я должен сказать, что у

очень многих проведших здесь свой медовый месяц американцев это место будет навсегда ассоциироваться с первым разочарованием в супружеской жизни».

Свой собственный медовый месяц он провел в Париже в 1884 году, когда женился на Констанции Ллойд. В 1885 и в 1886 году у них родились сыновья, но семейному счастью не суждено было быть долгим. В 1886 году Уайльд познакомился семнадцатилетним студентом Оксфорда Робертом Россом и был совращен им. Позднее Уайльд восхищался Россом, который был набожным католиком, называя его «Святым Робертом, мучеником за любовь и веру, святым, прославившимся не столько своей исключительной стойкостью, сколько будучи предметом соблазна для других. Таково было его житие в одиночестве больших городов».

Скоро Уайльду пришлось начать жить двойной жизнью, держа в полной тайне от жены и от своих респектабельных друзей то, что он все больше втягивался в круг молодых геев. 1891 год был необычайно плодотворным годом в его биографии. Именно в этот год увидела свет и сразу же стала пользоваться сногсшибательным успехом его повесть «Портрет Дориана Грея». В этом же году он познакомился лордом Альфредом Дугласом — юношей, который был страстным поклонником его таланта и утверждал, что прочитал «Портрет Дориана Грея» девять раз. Уайльд был вос-хищен красотой двадцатидвухлетнего лорда. Весной следующего года между ними уже возникла любовь, и в од-ном из писем Россу Уайльд в эротически закодированном стиле признавался ему: «Боуси (прозвище Дугласа) настоял на остановке для отдыха. Он подобен цветку нарцисса — такой ослепительно-бело-золотой… когда он возлегает на диване, он словно Гиацинт, и я преклоняюсь перед его красотой». Дуглас и в самом деле был очаровательным, блестящим и обворожительным юношей; при этом он абсолютно пренебрегал всеми условностями света. Как писал пародист Марк Биербом, он «был явно не в своем уме (впрочем, я думаю, как и вся его семья)». Уайльд был без ума от него.

Характер их связи никогда не подразумевал моногамии, и в какой-то момент Дуглас приобщил Уайльда к сомнительным удовольствиям в кругу молодых людей, которые за несколько фунтов и обед были готовы на все. Эти авантюры Уайльд назвал «обедами в клетке с пантерой». Само собой разумеется, что все это рано или поздно должно было закончиться скандалом. «Первый звонок» прозвучал, когда один из приятелей Дугласа каким-то образом завладел некоторыми письмами Уайльда к Дугласу, начал его шантажировать и Уайльд вынужден был

выкупать эти письма. Какое-то время спустя часть писем все-таки попала в руки отца Дугласа, маркиза Квинсберри. Среди них было и знаменитое письмо, где Уайльд восторженно сравнивал Дугласа с Гиацинтом («Твоя сотканная из тонкого золота душа странствует между страстью и поэзией. Я верю в то, что нежно любимый Аполлоном Гиацинт был именно твоим воплощением в те античные дни»). Квинсберри был возмущен и оскорблен таким явным подтверждением своих давних подозрений насчет сексуальных наклонностей сына и направил Уайльду небрежно набросанное оскорбительное письмо, начинавшееся со слов: «Оскару Уайльду — позеру и содомиту». Подстрекаемый Дугласом, который ненавидел своего отца, Уайльд немедленно возбудил против маркиза Квинсберри уголовное дело. Когда в соответствии с английским законом Квинсберри представил суду доказательство в виде списка из двенадцати молодых людей, которые были готовы подтвердить в суде то, что Уайльд приставал к ним с содомитскими предложениями, друзья посоветовали Уайльду отозвать иск из суда и срочно эмигрировать из Англии. Но он стоял на своем и, когда суд начался, сказал в своем первом выступлении: «На этом суде Прокурором буду я». Однако все получилось совсем наоборот, и обвинения обернулись против Уайльда. Адвокат Уайльда был вынужден признать то, что Квинсберри справедливо назвал Уайльда содомитом. Не успел прозвучать оправдательный вердикт суда в отношении Квинсберри, как тут же было возбуждено уголовное дело за принуждение к содомии в отношении Уайльда и был выписан ордер на его арест.

Суд над ним состоялся в 1895 году. Уайльд защищался остроумно и блистательно, но все это было подобно отчаян-ному воплю среди глухих. Когда прокурор спросил его: «Что подразумевается под «любовью, которая не смеет назвать своего имени» (имеется в виду строфа одной из поэм, опуб-ликованных Дугласом), Уайльд взорвался красноречием: «Любовь, которая не смеет назвать своего имени» в нашем веке означает такую большую страсть старшего к младшему. Как это было между библейским царем Давидом и Ионафаном, такую, без которой Платон не смог бы создать фундамент своей философии, ту, которую вы найдете в сонетах Микеланджело и Шекспира. Это есть то глубокое, одухотво-ренное чувство, которое так же чисто, как и совершенно. Оно порождает и наполняет собой шедевры искусства, и мы опять-таки можем вспомнить Шекспира и Микеланджело… В нашем веке это чувство остается непонятым — настолько непонятым, что о нем можно говорить как о «любви, не смеющей назвать свое имя», и именно как жертва отношения к

этой любви я сейчас и нахожусь в этом зале. Это прекрасное и благороднейшее чувство духовного родства. В нем нет ничего противоестественного. Оно наполняется интеллектом и раз за разом возникает между старшим и младшим, когда жизненный опыт и мудрость сливаются с рад остью жизни, счастливыми надеждами и романтическим очарованием. Это чувство не от мира сего. Мир насмехается над ним и норовит пригвоздить его к позорному столбу».

Когда суд присяжных отказался вынести приговор по этому делу, судья назначил новый процесс, и 25 мая 1895 года Оскар Уайльд был приговорен к двум годам каторжных работ — это было максимально возможное наказание по этой статье обвинения. Судья при вынесении приговора сказал: «На мой взгляд, это наказание слишком мягкое за все содеянное этим человеком». В мае 1897 года Уайльд был выпущен из Редингской тюрьмы. Не имея средств к существованию, с подорванным здоровьем, он уехал из Англии во Францию, где встретился с Дугласом (который вместе с Робертом Россом во время судебного процесса покинул Англию). 30 ноября 1900 года в возрасте 46 лет Оскар Уайльд умер на чужбине, в Париже.

Почти все прославившие Уайльда работы относятся к искрометным пяти годам в начале последнего десятилетия XIX века. Помимо «Портрета Дориана Грея» он опубликовал выдержанную в духе символизма драму «Саломея» (1893). Оказавшие большое влияние на развитие литературы эссе, в частности «Мерзость лжи» (где прозвучал его знаменитый афоризм: «Природа подражает искусству»), «Душа человека при социализме» и «Критик как художник» («Любая, даже низкопробная поэзия идет от чистого сердца»). Пользовавшиеся огромным успехом комедии «Веер леди Уиндермир» (1892), «Неприметная женщина» (1893), «Идеальный муж» (1895) и «Как важно быть серьезным» (1895), и в каждом случае он подписывался, прибавляя к своему имени титул «уранист», что в XIX веке было эквивалентно слову «гомосексуал». В тюрьме он написал пропитанное болью «De Profundis» — длинное письмо к Дугласу. Его пространная поэма «Баллада Редингской тюрьмы» («Каждый — сам убийца своей любви… Поцелуй — это орудие убийства предателя/ Меч — это орудие убийства храброго воина») стала его единственным литературным произведением, опубликованным после выхода из тюрьмы.

Хотя Уайльд любил острить насчет того, что его талант ушел в его работу, а гений растворился в его жизни, и его жизнь, и его деятельность оказали огромнейшее влияние на всю культуру XX века. Сам его «артистичный» облик человека, насмешливого,

блещущего остроумием, ироничного, заставил всех нас по-новому взглянуть на себя со стороны и лег в основу современного представления о душевной незащищенности и хрупкости. Если бы не было Уайльда, никогда бы не появились писатели, подобные Джеймсу Джойсу. Трагический излом его судьбы — вознесение на вершину успеха и быстрое падение вниз, сопровождаемое громкими скандалами, — существенным образом повлиял на общественное мнение. Суд над Оскаром Уайльдом был очень похож на суд над Сократом. Можно однозначно утверждать, что ни один из знаменитых на весь мир людей не был столь откровенно выраженным гомосексуалом «по форме и по сути», как Оскар Уайльд. Именно поэтому Уайльд по-прежнему актуален и современен и именно поэтому без всякой натяжки можно сказать, что Уайльд является гомосексуалом номер один новейшей истории. Его жизнь пришлась как раз на тот период развития культуры, когда только-только появилась грань, разделяющая гомо– и гетеросексуальное. Уайльд сыграл революционную роль, выразив и обозначив границы, сущности гомосексуального начала. Если в то время прозвучавший над ним приговор суда вызвал озноб страха среди членов уже существовавших подпольных гомосексуальных сообществ, в наши дни суд над ним воспринимается как яркий эпизод, позволивший на весь мир заявить о существовании и природе однополой любви — той реальности, которая утвердилась в современной жизни. Судьбу Оскара Уайльда можно назвать блистательной катастрофой, и после нее ни общественное мнение, ни частные суждения о природе нашего чувства уже никогда не будут такими, какими были до него.

4. МАГНУС ХИРШФЕЛЬД

(1868-1935)

Многие читатели, может быть, никогда в жизни и не слышали фамилии этого человека, однако он был одним из первых мужественных борцов за права сексуальных меньшинств в Германии. Основанное им «Движение за эмансипацию германских геев», хотя и было обречено на полный запрет в период правления в Германии нацистов, явилось тем не менее прототипом аналогичных современных движений, возникших и функционирующих по всему миру.

Магнус Хиршфельд родился 14 мая 1868 года в городе Колби, в Пруссии. Он изучал филологию и философию в Бреслау и Страсбурге, затем в Мюнхене и Берлине, где увлекся медициной. Пропутешествовав некоторое время по США и Африке, он осел в Берлине, практикуя как врач.

В 1896 году он опубликовал под псевдонимом Th. Ramien эссе под названием «Сафо и Сократ», в котором он доказывал тезис о том, что гомосексуальность есть часть человеческой сексуальности и должна быть предметом не криминалистики, а науки. Он настаивал на том, чтобы были изменены законы, предусматривающие наказания за гомосексуализм.

Находясь под большим влиянием работ Карла Хайнриха Ульриха, Хиршфельд в 1897 году основал Научный гуманитарный комитет — первую организацию, защищающую права геев. У этого Комитета были следующие задачи:

-добиваться отмены статьи 175 Уголовного кодекса Пруссии, запрещающего занятие гомосексуализмом между мужчинами;

-заниматься общественным просвещением, что означало бороться с предрассудками в отношении гомосексуальности и самих гомосексуалов;

-представлять интересы гомосексуалов в их борьбе за свои права.

Для достижения первой цели по инициативе созданной Хиршфельдом организации был проведен сбор подписей под петицией протеста против статьи 175. Удалось собрать более шести тысяч подписей — среди них были подписи Альберта Эйнштейна, Льва Толстого, Эмиля Золя, Германа Гессе и Томаса Манна.

Среди других мероприятий Комитета можно назвать

распространение в 1903 году первого печатного издания, предназначенного для геев и лесбиянок: «Ежегодное обозрение для людей неопределенной сексуальной ориентации» (Yearbook for intermidiate sexual types). Это издание выходило до 1922 года, когда экономический крах в Веймарской республике обусловил их закрытие. В «Ежегодном обозрении…» публиковались результаты научных и культурологических исследований в области гомосексуальности.

В 1907 году, в самый разгар движения в поддержку деятельности Комитета, две тысячи людей были выпущены из тюрьмы, где отбывали наказание по статье 175. В тот же год произошел политический скандал (знаменитое дело Мольтке-Хардена-Эленберга), в который были втянуты высокопоставленные геи из окружения кайзера Вильгельма II. Как и следовало ожидать, в обществе стало насаждаться и распространяться враждебное отношение к набирающему силу движению гомосексуалов за свои права.

В 1910 году был принят новый закон, сурово карающий лесбиянок и геев. Начавшаяся через четыре года первая мировая война вынудила Хиршфельда прервать свою правозащитную деятельность. В 1919 году, после войны, в которой Германия потерпела сокрушительное поражение, наступило время Веймарской республики с ее либеральным политическим климатом, и Хиршфельд сумел основать в Берлине Институт сексуальных наук. В те годы при его активном участии было одержано много знаменательных побед. Настрой движения на борьбу был ярко выражен в опубликованном в 1921 году призыве Научного гуманитарного комитета. Вот несколько строк из него: «Гомосексуалы! Справедливого отношения к себе вы можете добиться только за счет собственных усилий. Свобода быть гомосексуалистом может быть отвоевана только самими гомосексуалистами». 18 марта 1922 года, двадцать пять лет спустя после первого опубликования петиции Хиршфельда, она наконец попала на рассмотрение в рейхстаг. Однако в атмосфере нарастающего политического хаоса Веймарской республики она так и осталась не рассмотренной.

В 1919 году Хиршфельд выпустил на экраны, возможно, первый в истории кинофильм о геях: «Anders als die Andem» («Не такой как другие»). Режиссером фильма был Ричард Освальд, а в главной роли снялся Конрад Вайндт. В фильме рассказывалась история знаменитого виолончелиста, который стал жертвой клеветнических нападок из-за своей гомосексуальности. На премьере этого фильма 24 мая 1919 года Хиршфельд выступил перед собравшейся публикой со следующими словами: «То, что

сегодня предстанет перед вашими глазами и перед вашими душами, относится к исключительно важной и непростой теме. Она трудна потому, что в отношении ее среди людей существует огромное количество предрассудков и невежественных представлений. Важность этой темы заключается в том, что мы не только должны освободить геев от незаслуженного презрения, но должны таким образом повлиять на общественное мнение, чтобы исчез юридический произвол, по своему варварству сравнимый с поиском и сожжением на кострах ведьм, безбожников и еретиков. Кроме того, число людей, которые родились «не такими, как все», гораздо больше, чем это могут представить большинство родителей… Фильм, который вам первыми сейчас предстоит увидеть, позволит приблизить то время, когда будет покончено с темной безграмотностью, наука победит предрассудки, закон одолеет беззаконие, а человеческая любовь одержит победу над человеческой жестокостью и невежеством». В настоящее время сохранились лишь фрагменты этого фильма.

Хиршфельд и его последователи заплатили большую цену за свою борьбу в защиту прав человека. В 1920 году крайне правые разгромили митинг, организованный Комитетом Хиршфельда, а полиция практически бездействовала. В следующем году на самого Хиршфельда в Мюнхене напали хулиганы, пробили ему голову и бросили умирать на улице. В 1923 году во время собрания гомосексуалов и сочувствующих им людей в Вене нацистские боевики открыли по ним огонь. Многие были ранены. Хиршфельду повезло, и в этот раз он остался невредимым.

В 1923 году Всемирная лига сексуальных реформ достигла своей наивысшей численности — около ста тридцати тысяч человек. В 20-е годы Хиршфельд продолжал читать лекции и вести свою кампанию, однако политический климат в Германии становился все тревожнее. В марте 1933 года к власти пришел Адольф Гитлер. 6 мая был отдан приказ очистить библиотеки Германии от «неарийских» книг. Одной из первых была разгромлена Библиотека сексуальных наук. Было сожжено более 10 000 книг из ее фондов, а Хиршфельд был помещен под домашний арест. Позже он был освобожден и бежал во Францию, где принялся восстанавливать свой институт. Но здоровье у него уже было ослаблено, и в 1935 году он ушел из жизни, избежав тех ужасов, которые испытали геи в годы Третьего рейха.

Хотя заслуги Хиршфельда неоспоримы и велики, были в его жизни и некоторые темные стороны. Имеются некоторые сведения, согласно которым именно он стал виновником самоубийства в 1902 году германского промышленника Альфреда Круппа, поместив в одной из берлинских газет информацию о его

гомосексуальных связях. Хиршфельд, по свидетельствам окружавших его людей, для достижения политических целей вполне мог пойти на шантаж, не останавливаясь перед использованием конфиденциальной информации. Различные нарушения им профессиональной этики дали повод определенной части его последователей во главе с Бенедиктом Фридландером отколоться от него и образовать параллельное движение, назвав его Обществом нетривиального.

Но, несмотря на все это, работа, проделанная Хиршфельдом, впечатляет. Хотя его «научные» взгляды, особенно относящиеся к суждению о геях как людях «третьего пола», сейчас представляются устаревшими, он обладал такими организаторскими способностями в проведении кампаний защиты прав сексуальных меньшинств, несмотря на атмосферу непримиримой вражды, что стал примером для лидеров многочисленных аналогичных движений, возродившихся после катаклизмов второй мировой войны, которым удалось добиться изменения социальных и политических институтов в сторону большей гуманности.

5.ЗАЩИТНИКИ КАФЕ «Стоунуолл Инн»

note 3

Защитники кафе «Стоунуолл Инн» скорее всего и не слышали о докторе Магнусе Хиршфельде, однако можно утверждать, что спустя пятьдесят лет они продвинули его дело еще на одну большую ступень вперед. В этой статье я отдаю дань тому безмерному влиянию, которое геи и лесбиянки, преимущественно выходцы из рабочего класса и представители стран третьего мира, люди, имена которых никогда не будут упомянуты в истории, оказали на отношение общества к сексуальным меньшинствам.

Ночь, которая вошла в историю как начало освободительного движения геев, имела свою предысторию. Ближе к полуночи в пятницу 27 июня 1969 года полиция из шестого полицейского округа Манхэттена проводила повседневный рейд в «Стоунуолл Инн» — кафе на Кристофер-стрит, где собирались геи и лесбиянки. Это место расположено в самом сердце Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке. Такие рейды по подобным кафе были повседневной практикой в 60-е годы. Часто, используя как повод отсутствие лицензии на продажу спиртного, эти кафе закрывали, посетителей грубо разгоняли, а иногда и арестовывали. Их имена с соответствующими комментариями печатались в газетах, их служебные карьеры, а то и жизни рушились. Одним словом,

собираться в таких заведениях было для геев рискованным делом, но другого выхода у них просто не было — где же еще они могли чувствовать себя социальной общиной?

В июне 1969 года в Нью-Йорке вовсю шла предвыборная кампания кандидатов в мэры города. Один из претендентов, Джон Линдсэй, проиграв в первом круге выборов, искал пути укрепления своего имиджа жесткого политика, способного эффективно бороться с «пороками» общества. «Стоунуолл Инн» было третьим на той неделе кафе, подвергнутым проверке. Имея на руках ордер на обыск (кафе не обладало лицензией на отпуск спиртного), полиция ворвалась в кафе, стала допрашивать посетителей и отпускать их по одному. Однако вместо того, чтобы расходиться по домам, около двухсот выпущенных посетителей стали стеной около входа в кафе. Когда полиция вывела из кафе для отправки в участок хозяина, бармена и трех лесбиянок, толпа стала выражать возмущение. Последняя из трех лесбиянок оказала активное сопротивление при попытке усадить ее в полицейский автомобиль. В этот момент ситуация вышла из-под контроля. Толпа стала швырять в полицейских камни, бутылки, мелкие предметы и просто мусор. Полиции пришлось укрыться в кафе, но осаждающие использовали выломанный парковочный столб в качестве тарана. Внутри начался пожар. Прибыло полицейское подкрепление, которому удалось высвободить из осады свой патруль; четверо полисменов были ранены. Взрыв негодования подобно цепной реакции стал распространяться по всей округе в течение всей ночи. Люди собирались большими толпами, атаковали полицию, затем разбегались, чтобы собраться вновь уже в другом месте.

На следующее утро все стены близлежащих кварталов были исписаны лозунгами —«грэффити». На фасаде кафе «Стоунуолл Инн» было начертано «ПОДДЕРЖИМ БОРЬБУ ГЕЕВ». И вновь вечером продолжались стихийные митинги Протеста, тут и там возникали пожары. Около двух тысяч геев и лесбиянок сражалось с четырьмястами полицейскими из подразделения по борьбе с уличными беспорядками. Как Пишет историк Джон Д'Эмилио, это было «первое в истории восстание геев». Или, как кратко охарактеризовала это событие ориентированная на геев газета «Мэттэчин Сосайети»: «Откликнулось во много раз сильней, чем аукнулось».

Историк лесбийского движения Лилиан Фэйдерман называет восстание в «Стоунуолл Инн» событием, «ставшим органичным продолжением целого ряда массовых акций протеста, которые в 60-е годы устраивали темнокожие, студенты, безработные и обездоленные. Акция протеста гомосексуальных меньшинств

была бы абсолютно невозможной в какое-либо предшествующее этому периоду истории время. Даже если бы она и произошла, то никогда бы не приобрела столь сильный общественный резонанс, как в 1969 году. Именно тогда среди геев созрела идея о начале активной освободительной борьбы. И «восстание в «Стоунуолл Инн» стало звуком колокола, объявившего о всеобщем сплочении. Название этого кафе стало символом силы геев и их сплоченности. Сам факт, что заявить во весь голос о своих правах геи могли, только взяв на вооружение связанные с насилием методы борьбы, говорит о том, что они чувствовали себя не менее угнетенным сообществом, чем использующие в 60-е годы подобные же методы другие социальные группы. Голос сексуальных меньшинств был слышен в общем хоре общественного протеста и требования свободы в бунтарские 60-е».

Акция протеста в «Стоунуолл Инн» не имеет своих ярких «лидеров». Это было коллективным порывом сообщества индивидуумов, их долго накапливавшейся ответной реакцией на преследования и гонения. Спустя всего месяц после событий в «Стоунуолл Инн» был основан «Фронт освободительной борьбы геев» — группа воинственная и принципиально настроенная, и в этом смысле такая же сильная, как основанная ранее Гарри Хэем «Мэттэчин Сосайети». В течение года по всей Америке сформировались десятки групп борьбы за свободу геев. Революция началась. Судьбы геев и лесбиянок теперь никогда небудут такими, как раньше.

6. УОЛТ УИТМЕН

(1819-1892)

Уолт Уитмен родился 31 мая 1819 года в Уэст Хиллс, Лонг-Айленд. Его отец был плотником, потом он попытался заняться фермерством, но неудачно, и в 1823 году семья переехала в Бруклин. Уитмен окончил лишь начальную школу и уже в 12 лет поступил на работу в типографию, где проработал четыре года. Список профессий, которые он перепробовал в течение последующих двадцати лет, похож на каталог из сборника его поэм: учитель, редактор нескольких газет, типограф, плотник, агент по продаже недвижимости, хозяин станционной лавки. В свободное время он много читал и был страстным поклонником театра и оперы. Еще одним его любимым занятием было коллекционирование людских судеб — он без устали ходил по улицам Манхэттена и Бруклина, знакомясь с молодыми людьми и скрупулезно занося в свой блокнот их имена и истории, рассказанные ими. В этих же блокнотах он фиксировал и другие наблюдения, и все это в итоге слилось в цикл поэм под названием «Листья травы», впервые опубликованный в 1855 году. Всю свою последующую жизнь он шлифовал и дополнял этот материал. Этот цикл выдержал восемь изданий. Последнее и итоговое было опубликовано в 1892 году. В предисловии к первому изданию поэм он изложил свои взгляды следующим образом: «Американцы, независимо от своей расовой принадлежности, во все времена были, по всей вероятности, самыми поэтичными в мире людьми. Что там говорить: сами Соединенные Штаты — это одна величайшая поэма».

Хотя Ральф Эмерсон назвал первое издание «Листьев травы» «наиболее выдающейся песнью разума и мудрости», которая когда-либо была создана в Америке, Уитмену пришлось дожидаться широкого общественного признания еще много-много лет.

В первом издании «Листьев травы» Уитмен воспевает красоту человеческого тела и секса; в третьем издании, опубликованном в I860 году, Уитмен объединил произведения откровенно гомосексуального звучания в раздел, названный им «Галамус». Вот строчки оттуда, ярко характеризующие светлый эротизм этих поэм.

Проблеск

Это был проблеск в обыденной жизни.

Тогда в таверне среди суеты рабочего люда в поздний зимний вечер, когда я заметил сидящего в углу

Юношу, который любит меня и я его люблю, когда я молча подошел и сел с ним рядом и он мог взять мою руку,

Не обращая внимания на шум вокруг, на хлопанье дверей, на звон стаканов, на ругань и проклятья.

Мы были там лишь двое и почти не говорили, к чему нам были лишние слова.

В другом месте «Галамуса» мысль Уитмена звучит так:

Здесь растут нежнейшие листья моей души, и здесь же лежит ее прочнейшая твердь,

Здесь я прячусь от своих мыслей, но хоть я и не раскрываю их,

Они раскрывают меня больше всех моих поэм.

Во время гражданской войны между Севером и Югом Уитмен служил в военных госпиталях медбратом. Глубочайшие эмоции, которые поселила в его душе война, он проникновенно выразил в поэмах «Drumtaps» цикла «Листья травы», а его скорбь по поводу убийства президента Авраама Линкольна легла в основу бессмертной элегии «When Lilacs Last in the Dooryard Bloom'd».

Достойно проявив себя, работая в госпиталях, Уитмен в 1865 году получил должность в Департаменте по делам индейцев, но уже через полгода был оттуда уволен по приказу министра внутренних дел Джеймса Хэрлана, который, прочитав поэмы Уитмена, счел их непристойными. Вскоре после этого Уитмен познакомился с восемнадцатилетним юношей ирландского происхождения, уроженцем американского Юга Питером Дойлем. После освобождения из плена Дойль работал кондуктором в конном экипаже в Вашингтоне. Спустя годы он так вспоминал первую встречу с Уитменом: «На Уолте был шарф — плед, переброшенный через плечо. Он выглядел очень романтично — словно бывалый морской капитан. Он был единственным пассажиром в вагоне; мне в тот вечер было очень одиноко на душе, и я подумал: почему бы мне не подойти и не поговорить с ним. Что-то влекло меня к нему. Он потом часто мне говорил, что и он в тот момент почувствовал нечто подобное. Я подошел. Мы тут же познакомились. Я положил руку ему на колено — мы поняли друг друга без слов. Он не стал выходить на своей остановке — ехал со мной до конца… С тех пор мы стали ближайшими друзьями».

Уитмен, со своей стороны, воспринимал их взаимоотношения не в таких розовых тонах: в своих дневниках он упоминает о

«непрекращающихся угрызениях совести» в отношении Дойля. Уже тогда в его записях звучит современное определение любви между мужчинами — стремление к неразлучности — и он предостерегает сам себя: «Надо подавить в себе эту прилипчивость… Это ненормально — превращает жизнь в пытку… И во всем виновато это патологическое, болезненно расширяющееся стремление к неразлучности».

В 1873 году Уитмена поразил удар, после которого он остался частично парализованным. Оставив Дойля, он уехал в город Кэмден, штат Нью-Джерси, чтобы поправить здоровье, живя в доме у своего брата. В книжном магазине в Кэмдене он повстречал восемнадцатилетнего молодого человека, Гарри Стаффорда, который пригласил Уитмена к себе домой, чтобы познакомить его со своими родителями. Вскоре Уитмен частенько стал наведываться в гости к Стаффордам, иногда жил у них неделями и потом стал осознавать, что он обязан Гарри не только своим выздоровлением, но и всей своей жизнью. Он покупал юноше подарки, дал ему денег на будущую женитьбу, и, когда они вместе отправились погостить у натуралиста Джона Барроуса в город Эзопус, Уитмен сделал такую запись в дневнике: «Мой юный друг и я, когда путешествуем, всегда живем в одной комнате и делим одну постель на двоих». Барроус позднее сетовал: «Не могу по утрам добудиться их к завтраку».

Однако их дружбе приходил конец. Автор биографии Уитмена Филипп Кэллоу пишет: «Гарри никогда не мог понять, кем же все-таки хотел быть для него Уитмен: отцом или матерью, верным другом, или, возможно, женихом, жаждущим его руки и сердца. На самом деле Уитмен был во всех этих качествах и даже более, возродив своим примером утерянные христианские традиции социальных связей; при этом он всячески уходил от прямых ответов на вопросы; закрытый, казалось бы, навсегда ото всех, но и в любой момент рискующий открыться полностью». Во время разлуки с Уитменом Гарри писал ему: «Когда я поднимаюсь наверх в свою комнату, я всегда расстраиваюсь, так как первое, что находят мои глаза, — это твой портрет. Впрочем, такой же портрет есть и внизу и вообще: где бы я ни был, что бы ни делал, повсюду у меня перед глазами стоит твое лицо и ты смотришь на меня».

Уитмен, всегда избегавший навязчивой неразлучности, вежливо и тактично прекратил отношения с Гарри.

В 1879 году его здоровье улучшилось настолько, что он мог совершить путешествие на американский Запад. В 1884 году финансовый успех вышедшего в Филадельфии издания «Листья травы» позволил поэту купить собственный дом в Кэмдене. Через

четыре года с ним случился повторный удар, но Уитмен продолжал совершенствовать «Листья травы». Как он сам говорил, «у этой работы не может быть конца».

Он умер 26 марта 1892 года в Кэмдене.

Являясь одним из величайших американских поэтов, Уитмен своим открытым поэтическим исследованием гомоэротических желаний оказал неизгладимое влияние на таких живших с ним в одно время писателей — пионеров гей-литературы, как Эдвард Карпентер и Дж. А. Саймондс (который написал исследование о творчестве Уитмена спустя год после его смерти). Карпентер в 1877 году встречался с Уитменом, а Саймондс переписывался с ним, однако, когда Саймондс в одном из своих писем прямо спросил Уитмена о гомосексуальных фантазиях в «Галамусе», тот, похоже неискренне, ответил ему, что такие вопросы «вызывают у него недоумение», и отрицал возможность присутствия в своих поэмах того, что он называл «неадекватными толкованиями».

Не стоит гадать о том, что на самом деле думал о поэтах цикла «Галамус» Уитмен — так или иначе в конце XIX – начале XX века они однозначно воспринимались как страстные гимны крепнущему самосознанию геев. В 1922 году Карпентер мог откровенно заявить:

«В случае Уитмена, если рассматривать его теснейшие отношения с некоторыми друзьями мужского пола, мы видим уже присутствие нового, органично возникшего вдохновения и новую жизненную силу. Эта сила буквально излучается во всех направлениях его поэмами. Тысячи людей после их прочтения начали для себя отсчет новой эры их жизней … Мы не можем сейчас предсказать того, насколько далеко может пойти этот процесс, но то, что это является одним из факторов будущей эволюции, вряд ли подлежит сомнению. Я имею в виду то, что любовь между мужчинами — а также любовь между женщинами — может стать фактором будущей человеческой эволюции: таким же необходимым и общепринятым, как обычная любовь, которая обеспечивает… выживание человечества».

Уитмен был заметнейшей и влиятельнейшей фигурой на заре движения гомосексуалов за свои права. Его поэмы пробудили дремавшую во многих гомосексуальную чувственность. В этом смысле он был первым современным писателем для геев, имеется в виду, что его произведения воспринимаются гомосексуалами как специально адресованные им, что сам процесс их чтения создает у них чувство общности. Уитмен создал язык гомосексуального желания, он дал голос любви, которая не смела назвать своего имени, хотя сам он так и не решился открыто его назвать. То, что его влияние сильно и по сей день, можно оценить

по той дани уважения, которую отдают ему такие знаменитые поэты XX века, как Харт Грэйн, Федерико Гарсия Лорка и Аллен Гинсберг, написавший трепетную поэму-меланхолию «Уолт Уитмен в супермаркете» — она наиболее часто встречается в антологиях современной американской поэзии.

7. ГЕРТРУДА ШТАЙН

note 4

Гертруда Штайн родилась 3 февраля 1874 года в городе Аллегения, штат Пенсильвания. Детство ее прошло в Вене и в Париже, а выросла она в Окленде, где ее отец преуспел в торговле недвижимостью и строительстве. Она изучала психологию в Рэдклиффском колледже под руководством философа Уильяма Джеймса. После завершения учебы в 1897 году она поступила в университет Джона Хопкинса в Балтиморе, где изучала медицину, но вскоре решила, что ее призвание — литература. Во время учебы в университете у нее был роман с женщиной по имени Мэй Букстэйвер, и это вдохновило Штайн написать роман «Q.E.D.», ее единственное произведение с ярко выраженным лесбийским содержанием. Она не разрешала публиковать этот роман при своей жизни.

В 1903 году Штайн и ее брат Лео переехали жить в Париж, где жили в одной квартире до 1912 года. Лео Штайн стал довольно известным критиком-искусствоведом, и они вместе с сестрой собрали значительную коллекцию картин кубистов, а также сплотили вокруг себя много художников. Их дом стал местом, в котором собирались такие люди, как Пабло Пикассо, Анри Матисс и Жорж Брак. Штайн была хозяйкой этого салона для избранных, и ее мнение имело огромный вес. Ее экспромтом сделанные комментарии создавали или рушили репутации. Художественные концепции и техника художников, с которыми дружила Штайн, влияли на ее собственный стиль письма, особенно в части повторов, фрагментирования и застывшей простоты в сочетании с хитросплетениями великой сложности. Ее первая книга «Три жизни» — исследование жизни трех женщин из рабочего класса — была опубликована в 1909 году.

В 1905 году к Штайн в гости в Париж приехала ее старинная балтиморская подруга, которую звали Этта Коун. Между ними с новой силой вспыхнула страсть. Под влиянием Штайн она увлеклась современным искусством и по возвращении в США вместе со своей сестрой Клэрибель, руководствуясь советом своей подруги, собрала одну из крупнейших коллекций раннего периода авангардного искусства в Америке.

В 1907 году Штайн познакомилась с Элис Б.Токлэс (1877—1967), которая затем стала ее вечной спутницей жизни и с

которой они не разлучались с 1912 года. Их квартира на рю де Флерю, 27 стала самым известным в Париже литературным салоном, где часто бывали такие американские писатели-изгнанники, как Шервуд Андерсон, Ф. Скотт Фицджеральд и Эрнест Хемингуэй, которым Штайн дала свое знаменитое определение «потерянное поколение».

В конце 20-х годов Штайн и Токлэс жили то в Париже, то в загородном доме в Билиньи. В 30-е годы она сотрудничала с известным своей гомосексуальностью композитором Вирджилом Томпсоном. Они написали оперу «Четыре святых в трех актах», посвященную жизни Сюзан Б. Энтони. Сценический успех этой оперы способствовал ее триумфальным лекциям в Америке в 1934—1935 годах. Штайн стала одной из наиболее известных писательниц в США.

Штайн и Токлэс удалось спастись от ужасов немецкой оккупации во время второй мировой войны в их загородном доме. После войны Штайн много общалась с молодыми американскими солдатами и под впечатлением от этих встреч написала «Брюс и Вилли» (1949).

Она умерла от рака в Париже 27 июля 1946 года.

Работы Штайн всегда были противоречивыми. Хотя «Автобиография Алисы Б. Токлэс» (1933) написана доступным любому читателю стилем, большинство ее главных произведений, и среди них «Нежные бутоны» (1914) и «Делая американцев» (1906—1908, опубликовано в 1925), трудно читать неподготовленному человеку. Некоторые критики находят в ее работах лингвистический эквивалент кубизма; другим все это кажется шарлатанством. Один из критиков однажды спрашивал с раздражением: «А может быть, Гертруда Штайн — это вовсе не Гертруда Штайн, а кто-то другой, живущий и говорящий в ее теле?» Критики последующих поколений находили в ее эллиптическом языке, особенно в таких вещах, как «Lifting Belly» и «Нежные бутоны», желание выразить свою лесбийскую суть.

Штайн оказала влияние в большей степени не как литературный автор и даже не как хозяйка литературного салона, хотя и это никак нельзя сбрасывать со счетов, а как женщина, абсолютно не пытающаяся скрывать свое лесбиянство. В то время как большинство лесбийских романов держалось в строжайшем секрете, Гертруда Штайн и Элис Б. Токлэс были известной всему миру любовной парой. У них были классические отношения муж-жена. Штайн была мужем, а Токлэс — женой. Токлэс готовила и вела хозяйство, а Штайн занималась литературой. Как записала Штайн со слов Элис в «Автобиографии Элис Б. Токлэс»: «Гениальные люди приходили и общались с Гертрудой Штайн, а

их жены — со мной». Прелестная «Песня любви к Элис Б.» из поэмы «Сонатина за сонатиной» (1921) прекрасно выражает музыкальность языка Штайн, так же как общую тональность и характер этих лучезарных и долговременных любовных отношений.

Я поймала взгляд прекрасной миссис. У нее есть платочки и поцелуи. У нее есть глаза и желтые ботинки, у нее есть для выбора все, но она выбрала меня. Проезжая по Франции, она носила китайскую шляпку, а с ней и я. Выглянув на солнце, она смотрела на карту. А с ней и я. Поедая рыбу и свинину, она растолстела. А с ней и я. Любуясь синим морем, она испытывала тоску. А с ней и я. Любя меня, она всегда думает первой. А с ней и я. Как чудно мы плаваем. Не в воде. Не на земле. Но в любви. Как часто нам нужны деревья и холмы? Не часто. А как часто нам нужны птицы? Не часто. А как часто нам нужны желания? Не часто. А как часто нам нужны бокалы? Не часто. Мы пьем вино, и мы творим, нет, мы это еще не завершили до конца. Как часто нам нужен поцелуй? Очень часто, и мы добавляем еще, когда нежность переполняет нас, мы быстро едим телятину. А еще ветчину, и немного свинины, и сырых артишоков, и спелых олив, и честерского сыра, и пирожных, и карамели, и целый арбуз. От него до сих пор остался большой кусок. Где же он запропастился? Консервированный арбуз. Позвольте мне предложить его вам.

Заслуженное, на мой взгляд, место Гертруды Штайн в рейтинге этой книги отражает мою точку зрения на нее, как на персонифицированную стопроцентную лесбиянку. Если попросить кого-нибудь «навскидку» назвать имя знаменитой лесбиянки, он несомненно ответит: «Гертруда Штайн». Хотя очень немногие знакомы с ее работами и мало известно о ее личной жизни, помимо жизни с Элис Б. Токлэс, Гертруда Штайн тем не менее занимает центральное и обособленное место в наших умах — она воистину великосветская хозяйка истории лесбиянства в нашем веке.

8. КАРЛ ХАЙНРИХ УЛЬРИХ

note 5

Карл Хайнрих Ульрих родился 28 августа 1825 года в городе Аурихе в княжестве Ганновер. Его отец был гражданским архитектором, а мать вышла из семьи лютеранских священников. С 1844 по 1847 год он изучал право, вначале в Геттингенском, а затем в Берлинском университете и наконец получил должность младшего адвоката. Однако в том же году он оставил свою адвокатскую карьеру, чтобы стать независимым журналистом, а спустя несколько лет получил должность секретаря-представителя Германской конфедерации во Франкфурте-на-Майне. Но журналистскую работу не бросил и до конца жизни зарабатывал ею на хлеб.

Сексолог Генри Хэйвлок Эллис, писавший свои труды на рубеже веков, охарактеризовал Ульриха как «человека особо выдающихся качеств… его знания были, можно сказать, энциклопедическими; он был эрудирован не только в вопросах своей непосредственной профессиональной деятельности — юриспруденции и теологии, но также и в других науках, в частности в археологии; о нем также говорили, как об одном из лучших ученых-латинистов своего времени».

Начиная с 1864 года Ульрих под псевдонимом Нума Нумантиус написал серию из пяти книг под названием «Исследование загадки любви между мужчинами», в которой он начал развивать теорию гомосексуальности. В этих трудах он доказывал, что, когда мужчина любит мужчину, это значит, что в его мужском теле живет женская душа. Такие люди не могут по обычной классификации быть отнесены ни к мужскому, ни к женскому полу. Это, скорее, люди некоего третьего пола, как он назвал их, «ураниты» — в честь известного мифа, изложенного Платоном в «Пире». В этом мифе Паузаний называет любовь между мужчинами «прекрасной любовью, райской любовью, любовью, ниспосланной небесной музой Уранией».

Суммируя теории Ульриха в своей вышедшей в 1908 году книге «Промежуточный пол», Эдвард Карпентер охарактеризовал мужчину-ураниста как «человека, который развитую мускулатуру и силу воли объединяет с более нежной и более эмоциональной духовной натурой женщины — иногда это сочетание просто феноменально… В эмоциональном смысле это исключительно

сложные, чувствительные, деликатные и любвеобильные люди; в них кипят страсти, они подвержены стрессам; они возбудимы и неустойчивы; их логические способности могут быть, а могут и не быть хорошо развиты, однако интуиция в них всегда сильна; подобно женщинам, они способны определить характер человека чуть ли не с одного взгляда; они неведомым даже для самих себя способом распознают то, что у человека на уме; что касается пестования и ухаживания за другими, то здесь они непревзойденны; в глубине души они артистичны и обладают артистичной чувствительностью и изысканностью. Иногда такой человек является мечтателем, он молчалив и сдержан; часто он музыкант, человек искусства, пользующийся успехом в обществе, но тем не менее не понятый им».

Если мы посмотрим на женщину-уранистку, то «ее внутренняя натура в определенной степени мужественна; она обладает активным темпераментом, смелостью, способностью принимать решения; она не слишком эмоциональна; она любит активную жизнь за дверями дома — спорт, науку, политику, даже бизнес; это хороший организатор, честолюбивый и любящий признание окружающих; иногда из таких женщин получаются выдающиеся лидеры. Такая женщина, как это легко заметить, помимо особой комбинации заключенных в ней качеств, часто хорошо приспособлена к выполнению непростых профессиональных задач; она может даже быть у руля государственной власти… Многие аббатиссы — основательницы женских монастырей, были, наверное, как раз женщинами такого типа; и во все времена такие женщины — не будучи связанными с мужчинами никакими узами — были более свободными в действиях в интересах своего пола, и часто их собственный темперамент направлял их на то, чтобы посвятить себя «con amore» (противостоянию любви — лат.).

Согласно Ульриху, уранизм являлся врожденным: следовательно, уранисты не могут считаться ни извращенцами, ни тем более преступниками.

В 1865 году на взлете оптимизма Ульрих основал «Союз уранистов», чтобы организованно бороться за свои права, однако на следующий год княжество, где он проживал, было оккупировано Пруссией и при новых властях он был посажен в тюрьму, где просидел два года. По освобождении он уехал в Мюнхен, где 28 августа 1867 года на Конгрессе германских юристов он совершил то, чего до тех пор не делал никто. Выступая открыто как гомосексуал-уранист, он потребовал отмены антигомосексуальных законов. Его речь была встречена крайне враждебно, разъяренные юристы кричали и топали

ногами. Но даже если бы они отнеслись к его требованию с пониманием, это все равно ничего бы не решило, так как после объединения Германии в 1871 году суровый антигомосексуальный закон Пруссии, известный как статья 175, стал распространяться уже по всей территории страны.

В 1880 году Ульрих был вынужден уехать в Италию, где сначала жил в Неаполе, затем в городе Аквилия в провинции Абруцци; там он основал свой «Латинский журнал». Джон Аддингтон Саймондс, посетивший Ульриха в 1891 году, написал о нем: «Ульрих — это chrysostomos до мозга костей — милый, благородный, истинный джентльмен и к тому же гениальный. Он при этом еще и обладает весьма приятной внешностью — с очень тонкими чертами лица и благородным лбом».

Карл Хайнрих Ульрих умер в Аквилии 4 июля 1895 года.

В конце XIX века теория Ульриха ушла в тень после появления научных публикаций немецкого сексолога Рихарда фон Крафт-Эбинга, в частности, вышедшей в 1886 году «Сексуальной психопатии», в которой разрабатывалась так называемая дегенеративная теория гомосексуальности, сильно повлиявшая на Зигмунда Фрейда и многих других ученых. Если модель Ульриха исходила из нормальности «третьего пола» в общей схеме социальной среды, работа Крафта-Эбинга, напротив, рассматривала гомосексуализм как патологию, хотя сам Крафт-Эбинг в общем-то с симпатией относился к некоторым гомосексуалистам. Новую жизнь в научные труды Ульриха вдохнул Магнус Хиршфельд, увидевший в концепции «третьего пола» путь к декриминализации гомосексуализма.

Концепция третьего пола кому-то из нас может показаться уж слишком экзотичной, даже причудливой, но она сыграла свою важную историческую роль в качестве аргумента в пользу того, что гомосексуализм является врожденным явлением, а следовательно, гомосексуальная ориентация является такой же «нормальной», как и гетеросексуальная. Если признать это неоспоримым фактом, следует полностью отказаться от попыток придать гомосексуальности оттенок чего-то криминального. Работа Ульриха позволила сделать первый шаг на длинном пути к признанию права геев на существование. Его заслуженно называют «патриархом движения за освобождение геев», и именно поэтому я отвел ему такое высокое место в моем рейтинге.

9. ЭДВАРД КАРПЕНТЕР

note 6

Эдвард Карпентер родился 29 августа 1844 года в Брайтоне в Англии. В 1864 году он поступил на богословский факультет Кембриджского университета и тогда имел первые в своей жизни гомосексуальные контакты с другими студентами. В 1868 году он был выбран в Ученый совет университета, а два года спустя ему был присвоен духовный сан.

Однако через три года он пересмотрел свою веру, отошел от англиканской церкви и стал ездить по промышленным городам Северной Англии, читая лекции. Он приложил много сил к развитию сети филиалов университета, где могли получить образование люди, у которых не было возможности поступить в сам университет. Эта деятельность повлияла на формирование его политических взглядов. Он стал сторонником социалистической идеи и с симпатией относился к антиурбанистическому движению в искусстве, основоположником которого был Уильям Моррис.

Поэмы Уолта Уитмена с их страстным воспеванием любви между мужчинами оказали на него настолько сильное влияние, что он в одном из первых писем к Уитмену (потом их было великое множество) писал: «Вчера ко мне зашел (чтобы отремонтировать дверь в моей комнате) молодой рабочий паренек с тем самым древним божественным светом в глазах… и, возможно, именно это впечатление, больше, чем любые другие, послужило причиной того, что я пишу Вам.

Ведь именно Вы утвердили во мне правильное отношение к любви к мужчинам, и за это я Вам сердечно благодарен. (К моей благодарности могут присоединиться еще очень многие, хотя не каждый на это решится открыто.) Вы призвали людей не стыдиться благороднейшего инстинкта их натуры. Женщины прекрасны; но не для всех любовь — это обязательно женщина».

В 1877 и в 1884 годы Карпентер был в США, где встречался с Уитменом. Молодой Карпентер произвел очень благоприятное впечатление на Уитмена. Он в своих записях охарактеризовал его как «человека исключительно цельной, благотворной натуры, живого, морально безупречно чистого». Позднее Уитмен говорил одному из своих друзей: «Наилучшей чертой в Карпентере является его человечность: он умудряется всегда быть рядом с

людьми: он, будучи универсальным человеком, одновременно способен сохранять свое «я».

Длинная поэма Карпентера «Демократия» (1883, продолжена в 1905) по языку и идеям подобна поэзии Уитмена и является как бы ее продолжением. Карпентер стал одним из главных учредителей издания «Новая мысль», в котором проповедовались идеи, являющиеся квинтэссенцией идей Уитмена, Уильяма Морриса, Толстого и индуизма (здесь сказывалось влияние посещения Карпентером в 1890 году Индии и Цейлона). «Новая мысль» решительно осуждала коммерческий дух викторианской эпохи, никчемность ее социальных предрассудков и лицемерие ее официальной религии, ее отрицание человеческого тела и унизительное деление общества на классы, ее «жестокое лишение женщины всего жизненного и естественного».

Обладая кое-какими, доставшимися по наследству, деньгами, Карпентер в 1883 году купил небольшую ферму в Милторпе, неподалеку от Шеффилда, где он жил со своим другом — выходцем из рабочего класса Альбертом Фирнехоу. Вместе с ними жила и жена Фирнехоу. Их отношения были чистой воды утопией, которую придумал Карпентер: он твердо верил в то, что романтические отношения между представителями различных классов могут разрушать классовые барьеры — это зло, поразившее Англию, — и в итоге привести к созданию общества, движущей силой которого будет не конкуренция, а кооперация. Карпентер жил очень просто, воздерживался от мясной пищи и алкоголя,-одевался непритязательно (он популяризировал ношение сандалий), выращивал овощи на своем огороде и самосовершенствовался в моральном плане. Он называл это «стряхиванием лишнего», что означало избавление от архаистических привычек, чтобы создать в себе пространство для Новой Жизни.

После Фирнехоу Карпентер поддерживал дружеские отношения еще с несколькими молодыми представителями рабочего класса вплоть до 1891 года, когда он в поезде случайно повстречал молодого человека — обитателя шеффилдских трущоб по имени Джордж Меррилл. Их отношения продолжались до 1928 года. В течение этих тридцати лет дом в Милторпе был местом паломничества известных гомосексуалов, в том числе Е.М.Форстера, которые искали здесь совета и поддержки.

Карпентер много писал на разные темы, и его книги, широко разошедшиеся на разных языках, включают такие произведения, как «Английский идеал» (1887), «Civilization: Its Cause and Cure» (1889), «Дни с Уолтом Уитменом» (1906) и его автобиография — «Мои дни и мечты» (1916). Помимо этого, он сочинял и музыку, и

его перу принадлежит знаменитая песня пролетариата «Вставай, Англия».

Наиболее значительные работы Карпентера посвящены теме гомосексуальности, особенно «Love's Coming-of-Age» (1896) и «Промежуточный пол» (1908). В этой последней работе Карпентер раскрывает свое понимание «гомогенной любви» (он предпочитал это определение варварски, на его взгляд, смешанному, греко-латинскому слову-мутанту «гомосексуализм»). Испытывая влияние уранистских теорий Карла Хайнриха Ульриха, а также знахарей и шаманов аборигенских культур Америки (см. Ви-Уа), Карпентер верил в то, что люди третьего, промежуточного, пола в силу своей двойственной природы «несут особую миссию промежуточного звена между двумя другими полами». Гомогенная любовь по Карпентеру — это одухотворенная и альтруистская товарищеская привязанность, во многом близкая по своей сути платонической любви Древней Греции, где страсть сублимируется в более возвышенные эмоции, а также перекликающаяся с «пылкими товарищескими отношениями» в концепции Уитмена.

В своих мечтах Карпентер представлял промежуточный пол как следующую ступень в человеческой эволюции. «Сталкиваясь с проявлениями природы, — писал он, — мы должны сохранять определенную терпимость и уважение… Хотя эти градации человеческих типов существовали во все времена среди всех народов и, так или иначе, они выделялись среди массы обычных людей, частота их появления в наши дни… может свидетельствовать об определенных изменениях, проходящих с нарастающей скоростью. Мы не можем на самом деле знать, в чем суть происходящей эволюции или какие новые формы людей уже существенным образом отличаются от окружающей массы человечества. Подобных примеров в достаточном количестве имеется в истории развития природы — скажем, вне всякого сомнения, в какой-то период эволюции рабочая пчела уже отличалась по признакам от своих собратьев разного пола, так что и в настоящее время могут появляться определенные новые человеческие типы. Эти люди нового типа, возможно, будут играть важную роль в обществе будущего, несмотря на то, что сейчас их появление сопровождается изрядным недоумением и непониманием».

Труды Карпентера повлияли, среди прочих, на взгляды сексолога Генри Хэйвлока Эллиса и писателя Д.Х.Лоуренса.

В 1902 году, для того, чтобы укрепить дух геев после скандального процесса над Оскаром Уайльдом, Карпентер выпускает в свет свой «Iolaus» — вероятно, первую в истории

антологию гей-литературы на английском языке. «Библией педерастов» издевательски назвал ее один из критиков.

Имея, помимо всего прочего, великолепные внешние данные, Карпентер был безусловно очень притягательной личностью. Его биограф Эдвард Льюис писал в 1915 году: «Карпентер — это святой человек, самый настоящий святой. Он имеет силу воли и мужество, которые соединяются в нем с мягкостью и галантностью. Я думаю, что не ошибусь, если причислю его к детям Урана… Мужественность и женственность в нем гармонично сочетаются. Можно сказать, что для него характерно смешанное женско-мужское сознание… Он вызывает у меня впечатление тщательно сбалансированного организма в состоянии совершенного равновесия… Он имеет широкий интеллектуальный кругозор мужского ума, но в его способности вникать в подробности чувствуется женское начало. Как мужчине ему присуще стремление все упорядочивать, в то же время он обладает первородными духовными качествами, характерными для женщин».

Эдвард Карпентер умер 28 июня 1929 года в Гилдфорде, графство Суррей.

Карпентер был способен преодолевать рамки своей культуры и своим существованием доказывал, что такие необычные люди, как геи и лесбиянки, могут обладать замечательными способностями. Он хотел видеть их носителями высших знаний, целителями, пионерами многих начинаний. Его труды, несмотря на то, что прошла уже почти сотня лет после их опубликования, по-прежнему читаются на одном дыхании и достойны популяризации. Он прожил достойную и духовно целостную жизнь, своим примером радикально изменив судьбу таких людей, как Дж.А.Саймондс и Е.М.Форстер. Первопроходческий характер его трудов в совокупности с его харизматической личностью позволили мне поместить его в моем рейтинге на высокое место, которое он как один из пионеров борьбы геев за свои права сполна заслужил.

10. ДЖОН АДДИНГТОН САЙМОНДС

note 7

Джон Аддингтон Саймондс родился 5 октября 1840 года в Клифтоне, вблизи города Бристоль в графстве Глоершир в Англии. Его отец был одним из самых выдающихся врачей своего времени. Мать умерла, когда ему было всего четыре года, и его воспитанием в детстве занимались его сестры и тети. С самого малого возраста он осознал свою гомосексуальность; в детстве ему часто снился один и тот же сон: он находится в комнате, где полным-полно голых матросов.

В 1854 году он поступил в престижную школу Хэрроу, где был поражен широко распространенным гомосексуальным поведением мальчиков. Как он писал в своих шокирующих «Мемуарах», оригинал которых после его смерти спрятал его литературный агент (1-я публикация в 1984 году), «каждый смазливый мальчик имел женское имя и либо считался чем-то наподобие общедоступной проститутки, либо был «сукой», что означало наличие у него более сильного покровителя из старших классов. «Сукой» вообще называли любого мальчика, который отдавал себя в подчинение другому. Разговоры в спальнях и в классных аудиториях постоянно вертелись вокруг чего-то неприличного. Тут и там можно было застать школьников, занимающихся онанизмом, взаимной мастурбацией или развлекающихся в голом виде в постели. В поведении выходцев из благопристойных семей не было ничего утонченного, сентиментального, благообразного — ничего, кроме всепоглощающей животной похоти». Саймондс по-своему выразил протест. В 1858 году он узнал, что классный руководитель мистер Ваун занимается любовью с одним из учеников. При помощи своего отца Саймондс выступил с публичным обвинением, и Ваун в результате был уволен. Этот случай оттолкнул от Саймондса всех его друзей, и этот эпизод всю последующую жизнь вызывал у него неприятные воспоминания.

В последний год учебы в Хэрроу Саймондс нежно влюбился в Вилли Дайера — юношу из школьного хора, который был на три года младше его. Саймондс всегда считал, что рождение собственного «я» произошло в нем именно в момент первой встречи с Дайером 10 апреля 1858 года. Когда отец узнал о характере этой дружбы, он посоветовал Саймондсу прекратить ее.

Опасаясь того, что все это может окончиться скандалом, подобным тому, какой произошел с мистером Вауном, Саймондс прекратил отношения с Дайером, по крайней мере открытые. Они продолжали еще какое-то время втайне ото всех встречаться.

Осенью 1858 года Саймондс поступил в Бэллиол-колледж в Оксфорде, где влюбился еще в одного юношу из хора — Альфреда Брука, которого он любил заочно, посвятив ему много неуклюже написанных стихов. Получив диплом первого класса по литературе в 1862 году, он был выбран в Научное общество колледжа Святой Магдалины («Я долго мечтал стать членом этого почтенного учреждения — с его средневековой красотой, его одиноко стоящей часовней и нежной музыкой хора мальчиков. Впрочем, последнее является предметом не самых пристойных мечтаний…). В период своей работы в колледже Святой Магдалины у Саймондса стали проявляться различные симптомы «невроза», и в 1863 году он отправился на лечение в Швейцарию. Там он встретил Кэтрин Норт, на которой он в следующем году женился в надежде навсегда избавиться от гомосексуальных влечений: «Я считал, что честным поведением смогу вывести мою страсть из той ведущей в ад бездны, в которой она текла после связи с Альфредом Бруком, и плавно направить ее в сторону нормальных отношений с женщинами. Я не учитывал того факта, что вся поэзия, вся сила самовыражения и восхитительные видения моих мечтаний пробуждались во мне лишь тогда, когда я касался прекрасного мужского начала». Тем не менее у Саймондса и Кэтрин Норт родилось трое дочерей.

Его болезнь прогрессировала, так же как и его страсть к мужчинам. В 1869 году в его дневнике можно найти упоминание о некоем Нормане — ученике шестого класса Клифтон-колледжа, где Саймондс читал лекции: «Когда он читал, я склонился над его плечом так, что кончик его уха коснулся моего лба, и я смог физически ощутить вибрацию его голоса. Мне показалось, что по его лицу пробежала в этот момент легкая улыбка… О Любовь, зачем ты вновь выбрасываешь меня на этот пустынный берег?» В «Мемуарах» Саймондса описаны болезненно переживаемые им лирические детали их отношений.

В 1877 году у Саймондса началось сильное легочное кровотечение, и с 1880 года он стал жить на горном курорте в Давосе в Швейцарии, выбрав климат, полезный для лечения туберкулеза. Здесь он создал свой самый известный труд, прославивший его в XIX веке. Это было семитомное исследование в области культуры и эстетики под названием «Ренессанс в Италии». Его перу также принадлежат исследования поэзии Шелли (1879), Бена Джонсона (1886), Микеланджело (1893) и

Уолта Уитмена (1893), с которым он переписывался. Он также опубликовал первый перевод на английский язык «Сонетов» Микеланджело Буонаротти и Томмасо Кампарреллы (1878).

Однако применительно к нашей теме наиболее важными работами Саймондса можно считать его памфлеты «Вопросы этики Древней Греции (1871, а в 1883 году было частным образом отпечатано и распространено еще около 100 копий) и «Вопросы современной этики» (1891). В первом эссе рассматривается тема гомосексуальности в литературе античной Греции, а вторая посвящена подавлению гомосексуальности в христианскую эпоху. Саймондс высмеивал ограниченность тогдашних «научных» теорий дегенеративности гомосексуальности и напоминал авторам этих теорий о том, что в отличие от современного определения этого явления как «невропатологического заболевания, осложненного онанизмом» (именно так считали многие сексологи XIX века), «древние греки называли это словом педерастия, или любовью к мальчикам; и под этим не подразумевалось что-то постыдное. Стоит упомянуть, что древние греки были одной из самых высокоорганизованных и благородных наций в истории человечества». Он также не признавал ассоциирования мужской гомосексуальности с женственностью и опровергал обвинения гомосексуалов в том, что они «растлевают» или «развращают» молодежь.

«Нельзя не заметить того, — доказывал Саймондс, — что Определенный тип страсти открыто процветал и приносил добрые плоды для общества в Элладе; но эта же страсть вынуждена прятаться в тень и быть предметом гонений и позора в Европе. Сама природа этой страсти не изменилась, однако отношение к ней морали и закона изменилось кардинально». Эти аргументы имели жизненно важное значение.

В последние годы своей жизни в Давосе Саймондс все сильнее стал ощущать свою гомосексуальность. Он получал колоссальное удовольствие от своих участившихся связей с совсем юными людьми. Это были швейцарские крестьяне Анджело Фусато и Кристиан Буоль, многочисленные гондольеры из Венеции — города, куда часто приезжал Саймондс. Жена не придавала серьезного значения связям Саймондса и списывала их на его «темперамент», хотя иногда и выражала неудовольствие по поводу слишком большого количества молодых людей, крутившихся вокруг их дома. Саймондс описывал свои ощущения в скандальной «Сексуальной инверсии»: «Когда А. перестал подавлять свои врожденные гомосексуальные инстинкты, он быстро начал восстанавливать свое здоровье. Невротические проявления угасли; чахотка, прогрессировавшая в сопровождении

усиливавшегося кровотечения и образования каверн, утихла».

Джон Аддинггон Саймондс умер 10 апреля 1893 года в Риме.

Как и предшествующий ему в моем рейтинге Эдвард Карпентер, Саймондс находился на передовой линии раннего этапа борьбы британских гомосексуалов за свои права. Он был одним из первых, кто открыто задался вопросами: кто мы есть, откуда появились, какова наша история? Его ходившие по рукам современников эссе о гомосексуальности были предметом оживленных дискуссий, создали исторический и культурный контекст обсуждения данного предмета и сильно повлияли на взгляды передовых сексологов того времени, включая Хэйвлока Эллиса и Магнуса Хиршфельда. Неутомимый энтузиаст эпистолярного жанра (взять, к примеру, его обильную переписку с Уолтом Уитменом), Саймондс помогал построению широкой международной сети интеллектуалов, которые интересовались вопросами гомосексуальности. Это были первые шаги в создании политической организации геев и лесбиянок. Неоценимая роль Джона Аддингтона Саймондса в качестве созидательной фигуры в развитии современного гомосексуального сознания позволяет мне поставить его на почетное десятое место в моем рейтинге.

11. МЭРИ УОЛЛСТОУНКРАФТ

В официальных энциклопедиях биография Мэри Уоллстоункрафт звучит приблизительно так: родилась 27 апреля 1759 года в пригороде Лондона. Мать происходила из уважаемой ирландской семьи. Ее отец был ткачом, который затем получил небольшое наследство и попытался добиться успеха на сельскохозяйственной ниве. Преуспевающего фермера из него не получилось — он потерпел фиаско, начал пить, и, как вспоминала Мэри Уоллстоункрафт, ей часто приходилось целыми ночами подряд «стоять стражем у дверей спальни матери», чтобы уберечь ее от вспышек отцовской пьяной ярости.

С юных лет Уоллстоункрафт помогала семье добывать средства к существованию, работая то учительницей, то гувернанткой. Начиная с 1787 года она работала в Лондоне в издательстве Джеймса Джонсона, сначала в качестве переводчицы и чтеца, затем референтом и помощником редактора. В том же 1787 году в этом же издательстве вышла ее первая книга: «Мысли по поводу воспитания дочерей», благодаря которой она попала в группу радикальных мыслителей, встречавшихся в доме Джонсона. Там были автор трудов по социальной философии Уильям Годвин, американский революционер Томас Пэйн, поэты Уильям Блэйк, а с 1793 года Уильям Уордсворт.

В 1790 году, отвечая на публикацию Эдмунда Бурка «Эхо французской революции», она написала «Доказательство прав человека», где подтверждала свою веру в свободу и необходимость гарантий политических прав. Два года спустя появилась ее главная работа: «Доказательство прав женщин». В этом, одном из первых документов в истории борьбы женщин за свои права, Уоллстоункрафт критиковала существовавшую тогда социальную дискриминацию женщин. «Женщинам, — писала она, — не дозволяется иметь степень интеллекта, достаточную, чтобы добиться того, что называется собственным достоинством». Она также утверждала, что «если женщины будут получать более рациональное образование, это ускорит общественный и научный прогресс». Согласно ей, целью этого рационального образования должна быть «возможность для индивидуума получить объем знаний, достаточный для того, чтобы чувствовать себя независимым». Помимо образования Уоллстоункрафт настаивала на участии женщин в чисто мужских по тогдашним меркам видах профессиональной деятельности: в частности, в медицине, в юриспруденции и в политике. «Почему женщины не могут быть врачами, если они могут быть медсестрами?» — спрашивала она.

«Женщины должны, — писала она, делая акцент на надежде, казалось бы, абсолютно нереальной в то время, — иметь своих представителей в выборных органах, а не быть молчаливо покорной половиной населения, произвольно управляемой правительством и не имеющей никаких возможностей влиять на него». Ее критика сложившегося статус-кво была проницательной и конструктивной.

В 1792 году она отправилась в Париж, чтобы собственными глазами увидеть Французскую революцию. После неудачной попытки установить любовные отношения с Анри Фузели, который был женат, Уоллстоункрафт завязала роман с американским авантюристом по имени Жилберт Имлэй, который зарегистрировал ее в американском посольстве как свою жену, чтобы защитить от расправы, и от которого она родила ребенка. Когда в 1793 году их отношения прекратились, она совершила попытку самоубийства. После того как она вернулась в Лондон, Джонсон опубликовал ее «Исторический и моральный взгляд на природу и развитие Французской революции» (1794). В 1796 году у нее начался роман с Уильямом Годвином, знакомым ей по общению в кружке радикалов в доме Джонсона. Хотя они оба не очень-то хотели официальной регистрации их брака, данная церемония все-таки состоялась 29 марта 1797 года. Уоллстоункрафт забеременела и в августе того же года родила дочь, которую они назвали Мэри. Из-за неграмотных действий врача-акушера оставшаяся в ее чреве плацента стала причиной гангрены, и через 11 дней, 10 сентября 1797 года, Мэри Уоллстоункрафт скончалась. Ее дочь Мэри позднее вышла замуж за поэта Перси Биши Шелли и, что еще важнее, написала своего знаменитого «Франкенштейна».

Такое описание жизни Мэри Уоллстоункрафт обходит полным молчанием (что, впрочем, характерно для всех официальных биографий героев этой книги) главную любовь в ее жизни. В своих замечательных «Воспоминаниях о Мэри Уоллстоункрафт» (1798) Уильям Годвин дает необычно откровенное описание того, что имело место в 1775 году, когда Мэри было 16 лет: «Примерно в то время между Мэри и одной девушкой возникла дружба, столь пылкая, что последующие несколько лет эта дружба была ее главной и всепоглощающей страстью. Эту девушку звали Фанни Блад; она была на два года старше Мэри… Обстоятельства, при которых состоялось их знакомство, очень напоминают первую встречу Вертера с Шарлоттой (имеется в виду романтическая поэма Гете «Страдания молодого Вертера», повествующая о трагической истории любви)… Еще не успела закончиться их первая беседа,

когда Мэри, по ее словам, в душе дала клятву вечной дружбы с Фанни».

В 1782 году после смерти матери (за которой она ухаживала до последнего дня), Уоллстоункрафт переехала жить в семью Фанни Блад. Семья испытывала финансовые проблемы, и Мэри как могла два года помогала им облегчить бремя бедности. Она также много времени уделяла тому, чтобы приобрести жилище для совместного проживания с Фанни Блад. Как пишет историк Лилиан Фэйдерман, «письма и дневниковые записи того времени свидетельствуют о том, что тогда многие пары романтических подруг стремились жить под одной крышей. Эти союзы были непохожи на обычные варианты гетеросексуального домоуклада. В этом союзе женщины были всегда неразлучны, всегда преданны друг другу; их отношения были истинно близкими и основаны они были ни на чем другом, кроме взаимной любви». (Фэйдерман приводит свидетельства того, что у Мэри Уоллстоункрафт были и другие подруги, с которыми она проживала вместе.)

Когда Уоллстоункрафт наконец нашла место для совместного проживания с Фанни, та неожиданно заупрямилась. Уоллстоункрафт продолжала упрашивать ее, и в 1783 году они вдвоем открыли частную школу. Их первая попытка на педагогическом поприще в Ислингтоне оказалась неудачной, однако потом, в Ньюингтон-Грин, они добились кое-каких успехов. К сожалению, в то время Блад заболела туберкулезом, а Уоллстоункрафт, раздраженная тем, что Годвин называет «болезненной бесхребетностью характера» своей подруги, посоветовала ей выйти замуж. Фанни вышла замуж и уехала жить в Португалию.

В 1785 году Уоллстоункрафт совершила поездку в Португалию, чтобы быть рядом с Блад во время родов. Как пишет Годвин, «ее пребывание в Лиссабоне было недолгим. Она приехала всего за несколько дней перед началом у Фанни Блад преждевременных родов. Роды оказались трагическими — не удалось спасти ни Фанни, ни ее ребенка. Фанни Блад — эта избранница сердца Мэри Уоллстоункрафт — ушла из жизни 29 ноября 1785 года».

Для того чтобы подчеркнуть суть отношений между двумя подругами, Годвин в своих «Воспоминаниях» описывает гетеросексуальные отношения Уоллстоункрафт с Имлэем, используя те же словесные обороты и выражения, что и при описании дружбы двух женщин: Имлэй становится «объектом ее привязанности» и Уоллстоункрафт вновь сравнивается с «Вертером женского пола», испытывающим безответную любовь. Еще Годвин упоминает о том, что Мэри Уоллстоункрафт назвала

своего первого ребенка Френсис «в память о дорогой подруге юности, воспоминания о которой всегда были живы в ее сердце». Годвин с горечью констатирует так и оставшуюся в Мэри неудовлетворенность «ее первой страстью юности, ее дружбой с Фанни, в которой было много разочарований и которая в итоге ввергла ее в меланхолию и так трагически окончилась катастрофой». Ее столь долгое нежелание выходить замуж, как это понял Годвин, основывалось на желании уберечь в сердце светлую память о Фанни Блад.

Публикация воспоминаний Годвина, особенно его откровения о ее романе с Имлэем, повредила репутации Мэри Уоллстоункрафт. Издатели одного из журналов докатились даже до того, что под рубрикой «Проституция» поместили заголовок: «В этом номере — Мэри Уоллстоункрафт!» Феминистки середины XIX века отреклись от нее, но в конце века ее труды были в глазах общественного мнения реабилитированы. В 1889 году, когда Сюзан Б. Энтони и Элизабет Кэйди Стэнтон опубликовали первые три тома своей «Истории борьбы женщин за свои избирательные права», имя Уоллстоункрафт стояло первым в рейтинговом списке феминисток раннего этапа борьбы, которой была посвящена их книга. В наше время она общепризнанно считается одной из первых провозвестниц движения женщин за свои права.

Можно ли было тогда, в 80-е годы XVIII века, считать Мэри Уоллстоункрафт лесбиянкой? Ответом будет однозначное «нет»; она почти определенно не могла тогда даже понимать того, что подразумевает это слово. В то время никто не мог быть назван лесбиянкой. Тем не менее во времена, предшествующие появлению современных лесбиянок, она была женщиной, которая страстно Желала жить с женщиной, чье эмоциональное влечение было направлено на женщину; она была также женщиной, которая энергично и последовательно критиковала существовавшее тогда несправедливое бесправие женского пола — порядок, который произвольно установили гетеросексуальные мужчины. Я поставил ее очень высоко в моем рейтинге потому, что я убежден в том, что женщины типа Мэри Уоллстоункрафт своей бескомпромиссной борьбой шаг за шагом обеспечивали прохождение эволюции социальных условий, в которых оказалось, наконец, возможным появление лесбиянок в том виде, в котором они существуют сегодня. Впрочем, это относится не только к лесбиянкам, но и к облику современной женщины вообще. Мы не можем с определенностью судить о сексуальной ориентации женщин XVIII века, подобных Мэри Уоллстоункрафт, хотя в работе историка лесбийской любви Лилиан Фэйдерман имена многих из таких женщин дошли до нас, преодолев

забвение истории.

Но кто же все-таки мог быть лесбиянками в XVIII веке? Вполне вероятно, женщины, очень похожие на Мэри Уоллстоункрафт.

12. СЬЮЗАН Б. ЭНТОНИ

note 8

Сюзан Броунелл Энтони родилась 15 февраля 1820 года в городе Адаме, штат Массачусетс. Будучи дочерью квакеров-аболиционистов, она выросла в рамках крепкого домостроя, пронизанного моральным духом рыцарства. В три года она уже умела писать и читать. Когда ей было шесть лет, семья переехала жить в город Бэттенсвилль, штат Нью-Йорк, где ее отец открыл ткацкую фабрику. Она вначале ходила в местную школу, затем в школу, которую основал ее отец, а заканчивала образование в высшей школе в Филадельфии. Получив единственно возможную в то время для женщины профессию — став учительницей, — она начала преподавать в Квакерской академии Юнис Кэньон, Нью-Рошели. Примерно в те годы она пережила тяжелый стресс, когда ее сестра Гуэлма решила выйти замуж. Ее биограф Кэтлин Бэрри пишет:

«Привязанность Сюзан к сестре была частью ее эмоционального мира, который был построен на системе отношений между женщинами: ее матерью, сестрами, кузинами и подругами. Разрыв любой из этих связей грозил ввергнуть ее в эмоциональный хаос».

В 1846 году Энтони переехала жить в город Рочестер, где стала старшей преподавательницей женского отделения Академии Канаджохэйри. Пытаясь найти более широкое применение своим организаторским способностям, она стала активным членом общества борьбы за трезвость. Уже в те годы у нее начал постепенно формироваться критическийвзгляд на существующее неравенство полов. В то время законом в США женщинам не разрешалось иметь собственность, наследовать ее и распоряжаться ею. У них также не было права становиться опекунами своих детей в случае распада семьи. Общая направленность закона перекликалась с пресловутым постулатом известного английского юриста Блэкстоуна, провозглашенным им в 1760 году и звучащим так: «Женщина как гражданин вообще исчезает в тот момент, когда выходит замуж. Все свои гражданские права она делегирует своему мужу». В тридцать с небольшим Энтони пришла к выводу, что до тех пор, пока женщины не получат равных с мужчинами гражданских прав, никакого улучшения социального климата в США быть не может.

В 1851 году Энтони познакомилась с Элизабет Сэйди Стантон — активисткой кампании за права женщин, родом из Сенека-Фоллс. Этой женщине суждено было стать человеком, оказавшим наибольшее влияние на всю последующую жизнь Сюзан Б. Энтони. Их личная дружба и политическое сотрудничество продолжались без малого пятьдесят лет. Барри пишет: «Между ними была дружба, основанная на бесконечной преданности и эгалитарной любви, которую не испытывал, возможно, никто и никогда. Все это, а также общность их политических взглядов и солидарность в отчаянных акциях протеста несомненно делало их одной из величайших пар Америки XIX века». Сама Стэнтон так описывала их отношения: «Когда надо было что-то написать, у нас вдвоем это получалось гораздо лучше, чем поодиночке. У нее медленный и аналитический склад ума, а я взрывная, и мой склад ума синтетический. Я сильнее как писатель, она сильнее как критик. Она предоставляла факты и статистику, я снабжала их философскими комментариями и риторикой, а в итоге мы получили набор аргументов, которые вот уже тридцать лет непоколебимо стоят под натиском яростных нападок; ни один мужчина так и не смог логично ответить на поставленные нами вопросы». Энтони называла их отношения «естественным союзом сердца и разума».

Барри размышляет: «Энтони была не замужем и, следовательно, могла объективным взглядом со стороны оценить сексуальность и ее роль в эксплуатации женщин. Впервые она стала ощущать всю степень подчиненности женщин, когда даже ее замужние сестры стали избегать ее общества. Стэнтон же боролась с подчиненностью женщин в обществе, но не в семье — она все-таки не смогла быть последовательной до конца и вышла замуж, что воздвигло определенную преграду для их любви с Энтони… Энтони ни в коем случае не могла быть мазохисткой или человеком, неспособным любить, поэтому она никогда не смогла бы сознательно исключить секс из своей жизни, если она верила в то, что может найти в нем удовлетворение. Единственное, о чем мы не можем знать, — это до какой степени она желала испытывать это вполне нормальное для здорового человека стремление к сексуальному удовлетворению в отношениях со Стэнтон, так как последняя была привязана к семье и мужу и не могла жить вместе с Сюзан».

Сюзан Энтони, Элизабет Стэнтон и Амелия Блумер, проводя кампанию борьбы за права женщин, носили брюки, поверх которых были надеты юбки, тем самым выражая протест против сложившейся традиции ношения женщинами громоздких, неудобных одежд.

Чувствуя неприязнь лидеров общества борьбы за трезвость, Энтони в 1852 году образовала «Женское общество борьбы за трезвость штата Нью-Йорк». Стэнтон стала первым президентом этого общества. С 1854 года Энтони стала активным членом движения аболиционистов, хотя избегала сближения со многими коллегами, так как выступала за полное равенство гражданских прав темнокожих и белых жителей США (ведь очень многие аболиционисты добивались отмены рабства с условием обязательного последующего отправления негров обратно в Африку). Гражданская война вынудила прервать борьбу женщин за свои права, но после ее окончания Энтони продолжила свою кампанию, вначале в Нью-Йорке, затем по всей стране. Она добивалась установления юридического права женщин на владение и управление собственностью, на опекунство в отношении собственных детей, а также права женщины быть инициатором развода. Когда в 1868 году Конгрессом принималась 14-я поправка к Конституции, гарантирующая равное право для всех лиц мужского пола участвовать в выборах, она всеми силами добивалась включения в эту поправку и женщин, но время для этого еще не пришло.

С 1868 по 1870 год они вместе со Стэнтон издавали «Революцию» — еженедельник, выходящий в Нью-Йорке и посвященный борьбе женщин за свои избирательные права. В течение всего этого времени Стэнтон разрывалась между делом своей жизни и семьей (она была матерью восьмерых детей); при этом Энтони испытывала до боли знакомое чувство ревности и переживала измену. Когда две ее ближайшие сподвижницы в борьбе женщин за свои права, Люси Стоун и Антуанетта Браун, две женщины, с которыми она жила в одной комнате в годы учебы в Оберлин-колледже и с которыми, возможно, у нее были любовные отношения, вышли замуж, Энтони была в отчаянии. Она признавалась Стэнтон: «У меня бывают моменты, когда наступает такая слабость, что хочется прислониться усталой головой и приютиться неустроенной душой где-нибудь, где меня ждет сочувствие и жалость. Иногда я боюсь, что у меня не хватит сил пройти свой путь до конца и я выпаду из когорты единомышленников».

Ее душа, возможно, нашла утешение в 1868 году, когда ей повстречалась Анна Дикинсон — автор популярных лекций о правах женщин, которая была примерно на двадцать лет моложе Сюзан. Характеризуя их отношения как «нежные, пылкие, эротически возвышенные», историк Джонатан Катц цитирует следующий интригующий отрывок из четырех сохранившихся писем Энтони к Дикинсон:

«Моя дорогая Дики,

…Итак, ты приезжаешь в Нью-Йорк. Поскорее бы настал этот день — вся сгораю от нетерпения повидать мою крошку. У меня есть подходящая квартира на Бонд-стрит, 44, двуспальная кровать — она достаточно большая и удобная для тебя. Так что приходи и проведай меня, а если не сможешь, дай мне знать, где я сама смогу тебя найти — мне так надоела вся повседневная суета.

Я так много хочу сказать тебе — во мне накопилась целая Вселенная с тех пор, как я в последний раз держала мою нежную крошку в своих руках. В общем, обязательно сообщи мне, когда и где я смогу увидеть тебя. Как всегда, ужасно спешу. Любящая тебя твоя подруга Сюзан».

В 1872 году Энтони демонстративно зарегистрировалась и проголосовала в Рочестере, нарушив закон о запрете женщинам участвовать в выборах и бросив вызов властям. Ее арестовали и по решению суда оштрафовали, однако она из принципа отказалась платить. Суд над ней привлек большое внимание общественности. С 1892 по 1900 год она занимала пост президента Североамериканской ассоциации женщин, борющихся за право голоса на выборах. Она помогла организовать Нью-йоркскую ассоциацию рабочих женщин, целью которой была борьба за равную с мужчинами оплату труда. В период между 1881 и 1900 годами она вместе со Стэнтон и Матильдой Джослин Кэйдж участвовала в выпуске первых четырех томов «Истории борьбы женщин за свои избирательные права» (которая посвящалась многим женщинам, но первой упоминалась Мэри Уоллстоункрафт).

В 1902 году ушла из жизни Стэнтон, и Энтони как будто осиротела. Она написала множество статей в журналах и газетах, где воздавала хвалу вкладу, который Стэнтон внесла на благо общества. Сюзан Б.

Энтони скончалась 13 марта 1906 года в Рочестере.

Через 14 лет после ее смерти, в 1920 году, была принята 19-я поправка к Конституции — так называемая поправка Энтони, гарантирующая избирательные права женщинам.

Сюзан Б. Энтони была одной из великих основательниц движения женщин США за свои гражданские права. Влияние, которое она своими делами оказала на жизнь всех нас, невозможно переоценить. Одним из самых важных последствий политического и экономического раскрепощения женщин, за что боролась Энтони, являются значительно расширившиеся возможности для женщин самим выбирать свой жизненный путь — без этого экономическое и социальное существование современных лесбиянок было бы невозможным. Своей жизнью и

делами Сюзан Б. Энтони совершила подвиг борьбы за женские права и независимость — за те понятия, которые в наши дни кажутся чем-то само собой разумеющимся.

13. ВИРДЖИНИЯ ВУЛЬФ

note 9

Вирджиния Эделин Вульф (урожденная Стефен) родилась 25 января 1882 года в Лондоне. Ее отец Лесли Стефен был известным писателем и критиком викторианской эпохи; точными копиями ее родителей являются мистер и миссис Рамсей — персонажи написанного ею в 1927 году и прославившего ее имя романа «К маяку». Кончина матери в 1895 году потрясла тринадцатилетнюю девочку, и она пережила нервный срыв. С этого времени она воспитывалась дома отцом и «имела свободный доступ к большой библиотеке, где никакие книги ни от кого не прятались». В отличие от своих братьев, она не училась в университете. Когда в 1904 году скончался ее отец, Вирджиния со своей старшей сестрой Ванессой и с братьями Эдриеном и Тоби переехали из фешенебельного района Кенсингтон в дом на Гордон-сквер в Блумсбери — квартал, где проживала лондонская богема. В 1905 году она регулярно писала для «Литературного приложения» «Тайме». Еще одна смерть, на этот раз ее брата Тоби в 1906 году, черным ураганом пронеслась по ее жизни. Душевная рана от этого печального события легла в основу ее романа «Волны».

В 1907 году после того как сестра Ванесса вышла замуж за критика-искусствоведа Клайва Белла, Вирджиния и Эдриен переехали на Фитцрой-сквер, тоже в Блумсбери. Именно там проходили встречи так называемой «блумсберийской группы». Сформировавшись как коллектив свободно объединившихся индивидуумов-единомышленников, причем большинство из них были гомосексуалами, группа началась с круга знакомств, которые Тоби приобрел во время учебы в Кембридже. Находясь под влиянием идей философа Г.Е.Мура, они исходили из того, что идеалы дружбы, любви и взаимной притягательности являются главенствующими и что процветать они могут лишь в том случае, когда искренность и свобода превалируют над притворством и жеманностью. Социальные условности, по их представлениям, должны были вытесниться принципами личной приверженности морали и ответственности. Общение людей друг с другом превозносилось группой в качестве высшей цели — как писал романист Е.М.Форстер: «Ничто не заменит общения». Помимо Форстера в группу входили экономист Джон Мэйнэрд

Кейнс, биограф и эссеист Литтон Стрэчи, художник Дункан Грант, критики-искусствоведы Роджер Фрай и Клайв Бэлл.

В 1912 году, заранее предупредив своего жениха — выпускника Кембриджа, недавно вернувшегося из Цейлона Леонарда Вульфа, о том, что ей противен секс с мужчиной, Вирджиния вышла за него замуж. Их брак был образцом взаимоуважения и эмоциональной поддержки, а сексуальные отношения были сведены к минимуму. Вдвоем они учредили «Хогарт Пресс» — издательство, которое помимо публикации романов Вирджинии Вульф также выпускало произведения таких известных авторов, как Форстер, Т.С.Элиот и Кэтрин Мэнсфилд.

Работая над своим первым романом «Путешествие», Вульф пережила еще один серьезный нервный срыв, доведший ее в 1915 году до попытки самоубийства. Однако она оправилась и в 1919 году опубликовала очередной роман — «Ночь и день». Оба этих романа были написаны необычным языком, а в своем следующем произведении — «Комната Якоба» (1922) — она уже начала широко и радикально экспериментировать с литературными формами. Эти плодотворные эксперименты продолжились в трех последующих романах-шедеврах: «Миссис Дэлловэй» (1925), «К маяку» (1927) и «Волны» (1931). Новаторские в способах изложения преходящей мирской суеты, отображения внутреннего мира героев, описания множества путей преломления сознания, эти романы вошли в золотой фонд литературного модернизма.

Вирджиния Вульф эмоционально всегда была более привязана к женщинам: к сестре Ванессе (которую она любила чуть ли не до «мысленного инцеста»), позднее к Мэдж Ван (дочери Дж. А. Саймондса, вдохновившей Вульф на создание образа миссис Дэлловэй), к Вайолет Дикинсон и к не знающей покоя Этель Смит. В 1922 году Вульф влюбилась в Виту Сэквилл-Уэст. Через некоторое время между ними начался роман, который продолжался почти все 20-е годы. В 1928 году Вульф отобразила Виту в романе «Орландо» — фантасмагорической биографии, где жизнь эфемерного главного героя, становящегося то мужчиной, то женщиной, продолжается в течение трех веков. Сын Виты Сэквилл-Уэст Найджел Николсон назвал это произведение «самым длинным и самым очаровательным любовным письмом в истории литературы».

Вульф писала много и неутомимо, помимо романов выпустив несколько трудов по литературной критике, среди них «Обычный читатель» (1925), «Обычный читатель: часть вторая» (1932) и «Смерть мотылька» (1942). Ее литературное наследие включает также тысячи писем и около пяти тысяч страниц дневников. Ее амбициозный роман 1937 года «Годы», стоивший ей, как и все

предыдущие романы, больших психических затрат, был расценен как «блистательная катастрофа», хотя ее последнее произведение «Between the Acts» (1941) свидетельствовало о том, что она, как писатель, по-прежнему очень сильна и вступила в качественно новый этап своего творчества.

После того как их дом в результате бомбардировок немецкой авиации Лондона был разрушен, Вирджиния и Леонард Вульф переехали в город Родмэлл в графстве Сассекс. Находясь в глубокой депрессии от всего связанного с войной и будучи психически истощенной работой над романом «Between the Acts», Вульф внутри себя вновь стала слышать голоса птиц, поющих на оливах Древней Греции, — точно то же самое она ощущала перед нервным срывом 1915 года. Желая избавить Леонарда от страданий, связанных с ее помешательством, она 28 марта 1941 года утопилась в реке Оус.

Большое влияние Вирджинии Вульф можно охарактеризовать двояко. Во первых, ее искрометные новаторские романы кардинально зменили представление о направлении «модерн фикшн» (fiction). Будучи одним из самых ярких авторов «фикшн» в нашем веке, она сама была примером для бесчисленного числа женщин, стремящихся поднять свой голос против патриархальных устоев. Носители этих устоев выведены Вульф в образе Чарльза Тэнсли в романе «К маяку». Он постоянно напоминает: «Не может женщина писать». Во-вторых, ее эссе «A Room of One's Own» (1929) и «Три гинеи» (1938) стали краеугольными камнями современной идеологии феминизма. Возможно, испытывая неудовлетворение тем, что ей самой так и не удалось учиться в университете, Вульф в «A Room of One's Own» задается отнюдь не риторическим по своей серьезности вопросом: «А что бы, скажем, было, если бы у Шекспира была не менее одаренная, чем он, сестра?» Ответ дается тут же.

«Она была столь же дерзостной и одаренной воображением, так же зорко видела мир, как и ее брат. Но ее не отправили учиться в школу. У нее не было возможности учиться грамоте и логике, она не могла уединиться в тиши, чтобы читать Горация и Виргилия. Время от времени ей удавалось взять в руки книгу, возможно, одну из написанных ее братом, и прочитать несколько страниц. Но всегда входил кто-то из родителей и говорил, что ее ждут незаштопанные носки или приготовление обеда и что ей не следует забивать голову ненужными для нее вещами — книгами и газетами… Она, возможно, иной раз могла набросать неустоявшимся почерком несколько страниц от себя, но потом она их тщательно прятала, а то и вообще сжигала. Время пролетело быстро, и вот, когда ей не было и семнадцати лет,

родители решили отдать ее замуж за сына соседского лавочника. Она плакала и повторяла, что этот брак ей ненавистен, за что была жестоко поколочена отцом… Сила ее таланта, и только она, толкнула ее на отчаянный шаг. Она собрала свои небольшие пожитки, спустилась ночью по веревке из окна своей спальни и направилась в Лондон. Даже пение придорожных птиц не могло заглушить ту музыку, что звучала в ее душе. Она, подобно своему брату, имела волшебный дар — мгновенно складывать симфонии из слов. Как и он, она понимала театр. Она пришла к двери, ведущей на сцену; она сказала, что хочет играть. Мужчины из труппы открыто рассмеялись ей в лицо… Наконец считавшийся старшим актер Ник Грин сжалился над ней; вот она уже родила ребенка от него и — кто измерит весь жар и все неистовство сердца поэта, когда это сердце бьется в женском теле? — однажды, зимней ночью, покончила с собой…»

За прошедшее с тех пор время в качестве одной из основоположниц современного лесбиянства фигура Вирджинии Вульф выросла до колоссальных масштабов. Поставленные ею вопросы, ее представления, ее повествования помогли создать интеллектуальное пространство, в рамках которого женщины начали находить пути для реализации бесчисленных возможностей, доселе бывших запретными для них. Хотя личность Гертруды Штайн в общественном сознании больше ассоциируется с лесбиянством, чем личность Вульф, творчество последней — одновременно почти нематериальное, как крыло бабочки, и безжалостно жесткое, как стальной капкан, — в долгосрочной перспективе будет, вероятно, доказательством ее большей значимости в формировании лесбийской сущности.

14. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

note 10

Александр родился в столице Македонии городе Пелла в 356 году до нашей эры. Его отцом был македонский царь Филипп II, создавший после завоевания Греции конфедерацию городов-государств под своим управлением. Он также имел первоклассно организованную армию. Все эти достижения стали очень важными исходными обстоятельствами в судьбе его сына Александра.

Когда в 336 году до нашей эры Филипп был предательски убит в театре одним из своих недоброжелателей, Александру было двадцать лет. Его первым шагом после восшествия на трон стало жестокое подавление мятежных волнений в Тракии и Илирии, возникших после смерти его отца. Затем все свои силы он направил на осуществление дерзкой мечты его отца: завоевание заклятого врага Греции — Персии, которая за два предшествующих столетия разрослась до гигантских размеров, простираясь от Средиземноморья до Индии. В 334 году до н. э. Александр начал поход на Восток, имея сравнительно небольшую армию в тридцать пять тысяч человек, что было несравнимо с силами персов. Он легко прошел Малую Азию — из всех городов только расположенный в горах Термессос не покорился ему, и он его просто обошел. В 334 году до н. э. в битве при Гранике и в 333 году до н. э. в битве при Иссе он столкнулся со всей мощью персидских войск и разгромил их. Города Тир и Газа пали пред ним, и в 332 году до н. э. он вошел в Египет, не встречая сопротивления. Здесь он на некоторое время остановился для восстановления сил, основал названный в свою честь город Александрию, получил титул фараона и был провозглашен египетскими жрецами живым богом.

В следующем году он вторгся в Месопотамию, наголову разбив персидского царя Дария III в битве при Гавгамелах. Перед ним открылась дорога на Вавилон и на главные персидские города — Сузу и Персеполис. Завоевав их, он пошел еще дальше на восток, стремясь покорить дальние провинции теперь уже бессильной Персидской империи, вплоть до территории современного Афганистана. В 326 году до н. э. его армия дошла до предгорий Гиндукуша на севере Индии, но силы людей были уже на пределе, они истосковались по дому, армия опасно

рассредоточилась на больших пространствах, и у его соратников не было желания продолжать поход. Горько разочарованный, Александр начал долгий обратный путь через пустыню, достигнув Сузы в 324 году до н. э. Весь последующий год он занимался воссоединением захваченных земель, реорганизовывал свою армию и планировал новые завоевательные походы — на Аравийский полуостров, в земли севернее границ Персидской империи, возможно, новый поход в Индию. Но в июне 323 года до н. э., находясь в Вавилоне, Александр внезапно заболел лихорадкой и спустя десять дней умер. Ему было тридцать три года.

Александр был гениальным полководцем, за одиннадцать лет своей военной карьеры не проиграв ни одного сражения. Его авторитет лидера основывался на личном мужестве и харизме. Часто в самый переломный момент битвы он мог броситься в решающую кавалерийскую атаку и много раз бывал ранен, иногда серьезно.

Завоевав огромную территорию, Александр умер, не провозгласив имени наследника, и сразу после его смерти начались междоусобные распри среди полководцев македонской армии. Были убиты мать Александра, его жены и дети. Великой империи не суждено было просуществовать долго, и она полностью распалась.

Его владычество, однако, было не столько территориальным, сколько культурным. Воспитанный самим Аристотелем, Александр был убежден, что греческая культура превосходит все остальные, но в то же время он был покорен великолепием и развитостью культуры Персидской империи. Многие летописцы утверждали, что чем дальше на восток он продвигался, тем больше признаков восточной цивилизации приобретал сам; он часто облачался в персидские одежды и воспринял много тамошних обычаев. Возможно, наибольшим его достижением было соединение двух культур, его настойчивое стремление к тому, чтобы эти культуры взаимодействовали друг с другом. Чтобы символизировать этот процесс, он не только женился на дочери Дария III (как и на других азиатских принцессах), но и организовал Женитьбу Востока и Запада — ослепительный праздник, в ходе которого он женил тысячи своих македонских воинов на персидских невестах.

Браки Александра всегда были обусловлены политическими целями; он почти не уделял времени своим женам. Судя по всему, его главной любовной привязанностью был его друг детства великолепный Гефестион. Как сообщает Плутарх, когда Александр прибыл в древнюю Трою, он возложил венок на могилу

Ахилла, а Гефестион — на могилу Патрокла; явное и открытое признание их отношений: ведь из античной истории известно, что Ахилл и Патрокл любили друг друга. Когда Александр и Гефестион пришли к матери побежденного Дария, она приняла более высокого ростом Гефестиона за Александра и пала перед ним ниц. Александр затем ласково отверг ее извинения, произнеся: «Ничего страшного, уважаемая женщина. Все правильно — никакой ошибки нет. Он тоже Александр, как и я». Когда Гефестион умер, Александр был настолько неутешен, что приказал распять врача, не сумевшего спасти его друга. Историк Мари Рено назвала похороны Гефестиона «самыми пышными похоронами в истории».

Античные авторы, Плутарх, Куртий и Афиний, упоминают также о любви Александра к евнуху Багоасу, который попал к нему из свиты Дария и был с Александром до его последних дней. Античные летописцы считали увлечение Александра Багоасом «слегка эксцентричным», но только не потому, что это был юноша, а потому, что он был «язычник». Идеал Александра заключался в единстве человеческой расы, который отнюдь не разделяли многие его соратники; связь своего военачальника с персидским юношей они считали такой же причудой, как и ношение восточных одежд. Мари Рено ярко описывает любовь Александра к Багоасу в своем романе «Персидский мальчик».

Александр был не просто возглавившим победоносный поход военачальником: хотя его империя и быстро исчезла после его смерти, результат его завоеваний — свадьба Запада с Востоком — изменила ход развития мировой цивилизации. Что касается предмета нашей книги, то значимость Александра связана, с моей точки зрения, не столько с тем, что его любовь к Гефестиону является общепризнанной всеми античными летописцами, сколько с тем фактом, что он являлся гомосексуалом, чье имя прошло через мировую историю ярким маяком, по которому все геи могут ориентироваться, пытаясь определить свое место в этом мире. Более того, его пример является наглядным опровержением широко распространенного стереотипа: гомосексуалы якобы — это обязательно слабые и женственные создания. Именно потому, что он прославился как бесстрашный воин и одновременно как человек, испытывавший любовь к мужчинам, Александр входит в сотню самых значимых геев, хотя можно было бы добавить к этому списку имена Юлия Цезаря, Траяна, Фридриха Великого, Лоуренса Аравийского — людей, военный гений которых был настолько блестящим, что затмил — по крайней мере в общественном сознании — славные истории их любви к людям своего пола.

15. АДРИАН

note 11

Публиус Элиус Адрианус родился 24 января 76 года н. э. в городе Италика в римской провинции Баэтика, расположенной на юге современной Испании. Он был родом из династии римских военных ветеранов, осевших в этом краю за двести лет до его появления на свет: отсюда его имя Адриан, созвучное названию Адриатика. Когда его отец в 85 году н. э. умер, Адриан был отправлен под попечительство двоюродного брата своего отца Траяна — человека, которому суждено было в дальнейшем сыграть наиважнейшую роль в политической карьере Адриана. История не донесла до нас подробных сведений о юношеских годах Адриана. Известно лишь, что он прошел военную подготовку, жил некоторое время в Риме и увлекался охотой. Его молодость была типичной для будущего члена Сената: до 96 года н. э. он служил военным трибуном в разных легионах, расквартированных во многих провинциях.

В 97 году н. э.Траян был усыновлен стареющим императором Нервой и в следующем году занял императорский трон. Адриан фактически стал одним из приближенных лиц нового императора. Он также был обласкан Люсием Сурой — наиболее могущественным политическим союзником Траяна и женой Траяна Плотиной. В 100 году н. э. он еще больше укрепил свои позиции, женившись на Вибии Сабине — внучатой племяннице Траяна. В последующие несколько лет его карьера продвигалась семимильными шагами. В 107 году н. э. он получил пост наместника провинции Нижняя Паннония, а в 108 году, когда умер Сура, он стал консулом. Но затем в течение примерно десяти лет его продвижение по лестнице власти вдруг затормозилось. Среди историков есть мнение, что в эти годы Траян находился под влиянием людей, бывших в оппозиции к Суре, а Адриан считался его протеже. Тем не менее можно считать, что в эти годы произошло еще одно важное событие в жизни Адриана — он стал магистратом Афин. Адриан всей душой полюбил этот город и в целом греческую культуру, за что злые языки в Риме окрестили его «грекоманом».

В то время император Траян проводил наступательную военную политику, расширяя границы империи. В 117 году н. э. Адриан был рядом с ним во время похода в Парфянское царство.

Траян поставил Адриана во главе прикрывающей тыл римской армии в Сирии, а сам продолжал двигаться на восток. Однако кампания закончилась неудачей, а самого Траяна поразила болезнь. Он вернулся в Рим. 9 августа 117 года Адриан узнал, что Траян усыновил его, что означало официальное объявление его наследником трона. 11 августа пролетела весть, что император мертв. Такое быстрое развитие событий пробудило во многих подозрение, что здесь не обошлось без заговора Адриана и Плотины, тем более что единственный, помимо Плотины, свидетель факта усыновления Траяном Адриана вскоре неожиданно умер. Как бы там ни было, за спиной Адриана стояла мощная сирийская армия и его политические позиции были сильны. Окончательно стабилизировали ситуацию быстрый суд и казнь четырех сенаторов, попытавшихся организовать мятеж.

Адриан был одним из самых прославленных римских императоров — многие историки склонны считать, что именно при нем Римская империя достигла своего наибольшего могущества. Он отошел от агрессивной милитаристской политики Траяна, заключил мир с парфянами и даже вернул им захваченные земли. Сосредоточив свои усилия на возведении защитных сооружений вдоль границ империи, — в их число входит знаменитый вал Адриана в Великобритании, — он также воплотил в жизнь множество гражданских проектов: построил несметное количество дорог, мостов, акведуков, морских причалов. Во время своего правления он дважды объезжал провинции империи: в 121—123 годах — западные и в 123—126 годах — восточные. Возможно, в силу своего провинциального испанского происхождения он стал первым римским императором, рассматривавшим империю не только как Аппенинский полуостров, а как единое государство, включающее как западные, так и восточные провинции.

Двадцать лет правления Адриана были мирными, если не считать восстания евреев в Палестине в 132 году, подавленного им три года спустя.

Гениальный администратор, он создал мощный и развитый государственный аппарат, закрепил свод законов Римской империи, основал имперскую почту, ставшую передовым по тем временам средством коммуникации. Он также основал множество городов, включая Адрианополис (сегодня это город Эдерне в Турции). Будучи талантливым архитектором, он восстановил Пантеон в Риме и закончил строительство грандиозного храма Зевса Олимпийского в Афинах, чего не удавалось сделать в Течение почти пятисот лет. Наверное, самым великолепным сооружением, построенным в годы его правления, является

дворец в Тиволи, вблизи Рима, где он собирал и демонстрировал гостям всякие диковинки, привозимые им из разных концов света. Его монументальный пантеон, созданный по его собственному проекту, сохранился до наших дней, нося название Кастель Сент Анджело.

Имея репутацию эстета, писавшего неплохие стихи (некоторые дошли до нашего времени), Адриан среди прочего прославился тем, что совершал непростое восхождение на гору Этна в Сицилии и на Джабаль Агра в Сирии только для того, чтобы полюбоваться восходом солнца. Он стал первым из римских императоров, кто носил бороду, и потом эта мода распространилась на последующие поколения его преемников.

В 123 году н. э., путешествуя по провинции Битиния на северо-востоке Малой Азии, Адриан повстречал томного, задумчивого юношу, которого звали Антиной. Нам мало что известно о нем, кроме того, что он родился предположительно в 110 году. Следующие после их знакомства семь лет император и этот юноша были неразлучны. В 130 году, когда они находились в Египте, Антиной утонул в Ниле. Обстоягельсгва этого происшествия были загадочными и дали почву для многих слухов: его убили недоброжелатели, недовольные его влиянием на Адриана, он совершил самоубийство из-за того, что не выдержал угрызений совести, считая свои отношения с императором «аморальными», или из-за того, что преодолел возраст, в пределах которого допускалось занятие педерастией — действа, совершаемого между **эрастами** (людьми более старшими по возрасту) и **эроменосами** (возлюбленными юношами). Были также разговоры о том, что он специально утопился, принеся себя в жертву во время выполнения некоего мистического обряда, посвященного тому, чтобы отвести от императора силы зла; может быть, под этим имелась в виду болезнь императора. Нам уже никогда не узнать этого. Но доподлинно известно, что Адриан был охвачен неутешимым горем. Он прилюдно горевал. Он приказал жрецам обожествить Антиноя и в его честь основал город Антинойполис, где каждый год проводились игры в честь молодого бога. Культ Антиноя распространился по всей империи; он был последним богом античного мира, заслужившим много проклятий от ранних христиан. Бесчисленные статуи отобразили его чувственную, меланхоличную красоту — до нашего времени сохранилось около пяти тысяч таких статуй. Все вместе они образуют большую отдельную группу в классической греческой скульптуре и во все времена являлись предметами восхищения ценителей прекрасного. В XVIII веке Йоханн Иоахим Винкельманн назвал скульптурное изображение Антиноя «царственной славой

искусства на все века», а поэт XIX века Альфред, он же лорд Теннисон, глядя на статую Антиноя в Британском музее, произнес: «Непостижимый битиниец… Если бы мы знали, что дано было знать ему, мы бы смогли понять античный мир».

После трех попыток самоубийства Адриан умер в муках от неизвестной и неизлечимой болезни. Это произошло вблизи курортного места Байа поблизости от Неаполя 10 июля 138 года н. э. Он сам перед смертью написал свою надгробную эпитафию. К сожалению, высокая поэзия этих строк с трудом может быть передана переводом с латинского:

Animula, blandula, vagula,
Hospes comesque corporis,
Quae nunc abibis in loca
Pallidula, rigida, nudula,
Nec ut soles dabis iocos?
Трепетная душа, нежная странница,
Гость и друг в человеческом теле,
Где ты сейчас скитаешься,
Ослабшая, продрогшая, беззащитная,
Неспособная играть как прежде?

По настоянию своего преемника Антония Пия римский сенат, который никогда не любил Адриана с тех пор, как он казнил четырех его членов, после долгих препирательств объявил его богом.

Многие из римских императоров также могли бы быть включены в эту книгу по той простой причине, что римляне не придавали особого значения полу предмета своей любви. В «Упадке и крахе Римской империи» историк XVIII века Джиббон отметил, что в цепочке римских императоров от Цезаря до Клавдия только Клавдий имел «однозначно правильную» сексуальную ориентацию. Я поместил в свою книгу Адриана не только потому, что он был одним из величайших римских императоров, но также и потому, что он и Антиной были одной из самых великих влюбленных пар в истории человечества — к тому же оба были обожествлены. Ранние христиане ненавидели обоих за их «извращенную похоть», но были люди, у которых история этой любви вызывала трепет благоговения и почитания. Эта история и в наше время продолжает вдохновлять авторов — доказательством тому является блистательный роман Маргарет Йорсенар «Жизнь Адриана»(1951).

Немногие правители оставили такой след в истории Римской

империи, как Адриан. Немногие воплощающие красоту люди так сильно повлияли на развитие искусства, как Антиной.

16. СВЯТОЙ АВГУСТИН

note 12

Августин родился 13 ноября 354 года в нумидийском городе Тагасте (в настоящее время это город Сок-Ахрас в Алжире). Его отец Патрициус служил чиновником римской администрации и не был христианином. Его мать Моника была христианкой. В детстве Августин не был крещен и не получил христианского образования; мало того, в одиннадцатилетнем возрасте он был послан учиться в школу в Мадауросе — центр римской языческой культуры и образования. Именно там он так глубоко изучил латинскую литературу.

Он вернулся домой в 369 году и целый год провел в праздности, хотя успел за это время прочитать «Hortensius» Цицерона, что пробудило в нем интерес к философии. В следующем году он оказался в Карфагене, где приобщился к плотским соблазнам большого города, включая, естественно, гомосексуальные контакты.

Как он позднее писал в своих «Исповедях»:

«Я прибыл в Карфаген — город, где все вокруг меня источало негу запретной любви. Я до этого не знал любви и поэтому тянулся к ней, как мотылек к свету… Для меня любить и быть любимым было наслаждением, особенно если я мог еще и наслаждаться телом любимого человека. Тем самым я загрязнял родник дружбы мерзостью сладострастия. Я замутнял ее чистый поток адской похотью, и все же во всем своем непотребстве и аморальности я не мог остановиться и вел беспутную жизнь суетного горожанина. Я очертя голову ринулся в любовь и жаждал быть поглощенным ею».

Он обратился в манихейство — восточную смесь христианства и других религий, основу которой составляло учение о дуализме добра и зла, переселении душ и возможности спасения. Историк Джон Босвелл в книге «Христианство, социальная терпимость и гомосексуальность» пишет:

«Большинство манихеев считало грехом все формы сексуальности… Но гомосексуальные удовольствия многими из них рассматривались менее серьезным прегрешением, чем гетеросексуальные акты, так как: (а) никто не пытался создать вокруг этого ореол ложной святости, чем грешили многие гетеросексуалы, объясняя зовом природы потворство своим

похотям, и (б) в грех не вовлекаются новые души, как это происходит в результате гетеросексуальных контактов, когда на свет появляются дети».

Как раз в то время Августин возобновил свою дружбу с молодым человеком из христианской общины, которого он знал еще в детстве, и совратил его с пути истинного. Их отношения, продлившиеся без малого год, были для Августина «приятнее и нежнее всего приятного и нежного, что приходилось испытывать в жизни». В последующие годы в своих «Исповедях» Августин благодарил всемилостивую руку Господа, пославшего на этого юношу болезнь, во время которой без ведома Августина семья крестила его и «он был отвращен от моей безумной страсти, к моему утешению сохранив свою душу для неба. Через несколько дней, когда меня не было, болезнь обострилась и он скончался».

Неспособный до поры до времени видеть неисповедимые пути Господни, молодой Августин был потрясен случившимся: «Все, что я разделял с ним, без него превратилось в мучительную пытку… Я удивлялся тому, что вместе с ним не умерли все смертные, настолько диким казалось мне то, что умер он, которого я любил так, что он казался мне бессмертным. Еще более странным мне казалось то, что он умер, а я жив, как будто он был моим вторым «я». Кто-то хорошо сказал о своем друге: «Он был второй половиной моей души». Я чувствовал, что моя душа и его душа были единой душой, заключенной в двух телах. Жизнь моя превратилась в кошмар. Я не желал жить, лишившись половины самого себя, и, возможно, я потому тогда так боялся смерти, что это означало бы окончательную смерть моего друга».

Босвелл пишет:

«Этот тип отношений — страстная, или «эротическая», дружба между мужчинами — многими в те времена описывается с почти прямым заимствованием понятий, характеризующих сексуальные отношения, с часто намеренным подражанием гомосексуальной литературе античности… Было бы некорректным проводить какую-либо точную параллель между такими отношениями и современным представлением о дружбе — это все равно, что сравнивать брак в средние века с современными супружескими отношениями. Но считать, что отличие связано всего лишь с изменением с течением времени концепции дружбы и вообще не имеет никакого отношения к гомосексуальности, было бы чрезмерным упрощением: эротический компонент в «дружбе» в античные времена во многом был обусловлен тем фактом, что гомосексуальность была обыденным явлением во многих античных культурах и вполне вписывалась в рамки дружеских отношений: друзья одного пола

для того, чтобы выразить свои чувства друг к другу, заимствовали из гомосексуального лексикона носящие эротический оттенок выражения… Святой Августин, употребляя эти словесные обороты, выражал любовь, которую он чувствовал к другу своей юности… В отличие от своих современников-христиан Августин горько сожалел о сексуальной стороне таких эмоций… а в более старшем возрасте уже отвергал саму моральную допустимость гомосексуальных отношений».

В те годы Августин также имел любовницу, которая в 371 году родила ему сына, названного Адеолатусом. В период между 374 и 383 годами Августин возглавлял школу риторики в Карфагене; затем он перебрался в Рим, где продолжил преподавание риторики. Находясь под большим влиянием римского христианского проповедника Амброзия, Августин отрекся от доктрин манихейства. В пасхальное воскресенье 25 апреля 387 года Августин и его сын Адеолатус крестились и приняли христианскую веру.

Порвав все отношения со своей любовницей, Августин в 388 году возвратился в Африку. Он продал свое имение, раздал деньги бедным, а свой дом превратил в монашеский приют. Адеолатус вплоть до своей преждевременной кончины в восемнадцатилетнем возрасте также прислуживал в этом монастыре. Августин получил духовный сан в Гиппо (ныне это город Аннаба в Алжире) и в 395—396 годах был назначен помощником епископа, а вскоре получил свой епископат. В течение последующих тридцати лет он написал свои важнейшие труды, включая «Исповеди» (397—401), «На Трои-|цу» (400-416) и «Божий Град» (413—426).

В августе 430 года в Карфаген вторглись вандалы, и Гиппо попал в осаду. 28 августа, в самый разгар осады, Августин скончался. Предание гласит, что вскоре после этого вандалы ворвались в город и сожгли все вокруг, кроме монастыря Августина.

Августин считается одним из величайших отцов-основателей Римской католической церкви, мыслителем, который изменил течение западной цивилизации. Он постулировал понятия греха, отступничества, разграничил добро и зло, то есть создал то, что так укрепилось в нашем сознании и без чего — хорошо это или плохо — невозможно представить наш мир. Не будет преувеличением сказать, что Августин привил нам, ни много ни мало, чувство осознания самих себя. Его влияние также сильно сказалось в привнесении аскетического начала в христианство — идеи, получившей широкое развитие. Отталкиваясь от канонов учения апостола Павла, Августин осуждал любые сексуальные

действия, даже между мужем и женой. Единственным морально приемлемым допущением секса было, по его мнению, продолжение человеческого рода, хотя и это рассматривалось им как богопротивное дело. Как он писал: «Нет ничего на свете, что так бы разлагающе действовало на мужскую душу, чем привлекательность женщин и телесный контакт с ними». Гомосексуальные отношения, естественно, также осуждались.

Будучи ярко выраженным женоненавистником, Августин особенно возмущался мужчинами, которые позволяли использовать свое тело «как женщины», поскольку считал, что «тело мужчины достойнее тела женщины подобно тому, как душа достойнее тела». Августин, как никто другой, поддерживал тысячелетнюю традицию христианства в подавлении физических проявлений любви, не относящихся к продолжению человеческого рода.

Появление в моем списке фигуры святого Августина несомненно провоцирует некоторое чувство протеста. Но я всего лишь заострил внимание на том, что в годы своей молодости Августин потворствовал плотским удовольствиям как с мужчинами, так и с женщинами. В этом он, вероятно, почти не отличался от многих натурализовавшихся граждан Римской империи, не признававших наших современных границ между гомосексуальным и гетеросексуальным. Его последующее осуждение своей жизни в молодости имело и продолжает иметь огромные последствия для всех нас. Вместо святого Августина я мог бы включить в этот список апостола Павла — человека, охарактеризованного епископом Джоном Спонгом, автором недавно вышедшей и вызвавшей противоречивые отклики книги, как «ненавидящего самого себя и подавляющего свои чувства гея». Как пишет Спонг: «На мой взгляд, ничем другим нельзя объяснить самоосуждающую риторику Павла, его отвращение к собственному телу, его ощущение подверженности внешнему влиянию, которому он не в силах противостоять». В той же степени, в которой мы можем упрекнуть этих людей за то, что они дали толчок многовековому преследованию геев и лесбиянок, мы можем тем не менее и выразить им признательность за их мощное влияние на развитие цивилизации западного мира.

17. МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРОТТИ

note 13

Микеланджело Буонаротти родился б марта 1475 года в тосканской деревушке Капрезе, где его отец был старостой. Он рано лишился матери и получил воспитание в масонском заведении вблизи Сеттигано. Когда его отец снова женился в 1485 году, Микеланджело переехал жить к нему во Флоренцию. В этом городе, где даже стены дышат высоким искусством, мальчик дружил с учениками школ живописи и много времени проводил, копируя работы таких мастеров, как Донателло, Джотто, Масаччио и Боттичелли. В 1488 году, несмотря на резкие протесты своего отца, он поступил учеником к фресковому живописцу Гирландайо и в 1498 году начал обучаться в школе искусств Лоренцо де Медичи под руководством скульптора Бертольдо, бывшего в свое время учеником самого Донателло. В последующие три года Микеланджело жил во дворце Медичи, где на него оказал сильное влияние неоплатонизм, являвшийся основным интеллектуальным течением при дворе Медичи.

Когда Лоренцо в 1492 году умер, суровый реформатор Саванарола спровоцировал народные волнения, в результате чего Медичи вынуждены были бежать из Флоренции. Спасаясь от возникших гражданских беспорядков, Микеланджело сначала переехал жить в Венецию, затем в Рим. В течение последующих пяти лет жизни в Риме он создал первые из своих знаменитых работ, включая скульптуры «Вакх» (1496— 1498) и всем известную «Пьета» в соборе Святого Петра (1498—1500). Тем временем во Флоренции гнев людей обернулся против Савонаролы, и он был сожжен на костре в 1498 году. В 1500 году по приглашению флорентийских граждан Микеланджело с триумфом вернулся в этот город. Вскоре в его распоряжении оказалась мраморная глыба четырехметровой высоты, от которой отказались уже два скульптора. Три последующих года он самозабвенно работал, почти запершись в своей мастерской, чем возбудил массу интригующих ожиданий, и, когда в 1504 году его монументальная статуя обнаженного Давида предстала на суд публики, все были в неописуемом восхищении.

Микеланджело начали осаждать многочисленные заказчики. В 1505 году властолюбивый и не чуждый земных благ папа Юлий II приказал ему вернуться в Рим, заказав усыпальницу для самого

себя. Этот проект, вызвавший у Микеланджело наибольшие огорчения за все время его творчества, послужил началом его долгих и непростых отношений с римскими папами из рода Медичи. Он потратил целый год труда над гигантской бронзовой статуей, которая должна была венчать монумент, чтобы чуть ли не сразу после окончания работы стать свидетелем того, как она была переплавлена на пушки.

В период между 1508 и 1512 годами он был занят выполнением другого колоссального проекта Юлия II — росписи Сикстинской капеллы. Героическая повесть о художнике, лежащем дни напролет на жестких подмостях и с трудом вытирающем капающую на лицо краску, стала легендарной. После смерти в 1513 году папы Юлия II его престолонаследники настояли на выполнении еще одного проекта надгробной скульптуры для их предшественника. На это, включая вызванные капризами заказчиков многочисленные переделки, было потрачено сорок лет жизни Микеланджело. «Вся моя молодость ушла в этот надгробный монумент», — писал он. В итоге он был вынужден отказаться от реализации своего замысла, предусматривающего возведение надгробия как части внутренней архитектуры собора Святого Петра. Колоссальная мраморная статуя Моисея и статуи, известные под названием «Рабы», навеки остались впечатляющими частями незавершенного целого.

В 1516 году папа Лев X (следующий после Юлия II), сын Лоренцо де Медичи, приказал Микеланджело вернуться во Флоренцию и создать часовню для семейства Медичи. Работа над этим проектом продолжилась и после избрания нового папы Клемента VII, тоже из рода Медичи.

Когда войска Священной Римской империи вошли в 1527 году в Рим, Клемент направился во Флоренцию, будучи рассержен на горожан, не пришедших ему на помощь. Микеланджело был поставлен во главе флорентийских отрядов самообороны, противостоявших его старому патрону, и город продержался в осаде девять месяцев. Однако предатель открыл папским войскам дверь в город. Микеланджело был вынужден скрываться несколько недель в башне, но потом ему были принесены извинения и предложено продолжить работу над часовней Медичи.

В 1534 году часовня была завершена, Микеланджело покинул Флоренцию — на этот раз уже навсегда — и отправился в Рим. Ему было уже почти шестьдесят. Папа Павел III дал ему заказ на создание стенных фресок в Сикстинской капелле, изображающих Страшный суд. На это ушли последующие пятнадцать лет. В 1547 году он получил пост главного архитектора при реконструкции

собора Святого Петра в Риме и спроектировал огромный купол — он по сей день остается одним из величайших шедевров архитектуры.

Микеланджело скончался в Риме 18 февраля 1564 года, не дожив три недели до 89 лет.

По свидетельствам современников, Микеланджело был замкнутым и погруженным в себя человеком, подверженным внезапным вспышкам буйства. Он жил скромно, в частной жизни был почти аскетом, поздно ложился и рано вставал. В отличие от других художников его времени, таких, как Леонардо да Винчи и Рафаэль, безразлично относился к моде, отдавая предпочтение простой рабочей одежде и удобной обуви. Говорили, что он часто спал, даже не снимая своих ботинок.

Хотя он считал себя в первую очередь скульптором, его блистательный гений проявлялся во всем, чем бы он ни занимался, будь это скульптура, живопись, архитектура или поэзия. Он написал более трехсот сонетов, многие из них посвятив молодым людям, в частности Жерардо Перини и Фебо ди Поджио.

В 1532 году в возрасте 57 лет Микеланджело повстречал прекрасного юношу из аристократической семьи по имени Томмазо де Кавальери, которому посвятил остаток своей жизни. Он написал в его честь множество любовных сонетов, посылал ему рисунки. На одном из них он изобразил себя в качестве крылатого Зевса, подобно орлу, уносящему в небеса Кавальери, изображенного в виде пастушка Ганимеда. Судя по всему, их отношения были чисто платоническими: Микеланджело — в роли старшего по возрасту восхищенного воздыхателя, а Кавальери был олицетворением недосягаемой молодости и красоты. Их дружбе суждено было продлиться тридцать два года, и Микеланджело умер на руках у Кавальери. Когда в 1623 году поэмы, посвященные Кавальери, были впервые опубликованы, племянник Микеланджело был вынужден изменить некоторые фрагменты в них, что свидетельствует о том, что его современники были поражены гомосексуальной направленностью сонетов.

При жизни Микеланджело его сексуальность толковалась двояко. Аретино осуждал его за содомитские отношения с Перини и Кавальери. Он писал: «Хоть талант твой божественный, к мужскому полу ты неравнодушен». Другие, подобно Вазари, утверждали, что Микеланджело был «женат на своем искусстве».

Особенно интригующими и интимными являются сонеты Микеланджело общим числом около пятидесяти, которые были написаны в 1544 году на смерть пятнадцатилетнего Франческо

(Чеччино) ди Заноби Брацци — любимого племянника Луиджи дель Риччио. «Я принадлежал тебе лишь час, — писал он от имени юноши, — теперь я принадлежу смерти навечно». Микеланджело, которому в ту пору было шестьдесят восемь лет, похоже, был необычайно откровенен в описании своих чувств в переписке с дядей Чеччино. Например, в письме от 1542 года к Луиджи Микеланджело пишет о том, как во сне ему привиделся Чеччино. Содержание этого сна может вполне быть описано как гомоэротическое сновидение. Тон письма предполагает определенную степень взаимного доверия между Микеланджело и Луиджи дель Риччио. «Я не так давно послал этот мадригал во Флоренцию. Сейчас после еще одной доработки я отсылаю его тебе, и ты волен, если хочешь, предать его огню, тому же огню, что испепеляет меня изнутри. Я бы хотел просить тебя еще об одной милости: не мог бы ты помочь мне разобраться в том сне, который я видел сегодня ночью и который не дает мне покоя; когда я увидел нашего кумира во сне, мне показалось, что он смеялся и угрожал мне; и я не знаю, какую из этих двух эмоций посчитать ко мне относящейся. Я прошу тебя выведать это у него, и, когда мы завтра увидимся, то, может быть, ты поможешь мне разобраться».

Микеланджело был, возможно, величайшим художником изобразительного жанра всех времен, добившимся славы во всех его направлениях. Сексуальная ориентация Микеланджело ярче всего выражена в его творчестве, которое пронизано любовью к мужской красоте. Даже женские фигуры на его картинах частенько напоминают мужские. Посредством своей эпической концептуализации и изображения мужского тела он оказал неизмеримое влияние не только на гей-культуру, но и на образное мышление в универсальной мировой культуре. Идеал мужской красоты всегда покоряет общественное сознание: примером тому был еще Ангиной — возлюбленный императора Адриана. Его прекрасные черты стали изобразительной доминантой в античном искусстве позднего периода. Образ Давида, созданного Микеланджело, — уверенного и в то же время как бы сомневающегося, готового к действию и в то же время расслабленного, юного, но с мощным телосложением, — вошел в историю как новый тип мужественной красоты, остающийся с нами по сей день. Каждый раз, когда вы встречаете накачанного парня в Челси, или в Кастро, в Уэст-Холливуде, либо в Кей-Уэсте, знайте, что мимо вас проходит гей, неосознанно отдающий дань признания представлению о мужской красоте, заложенному Микеланджело еще пятьсот лет назад. Он до сих пор посредством своих творений влияет на наше видение самих себя. Руки этого

величайшего скульптора продолжают лепить наш мир.

18. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

note 14

Леонардо да Винчи родился в 1452 году в городе Винчи, в провинции Тоскана в Италии. Незаконнорожденный сын флорентийского нотариуса и крестьянской девушки, он воспитывался дедушкой и бабушкой по отцовской линии. Необычайное дарование Леонардо было замечено художником Андреа дель Веррочино, и Леонардо стал в четырнадцать лет его учеником. Спустя десять лет, по-прежнему живя рядом с Веррочино, Леонардо вместе с еще тремя учениками был обвинен в совершении «безбожных поступков» с семнадцатилетним натурщиком по имени Джокобо Салтарелли. Они получили жесткое взыскание.

В 1482 году Леонардо оказался в Милане при дворе Лодовико Сфорца, где он составил свои знаменитые «Записки» и создал такие шедевры, как «Мадонна в пещере» (1483—1486) и в настоящее время в значительной степени утраченную в оригинальном виде фреску «Тайная вечеря» (1495—1498) в соборе Санта Мария делле Граци. Когда в 1499 году французская армия вторглась в Италию, Леонардо вернулся во Флоренцию, став военным инженером у Цезаре Борджиа. Его величественная фреска в честь победы Борджиа над французами так и не была завершена — Леонардо не мог устоять перед своим никогда не ослабевавшим интересом к новаторским экспериментам в области фресковой живописи и переключился на другие работы. В тот флорентийский период он также написал свою знаменитую «Мону Лизу» (1503).

В 1507 году Леонардо поступил на службу к французскому королю Людовику XII, работая сначала в Милане, затем в Риме, где он смог проявить себя и в таких областях науки, как геология, ботаника и механика. В 1515 году французский король Франсуа I предоставил в его распоряжение замок Клу, где ему были созданы условия для научных изысканий.

Леонардо был очень скрытным человеком, окружавшим себя ореолом секретности — все его записи, к примеру, были выполнены шифром. В силу этого нам мало известно о его частной жизни, исключая тот факт, что рядом с ним всегда было немало красивых юношей, которые служили его ассистентами. Это Чезаре де Сесто, Болтраффио, Андреа Са Лаино и молодой

аристократ по имени Франческо Мелци, которого Леонардо усыновил и сделал своим наследником. В его окружении был также прелестный десятилетний мальчик, которого звали Капротти. Леонардо прозвал его «маленьким чертенком» за то, что он постоянно норовил стащить что-нибудь у Леонардо. Все эти пропажи Леонардо методично, но с ироничными и великодушными комментариями фиксировал в своих дневниках. Образ этого мальчика встречается в рисунках и набросках Леонардо, относящихся почти к двадцатилетнему периоду его творчества.

Леонардо творил не спеша, и концовка работ всегда затягивалась (одна только итоговая доработка «Моны Лизы» заняла четыре года). Многие из его современников считали, что он распыляет свой талант и отпущенное ему время. Как пишет историк Вазари, на смертном одре Леонардо сокрушался, что обидел Бога и людей, не успев выполнить свой долг в искусстве.

Леонардо скончался в замке Клу в 1519 году.

Франческо Мелци был рядом с ним до последних минут. Всеобъемлющий вселенский гений, Леонардо был необычайно выразительным и своеобразным художником, многосторонним мыслителем, новатором и ученым с широчайшим кругозором. Он оставил нам более восьми тысяч страниц дневниковых записей, содержащих научные проекты, изобретения, архитектурные проекты и зарисовки.

После выхода в свет знаменитого эссе Зигмунда Фрейда «Леонардо да Винчи и его воспоминания о детстве» (1910), этот мастер эпохи Возрождения стал рассматриваться в качестве человека, оказывающего чрезвычайно сильное влияние на современную гей-психологию. В этом эссе, написанном в то время, когда он анализировал свои чувства к своему бывшему интимному другу Вильгельму Флиссу, Фрейд впервые разработал основы своей теории причин гомосексуальности. Эссе Фрейда посвящено анализу воспоминаний Леонардо о своем детстве, отображенных в дневниках: «Пожалуй, самым ранним моим воспоминанием является видение хищной птицы, севшей на край моей колыбели, открывшей мой рот своим хвостом и начавшей хлестать меня этим хвостом по губам». Как утверждает Фрейд, этот эпизод является на самом деле не воспоминанием детства, а возникшей позднее сексуальной фантазией, перенесенной на подсознательный уровень. Сами же сексуальные фантазии, пишет далее Фрейд, «лишь повторяют в различной форме ситуацию, в которой все мы в раннем детстве чувствовали приятное, — когда мы были на руках у матери и сосали ее грудь».

Из этой предпосылки Фрейд выводит аргумент столь же

блестящий, сколь и сомнительный: «Мальчик подавляет свою любовь к матери, он представляет себя в ее качестве, отождествляет себя с ней и принимает свою личность моделью, в рамках схожести с которой впоследствии и выбирает новые объекты для своей любви. Таким образом он превращается в гомосексуала. Это означает, что он фактически переключился на аутоэротизм: в мальчиках, которые ему отныне по мере подрастания нравятся, он подсознательно прежде всего видит самого себя в детстве. Можно сказать, что он ищет объект своей любви на тропе нарциссизма».

Фрейд затем продолжает доказывать, что, «подавляя свою любовь к матери, гомосексуал сохраняет ее на подсознательном уровне и подсознательно же стремится сохранять верность ей. Будучи поклонником мальчиков и влюбляясь в них, он избегает женщин, храня, таким образом, верность матери… Мужчина, который, как кажется, интересуется только мужчинами, на самом деле испытывает влечение к женщинам, как и любой нормальный мужчина; но в каждом случае он спешит перенести возбуждение, полученное от женщины, на мужчину, и эта ситуация воспроизводится раз за разом благодаря приобретенному гомосексуальному устройству его подсознательной психики».

Согласно Фрейду, в таких трансформациях желания и лежит разгадка феномена загадочной улыбки Моны Лизы Джоконды.

Трудно переоценить то огромное влияние (может быть, и положительное, но скорее всего отрицательное), которое это сильное, но весьма спорное фрейдовское прочтение образа Леонардо оказало на судьбы бесчисленного количества геев, прошедших разного рода курсы психотерапии с целью «вылечиться» от гомосексуальности. Объяснение Фрейдом «механизма» приобретения человеком гомосексуальности легло в основу многих чрезмерно упрощенных медицинских и психоаналитических концепций гомосексуальности в нашем веке, и мы только сейчас начинаем избавляться от них. Являясь, пожалуй, самым знаменитым объектом анализа по Фрейду, Леонардо продолжает оказывать большое влияние на современных геев и лесбиянок. Но есть и другое влияние, обусловленное собственно личностью самого Леонардо. Это влияние человека неукротимой созидательной энергии и проницательности, человека, чья гомосексуальность общепризнанно неразрывно связана с его гениальностью. Если сам Леонардо был геем, кто посмеет упрекнуть человека лишь за то, что он гей? Сила такого аргумента непреодолима.

19. КРИСТОФЕР МЭРЛОУ

note 15

Сын кентерберийского сапожника, Кристофер Мэрлоу был крещен 26 февраля 1564 года. В 1579 году он поступил в Королевскую школу в Кентербери и далее, в 1581 году, продолжил учебу в Корпус Кристи Колледж в Кембридже, где спустя три года получил степень бакалавра. Затем он совершенствовал свое образование в Кембридже, заслужив ученую степень магистра. По поводу его периодических загадочных исчезновений из колледжа ходили разного рода слухи, и Тайный Совет в 1587 году прислал в Кембридж специальное разъяснительное письмо, где сообщалось о том, что Кристофер Мэрлоу состоит на службе у правительства Британии и в силу специфики своих заданий вынужден время от времени отъезжать, иногда за границу. В письме указывалось, что Мэрлоу не должен был за свои отлучки получать нарекания «от несведущих в делах государства лиц». Существуют предположения, что Мэрлоу был завербован секретной службой; исследователи даже нашли в архивах записи, в которых упоминается о том, что «Мэрли», или «Мэрлин» (точное произношение в то время было необязательным), был послан со специальным заданием на континент.

После Кембриджа Мэрлоу перебрался в Лондон, где начал писать пьесы для театра. Информация о первых годах его жизни в Лондоне скудная, хотя время от времени его имя мелькает в юридической хронике того времени: в 1589 году, например, он некоторое время провел в Ньюгейтской тюрьме, будучи обвиненным в участии в инциденте, в результате которого был убит некий Уильям Брэдли. А к маю 1592 года относится запись о том, что Мэрлоу был задержан констеблями в Шордитче за учиненные беспорядки.

В следующем году драматург Томас Кид был арестован за клевету в адрес протестантских беженцев в Лондоне. У него был проведен обыск и было найдено несколько документов, содержание которых было расценено как еретическое. Под пытками он сообщил, что автором этих бумаг является Мэрлоу, который к тому времени уже имел в округе репутацию «атеиста», что в елизаветинскую эпоху могло означать разного рода отклонения в правоверности. Кид показал, что Мэрлоу был

автором «подлых и еретических острот, отрицающих божественность Иисуса Христа». Тайный осведомитель Ричард Бэйнс подтвердил часть показаний Кида против Мэрлоу в «донесении, излагающем извращенные суждения Кристофера Мэрли о религии и слове Божьем». Согласно донесению Бэйнса, Мэрлоу считал, что «апостол Иоанн был любовником Христа и поэтому пользовался его особым вниманием; он использовал Иоанна подобно грешникам из Содома». Возможно, еще более шокирующим выглядит обвинение в том, что Мэрлоу «был убежден в том, что все, кто не любит мальчиков и не курит табак, — это законченные дураки».

18 мая 1593 года Тайный Совет выдал санкцию на арест Мэрлоу, хотя всего два дня спустя его выпустили под подписку о невыезде. 30 мая, проводя время в таверне в Дептфорде в компании Николаев Скирса, Роберта Поули и Ингрэма Фрайзера, Мэрлоу был убит Фрайзером. Как заявил впоследствии Фрайзер, ссора возникла по поводу оплаты счета. Мэрлоу якобы выхватил из-за пояса Фрайзера нож и попытался ударить его им, при этом, защищаясь, Фрайзер отнял у Мэрлоу нож и вонзил его ему повыше правого глаза. Нож глубоко вошел в голову, и смерть Кристофера Мэрлоу была мгновенной. Он был похоронен в Дептфорде 1 июня. 28 июня Ингрэм Фрайзер был помилован.

Был ли Мэрлоу убит именно при таких обстоятельствах или это было преднамеренное убийство? Нам этого уже никогда не узнать. Известно лишь, что Скирс и Поули были секретными агентами, а Поули к тому же был фактически двойным агентом. С учетом того, что Мэрлоу сам участвовал в тайных делах правительства, а также беря во внимание его противоречивую репутацию, можно считать обстоятельства его смерти в высшей степени подозрительными.

Мэрлоу несомненно прославился в первую очередь благодаря своим пьесам. Он был первым великим драматургом елизаветинской эпохи, и его новации обогатили английскую драму. Для его пьес характерны мрачноватая чувственность, сложность, двусмысленность. Он ввел белый стих, названный впоследствии Беном Джонсоном «могучей строкой Мэрлоу» и ставший неотъемлемым признаком драмы елизаветинского времени, проложив тем самым путь к признанию пьесам Вильяма Шекспира. Всегда есть соблазн представить то, как могли бы развиваться в том или ином случае события: перед своей смертью в возрасте двадцати девяти лет Мэрлоу уже успел написать такие шедевры, как «Трагическая история доктора Фауста» (1588), «Еврей с Мальты» (1589) и «Беспокойное царствование и прискорбная смерть Эдуарда II» (1592). Бывший же его

современником Шекспир, напротив, в молодом возрасте не написал ничего существенного.

Я в своем списке поставил Мэрлоу на одну ступень выше Шекспира не только потому, что Мэрлоу оказал огромное влияние на развитие английской драмы, в том числе и на творчество Шекспира, но также и за его замечательное и бескомпромиссное исследование хитросплетения гомосексуальных желаний в «Эдуарде II», что позволяет назвать эту работу одним из первых образцов «современных» эксцентричных текстов. Нескрываемая гомосексуальность Мэрлоу и его атеизм, его мужественное, мятежное сопротивление косным канонам официальной религии — все то, что вносило одновременно и оживление и смущение в сознание граждан елизаветинской эпохи, хотя одновременно было для самого Мэрлоу самоубийственным, делает его фигуру неумирающим символом, дошедшим к нам через века. Это особенно убедительно показал режиссер Дерек Джармен в своем недавно вышедшем на экраны смелом фильме «Эдуард II», в котором фигура короля словно взята из пьесы Мэрлоу, называвшего его «наш парадоксальный Эдуард».

В затрагивающих человеческую душу и сердце строках современник Майкл Дрейтон так воспел Мэрлоу:

«Лаконичный Мэрлоу купался в бурлящих ключах своих драм, храня в себе все отчаянное безумие первых поэтов. Его восторгами были весь воздух и огонь, делавшие его стихи прозрачными. Все это неистовство он сохранил, ведь только мозг поэта может им владеть».

20. УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

note 16

Мы владеем лишь немногими достоверными фактами, относящимися к биографии Уильяма Шекспира. Нам неизвестна точная дата его рождения, однако метрические церковные записи свидетельствуют о том, что он был крещен в соборе Святой Троицы в Стрэтфорде-на-Авоне, графство Уорвикшир, Англия, 26 апреля 1564 года. Его отец, Джон Шекспир, преуспел в торговле и в 1568 году стал мэром Стрэтфорда. Его мать, Мария, была дочерью преуспевающего помещика. Истории мало известно о школьных годах Шекспира: известно лишь, что, согласно мнению его современника Бена Джонсона, он знал немного по-латыни и еще меньше по-гречески.

В университете он не учился. Согласно двум распространенным легендам молодой Шекспир был сначала помощником мясника, а впоследствии ему пришлось покинуть Стрэтфорд за то, что он убил оленя во владениях сэра Томаса Люси Чарликоута. Достоверно известно, что 27 ноября 1582 года 18-летний Шекспир женился. Его невеста, Энн Хезэвэй, была уже, очевидно, беременной, так как в церковной книге имеется запись о крещении 26 мая 1583 года их дочери Сюзанны. Судя по надписи на надгробном камне Энн Хезэвэй — на нем написано, что она скончалась в 1623 году в возрасте 68 лет, она была на восемь лет старше Шекспира. Церковные записи от 1585 года свидетельствуют о рождении еще двоих их детей — близнецов Хэмнета и Джудит.

Данных о жизни Шекспира в последующие 7—8 лет нет, и лишь в 1592 году он упоминается в памфлете лондонского драматурга Роберта Грина, который предостерегает своих друзей об актере, который имеет дерзость сам писать пьесы:

«Эта выскочка-ворона, украсившая себя надерганными у нас перьями, человек, который считает, что он способен писать таким же возвышенным белым стихом, как и лучшие из вас; а то, что он является безусловным Johannes fac totum, питает в нем тщеславие».

С 1595 года Шекспир упоминается как лидер и совладелец «Труппы лорда Чемберлена» (позднее она стала называться «Королевская труппа Джеймса I»). Не осталось записей о том, в каких именно ролях и в каких пьесах играл Шекспир, хотя

считается, что он играл роли второго плана, наподобие призрака в «Гамлете»; однако точно известно, что в период между 1590—1591 и 1612—1613 годами он участвовал в тридцати восьми пьесах, что составляло почти весь репертуар труппы. В 1599 году он стал совладельцем театра «Глобус», а в 1608 — совладельцем Доминиканского театра. Четыре или пять лет спустя он вернулся в Стрэтфорд и стал жить в доме, который купил на свои театральные заработки в 1597 году. Шекспир скончался 23 апреля 1616 года.

Все двадцать лет пребывания Шекспира в Лондоне Энн Хезэвэй жила в Стрэтфорде. В своем завещании он оставил ей «вторую и лучшую кровать», а на своем надгробии заказал написать проклятие, которое выполнило свое предназначение — не допустить того, чтобы жена была похоронена рядом с ним.

В пьесах Шекспира есть лишь косвенно обозначенные гомосексуальные моменты: всякого рода переодевания мужчин в женское платье и наоборот, эпизоды, когда возникают конфузы из-за того, что мужчина оказывается женщиной, и так далее. К ним, например, относится эпизод с Орландо и Розалиндой в пьесе «Как вам это понравится» (Розалинда переоделась Ганимедом, а это имя имело в период позднего Ренессанса явно выраженный гомосексуальный смысл). Можно также вспомнить сцену с Виолой и Орсино в «Двенадцатой ночи». Если же говорить о несомненном выражении гомосексуальных чувств, то следует назвать сонеты, написанные, вероятно, в период 1590-х годов и опубликованные без разрешения Шекспира в 1609 году. 154 сонета в этом «пиратском» издании посвящены «Единственному вдохновившему: мистеру W. H.». С тех пор велось много споров насчет того, кем мог быть этот загадочный W.H. Выдвигались разные версии: это и Генри Роусли, граф Саутгемптона, и Уильям Херберт, граф Пемброка, и некий юноша из труппы Шекспира по имени Вилли Хьюджес (эта гипотеза принадлежит Оскару Уайльду); вплоть до предположения о том, что W.H. — это всего лишь случайная ошибка Уильяма Шекспира в написании своих собственных инициалов.

Сонеты можно четко разделить на две группы: первые 126 адресованы молодому человеку большого обаяния и красоты, который в 20-м сонете игриво назван «хозяйкой-госпожой моей страсти»; последние 28 сонетов посвящены некоей «темной даме». Эти две группы, похоже, перекликаются в сонетах 40—42 и 133—136, где интрига между юношей и темной дамой ведет их к измене поэту. Сонет 144 является, возможно, наиболее красноречивым изложением фабулы поэтической секвенции:

На радость и печаль, по воле рока,

Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина, светлокудрый, светлоокий,
И женщина, в чьих взорах мрак ночной.
Чтобы меня низвергнуть в ад кромешный,
Стремится демон ангела прельстить,
Увлечь его своей красою грешной
И в дьявола соблазном превратить.
Не знаю я, следя за их борьбою,
Кто победит, но доброго не жду.
Мои друзья — друзья между собою,
И я боюсь, что ангел мой в аду.
Но там ли он, — об этом знать я буду,
Когда извергнут будет он оттуда.
(Пер. С. Я. Маршака)

(Последняя строка явно относится к сифилису, который, как боится поэт, молодой человек может подхватить от темной дамы.)

Поскольку в ранних изданиях сонетов были изменены звучание и порядок следования некоторых из них, до конца XVIII века ни один из них не воспринимался по содержанию как гомосексуальный. В 1780 году Джордж Стивене, редактируя поэмы Шекспира, подверг критике сонет 20 с его посвящением «хозяйке-госпоже моей страсти», настаивая на том, что «невозможно читать этот панегирик, адресованный мужчине, без омерзения и в равной степени возмущения».

А в XIX веке отец известного поэта и гея Жерар Мэнди Хопкинс сожалел о том, что шекспировские «загадочные сонеты представляют собой порочную причуду, суть которой заключается в применении нежных, любовных эпитетов к своему мужественному другу — его хозяйке-госпоже, как он его называет; этот сложносочиненный эпитет пошлый и неприятный».

Что бы ни говорили о сексуальной стороне сонетов Шекспира, они были и остаются великолепными образцами высокой поэзии. Безусловно, на страницах этой книги не хватит места, чтобы описать огромное влияние Шекспира. Он, скорее всего, является самым великим писателем англоязычной культуры, а может быть, и всей мировой. Его влияние на развитие английского языка может сравниться с «Библией» короля Джеймса. Очень многие люди неосознанно цитируют Шекспира в повседневной жизни.

Однако в рейтинге моей книги значимость Шекспира стоит ниже чем, скажем, Кристофера Мэрлоу. Частично это объясняется тем, что истинный смысл сонетов почти наверняка никогда не будет познан. Некоторые писатели-геи пришли к выводу, что Шекспир на самом деле никогда не был геем. Другие же,

например Joseph Pequigney в своей последней научной публикации, усердно доказывают обратное. И все-таки гомосексуальное прочтение сонетов Шекспира столь многими читателями в разные времена дает мне право поставить его под номером двадцать в моем рейтинговом списке.

21. ИОГАНН ИОАХИМ ВИНКЕЛЬМАНН

note 17

Иоганн Иоахим Винкельманн, сын сапожника, родился 9 декабря 1717 года в городе Стендал в Пруссии. С самых юных лет он был очарован античным искусством, особенно Гомером, которого он впервые прочитал в английском переводе Александра Поупа. Начиная с 1738 года он изучал теологию в университете Галле и позднее медицину в Йенском университете. В 1742 году его учеником стал юноша по имени Ф.В.Петер Лампрехт, в которого он влюбился. Год спустя он переехал в Зеехаузен, Лампрехт последовал за ним, и они вместе жили до 1746 года, когда Лампрехт разорвал с ним отношения. Винкельманн был на грани отчаяния. «Я отрекаюсь от всего, — писал он Лампрехту, — от чести и удовольствий жизни, спокойствия и удовлетворенности, пока я не смогу насладиться встречей с тобой… Мои глаза плачут только о тебе… Я буду любить тебя, пока я жив».

В 1748 году Винкельманн становится управляющим библиотекой графа фон Бюнау в Нетнице вблизи Дрездена. Именно здесь он начал интенсивно изучать классическое искусство Древней Греции, что в 1755 году нашло отражение в его эссе под названием «Размышления о подражании работам мастеров античной Греции в живописи и скульптуре». В этой работе Винкельманн сформулировал свой известный парадокс: «Для нас единственным способом создать великую и, если возможно, неподражаемую культуру, будет подражание античным грекам». Его страстная проповедь наэлектризовала европейское интеллектуальное сообщество, и это произведение было переведено на несколько языков.

Тем временем Винкельманн обратился в римскую католическую веру и переехал жить в Рим, где стал управляющим библиотеки Ватикана и секретарем кардинала Альбино — эта должность дала ему доступ к восхитительной частной коллекции классических произведений искусств. Жизнь в Риме была по душе Винкельманну, и в письме к другу, датированном 1756 годом, мы читаем: «Я доволен своей жизнью. У меня нет других хлопот кроме моей работы, и я даже нашел того, с кем могу говорить о

любви: это шестнадцатилетний белокурый римлянин очень приятной наружности, примерно на полголовы выше меня; но я могу видеть его лишь раз в неделю, когда мы ужинаем вместе по воскресеньям вечером».

В 1764 году Винкельманн опубликовал свою «Историю античного искусства». Главный тезис этой работы гласил, что искусство Древней Греции органично развилось из архаичных форм в величественные работы таких мастеров, как Фидий в V в до н. э. и Праксителъ в IV в до н. э. Эта эволюция, как доказывал Винкельманн, явилась результатом личной свободы, культивировавшейся в древнегреческом государстве: в этом, как его называл Винкельманн, утопическом обществе, организованном таким образом, чтобы его граждане могли выражать всю полноту воих художественных талантов.

Давая в целом античному искусству с его «благородной простотой и спокойной величественностью» высочайшую оценку, Винкельманн подчеркивал, что в основе всего этого лежит праздник красоты человеческого тела, когда отброцено все ханжество и лицемерие. Признаки этого художественного стиля он описал с немецкой педантичностью.

В лицевой структуре так называемый греческий **профиль** является отличительным признаком большой красоты. Такой профиль образуется почти прямой или слегка изонутой линией лба и носа… В идеальном варианте **глаза**неизменно посажены глубже, чем это встречается в приэде, что подчеркивает верхний край глазного углубления… Подбородок, красота которого заключается в плавной округлости его форм, не делится пополам ямочкой… эта ямочка, которая и в природе встречается весьма редко, не считалась греческими скульпторами… необходимым признаком чистой и универсальной красоты. Широкая, с глубоким изгибом **грудь** признавалась неотъемлемым атрибутом красоты мужских фигур…**живот** характерен для людей, которые умеют наслаждаться отдыхом и не страдают плохим пищеварением, не имея, при всем при том, брюшка… **половые органы**, как и все остальное, имеют свою особую красоту. Левое яичко по размерам всегда несколько больше правого, как это и бывает в природе, и это в точности так же относится к глазам — замечено, что левый всегда больше правого».

Художественная красота, по мнению Винкельманна, обладает моральной силой. Стоя перед статуей Аполлона Бельведерского, он написал: «Созерцая это волшебное произведение искусства, я забыл про все вокруг и почувствовал позыв к самосовершенствованию, чтобы быть достойным стоять рядом с этим шедевром». В античной Греции душа и тело были

неразрывным целым. «Греческая гимназия, — восторженно писал Винкельманн, — была школой художников, где молодежь занималась физическими упражнениями полностью раздетой, хотя, находясь в обществе, она одевалась пристойно и ничем не оскорбляла мораль. Так жили они, философы и художники. Сократ, который учил… Фидий, который обогащал свое искусство через созерцание этих прекрасных созданий».

Рассмотрев все аспекты художественного творчества — от технологических подробностей до влияния климата, — «История античного искусства» стала краеугольным камнем, по сути, новой научной дисциплины — сейчас она называется «историей искусства». Наряду с этим поездки Винкельманна в Геркуланеум и в Помпею и его «открытые письма», в которых подвергались критической оценке преподносившиеся как откровения результаты первых, неумелых археологических раскопок, создали ему заслуженную репутацию «отца современной археологии».

Винкельманн никогда не был в Греции, хотя друзья время от времени соблазняли его возможностью совершить трудное в то время путешествие. Для него Греция всегда оставалась неким состоянием духа, а не конкретным географическим понятием. В этом смысле идеализированная Винкельманном Греция стала мощным по своему влиянию интеллектуальным фактором XIX века не только как эталон, давший толчок бурному росту неоклассицизма в искусстве, но и как образец классического мира, в котором обожествлялась красота мужского тела, что было так важно для внутреннего мироощущения геев. Работы Винкельманна оказали также наиважнейшее влияние на творчество таких видных представителей гей-литературы, как Уолтер Патер («Ренессанс») и ДжА-Саймондс («Вопросы этики в Древней Греции»).

В 1768 году Винкельманн вернулся в Дрезден, впервые за десять лет после отъезда в Италию. 8 июня, возвращаясь назад в Рим, он был убит в Триесте молодым человеком по имени Франческо Арканджели, с которым он познакомился за день до этого.

Гете так писал об особой одаренности Винкельманна:

«Если обычно личности многих, особенно ученых, отходят на второй план, когда мы рассматриваем их достижения, в случае Винкельманна характерно обратное: все, что им делается, величественно и замечательно лишь потому, что является проявлением его личности».

Винкельманн был, возможно, наиболее значительной фигурой в процессе переосмысления классической культуры в XVIII веке, главным образом потому, что он был способен оживить

прошлое, привнести свое собственное видение жизни в ушедшие и полузабытые фигуры античности. Его труды сделали гомоэротические идеалы Древней Греции доступными для гей-сознания в переломный исторический момент, когда геи начали понимать суть своей чувственности и ход мировой истории, в которой было обозначено и их место. Более чем кто-либо в его время Винкельманн обозначил эту чувственность, привнеся глубоко личные и звучные мотивы на фоне растущего культурного самосознания.

22. ГАРРИ ХЭЙ

note 18

Гарри Хэй родился 7 апреля 1912 года в Уортинге в Англии. Его отец, бывший управляющий шахтных разработок Уитвотерсренд Дип (южноафриканское месторождение, где добывается примерно половина всего золота в мире), был послан фирмой с заданием открыть новые шахты в районе Золотого Берега в Африке. В этих местах не было налажено никакого медицинского обслуживания, поэтому он был вынужден отправить свою супругу рожать в Англию, где она провела со своим сыном три года, после чего семья вновь воссоединилась на новом месте работы отца в медных копях в Южной Америке. Там его постигло несчастье — он получил серьезную производственную травму, и ему пришлось уехать на лечение в Южную Калифорнию, где и прошли детские и юношеские годы его сына Гарри. Окончив школу в 1929 году, Гарри примерно год работал в одной из адвокатских контор в Лос-Анджелесе. В то время у него уже были регулярные сексуальные контакты с мужчинами, с которыми он знакомился в центральных районах Лос-Анджелеса. На следующий год он поступает в Стэнфордский университет, чтобы изучать историю драмы, и вскоре становится членом гомосексуальной общины в Сан-Франциско, состоящей из актеров, художников и писателей.

После Стэнфорда он возвращается в Лос-Анджелес, и в 1933 году, во время Великой депрессии, не найдя работы в качестве актера, поступает в труппу агитпроповского театра, выступающего перед забастовщиками и на демонстрациях. Этот опыт оказал влияние на политическое мировоззрение Хэя, и в следующем году он вступает в ряды компартии США. Партийная работа заняла последующие пятнадцать лет его жизни и внесла коренные изменения в его личную жизнь. В 1938 году, когда товарищи по партии обнаружили его гомосексуальные наклонности, ему посоветовали избавиться от этих «дегенеративных» сторон его поведения. Он дал честное слово сделать это и вскоре женился на своей партийной подруге Аните Плэтки, полностью посвятив ее в особенности своего затруднительного положения. Этот шаг можно рассматривать как ренегатский, особенно если речь идет о человеке, который считается в Америке основателем движения геев за свои права,

однако, как утверждает его друг Джеймс Кепнер, «в сороковые годы для многих геев, которые должны были поддерживать свое социальное лицо, брак был абсолютно необходим». Женитьба и последующее усыновление детей тем не менее полностью не смогли изменить сексуальную сущность Гарри. Он время от времени продолжал встречаться с мужчинами, и в результате одной из таких связей с молодым архитектором по имени Билл Александер, продлившейся целых семь месяцев, его супружеская жизнь была на грани разрушения.

Поработав во время второй мировой войны организатором профсоюзного движения, Хэй в 1945 году оказался вовлеченным в деятельность Народного образовательного центра в Лос-Анджелесе, пропагандировавшего знания среди рабочих. Три года спустя в ходе предвыборной кампании Генри Уоллеса на одной из вечеринок партийных активистов собрались только геи, и именно в этот день в голове Гарри созрела идея создать организацию геев. Но тогда его никто не поддержал. Через два года, в ноябре 1950 года, пятеро — Гарри Хэй, Боб Халл, Чак Роуланд, Дэйл Дженнингс и человек с псевдонимом «R» — тайно встретились в доме Хэя, чтобы обсудить пути создания организации по защите прав гомосексуальных меньшинств. В результате этих первых дискуссий родилось «Мэттэчин Сосайети», названное так в честь «матачинос» — придворных шутов эпохи итальянского Ренессанса. Этим, носившим маски, людям дозволялось открыто говорить всю правду.

«Мэттэчин Сосайети» состояло из интеллектуалов марксистской ориентации. В ходе своих дискуссий они пришли к пониманию того, что гомосексуалы являются, по сути, представителями социально угнетенного меньшинства, хотя разобщены и не понимают свой статус. Большинство гомосексуалистов находилось под влиянием ложных представлений, считая себя скорее личностями с ненормальными наклонностями, чем коллективной силой. Структура созданного тайного общества представляла собой совокупность ячеек, а в тактике они взяли многое от коммунистов.

В апреле 1951 года Общество тайно распространило свой первый одностраничный манифест. Первые встречи проходили в атмосфере страха: никто не был уверен в том, что их действия не являются незаконными, даже если встречи происходят за закрытыми дверями в частных домах и без допуска посторонних. Постепенно, однако, чувство страха рассеялось и возникло ощущение взаимной поддержки. Через два года общество «Мэттэчин» насчитывало уже две тысячи членов, разбитых на сотню дискуссионных групп. Общество выпускает свою

ежемесячную газету, называющуюся «One», тиражом две тысячи экземпляров.

Тем временем, зная отношение коммунистов к гомосексуализму, Хэй выходит из рядов компартии. Но прошлое все равно настигает его. В 1953 году в США прокатывается волна антикоммунистических гонений, инициаторами которой были сенатор Джозеф Маккарти и его помощник Рой Кон. Опасаясь того, что его бывшие связи с коммунистами могут повредить «Мэттэчин Сосайети», Хэй решает сложить с себя полномочия должностного лица в этом обществе.

Необходимость принятия этого решения чуть не довела его до самоубийства. Семья его к тому времени распалась, да и отношения с его сожителем — вечно чем-то недовольным молодым человеком из Дании Йорном Камгреном — тоже были неважными. Выплата алиментов приводила к постоянной нехватке денежных средств. В это трудное время Хэй интенсивно изучал природу гомосексуальности, и его особенно заинтересовали шаманствующие мужчины-женщины в культурах индейцев Северной Америки (см. далее Ви-Уа note 19). В последующие двадцать лет Хэй поглощен титаническим трудом — изучением «вклада гей-сознания в развитие человеческой цивилизации». По иронии судьбы, его вклад в изучение вопросов гомосексуальности был позднее осмеян теми самыми учеными, само появление которых в научном мире было бы невозможным без начального толчка, данного этим исследованиям в первую очередь именно Хэем.

В мае 1955 года он был вызван для дачи показаний в Комитет по расследованию антиамериканской деятельности, и в результате «Мэттэчин Сосайети» еще больше отстранилось от своего основателя.

В 60-е годы Хэй продолжает участвовать в борьбе за права геев: он помог организовать первый гей-парад в Лос-Анджелесе (возможно, это был первый подобный парад в стране), а в 1966 году он стал председателем лосанджелесского Комитета борьбы против исключения гомосексуалов из американской армии (хотя, когда война во Вьетнаме приняла затяжной характер, пацифист Хэй стал адвокатом при призывном пункте). Вероятно, приметой времени можно считать тот факт, что Хэй вместе со своим любовником Джоном Бернсайдом открыл в те годы фабрику по производству калейдоскопов. Он повстречался с ним в 1963 году, и вдвоем они организовали Кружок любовников-компаньонов. Когда стоунуоллские беспорядки note 20 сотрясали в 1969 году Нью-Йорк, Хэй не испытывал по этому поводу особого восторга — «из-за того, что в шестидесятые годы мы в Лос-Анджелесе уже

осуществили много легальных мероприятий в защиту геев. Насколько я понимаю, события в Стоунуолле означают то, что и Восточное побережье наконец просыпается от спячки». Тем не менее вскоре он почувствовал новый прилив энтузиазма. В декабре этого же года он стал первым выбранным председателем фронта освободительной борьбы геев Южной Калифорнии, одной из множества групп, распространившихся по Америке вслед за событиями в Стоунуолл-Инн. Среди мероприятий группы было: организация «Гей-Ин» — однодневного открытого сбора геев вопреки запрету полиции на подобные собрания в общественных местах, спонсорство «вечеров танцев для геев» в нарушение одного из калифорнийских законов, запрещающего танцы людей одного пола. <

В 1970 году Хэй и Бернсайд переместили свою фабрику по производству калейдоскопов в Нью-Мексико — место, которое манило Хэя еще с тех пор, когда он впервые попал туда в 1950 году, пытаясь взять интервью у настоящего индейского шамана. Эта попытка тогда закончилась неудачей. Возможно, находясь под влиянием особой атмосферы Нью-Мексико, в конце семидесятых — начале восьмидесятых Хэй все больше начинает интересоваться вопросами духовности. Он образует «Radical Faeries» — сплотившее геев движение, целью которого были защита окружающей среды и поиск духовной истины. Первый съезд «Radical Faeries» состоялся в аризонской пустыне в 1978 году. Прибыло около двухсот геев. Хэй выступил перед ними, сказав следующее: «Отбросим ненавистную дешевку гетероимитации, чтобы найти сияющего принца из волшебного царства». Его воображение рисовало сеть специализированных центров, где геи могли лечиться и получать уход. Он затратил много времени и сил на то, чтобы купить землю под первый такой центр для сообщества «Radical Faeries». Вскоре, однако, отношения Хэя с этим сообществом стали напряженными и, точно так же, как это было и в случае с «Мэттэчин Сосайети» тридцать лет ранее, он лишился лидерства в организации.

Длинная и неординарная жизнь Гарри Хэя может быть сравнена со своеобразным барометром жизни геев в США в нашем веке. Значимость его жизненных достижений заключается в том, что он всегда был на передовой борьбы за перемены, всегда предвосхищал движущие силы исторических процессов, непрерывно изменяющих облик нашей культуры. Хотя «Мэттэчин Сосайети» подверглось массированной критике за его политическую слабость в 60-е годы, факт остается фактом — деятельность этого общества была первым, беспрецедентным по своему мужеству опытом в долгой битве за права геев в Америке.

Тот, кто критикует это общество, рассматривает его с позиций сегодняшнего дня, будучи хорошо защищенным свободами, за которые в свое время «Мэттэчин Сосайети» пришлось так много сражаться. Поэтому, образно говоря, тень Гарри Хэя простирается далеко и отчетливо различима в истории.

23. ХАРВИ МИЛК

note 21

Харви Милк родился 22 мая 1930 года в Вудмире, Лонг-Айленд. В Бэйшорской школе он был посредственным учеником, игравшим в баскетбольных и футбольных командах, а по пятницам уезжавшим на поезде в Манхэттен. Там он посещал оперу и театр, в который был просто влюблен. Он также с четырнадцати лет был страстным поклонником секса с мужчинами и во время своих увеселительных визитов в Манхэттен никогда не упускал возможности прогуляться по Центральному парку. Когда ему было семнадцать, он был арестован в парке за неприличный внешний вид (всего лишь снял рубашку, но этого по тем временам было уже достаточно). В полиции ему вынесли предупреждение и отпустили домой.

В 1951 году Милк окончил педагогический колледж и стал работать преподавателем математики в Олбани, заодно являясь редактором спортивного раздела школьной стенгазеты. Три месяца спустя, воодушевленный идеей остановить коммунизм в Корее, он записался добровольцем во флот. Быстро шагая по армейской должностной лестнице, он вскоре становится старшиной на авианосце «Киттихок», курсирующем в Тихом океане. Хотя он впоследствии заявлял, что его несправедливо уволили из флага за гомосексуализм, дело, похоже, было не в этом. Он ушел из флота в августе 1955 года, прослужив три года одиннадцать месяцев — на месяц меньше, чем было положено, что было поощрением за хорошую службу. Возвратившись в июле следующего года в Лонг-Айленд, он начал вновь преподавать в старших классах школы и в Райе Бич повстречал красавчика Джо Кэмпбелла. Между ними возникла любовь, и они начали жить дружной, зажиточной семьей в Манхэттене, где Милк сначала работал статистиком Всеамериканской страховой компании, а затем в инвестиционной компании на Уолл-стрит. Когда в 1962 году его отношения с Кэмпбеллом закончились, Милк съехался для совместной жизни с молодым левым радикалом Грегом Родуэллом, который попытался вовлечь своего консервативного друга в политику. Но Милк не желал менять свои убеждения: в 1964 году он добровольно участвовал в избирательной кампании правого политика Барри Голдуотера. Однако в конце 60-х социальный и политический консерватизм Милка стал-таки

меняться. Через своего нового друга, умопомрачительного Джека Маккинли, он подружился с людьми нью-йоркской театральной богемы, особенно с Томом 0'Хоргеном – прославленным продюсером таких нашумевших бродвейских мюзиклов, как «Волосы» и «Иисус Христос — суперзвезда». Милк оставил Уолл-стрит, отрастил волосы, принял облик хиппи, в знак протеста против войны во Вьетнаме сжег свою кредитную карточку «Бэнк оф Америка». В 1972 году он вместе со своим другом-любовником Скоттом Смитом переезжает в Сан-Франциско, где они открывают фотомагазин на Кастро-стрит — месте, быстро становящемся раем для геев. Милк так объяснил привлекательность этого места: «Я люблю сидеть и смотреть в окно на проходящих мимо очаровательных юношей».

Разгневанный лживостью сенатских слушаний по поводу уотергейтского скандала, Милк решил сделать донкихотский поступок — выставить свою кандидатуру на выборах в городской наблюдательный совет Сан-Франциско в 1973 году. «Человек из Ла-Манчи», с его стремлением осуществить неосуществимые мечты, всегда был его любимым произведением Милка, и его избирательная кампания, как он считал, была таким же безнадежным делом. Заявив о себе открыто как гей, он вызвал у более пожилых и наученных жизнью быть осторожными геев тревогу, переходящую в недовольство. Его имидж хиппи также отпугнул многих избирателей. Тем не менее он по итогам выборов стал десятым в списке из тридцати двух кандидатов и собрал впечатляюще много голосов — 17 000.

Он решил отнестись к своему политическому имиджу серьезнее: постригся, перестал курить марихуану и поклялся никогда больше не «тусоваться» в банях Сан-Франциско. В 1974 году он создал Ассоциацию Кастро-вилледж — организацию местных торговцев, а также основал ярмарку на Кастро-стрит. Два года спустя она стала ежегодным событием, собирающим толпу до ста тысяч человек. Задолго до этого у Милка уже сложилась в округе репутация «мэра Кастро-стрит»; при этом он содержал правление своей «мэрии», исходя из ограниченных финансовых возможностей фотомагазина.

Получив мощную поддержку от профсоюзов, чему в немалой степени послужила его деятельная общественная работа во время забастовок, он вновь включился в избирательную кампанию в 1975 году и на этот раз стал по итогам выборов седьмым. В следующем году мэр города Джордж Москоун включил Милка в состав правительства города, что было признанием растущего политического влияния городской общины геев. Это был первый в истории страны случай назначения на высокий

административный пост человека, открыто заявляющего о себе как о гее. Но Милк никогда не был способен играть по правилам; он вскоре спасся бегством от политической машины демократической партии, объявив себя кандидатом на вакантное место в законодательное собрание штата. Это место было Москоуном без лишней огласки обещано какому-то своему человеку. Уволенный из правительства города, Милк проиграл и выборы — он получил всего лишь 3600 голосов из 33 000. Годы лихорадочной политической кампании не прошли бесследно: заброшенный Милком торговый бизнес практически был на грани финансового краха, его любовник Скотт Смит ушел от него. Вошедшие в политический истеблишмент геи имели хороший повод порадоваться поражению Милка: с этим выскочкой явно было покончено. Но он разрушил их ожидания. В ноябре 1977 года, проводя политическую кампанию в рамках широкой предвыборной платформы, куда, помимо тезисов о защите прав геев, вошли пункты об улучшении детского здравоохранения, бесплатном муниципальном транспорте и понижении арендной платы, а также создании гражданского комитета контроля за действиями полиции, он выиграл выборы, войдя в городской наблюдательный совет от пятого муниципального округа Сан-Франциско. Проходя по списку из 16 кандидатов, он собрал около 30 процентов голосов. Это был первый случай, когда «открытый» гей был избран на столь ответственный пост в крупном городе США, и сторонники Харви Милка были в исступленном восторге. «Это не только моя победа, — провозгласил он, — эта победа всех вас. Если гей может победить на выборах, это означает, что существует надежда на то, что система может быть справедливой ко всем меньшинствам, если только за это бороться. Мы дали им эту надежду».

Через неделю после его победы на выборах он надиктовал на пленку свое завещание, в котором с леденящей душу прозорливостью выразил свои мрачные пожелания: «Если пуле суждено пронзить мой мозг, пусть она разрушит дверь каждого кабинета».

На посту члена городского наблюдательного совета он боролся с финансовыми корпорациями и компаниями, специализирующимися на спекуляциях недвижимостью, вставал на защиту прав пожилых горожан, ввел в практику такие популярные меры, как, например, правила, требующие от владельцев домашних животных убирать за ними на улицах. По его представлению городской совет принял постановление о правах геев девятью голосами «за» и лишь одним «против».

В августе следующего года произошла трагедия. Как пишет

Рэнди Шилтс, дома у Харви вечно околачивались неприкаянные молодые беспризорники. Его последний любовник, молодой американец мексиканского происхождения Джек Лира, не был исключением. В один из дней он повесился в квартире Милка.

Большая часть энергии Милка в 1978 году ушла на борьбу против законопроекта, выдвинутого сенатором от штата Калифорния Джоном Бриггсом. В нем предписывалось немедленно увольнять любого учителя, замеченного в «публичном гомосексуальном поведении», которое закон широко определял как «пропаганду, внушение, поощрение или содействие скрытых или открытых проявлений гомосексуализма напрямую или в виде привлечения внимания в отношении учеников школ и/или других школьных служащих». Во многом благодаря неустанной контрпропаганде Милка этот законопроект с треском провалился в Калифорнии.

Через три недели после своего избрания, 27 ноября 1978 года, Харви Милк и мэр Сан-Франциско Москоун были убиты бывшим членом наблюдательного совета Дэном Уайтом, защитником «семейных ценностей», который был давним недругом Милка из-за разногласий в вопросе о геях. Незадолго до того полномочия Уайта в городском совете закончились, и он жаждал вновь получить эту должность. Однако Москоун по настоянию Милка отказал ему и в то утро накануне убийства готовился встретиться с другим кандидатом на место Уайта. Бывший офицер полиции, Уайт вскарабкался на подоконник Сити-Холл, проник в кабинет мэра и после короткой словесной перепалки выстрелил в него четыре раза. Затем он перезарядил пистолет, ворвался в офис Милка и уложил его также четырьмя выстрелами. После этого он присел рядом с телом и хладнокровно выпустил последнюю пулю прямо в голову Милка.

На суде адвокат Уайта избрал постыдно циничную линию защиты — он утверждал, что его подзащитный объелся какого-то зелья в китайском ресторане и на время стал невменяемым. Суд признал Уайта виновным в предумышленном убийстве, и он был приговорен к семи годам и восьми месяцам заключения за двойное убийство. Приговор вызвал возмущение гей-общины Сан-Франциско, и тысячи разъяренных демонстрантов собрались возле Сити-Холл. Возникшие беспорядки назвали «Уайт Найтс» (белые ночи).

Оценивая роль Милка, Уэйн Дайне писал: «Мифология последующего времени представила нам Милка в виде эдакого левого радикала, однако более внимательный анализ позволяет утверждать, что он до самого конца сохранял элементы характерного для него консерватизма. Его душе был близок почти

джефферсоновский идеал автономии небольших общин, процветающих в сфере малого бизнеса и уделяющих первоочередное внимание своим внутренним проблемам… Милк предвосхитил возникшую позже стратегию «коалиции цветов радуги» и благодаря своей личной одаренности, а также времени и обстоятельствам, в которых он жил, смог воплотить эту концепцию в политике в отношении геев и лесбиянок гораздо более эффективно, чем кто-либо делал это до или после него».

Милк всегда настаивал:«Я никогда не считал себя просто кандидатом. Я всегда считал себя частью нашего движения».

И он был прав: его избрание стало имеющим историческое значение фактом слияния социальных и политических сил. Его гений проявлялся во всем — в умении выбрать время для нужного действия, в его имидже, в понимании потребностей людей. Влияние Милка на ход американской истории, как первого в США открытого гея, одержавшего победу на выборах, неоценимо. На практике его мужественный пример проложил дорогу в политику таким открытым геям, как Барни Франк. В чисто житейском плане Милк стал для геев и лесбиянок, возможно, впервые в их истории лидером, открыто представляющим их интересы и защищающим их права. Он был для геев и лесбиянок их Мартином Лютером Кингом, а его мученическая смерть стала горьким напоминанием о том, сколь долгой и трудной бывает дорога к свободе; пример его героической жизни навсегда стал призывом к борьбе.

24. КОРОЛЕВА ШВЕЦИИ КРИСТИНА

note 22

Кристина, дочь короля Швеции Густава II и Марии Элеоноры Бранденбургской, родилась 8 декабря 1626 года. Ее интеллект и сила характера проявлялись уже в раннем детстве, и она получила образование, достойное принцессы. В шестилетнем возрасте она после смерти отца, погибшего в битве при Лютцене, стала наследницей престола. До 1644 года за Кристину правил регент граф Аксель Густафссон Оксинштерн, который был канцлером при дворе ее отца. Граф учил Кристину секретам политики, и в возрасте четырнадцати лет она уже начала присутствовать на заседаниях Государственного совета. В момент восшествия на престол королева Кристина уже успела сыграть значительную роль в достижении Вестфальского мира, окончательно завершившего опустошительную для Европы, и в том числе для Швеции, Тридцатилетнюю войну. Однако ее интерес к познанию превосходил интерес к государственным делам. Она окружила свой двор музыкантами, поэтами и учеными, заслужив репутацию «Северной Минервы». Она частенько просыпалась в пять утра и начинала читать. Философию ей, в частности, преподавал великий Рене Декарт. Кристина предпочитала мужской стиль одежды.

6 июня 1654 года Кристина шокировала Европу своим добровольным отречением от трона, сославшись на то, что она много болеет и что управление страной слишком тяжкая ноша для женщины. По ее выбору трон занял ее двоюродный брат Карл X. Однако было широко известно, что под словами «тяжкая ноша» она на самом деле подразумевала то, что ей так или иначе придется выйти замуж и рожать наследника.

После отречения она оставила Швецию и отправилась в романтическое путешествие на юг Европы. Во время остановки в Инсбруке она сделала еще одно шокирующее заявление, объявив о том, что отрекается от лютеранской веры и переходит в католичество. В строго соблюдающей каноны протестантства Швеции такое отречение было почти преступным. Этот шаг Кристины стал несказанным подарком для римского папы и подлинным ударом для европейских протестантов. В декабре 1655 года папа Александр VII принял новообращенную в Ватикане с распростертыми объятиями. Как пишет Эдвард

Карпентер:

«Говорят, что она при этом так сердечно трясла руку папы, что тот впоследствии был вынужден прибегнуть к медицинской помощи!»

Вскоре, однако, жаждущий в ее лице пропаганды католицизма папа был разочарован заявлением Кристины о том, что она считает вопрос веры сугубо личным делом каждого. Более того, ее поведение наделало много шума в Риме. Обустроившись в Вечном городе, она начала плести политические интриги с французским министром иностранных дел. Целью этих интриг был захват города Неаполя, тогда контролировавшегося испанцами, объявление его своим королевством, а французского принца наследником. Однако в 1657 году этот план рухнул во время ее визита во Францию, в Фонтенбло. Подозревая, что один из ее ближайших советников Жан Рикардо Мональдечи предал ее, она приказала казнить его без суда и следствия. Некоторые историки считают, что Мональдечи пострадал за то, что проведал о лесбиянских наклонностях Кристины. Как бы там ни было, эта поспешная акция, кровавая и мстительная, возмутила французский двор. Между тем папа Александр VII дал понять, что возвращение Кристины в Рим было бы нежелательным.

Она, все-таки, вернулась в Рим и со свойственной ей энергией принялась обустраиваться в своем чудесном дворце Риарио, где, как и в Стокгольме, она окружила себя художниками, учеными, музыкантами. Хормейстером у нее служил сам Алессандро Скарлатти. Арканджело Корелли (который был геем) дирижировал оркестром. Скульптор Бернини был обязан ей всем в своей жизни за ту помощь, которую Кристина оказала ему в трудные моменты. Она являлась, вне всякого сомнения, одной из влиятельнейших особ своего времени. Имея дружеские отношения с четырьмя сменяющими друг друга римскими папами, проявляя великосветскую щедрость, хотя и постоянно испытывая нехватку денежных средств, Кристина основала в Риме Академию Аркадия (эта организация процветает и по сей день), активно помогала открытию в Риме первой оперы, воинственно отстаивала принципы гражданских свобод личности в обществе. Она, в частности, покровительствовала римской еврейской общине.

После смерти Карла X, в 1660 году, она возвращалась в Швецию первый раз, а в 1667 году — во второй, оба раза пытаясь вернуть себе корону, но встречая в ответ неприязнь. В итоге она осела в Италии, окружив себя блестящим двором.

Ходило много слухов о подробностях ее жизни. Историк Лилиан Фэйдерман пишет, что такие современники Кристины,

как граф Палатин, герцог де Гиз и мадемуазель Монпансье, так или иначе подтверждали ее неравнодушие к женщинам. Особенно интригующими кажутся ее, написанные во время путешествия, страстные письма некой Эббе Спарре: «Если ты не забыла то, какую власть ты имела надо мной, ты должна помнить и то, что я была во власти твоей любви двенадцать лет; я вся твоя настолько, что ты никогда не посмеешь оставить меня; и только моя смерть остановит мою любовь к тебе». Хотя таков был обычный язык романтической дружбы в то время, многие комментаторы увидели явный и повторяющийся сексуальный контекст в отношениях Кристины с женщинами. В 1719 году, тридцать лет спустя после ее смерти, графиня Палатин — мать принца Орлеанского, в своих воспоминаниях писала, что Кристина однажды «силой пыталась овладеть мадам де Бреньи, которая едва-едва сумела от нее отбиться».

Известный сексолог XIX века Хэйвлок Эллис писал: «Ее ярко выраженные мужские манеры в совокупности с высоким интеллектом сочетались, по-видимому, с явно гомосексуальным или бисексуальным темпераментом». В более поздние годы своей жизни у нее были тесные отношения с кардиналом Аззолини — лидером группы кардиналов, известных как squadrone volante, и ходили слухи, что они были любовниками. Когда 19 апреля 1689 года она умерла, кардинал Аззолини стал ее официальным наследником. Королева Кристина похоронена в соборе Святого Петра в Риме.

Сиятельная, могущественная, производившая неизгладимое впечатление как на друзей, так и на врагов, королева Кристина — это выдающаяся личность на исторической сцене: женщина неукротимой сексуальности и большого мужества, настойчиво пытавшаяся изменить мир. В этой книге я помещаю ее рядом с английским королем Эдуардом II как одну из наиболее известных представительниц монархов, являвшихся гомосексуалами. Можно было бы включить в эту книгу и других женщин-монархов, таких, как русская царица Екатерина II (1729—1796) и английская королева Анна (1665—1714).

Образ Кристины увековечен Гретой Гарбо в знаменитом фильме 1933 года «Королева Кристина», где она изображает ее с пикантной сексуальной неопределенностью.

25. ЭДУАРД II

note 23

Эдуард II родился 25 апреля 1284 года в замке Кэрнервон в Уэльсе. Являясь единственным наследником Эдуарда I («Молота шотландцев») и Элеоноры Кастильской, Эдуард сильно расстраивал своего воинственного отца тем, что питал отвращение ко всяким военным забавам. Когда Эдуард I пригласил Пьера Гавестона для обучения сына военному искусству, между Гавестоном и Эдуардом возникла любовь, и король, хотя и симпатизировавший Гавестону, был вынужден изгнать его из своего окружения. 8 июля 1307 года Эдуард II взошел на трон, и первым делом он вернул Гавестона из ссылки и даровал ему графство Корнуэлл. Он также посадил в тюрьму премьер-министра правительства своего отца и начал кардинально менять политику государства, в частности, начал сворачивать затянувшуюся войну с Шотландией. В 1308 году Эдуард женился на Изабелле Французской, дочери Филиппа IV, и у них родилось четверо детей.

Эдуарда мало интересовали государственные дела, и он почти полностью передал управление страной Гавестону, который, хотя и старался, все равно сумел нажить себе врагов среди могущественных баронов, которые проявляли неповиновение еще в годы правления Эдуарда I. В 1310 году они объединились и вынудили его признать совет «лордов-распорядителей». Этот совет из 24 человек выпустил манифест под названием «Указы», который ликвидировал полномочия Гавестона и резко ограничивал королевскую власть Эдуарда. Гавестон недолго пробыл в ссылке и вскоре вернулся ко двору Эдуарда, после чего в июне 1312 года разгневанные бароны выследили и убили любовника короля. Этот жестокий акт внес раскол в правительство «лордовраспорядителей», но ненадолго: в 1314 году в битве при Бэллонберне Эдуард потерпел сокрушительное поражение от шотландского короля Роберта I Брюса, и бароны вновь объединились против него. Вдохновленные победой шотландцы оккупировали большую часть Северной Англии и Ирландии, и в стране воцарились голод и хаос. В 1321 году в Англии в самом разгаре была гражданская война, которая частично была спровоцирована ненавистью баронов к новому фавориту Эдуарда — Хью ле Деспенсеру младшему. Хью и его

отец были изгнаны в 1321 году, однако раздоры среди баронов дали Эдуарду возможность контратаковать, и в марте 1322 года был пленен и казнен лидер оппозиции — двоюродный брат короля Томас, граф Ланкастерский.

Хью ле Деспенсер возвратился к королю, и Эдуард установил в стране террор, отменив «Указы», устраивая массовые казни своих противников, отбирая имущество у их семей. 24 сентября 1326 года отвергнутая жена Эдуарда Изабелла начала военную кампанию против своего мужа. В Харвиче высадились войска под командованием ее любовника Роберта Мортимера — давнего недруга короля из баронской оппозиции. Ее армия, не встречая сопротивления, вошла в Лондон. Эдуарда предали его союзники. Хью ле Деспенсер был взят в плен и, согласно свидетельству средневекового историка Жана Фроссе, Изабелла (прозванная «французской волчицей») приказала отрезать и на ее глазах сжечь его половой орган, прежде чем он был обезглавлен.

Как видите, этот исторический материал очень неплох для драматургии, и не случайно Кристофер Мэрлоу использовал его.

Эдуард бежал в замок Деспенсеров в Глэморгане (Уэльс), где и был захвачен в плен 16 ноября 1326 года. Под угрозой отстранения от королевской власти всей его династии он отрекся от престола в пользу своего наследника Эдуарда III, который был коронован 25 января 1327 года. Заточенный в замок Беркли в Глоучестершире, Эдуард предпринял неудачную попытку побега, и 21 сентября 1327 года его убили, воткнув ему в задний проход раскаленный докрасна железный прут. Эта ужасающая расправа была не просто казнью, а еще и символизировала наказание Эдуарда за его гомосексуализм. После убийства тело Эдуарда было продемонстрировано с целью показать то, что на нем, дескать, нет никаких ран и, следовательно, узник умер сам. Однако причину смерти Эдуарда можно было скрыть разве что от полных дураков — ведь его вопли были слышны по всему замку.

Историк Джон Босуэлл пишет: «Хотя мы не можем оценить того, как в целом относились подданные к тому, что их король — гей, вне всякого сомнения, его эротические пристрастия были в то время широко известны, и именно они были причиной его низложения. Наиболее сдержанный из его биографов в «Жизни Эдуарда II» отмечал, что любовь Эдуарда к Гавестону, подобно любви Давида к Ионафану, была «возвышеннее любви к женщинам». Другой хронист лаконично упоминал, что «Эдуард неумеренно предавался содомскому греху и, похоже, в течение всей жизни его преследовали неудачи». Ральф Хигден однозначно увязал сексуальные наклонности Эдуарда с его политическими проблемами. «Он был пылко влюблен в одного из своих друзей,

которого он возвеличивал, одаривал, продвигал и вознаграждал с необыкновенной щедростью. Это стало причиной позора Эдуарда, ненависти к его любовнику, общественного скандала и ущерба королевству в целом». Чтобы как-то умерить эту жесткую оценку, Босуэлл допускает, что «беспрецедентная щедрость, которую якобы Эдуард проявлял по отношению к Гавестону, была явно преувеличена историками, как средневековыми, так и современными, с целью усилить отвращение к природе их связи». Ученый и гей А. Л. Роуз, автор книги «Гомосексуалы в истории», делает попытку как-то реабилитировать этого совсем уж очерненного короля: «Он не любил сражений и даже просто рыцарских турниров: из-за этого его невзлюбили всякого рода воинственные глупцы, особенно бароны. Его вкусы были непритязательными и отнюдь не аристократическими. Высокий, стройный, дружелюбный, он любил прогулки, спортивные развлечения, скачки и охоту, игру в кости. Он, что необычно для монарха, неплохо владел некоторыми ремеслами, например кузнечным делом; он любил проводить время в веселых и раскованных компаниях подвыпивших мастеровых, конюхов, матросов…

Если не считать лишь нескольких особо приближенных ему лиц, Эдуард избегал общества высшего света, что было для многих обидным. Его главной и величайшей ошибкой было то, что он не принимал участия в политических интригах и вообще считал политику невыносимо скучным делом. Это и сказалось фатальным образом на его правлении, которым он пренебрегал или занимался лишь урывками».

В истории Англии были и другие монархи-геи, среди них Вильям II, Ричард Львиное Сердце, Джеймс I, Вильям III и, возможно, Георг III. Эдуарда II я выбрал потому, что его образ всегда имел непреходящую значимость для гей-сознания: от Кристофера Мэрлоу в XVI веке до Дерека Джармена в наши дни. Частично это можно объяснить загадочными обстоятельствами смерти Эдуарда, но дело не только в этом: его верность Пьеру Гавестону дает нам исторический пример самоотверженной любви, на которую может быть способен гомосексуалист.

26. ДЖЕЙН АДАМС

note 24

Джейн Адамс родилась 6 сентября 1860 года в городе Седарвилль, штат Иллинойс. Она воспротивилась желанию родителей выдать ее побыстрей замуж за сводного брата и поступила в Рокленд-колледж в штате Иллинойс, который окончила в 1881 году. После этого она поступила в Женский медицинский колледж в Филадельфии, но ее здоровье ухудшилось, и ей пришлось пропустить два года. В 1883—1885 и 1887—1888 годы она много путешествовала по Европе со своей подругой Эллен Гейтс Старр, с которой познакомилась в колледже. Будучи в Англии, они посетили рабочее общежитие Тойнби-Холл в промышленном районе Лондона Уайтчепел. Это общежитие было известно тем, что здесь молодые, социально сознательные женщины из высшего общества могли жить среди бедноты, изучать условия такой жизни и потом бороться за реформы. Тойнби-Холл произвел на Адамс и Старр сильное впечатление, и они вернулись оттуда полные решимости создать что-то подобное в Америке: в их представлении это должно было быть место, где, как писала Адамс, молодые женщины могли бы «учиться жизни от самой жизни».

В рабочем районе Чикаго две женщины подыскали и купили большой пустующий дом, который был построен в 1856 году Чарльзом Халлом. 8 сентября 1889 года они вселились в получивший новую жизнь Халл-Хауз.

Открытие Халл-Хауза преследовало две цели: во-первых, обеспечить бытовое обслуживание и возможность культурного развития для местного пролетариата и, во-вторых, иметь место, где работники социальной сферы могли бы приобретать необходимый опыт работы в реальных жизненных условиях. Там были спортивные залы, ясли, гимназия, коммунальная кухня и клуб для девушек из рабочей среды. Были организованы занятия по различным дисциплинам, а также в классах музыки и изобразительных искусств. Постепенно это место превратилось в целый комплекс из тринадцати зданий плюс лагерь вблизи Лэйк-Джинива, в штате Висконсин. Халл-Хауз также спонсировал одну из первых театральных групп в Америке — Халл-Хауз Плэйерс.

В течение долгих лет в Халл-Хаузе жили и работали многие известные деятели и реформаторы социальной сферы, включая

Джулию Лэтроп, Грэйс и Эдит Эбботт, Флоренс Келли. Одну из девушек, которая пришла на работу в Халл-Хауз в 1890 году, звали Мэри Роуз Смит: она стала ближайшей сподвижницей Адамс в течение последующих сорока лет. Они делили одну постель на двоих, и даже когда отправлялись в поездку, Адамс всегда давала в отели по пути следования телеграммы, где запрашивала о наличии в забронированных номерах двуспальных кроватей. Эллен Старр по-прежнему работала в Халл-Хаузе, однако в многочисленные поездки с лекциями Адамс теперь стала брать с собой Мэри Смит. Они считали себя супружеской парой, и в 1904 году купили дом в штате Мэн.

Так пишет об их отношениях историк Лилиан Фэйдерман:

«Судя по всему, Джейн и Мэри, ставшие «влюбленными» на стыке веков, не боялись и ничего особенно не скрывали — они даже давали знать незнакомым владельцам отелей о том, что предпочитают спать в одной постели. Они понимали (независимо от сексуальной природы их отношений), что защитой для них могут служить блеск жемчуга в их украшениях, женственная внешность и романтическая дружба, которая тогда еще была жива в Америке… И лишь сравнительно недавно наступили времена, когда мы можем открыто сказать, ничем при этом не умаляя значимости Джейн Адамс, о том, что она — знала она сама или нет о существовании такого понятия — в современном понимании может считаться лесбиянкой. Она посвятила всю свою эмоциональную жизнь женщинам, считала себя связанной супружескими узами с женщиной, а также верила, что ее разделенная другой женщиной любовь «дала ей свободу».

Адамс активно участвовала во многих общественных начинаниях. Она неустанно вела кампанию за принятие первого в истории Америки закона об охране детства, за восьмичасовой рабочий день для женщин, за улучшение условий труда и жизни рабочих, за повышение оплаты их труда, за избирательные права женщин, пропагандировала пацифизм. Она боролась за равноправие негров и иммигрантов, ратовала за проведение анализа причин бедности и преступности. Все это дало повод состоятельным покровителям ее учреждения записать ее в радикалы, и многие из них перестали поддерживать Халл-Хауз.

В 1910 году Адамс стала первой женщиной-президентом Национальной ассоциации работников социальной сферы, а в 1915 году она была председателем Международного конгресса женщин в Гааге. Эта встреча привела к созданию в 1919 году Международной лиги женщин за мир и свободу, в которой Адаме президентствовала до 1935 года. Будучи убежденной пацифисткой, для которой война была величайшим социальным

злом, Адамс подверглась многочисленным нападкам политиков и прессы, когда выступила против участия США в первой мировой войне. Даже столь почтенная организация, как «Дочери американской революции», дошла до того, что исключила ее из своих рядов.

В 1920 году Адамс помогала в основании Американского союза гражданских свобод. За заслуги в области социальных реформ и за лидирующую роль в международном движении женщин за мир она в 1931 году была награждена Нобелевской премией.

Джейн Адамс умерла 21 мая 1935 года в Чикаго.

Ее большое наследие включает такие книги, как «Демократия и социальная этика» (1902), «Новые идеалы мира» (1907), «Душа юности и городские улицы» (1909), «Двадцать лет в Халл-Хаузе» (1910) и «Еще двадцать лет в Халл-Хаузе» (1930).

Будучи пионером социальных реформ, Джейн Адамс внесла большой вклад в социальный прогресс в двадцатом веке. Как лесбиянка она способствовала созданию среды, в которой талантливые, независимые женщины могли вместе работать, чтобы создавать мир, отвечающий их собственным коллективным представлениям. Лилиан Фэйдерман характеризует этих женщин как «феминисток от культуры, вдохновляемых верой в то, что мужские ценности порождали трагедии, связанные с индустриализацией, войнами и бездумной урбанизацией, и в то, что на женщинах с их замечательными качествами лежит ответственность за справедливое переустройство мира. Их любовь к женщинам была как минимум частично обусловлена их моральным шовинизмом». Можно безошибочно утверждать, что Хиллари Клинтон в борьбе за реформы здравоохранения руководствуется примером Джейн Адамс и ее окружения. Высокое место, на которое я в моем рейтинге поставил Джейн Адамс, отражает мое убеждение в значительности ее вклада не только в благороднейшие идеалы социального прогресса в нашем веке, но и в усиление влияния в общественной жизни социально активных женщин, независимо от их сексуальной ориентации. Во многом благодаря ее лесбийской сути она была на протяжении своей жизни свободна от довлеющих над женщинами условностей, и именно это позволило ей работать над осуществлением своих идеалов. Я считаю закономерным то, что в моем списке Джейн Адамс идет вслед за такими деятельницами женской освободительной борьбы, как Мэри Уоллстоункрафт и Сюзан Б.Энтони.

27. ЭМИЛИ ДИКИНСОН

note 25

Эмили Дикинсон родилась 19 декабря 1830 года в Амхерсте, штат Массачусетс. Ее богатый дедушка основал в 1810 году Амхертский колледж, а отец был казначеем колледжа с 1835 по 1870 год. Окончив Амхерст, Дикинсон продолжила в 1847—1848 годах учебу в женском колледже «Маунт Холуок». И в первом и во втором учебном заведении религиозные наставления занимали много часов в расписании занятий, так что Эмили росла под сильным социальным давлением религии. Хотя она и участвовала в деятельности общества христианского возрождения, убежденной верующей стать так и не смогла и не вступила в общину конгрегационистской церкви (единственной общины в их городе). В 1850 году ее сопротивление условностям ортодоксальной религии получило поддержку с неожиданной стороны: на Рождество работавший под началом ее отца помощник адвоката Бенджамин Ньютон подарил ей копию поэм Ральфа Вальдо Эмерсона — свободомыслящего трансценденталиста из Конкорда. Для Дикинсон Эмерсон стал, как она позднее писала, «оценщиком жизненных ценностей», и под влиянием его поэм она начала писать сама.

В 1855 году во время остановки в Филадельфии по пути в Вашингтон Дикинсон встретилась с Чарльзом Уодсвортом — пастором, который стал для нее «самым дорогим земным другом». Когда в 1862 году он уехал в Калифорнию, она пережила эмоциональный кризис, ставший причиной творческого упадка после плодотворного периода 1858—1862 годов. В тот же год она показала священнику из Кембриджа Томасу Уэнверту Хиггинсону, с которым она переписывалась, четыре из своих поэм и поинтересовалась его мнением. Он заверил ее в том, что ее творчество очень живое, но дал совет не публиковать этих поэм. Он также предложил ей свою помощь в совершенствовании стиля, которой, к счастью, Эмили не воспользовалась.

После 1862 года она уже писала меньше, но именно к этому периоду относятся ее самые лучшие поэмы. Написанная языком, обнаженным до предела, где знакомые слова звучат восхитительно в необычном для них контексте, где синтаксис и ритм непрерывно подсказывают по новому звучащую музыку, ее поэзия с беспощадной честностью противостоит низменным

закоулкам души, она агонизирует сомнениями и взрывается приступами экстаза. Она собирала свои поэмы — некоторые в нескольких вариантах — в маленькие журнальчики, которые вручную подшивала вместе и хранила в своем письменном столе. Эмили сопротивлялась попыткам друзей уговорить ее опубликовать хотя бы часть из них, и в итоге при ее жизни увидели свет только семь ее поэм.

Серьезное заболевание глаз вынудило ее на целых два года прервать работу, когда она проходила долгий курс лечения в 1864—1865 годах в Кембридже. После она уже никогда больше не покидала своего семейного владения в Амхерсте. В родном городе ее прозвали «Амхерстской монахиней». Она тихо жила в своей комнате на втором этаже, а незамужняя младшая сестра Лавиния ревниво охраняла ее покой. Сестра взяла на себя все бытовые заботы, чтобы ничто не мешало Эмили писать. Ее брат Остин и его жена — очень близкая подруга Дикинсон Сюзан Жилберт — жили в их же доме. Дикинсон также много читала и занималась садом (будучи искусным садоводом, она вырастила гранатовые деревья и лилии-каллы в оранжерее их усадьбы). Она вела обширную переписку со множеством близких друзей: с Уодсвортом, Хиггинсоном, Отисом Лордом, Кэйт Энтон, Хелен Хант Джексон, с миссис Холланд — женой редактора «Springfield republican».

Эмили Дикинсон скончалась 15 мая 1886 года.

В ее письменном столе нашли более тысячи неизвестных ранее стихов. В целом она написала более 1800 стихов. Хиггинсон, который всегда считал Дикинсон «немного чокнутой», отредактировал и «подправил» избранные стихи, после чего опубликовал их в 1890 году. Только в 1955 году увидели свет поэмы Дикинсон в их первозданном виде.

Столь много энергии было затрачено на то, чтобы изобразить Дикинсон странноватой, бесполой старой девой или раскрыть в ней обычные гетеросексуальные устремления, зашифрованные в той или иной форме в ее поэмах, что сейчас уже набили оскомину все эти напыщенные сентиментальные мифы вокруг ее личности. При этом очень важный аспект ее жизни — отношения с женщинами — очень долгое время замалчивали.

Современное представление о Дикинсон рисует нам более богатую и живую картину. По этому поводу литературовед Тони Мак-Нэрон писал: «Я не жду того, что вдруг выяснится: Эмили Дикинсон была самой настоящей лесбиянкой… На самом деле можно лишь говорить о лесбиянско-феминистском прочтении ее поэзии и ее жизни как о наиболее корректном способе восприятия всего множества фактов и вымыслов, окружающих ее».

В своем важном и значимом эссе 1975 года «Везувий в доме: сила Эмили Дикинсон» поэтесса Адриана Рич делает попытку разбить некоторые клише образа Эмили Дикинсон. Она рассматривает эпизод, описываемый в воспоминаниях кузины Дикинсон Марты, где «она рассказывает о том, как однажды была у Эмили на втором этаже в ее спальне, и Эмили, сделав движение рукой, словно закрывая дверь воображаемым ключом, сказала ей: «Мэтти: вот она, свобода».

В те годы реализовать себя женщине со складом ума, как у Эмили Дикинсон, было очень и очень непросто. Как замечает Рич, «окружающая ее общественная обстановка — протестантизм кальвинистского толка, романтизм, принятая в XIX веке традиция затягивать женские тела в корсеты, имеющиеся у женщин жизненные альтернативы и, наконец, отношение к сексуальности — могла стать причиной помешательства у женщин с гениальной одаренностью. Ей не оставалось другого выбора, кроме как трансформировать ее собственные неортодоксальные, саморазрушительные, иногда огнедышащие подобно вулкану пристрастия в шифр под названием «поэтическая метафора», ставший для нее родным языком. «Скажи правду, но скажи ее не прямо, — это и есть суть того, что мы подавляем в себе и что накапливается в нас, а потом взрывается в поэзии».

Подчеркивая то, что «Дикинсон провела жизнь не в пещере отшельницы, а в уединении, способствовавшем общению с широким кругом людей, чтению и переписке», Рич говорит об отношениях поэтессы с окружающими людьми: «Дикинсон несомненно интересовалась теми мужчинами, от которых могла что-либо почерпнуть в области интеллекта;она, как это сейчас очевидно, в столь же равной степени и по той же причине интересовалась и женщинами. У нее есть много стихотворений о женщинах и посвященных женщинам, причем среди них некоторые существуют в двух версиях с разной смысловой нагрузкой». Мир эмоций Эмили Дикинсон был гораздо богаче, чем это приписывается ей расхожими мифами. В качестве подтверждения этого приведем, например, упоминаемый историком Лилиан Фэйдерман следующий факт: страстные письма Дикинсон к ее подруге Сюзан Жилберт перед публикацией подверглись массированному редактированию ее племянницей; при этом были приглушены все страстные любовные откровения.

Как далее пишет Рич: «Учитывая ее призвание, она не была ни ненормальной, ни эксцентричной; она старалась построить свою жизнь так, чтобы сберечь силы для реализации своего таланта, не распыляясь на остальное». Другими словами, Эмили Дикинсон прожила столь же трудную творческую жизнь, о какой

писала Вирджиния Вульф в своем эссе «Room of One's Own» примерно пятьдесят лет спустя.

Кому-то может показаться, что я включил в мой список Эмили Дикинсон совершенно необоснованно. Я же считаю, что мы никогда не раскроем ее тайны. Мы лишь можем в точности утверждать, что она была женщиной, имевшей насыщенные и очень близкие отношения с другими женщинами, которые под влиянием религиозных догматов придерживались строго гетеросексуальной ориентации, но которые в то же время в самом классическом смысле были противниками института замужества. Стремясь создать для себя пространство, в котором она могла бы культивировать достойное уважения чувство собственного «я», она решительно и безо всякого сожаления отбросила патриархальные каноны.

Оказывая влияние на сознание неисчислимого количества женщин, жаждущих добиться требуемой им меры независимости в их эмоциональной и творческой жизни, предложенные Дикинсон жизненные альтернативы продолжают отзываться в современном мире лесбийской любви, что подкрепляется последними необыкновенно сильными лесбиянско-феминистскими прочтениями ее жизни и ее творчества. Если в последние сто лет исследователи безуспешно пытались представить нам Эмили Дикинсон в чисто гетеросексуальном виде, возможно, последующие сто лет станут временем, когда другие исследователи с большим успехом покажут ее лесбиянкой.

28. РЭДКЛИФФ ХОЛЛ

note 26

Рэдклифф Холл, настоящее имя Маргарет Рэдклифф-Холл, родилась 12 августа 1880 года в Борнемауте, Хэмпшир, Англия. Происходя из богатой, хотя и не избалованной счастьем семьи, она обучалась в Кинге-колледже в Лондоне и наслаждалась всеми привилегиями, которые дает достаток: охотой на лис, быстрыми автомобилями, путешествиями и… женщинами. Она носила короткую прическу, мужскую одежду и среди своих друзей была известна под именем Джон. Джейн Рул пишет, что в возрасте двадцати семи лет «Рэдклифф-Холл, вероятно, имела больше романов с женщинами, чем прочитала книг». Как раз когда ей было двадцать семь лет, Холл повстречала Мэйбл Бэттен — женщину, которая была более чем на двадцать лет старше ее. Между ними возникла любовь, они стали жить вместе и под влиянием Бэттен Холл приняла католичество. В 1915 году на одном из званых вечеров Холл и Бэттен познакомились с Уной, леди Траубридж — женой адмирала английского флота. Когда Бэттен спустя несколько месяцев скончалась, а случилось это в результате сердечного приступа, поразившего ее в момент ссоры с Холл по поводу ее нарождающегося романа с Траубридж, Холл и Траубридж стали дружить, и их дружба продлилась последующие тридцать лет. Тем не менее смутное чувство вины не покидало Холл никогда — об этом можно судить по тому, что все ее книги начинаются со слов «Посвящается нам троим».

Холл писала стихи с самого раннего детства, всего опубликовав четыре тома и даже положив некоторые стихи на музыку. В 1915 году издатель, просмотревший несколько ее коротких рассказов, предложил ей написать роман. Результатом этого предложения стал роман «Потушенная лампа», который был отвергнут десятью издательствами, пока, наконец, не увидел свет лишь в 1924 году. Хотя в нем и затрагивается лесбийская тема, широкой полемики он не вызвал. Вскоре после этого к ней пришел и большой успех. Ее роман «Семейство Адамсов» получил престижную премию «Фемина» в 1926 году и приз «Тэйт Блэк» в категории «фикшн» в 1927 году.

Затем, в 1928 году, она выпустила «Колодец одиночества», который стал вершиной ее творчества. Это сексуальная биография мужеподобной девушки по имени Стефен Гордон,

которая влюбляется в женщин (и теряет их), во время первой мировой войны служит водителем санитарного автомобиля и после окончания войны становится известной писательницей, живущей в Париже. Хотя по современным стандартам эта книга выглядит весьма невинной — наиболее интимные подробности физической близости между двумя женщинами сводятся к предложению «И в эту ночь они были единым целым», лондонский судья Чарльз Байрон был настроен серьезно. «Чем непристойнее книга, — вещал он, — тем больший интерес публики она вызывает. Чем слаще яд, тем незаметнее он действует». Поскольку в книге Холл не только призывала «добропорядочных граждан» признать существование лесбиянок, но и осмелилась допустить, что ничто человеческое лесбиянкам может быть не чуждо, судья объявил книгу «непристойным пасквилем» и приказал полиции уничтожить все отпечатанные экземпляры.

Тем временем в США суд выразил противоположную точку зрения, вынеся решение, что ничего касающегося в явной форме гомосексуального, а следовательно, непристойного в книге не содержится. «Колодец одиночества» был опубликован и стал популярен в США. Эта книга породила широкую дискуссию о теме запретного в искусстве вообще. Благодаря этой дискуссии в печати появилось столь много информации о лесбиянстве, что существование этого явления уже никак нельзя было отрицать. В Англии же запрет на эту книгу был снят лишь пятнадцать лет спустя после смерти Холл. (Интересно отметить, что примерно в то же время, когда вышел роман «Колодец одиночества», Вирджиния Вульф опубликовала своего «Орландо» — этот причудливый панегирик ее возлюбленной Вите Сэквилл-Уэст, и никакого взрыва возмущения не было: возможно потому, что Вульф и Сэквилл-Уэст обе были замужем и одевались по-женски.)

После того как разразился скандал. Холл и Траубридж сочли благоразумным уехать из Англии и несколько лет прожить за границей. Хотя впоследствии Холл опубликовала еще несколько романов, включая «Хозяин дома» (1932) и «Шестое блаженство» (1936), она больше никогда не затрагивала этой, создавшей ей сомнительную репутацию, противоречивой темы.

Она умерла после долгой борьбы с раком 7 октября 1943 года в Лондоне. Как глубоко верующая католичка, она верила, что расстается с Траубридж не навсегда: им суждено встретиться на небесах. Ее незаконченный последний роман согласно ее завещанию был уничтожен.

Сегодня «Колодец одиночества» уже ни для кого не станет откровением. Написанный несколько старомодным языком

«сексуальной инверсии», он кажется более чем причудливым. Тем не менее трудно переоценить значение этой книги: то, какую брешь в заговоре молчания она пробила, какое открыла пространство для пришедших в литературу вслед за Холл геев и лесбиянок. Многие годы эта книга считалась «библией лесбиянок», и целые поколения мужеподобных женщин лепили себя со Стефен Гордон. Историк Джон Д'Эмилио даже предположил, что книга, создав «почти магическую ауру вокруг военной жизни, описывая ..женский медицинский корпус во время первой мировой войны, сыграла свою роль в формировании Женского армейского корпуса во время второй мировой войны «как почти на сто процентов лесбиянского формирования». В случае с Рэдклифф Холл, как нельзя не заметить, мы видим как раз то, что я подразумеваю под словом «влияние»: ее роман, который по чисто литературным достоинствам может считаться в лучшем случае как посредственный, оказал тем не менее гораздо большее влияние на мир, чем работы таких известных мастеров пера, как Марсель Пруст, Джеймс Болдуин, Уилла Кэтер.

29. ПЕТР ИЛЬИЧ ЧАЙКОВСКИЙ

note 27

В классической гей-новелле Е. М. Форстера «Морис», написанной в 1913 году, но не публиковавшейся до 1971 года, эксцентричный и замкнутый в себе герой повествования сталкивается со своим скандально известным другом Рисли на концерте, где должна состояться премьера последней симфонии Чайковского.

«Symphonic Pathique», — игриво произнес Рисли.

«Symphony Pathetic», — поправила его Филистина.

«Symphonic Incestueuse et Pathique».

И он рассказал своему юному другу о том, что Чайковский влюбился в своего собственного племянника и именно ему посвящен этот шедевр. «Я надеюсь увидеть здесь сегодня весь лондонский свет. Это же восхитительно!»

«Странные вещи можно услышать от тебя», — сказал насупившись Морис… Но как-то раз, будучи в библиотеке, он взял в руки томик биографии Чайковского. Эпизод, касающийся женитьбы композитора, для непосвященного читателя был бы проходным, но Мориса он заставил содрогнуться. Он-то понимал, какого рода это была катастрофа… На следующих страницах книги перед ним предстал «Боб» — прекрасный племянник, к которому после нервного срыва тянется душой Чайковский и в ком он находит силы для духовного и музыкального возрождения. Он увидел не предмет биографического исследования, а живого человека, и эта книга оказала ему неоценимую помощь в литературной работе.

П.И.Чайковский родился 7 мая 1840 года в городе Воткинске, где его отец служил государственным управляющим на шахте. Еще в раннем детстве Чайковский проявил замечательную музыкальную одаренность, хотя родители не поощряли его талант, опасаясь, что музыка излишне перевозбуждает и без того нервного подростка. В 1848 году семья переехала жить в Москву и затем в Санкт-Петербург, где Чайковский в 1850 году поступил на подготовительное отделение Школы юриспруденции. Музыка занимала отнюдь не первое место в программе занятий, а тем временем Чайковский всей душой полюбил оперу, которую посещал каждый раз, когда имел свободное время, что в итоге оказало глубокое влияние на формирование его музыкального

вкуса. Он был несчастлив в годы своей учебы в школе — как провинциал он подвергался постоянным насмешкам, а в 1854 году его хрупкая психика получила сокрушительный удар — его мать скончалась от холеры. Пребывая в душевном расстройстве, не только из-за внезапной смерти матери, но и из-за безразличия отца, четырнадцатилетний Чайковский написал свое первое музыкальное произведение.

В 1862 году он поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию, и уже в 1865 году ему была предложена преподавательская должность. На будущий год с ним произошел нервный срыв, когда он писал прославившую его Первую симфонию («Зимние фантазии»). Однако он сумел преодолеть психологическую надломленность и продолжил работу. В середине 1870-х годов у него был непродолжительный роман с женщиной, что явилось причиной нового нервного потрясения.

В 1876 году Чайковский начал странную и обильную переписку с богатой вдовой по имени Надежда фон Мекк. Она была страстной поклонницей его таланта и обеспечивала спонсорскую поддержку, что позволило ему оставить преподавание и целиком сосредоточиться на композиторской деятельности. Между ними была платоническая дружба (часто совершенно необоснованно романтизируемая комментаторами, отчаявшимися найти гетеросексуальную любовь в сложной биографии Чайковского), но со временем Чайковский начал замечать, что все эти бесконечные душеизлияния стали его раздражать. Результат их встречи можно было предсказать.

Испытывая постоянные мучения из-за своей гомосексуальности и поддаваясь давлению общественных устоев, Чайковский в 1877 году женится на одной из своих студенток, которая была просто без ума от него. Супругом он, однако, оказался неважным: настойчивые сексуальные притязания жены привели его в итоге к попытке самоубийства. Редкая возможность наслаждаться радостями жизни выпадала ему. лишь в периоды летнего отдыха в доме своей сестры в Каменке на Украине. Но и здесь его душа не находила покоя. Он безнадежно влюбился в своего четырнадцатилетнего племянника Боба (Владимира) Давыдова с одержимостью, описанной в дневниках:

1 мая 1884 года. Сегодня играл дуэты с моим несравненным, очаровательным идеалом Бобом, к его полному восторгу.

22 мая. Все время, когда я не работаю или не прогуливаюсь (а во время прогулок мой мозг тоже работает), я начинаю тосковать по Бобу и чувствовать себя одиноким. Я даже страшусь того, как я его люблю.

31 мая. Все время после обеда я неразлучно был рядом с

моим прекрасным, несравненным Бобом; вначале он стоял, грациозно облокотившись на перила балкона, — такой обворожительный, томный и что-то щебетал о моих сочинениях.

3 июня. Странное дело. Я ужасно не хочу уезжать отсюда. Думаю, что все это из-за Боба.

Есть основания полагать, что в дальнейшем отношения Боба с композитором перешли грань чисто платонических.

Несравненный, очаровательный Боб покончил с собой в 1906 году в возрасте 35 лет.

В периоды между эмоциональными кризисами, нервными срывами и тяжелыми запоями Чайковский тем не менее с неистовой энергией писал восхитительную музыку: шесть симфоний, концерт для виолончели с оркестром и три фортепианных концерта, оперы «Евгении Онегин» (1879), «Пиковая дама» (1890) и, конечно же, прославленные балеты «Лебединое озеро» (1876), «Спящая красавица» (1889) и «Щелкунчик» (1892).

В августе 1893 года он закончил свою последнюю работу — Симфонию №6, B-минор («Патетическую») и посвятил ее Бобу. 28 октября он сам дирижировал на первом ее исполнении. Будучи убежден в том, что эта симфония — шедевр, венчающий его творчество (и время показало, что он был прав), Чайковский был крайне расстроен холодной реакцией публики на премьере. Через шесть дней после этого, 2 ноября 1893 года, он умер. В своем завещании Чайковский назвал Боба своим единственным наследником.

Официальная версия, объявленная братом Чайковского Модестом, который, кстати, тоже был геем, гласила. что композитор стал жертвой эпидемии холеры в Москве — неосмотрительно выпил стакан не кипяченой воды. Эта версия, однако, всегда порождала много вопросов, и уже сразу после смерти Чайковского ходили слухи, что он покончил жизнь самоубийством. В последнее время на свет появился ряд свидетельств того, что Чайковский мог быть вынужден отравиться, чтобы избежать назревающего скандала из-за своих сексуальных отношений с юным племянником герцога Штенбока-Фермора, имеющего родственные связи с императорской семьей. В России XIX века такой скандал означал для Чайковского лишение всех прав, ссылку в Сибирь и несмываемый позор.

Чайковский был одним из величайших композиторов всех времен и народов. Хотя сейчас мы уже знаем о том, что многие из великих композиторов были, судя по всему, геями — Арканджело Корелли, Джордж Фредерик Гендель, Франц Шуберт, а возможно, и Людвиг ван Бетховен (его странная привязанность к

племяннику легла в основу сюжета фильма режиссера Поля Морриссея), — именно Чайковский был человеком, чьи гомосексуальные пристрастия стали широко известны. Эпизод из книги Форстера «Морис» свидетельствует о том, что трагическая жизнь Чайковского и его мученически рожденная музыка во все времена были неразрывно связаны с жизнью гей-сообщества — этой скрытой от посторонних глаз системой знаний, которая поддерживала нас в течение долгих, мрачных лет молчания и скрытности. Это было словно произнесенное шепотом, утешающее напоминание — «Он был одним из нас».

30. АНДРЕ ЖИД

note 28

Андре Жид родился 22 ноября 1869 года в Париже. Его отец был профессором Парижского университета, а мать принадлежала к богатой нормандской династии, владевшей богатейшими имениями под Руаном. Когда Андре Жиду было 8 лет, его отец скончался; мать Андре, заботясь о его здоровье, забрала его из школы и вернула в Руан, где ребенок обучался дома. Он воспитывался по строжайшим протестантским правилам, которые предусматривали знание наизусть Библии. Именно в эти годы молодой Жид влюбляется в свою кузину Мадлен Рондо, на которой впоследствии женится.

Получив аттестат зрелости в 1889 году, он решает посвятить свою жизнь путешествиям и литературе. Он дебютировал в литературе в 1891 году; его первое произведение называлось «Тетради Андре Вальтера» и было написано в стиле исповеди. Этот стиль впоследствии становится отличительной чертой писателя. В это же время он начинает посещать «Встречи по вторникам», проходившие в парижском доме поэта-символиста Стефана Малларме.

В 1893 году Жид отправляется в путешествие по Северной Африке в компании молодого художника по имени Поль Альберт Лоран. Впечатления от этой поездки были наиярчайшие: Жид впервые смог освободиться от европейских социальных и сексуальных ограничений и увидеть множество новых возможностей, в том числе и гомосексуальных.

По возвращении в Париж Жид не имел возможности поддерживать это эйфорическое чувство раскрепощения и почувствовал, что начинает впадать в духовную апатию. Во время своего второго путешествия по Северной Африке в следующем году, в одной из гостиниц города Блида в Алжире, он случайно заметил в списке постояльцев имена Оскара Уайльда note 29 и лорда Альфреда Дугласа. В странной панике Жид покинул отель, но, не проехав и полпути до станции, вернулся. Критик Джон Доллимор писал: «… встречи с Уайльдом трансформировали жизнь Андре Жида и его творчество, которое в свою очередь оказало большое влияние на современную литературу». Однажды в Алжире Уайльд пригласил Жида в эксцентричное кафе, которое они с Дугласом частенько посещали. В своей автобиографии Жид

так описывает ту встречу:

«Одурманенный убаюкивающей обстановкой этого места, я уже почти погрузился в сон, но был разбужен этой изумительной молодостью, появившейся в приоткрытой двери. Его фигура резко выделялась в полумраке комнаты, он стоял в дверях, опираясь поднятым локтем на косяк двери. Казалось, он не знал, входить ему или нет, и я уже начал бояться, что он уйдет, но он улыбнулся знаку, который подал ему Уайльд, и сел на табурет напротив нас… Он достал из кармана своего тунисского балдахина тростниковую флейту и начал играть какую-то милую песенку. Позже Уайльд рассказал мне, что его зовут Мухаммед… Шепотом Уайльд спросил меня: «Вам нравится этот маленький музыкант?»

…Я думал, мое сердце откажет мне; мне стоило невероятных внутренних усилий, задыхаясь, ответить «Да»! Угрызения совести не омрачили мне удовольствия, и никакого раскаяния за ним не последовало. Не знаю, как мне назвать этот восторг, переполнявший меня, когда я обнимал это совершенное молодое тело, такое пылкое, яростное, сладострастное.

После того как мы расстались, я еще долго пребывал в состоянии страстного ликования, и, хотя мы достигали высшего удовольствия 5 раз, я все еще пребывал в экстазе, эхо которого я продлил до самого утра».

Книга «Явства земли» стала одним из результатов алжирских впечатлений Жида. Это произведение после первой публикации в 1897 году не получило должной оценки, однако после первой мировой войны она стала исключительно значимой книгой для нового поколения французских писателей и интеллектуалов.

Тем не менее к тому времени Жид еще до конца не определился со своей сексуальной ориентацией. Шаг, на который он решается в 1895 году, характерен для его жизни, иллюстрируя ее как непрекращающуюся борьбу пуританства и чувственной вседозволенности, — вскоре после смерти матери он женится на своей кузине Мадлен Рондо. Этот брак едва ли можно назвать удачным: скорее духовный нежели плотский, он был полон конфликтов и проблем, что повлекло за собой создание романов «Имморалист» и «Тесные врата». Оба произведения повествуют о конфликте между предрассудками общества и возможностью реализовать себя, не боясь последствий.

В 1908 году Андре Жид становится одним из основателей и редакторов влиятельного журнала «Нувель Ревю Франсез». Во время первой мировой войны Жид работал в отделении Красного Креста в Париже. Кризис в его брачных отношениях с Мадлен возник в 1918 году, когда Андре влюбился в молодого человека

по имени Марк Аллегре. Когда об этом узнала Мадлен, она уничтожила все его письма к ней, что сильно повлияло на Жида. Именно в это время он создает «Коридон» — платонические диалоги в защиту гомосексуализма. Публикация этого произведения вместе с автобиографией бросила тень на репутацию ближайших друзей Жида, которые начали его игнорировать. Впоследствии он понял, что предал не столько их, сколько себя, потому что не решился опубликовать «Коридон» на шесть лет раньше. В ответ он продал всю свою собственность и уехал с Аллегре во французскую часть Экваториальной Африки. Год путешествий по Конго и Чаду вдохновил Жида на жестокую критику французской колониальной системы — «Путешествия по Конго» (1925). В 1926 году, во время отсутствия Жида, был опубликован один из его шедевров — «Фальшивомонетчики», который по тем временам считался просто новаторским.

В 30-е годы Жид постепенно приобретает марксистскую политическую ориентацию, а 1932 году восхваляет коммунизм, отчасти потому, что Ленин отменил уголовное Преследование гомосексуализма. Однако поездка в СССР в 1934—1935 годах развеяла его иллюзии. Он яростно боролся с фашизмом во время второй мировой войны в Северной Африке. В 1947 году он был удостоен Нобелевской премии по литературе за «многочисленные, отличающиеся высокими художественными достоинствами авторские произведения, в которых затрагиваются общечеловеческие проблемы». Однако его книги были запрещены как Ватиканом, так и коммунистами. Постоянный поиск себя наиболее ярко отразился в дневниках Жида, которые он вел почти 60 лет — это своего рода рекорд: более 1 млн. слов, написанных одним из наиболее проницательных умов XX столетия.

Жид значителен не только из-за своего творчества, но и из-за самого факта своего существования: он воплощал не столько литературную, сколько жизненную силу. И как и любая сила, Жид был противоречивым созданием: Жан Поль Сартр считал, что он балансирует между «риском и правилами, законами протестантства и никак не вяжущимся с ними гомосексуализмом, яркой индивидуальностью и пуританской скромностью». Как бы в подтверждение этих слов, определяющих темперамент Жида, на заданный незадолго до его смерти вопрос о наибольших удовольствиях, которые были в жизни, он ответил: «Арабские ночи», Библия, плотские удовольствия и Царство Господне…»

Андре Жид скончался в Париже 19 февраля 1951 года в возрасте 82 лет.

Имена Оскара Уайльда и Андре Жида употребляются вместе не только для демонстрации их отличий, но и потому, что у них

было много общего. Обычно Жида воспринимают как искателя сущности человеческой сексуальности: иначе говоря, все его работы вращались вокруг истинной сути самого себя. Уайльд же, наоборот, предпочитал маски, актерство и некую таинственность; он выражал собой социально-конструкционистский подход к пониманию человеческой сущности. Согласно этой концепции, человек — скорее каприз культуры, нежели плод природы. Тот факт, что в моей книге Жид стоит намного ниже Уайльда, вовсе не означает, что я тем самым смещаю центр тяжести в сторону тех представлений о гомосексуальной сущности, которые олицетворял Уайльд.

Это было бы по крайней мере неправильным. Дело просто в том, что Уайльд является чрезвычайно заметной и бросающейся в глаза фигурой в истории гомосексуализма, в то время как Жид — это тот самый рядовой солдат раннего этапа борьбы, без которого не было бы победы. Рядом с Жидом я поставил Марселя Пруста, который в первых десятилетиях нашего века осмелился назвать имя этой любви и тем самым навсегда изменил правила игры.

31. МАРСЕЛЬ ПРУСТ

note 30

Марсель Пруст родился 10 июля 1871 года в городе Отой во Франции. Его отец был респектабельным врачом, а мать происходила из зажиточной еврейской семьи. С девятилетнего возраста Пруст жестоко страдал от астмы. Счастливые дни, проведенные им в детстве в Йё и в Отое — эти города стали прототипами мифического Комбрэ из его нетленного шедевра, — закончились, и в дальнейшем он проводил каникулы с бабушкой на морских курортах в Нормандии.

В период с 1882 по 1889 год Пруст учился в лицее «Кондорсе» в Париже. Затем двухгодичная служба в армии и учеба в университете в Школе политических наук в Орлеане, где в 1893 году он получил ученую степень по юриспруденции, а в 1895 — по литературе. На него оказали влияние такие философы, как Анри Бергсон и Поль Дежарден, а также историк Альбер Соррель. После окончания университета он стал частым гостем в парижских салонах, совершив восхождение по социальной лестнице от буржуазных салонов мадам Страусе, мадам Обернон и мадам Лемэн до аристократической гостиной сиятельного графа Робера де Монтескье-Фезенака.

Пруст опубликовал свою первую книгу, сборник коротких рассказов под названием «Утехи и дни», в 1896 году. С 1895 по 1899 год он был увлечен написанием «Жана Сореля» и написал почти тысячу страниц этого романа, но через некоторое время окончательно забросил его. Ухудшившееся здоровье и участие в «деле Дрейфуса» стали причиной того, что Пруст разочаровался в ценностях высшего света и порвал с ним. Смерть отца в 1905 году и матери в 1908 году стали для него скорбными событиями, но он наконец получил финансовую независимость и смог сосредоточиться на главном труде своей жизни. В период между 1905 и 1908 годами он прорабатывал разные сюжетные схемы своего грандиозного замысла, но все их отверг. В январе 1909 года, когда он пил чай с черствым бисквитом, в его сознании вдруг мелькнула идея этого знаменитого опыта памяти, символизируемая madeleine cake — аллегорическим образом, легшим в основу романа «В поисках утраченного времени», — или, как это название много лет трактовалось в английском переводе, — «Воспоминания о прошедшем». В июле 1909 года

Пруст начал свою усердную работу, и первый черновик был закончен в сентябре 1912 года. Он показал рукопись нескольким редакторам, включая Андре Жида, и все они отвергли ее, поэтому ему самому в 1913 году пришлось финансировать издание первого тома — «В сторону Свана». Он планировал выпустить два следующих тома, но началась первая мировая война и к тому же погиб его личный секретарь и водитель, любовник Альфред Агностелли — он разбился на аэроплане, который подарил ему Пруст.

В 1914 году Андре Жид пересмотрел свое решение и предложил Прусту опубликовать его работу. В 1919 году вышел второй том под названием «Под сенью девушек в цвету». Когда в конце того же года эта книга была удостоена престижной Гонкуровской премии, Пруст неожиданно для себя стал знаменитым. В течение следующих трех лет он опубликовал еще три части романа: «По направлению к Германтам» и части 1 и 2 «Содома и Гоморры».

В это же время Пруст активно участвовал в еще одном небезызвестном проекте — он финансировал гомосексуальный публичный дом, в котором была размещена доставшаяся ему по наследству от родителей мебель, а управляющим стал его юный друг Альбер ле Кузье. Пруст был частым гостем этого заведения, которое стало моделью S/M-борделя Жупьена в романе «В поисках утраченного времени». Биограф Пруста Джордж Пэйнтер с гомофобной снисходительностью так пишет об этом: «В этой содомской преисподней Пруст предавался своему пороку, который начался с любви к людям своего круга (Рейналдо (Ханн) и Люсьен (Дадо)), затем продолжился платоническим влечением к людям, стоявшим на социальной лестнице выше его (Фенелон, Антуан Бибеско и другие), потом Пруст стал испытывать физическое влечение к людям, стоявшим на социальной лестнице ниже (Ульрих и Агостинелли) и, наконец, это выродилось в полное разочарование во всем и в совокупление в чистом виде с мужчинами-проститутками». Пэйнтер считает, что бичевание закованного в цепи барона де Шарлюса в выдуманном Прустом борделе Жюпьена — «это всего лишь простое описание пережитого самим Прустом мазохистского опыта» в заведении Альбера ле Кузье.

18 ноября 1922 года Марсель Пруст скончался от воспаления легких в своей обитой корковым дубом спальне, где он провел последние годы своей жизни, стремясь изолировать себя от парижского шума и грязи. Последние три тома его эпохальной работы в 3500 страниц — «Пленница», «Исчезновение Альбертины» и «Обретенное время» — вышли уже после его

смерти.

В этом коротком очерке невозможно даже приблизиться к описанию этого сложного по замыслу и превосходно написанного произведения, в котором тонкие, извилистые нити эпизодов жизни Пруста искусно вплетены в гобелен художественного вымысла. «В поисках утраченного времени» — это, возможно, величайший роман двадцатого века; это размышления о природе времени, памяти, смысле человеческого существования. Вопреки расхожим мнениям, начав читать этот роман, уже невозможно остановиться.

Глубинная суть романа абсолютно неразрывно связана с темой гомосексуальности, которая на его страницах одновременно и воспевается и затеняется. Воспевается, поскольку во Вселенной Пруста большинство персонажей в итоге становятся гомосексуалами. Во второй части книги доминирует незабвенный барон де Шарлюс — этот святой—покровитель гомосексуалистов (образ частично был навеян Прусту его старинным другом Монтескье). Затеняется в той сюжетной ветви, которая стала известна как «стратегия Альбертины», посредством которой взятый из реальной жизни любовник Пруста Альфред в романе преображается в женщину по имени Альбертина для того, чтобы скрыть от окружающих сексуальную ориентацию Марселя, от лица которого ведется повествование (хотя по ходу сюжетных хитросплетений романа Альбертина, к большому несчастью «гетеросексуального» Марселя, становится лесбиянкой). Исключительно важными для разгоревшейся в начале нашего века дискуссии о гомосексуальности являются два фрагмента романа — оба из начала «Содома и Гоморры». Первый — это гротескное описание отношений «насекомое—опыляемый им цветок», рисующее влечение барона де Шарлюса к портному Жупьену. Здесь явно чувствуется сарказм по поводу превалировавшей тогда «научной» модели гомосексуализма. Второй — более революционный — пространный, страстный панегирик гомосексуальной «расе», расе, история которой, согласно Прусту, имеет много общего с историей еврейского народа:

«Раса, над которой повисло проклятие и которая вынуждена жить во лжи и вероломстве, поскольку знает, что ее желание — то, что составляет для нее величайшее наслаждение в жизни, — является наказуемым, позорным, недопустимым… Влюбленные, которые почти отвергали саму возможность своей любви — любви, которая была для них единственной надеждой вынести так много опасностей и столь долгое одиночество… Они постоянно рискуют честью, их свобода временная — существует

лишь до тех пор, пока они не будут разоблачены; их положение в обществе нестабильно, как у поэта, вначале обласканного в каждой гостиной и срывающего гром аплодисментов в каждом лондонском театральном представлении, а затем гонимого отовсюду, не могущего найти приют… это общество масонов, но имеющее гораздо более развитую структуру, более эффективно действующее и менее «засвеченное», чем ложи настоящих Свободных Каменщиков, так как опирается это сообщество на схожесть вкусов, потребностей, привычек; им грозят одни и те же опасности, они вынуждены постигать одни и те же жизненные премудрости, они говорят на понятном лишь им языке, и любой член этого сообщества всегда способен сразу же узнать другого, даже не будучи с ним знакомым… это нечестивая часть человеческого рода, но она играет в нем важную роль, то не афишируя свое существование, то выставляя себя напоказ — нагло, дерзко и раскрепощенно, появляясь там, где их меньше всего ожидали увидеть, имея повсеместно своих сторонников: среди простых людей, в армии, в церкви, в тюрьме, на монаршем троне…»

Влиятельность Пруста обусловлена тем, что он стал первым современным писателем, выразившим гомосексуальность в литературной форме. Его сложный анализ гомосексуальных персонажей своих романов дал новый толчок дискуссии о предмете в отрыве от его бывшего в моде медицинского толкования. Будучи геем, пишущим о жизни геев, Пруст создал и представил на суд читателей гораздо более подробный портрет гомосексуальности, чем это мог бы сделать любой психотерапевт или ранние апологеты движения гомосексуалов за свои права. Более того, его обсуждение гомосексуальности привлекло к этому предмету широкую аудиторию и стало гарантией того, что отныне были сняты все табу с темы, которая до этого была покрыта молчанием. Наряду с творчеством Андре Жида работа Пруста утвердила статус гомосексуальной темы в мире современной литературы.

32. МИШЕЛЬ ФУКО

note 31

Мишель Фуко родился 15 октября 1926 года в Пуатье во Франции. Отец его был известным в округе хирургом, которому хотелось, чтобы сын пошел по его стопам. Когда же выяснилось, что юный Фуко — задумчивый, замкнутый ребенок с наклонностями малолетнего преступника, отец направил его на учебу в колледж Святого Станислава. Это была католическая школа, известная своей строгой дисциплиной и порядком. В школе максимально проявились способности Фуко-студента, и после окончания колледжа Святого Станислава юноша поступил в престижный парижский лицей Анри Четвертого. В 1946 году его приняли в Педагогический институт, причем Фуко стал четвертым среди сильнейших абитуриентов. Изучая философию с признанным мэтром Морисом Марло-Понти, юный Фуко продемонстрировал удивительный интеллект. В 1948 году юноше присвоили звание лицензиата кафедры философии, в 1950 году — кафедры психологии, а в 1952 году Фуко получил диплом кафедры психотерапии.

С 1954 по 1958 годы Фуко преподавал французский в университете Упсала в Швеции, затем провел год в университете Варшавы, следующий год — в университете Гамбурга. В 1960 году Фуко вернулся во Францию и стал выполнять обязанности декана факультета философии в университете Клермон-Феррар. В этот же год был опубликован блистательный труд Фуко «Сумасшествие и цивилизация», где утверждались, чти «сумасшествие» в привычном понимании, а также скрупулезные и путаные различия, проводимые между этим понятием и «здравомыслием», представляют собой не более как стереотип века рассудочного и скептического. За эту книгу Фуко присвоили докторскую степень.

В тот же год Фуко встретился со студентом факультета философии Даниэлем Дефером, который был на десять лет моложе его. Политическая активность Дефера оказала серьезное влияние на становление Фуко. Вот как в 1981 году он отзывался об этих взаимоотношениях в своем интервью: «Восемнадцать лет своей жизни я прожил в состоянии страстного влечения к одному человеку. В какой-то момент эта страстность переросла в любовь. Но, по правде говоря, состояние страстной увлеченности мы

переживали вместе».

Вторая значительная работа Фуко «Порядок вещей» представляла собой сопоставительный анализ развития экономики, естественных наук и лингвистики в XVIII и XIX веках и вышла в свет в 1966 году. Неожиданно книга принесла Фуко успех во Франции, и его имя было на слуху, по крайней мере в среде интеллектуалов. Особенно часто цитировали скандальное высказывание в конце книги о том, что «человек», последняя противоречивая формация, которая стала возможна лишь в результате произошедших за последние 150 лет коренных изменений в систематизации знаний, приближается к своему концу: недалек тот день, когда его «сотрут, как портрет, нарисованный на песке у берега моря». Если интеллектуальный предшественник Фуко Фридрих Ницше провозгласил смерть Бога, то Фуко предрек смерть человека.

Когда Даниэль Дефер отправился добровольно на службу в Тунис, Фуко последовал за ним и пробыл в стране с 1966 по 1968 год, где занимался преподавательской деятельностью (и пристрастился к наркотикам). Вдвоем они вернулись в Париж: Фуко — возглавить кафедру философии парижского университета в Винсенне, а Дефер — преподавать социологию. Это произошло вскоре после того, как студенческие волнения в мае 1968 года достигли своего апогея. Беспорядки произвели на Фуко неизгладимое впечатление. В том же году наряду с другими интеллектуалами он принял участие в создании GIP — Группы информации о положении в тюрьмах. Эта организация старалась предоставить заключенным возможность рассказывать о проблемах, с которыми они сталкиваются в тюрьмах.

В 1969 году появилась работа «Археология знаний». В 1970 году Фуко был принят на конкурсной основе в Коллеж де Франс, самый известный в стране институт исследований и обучения, на должность профессора истории систем мышления. В 1975 году публикуется работа «Дисциплина и наказание: как появились тюрьмы», возможно, самая значительная из его книг. Последние десять лет жизни Фуко посвятил работе «История сексуальности» — монументальному, но не завершенному труду. Том I «Введение» вышел в 1976 году, вызвав массу споров, второй и третий тома — «Как получить наслаждение» и «Забота о себе самом» — появились в 1984 году незадолго до его смерти.

Работа в Сан-Франциско в 1975 году, когда Фуко преподавал в университете штата Калифорния в Беркли, стала поворотным пунктом в его становлении. Он был поражен сексуальной раскрепощенностью геев, особенно это проявлялось в банях, чему он был свидетелем. «Я полагаю, — писал он, — что крайне важно,

чтобы сексуальные устремления могли реализовываться так же, как это происходит в банях. Вы встречаете там мужчин, которые имеют к вам такое же отношение, как и вы к ним: у вас нет ничего кроме тела, и посредством различных вариаций вы можете достигать наслаждения. Вы раскрепощаетесь внешне, вы не тяготитесь прошлым, вы свободно самовыражаетесь».

«Ограниченный опыт» типа S/M представлял для Фуко особый интерес. По этому поводу он высказывался так: «Я не думаю, что это направление сексуальных отправлений сродни выявлению и изучению наклонностей S/M в недрах нашего подсознания. Я считаю, что S/M выходит за эти узкие рамки; на самом деле это создание новых возможностей получать наслаждение, о которых люди прежде и не догадывались». В течение нескольких последующих лет он снова и снова возвращался в Сан-Франциско, последний раз приехав сюда в 1983 году, когда в банях вовсю бушевал СПИД, а сам он был болен (хотя, вероятно, и не догадывался об этом).

Спустя десять лет со дня смерти Мишеля Фуко его идеи об эволюции западной цивилизации за последние три столетия по-прежнему имеют огромное значение. Вряд ли кому-либо за последнее десятилетие удавалось столь фундаментально и обоснованно изложить научную мысль. Его влияние на сознание геев было велико, особенно после выхода первого тома «Истории сексуальности». Здесь он выразил свои взгляды, известные как теория социальной конструкции: под сексуальностью понимается не «естественное» и непосредственное проявление, а некая культурная модель, содержание которой существенно меняется в зависимости от времени и места. Он утверждал, что современный гомосексуалист и гетеросексуал — изобретение сравнительно недавнего прошлого. До XVIII века не было ни гомосексуалистов (ни соответственно гетеросексуалов). Были только гомосексуальные (или содомические) и гетеросексуальные акты. Лишь в XVIII и XIX веках у этих актов стали появляться отличительные черты. «По определению старинных гражданских или канонических кодексов, — пишет автор в одном известном отрывке, — содомия была отнесена к категории запрещенных актов; виновный в совершении этих актов являлся лишь юридическим субъектом таких актов. Гомосексуалист XIX века — это типаж, прошлое, история болезни и детство, а также вид жизни, форма жизни, язык, бесстыжее тело и, похоже, непостижимая физиология… Прежде содомия считалась временным отклонением; теперь гомосексуалист стал видом». Иными словами, сексуальность, которую нам хотелось бы считать основой нашей самобытности, составляющей нашего

существования, истинной сутью нашей природы, — одно из самых дорогих нашему сердцу базовых представлений — оказалась всего-навсего исторической конфигурацией, которую мы даже четко себе не представляем, потому как тщательно обосновались внутри. Изучая силу, которая организует нашу сексуальность с точки зрения медицины, психиатрии, религии и закона, и сдерживающие факторы этой силы, Фуко предложил эту тему к обсуждению таким образом, чтобы в нем смогли участвовать все, будь то начинающий ученый, занимающийся изучением этой проблемы, или работающий на улице активист движения против СПИДа. В последние годы жизни революционная мысль Фуко работала в направлении, которое он называл «утрированная и пессимистичная активность». Едва ли приходится сомневаться в том, что влияние этих идей будет неуклонно возрастать.

Мишель Фуко умер 23 июня 1984 года из-за осложнений, вызванных СПИДом, в Париже.

Неизвестно, знал ли он вообще о том, что у него СПИД, поскольку распространение болезни в то время только начиналось. Последние дни жизни Фуко запечатлены в романе «Другу, не спасшему мне жизнь», который никого не оставляет равнодушным. Книга вышла в 1990 году, автор — молодой приятель Фуко Ерве Гибер — избрал для своего произведения несколько завуалированную форму.

Место Фуко определено в этой книге рядом с Энди Уорхэлом [note 32] и Джоном Кейджем [note 33]. Что и говорить, каждый из них сделал революцию в своей области. Представив Фуко первым из этих трех выдающихся деятелей, я лишь продемонстрировал свое понимание того, что его труд в большей степени имеет отношение — на самом деле самое непосредственное отношение — к современным вопросам сексуальной ориентации геев и лесбиянок.

33. ЭНДИ УОРХЭЛ

note 34

Анджей Вархола, а именно так звучит его настоящее имя, родился 6 августа 1928 года в Форест-Сити, штат Пенсильвания. Его родители эмигрировали из Чехословакии, отец работал шахтером на угольной шахте. О жизни юного Энди известно крайне мало. В 1949 году Уорхэл закончил в Питсбурге Технологический институт Карнеги, получив диплом художника-дизайнера. Переехав в Нью-Йорк, Энди изменил свою фамилию на Уорхэл и стал работать художником-оформителем в магазинах модной одежды «Тиффани и Ко.», «Бонвит Теллер», а также в журналах «Воуг» и «Глэмор». К середине 50-х годов работа в рекламе принесла успех, благодаря которому стала возможной покупка дома в центре Манхэттена. Тем не менее удовлетворенности Уорхэл не испытывал, и он начал рисовать. В 1960 году он нарисовал серию картинок на основе комиксов «Супермен» и «Утенок Трейси», однако едва ли это можно назвать успехом. Лишь в 1962 году на выставке рисунков для консервированных супов фирмы «Кэмпбелл», проходившей в Лос-Анджелесе, о работах Энди заговорили как о сенсации. Начало было положено. Уорхэл был в центре движения поп-арт, куда входили такие художники, как Рой Лихтенштейн, Роберт Раушенберг и Джаспер Джонс (эта пара поддерживала любовные отношения в течение шести лет).

В 1962 году краска на консервные банки по-прежнему наносилась мазками. Однако уже к 1963 году Уорхэл стал использовать шелкографию, и с этих пор большинство его работ выполнялось именно в этой манере. Совершенно безликие, приспособленные к массовому производству, шелковые оттиски идеально подходили для данных целей. Искусствовед Роберт Хьюз писал: «Разрисовывать консервную банку само по себе не значит заниматься настоящим искусством. Но подлинным в Уорхэле остается то, что уровень производства супа в консервной банке он поднял до уровня создания картин, придав им характер массового производства, — потребительское искусство имитирует процесс, а также облик потребительской культуры».

Подчеркивая упомянутый аспект массового производства, Уорхэл стал называть свою студию «Фабрикой». В середине шестидесятых годов «Фабрика» превратилась в место встреч

всякого рода талантливых и незаурядных личностей, таких, как ди Седжуик, Холли Вудлон, Вива и Ультравайолет. Рисунки выпускались совместно группой единомышленников под руководством Уорхэла.

В этот же период Уорхэл стал снимать фильмы — или вернее было бы назвать их антифильмами — бессодержательные хвалебные гимны скуке и эротике, которые подчас тянулись ни много ни мало по двадцать пять часов. Сюда относятся «Ешь», «Blowjob» («Реактивный самолет»), «My Hustler» («Мой заводной жулик»), «Девушки из Челси», «Blue Movie» («Скучный эротичный фильм»).

5 июня 1968 года агрессивно настроенный ученик Уорхэла по имени Валери Соланас выстрелил в художника, серьезно ранив его. На выздоровление ушел год, но Уорхэл так до конца и не оправился от ран. («После выстрела я как во сне. Ничего не понимаю. Не пойму, жив я или умер».) Оставив своих неуемных приверженцев, в 1970 году Уорхэл стал приобщаться к миру знаменитостей. Начался самый продолжительный период его творчества, когда на шелковых оттисках появились ослепительные портреты Мэрилин Монро, Лайзы Минелли, Джимми Картера и председателя Мао. Уорхэл также сотрудничал с режиссером Полем Моррисеем в фильмах «Дрянь» и «Одинокие ковбои». В главной роли снимался великолепный, сексуально привлекательный Джо Д'Аллесандро. Эти фильмы претендуют на большую утонченность по сравнению с теми, что Уорхэл снял в 1960 году самостоятельно.

В 80-е годы Уорхэл стал брать больше коммерческих заказов и заказов на рекламу. UH также подружился с начинающими художниками Кейтом Харингом и Жаном-Мишелем Баскиа и стал их наставником. Уорхэл был человеком-загадкой. Тихий, скромный, он не скрывал своей сексуальной ориентации, хотя и признавал, что предпочитает участию наблюдение или чтение о сексе: «Любовные фантазии гораздо лучше любви плотской, — утверждал он. — Никогда не заниматься этим — очень увлекательное занятие». Он любил окружать себя толпой шумных почитателей, однако всегда производил впечатление человека одинокого. Терпеть не мог давать интервью, иногда спрашивал у интервьюирующих, что они хотели бы от него услышать, и разрешал опубликовать сказанное. Свой внутренний мир он скрывал за тщательно возведенным фасадом, таким же студийно безликим и демонстративно банальным, как и его искусство. Нередко он отправлял похожего на себя знакомого читать лекции от своего имени.

На следующий день после несложной операции по удалению

желчного пузыря, 22 февраля 1987 года, Уорхэл умер во сне от сердечного приступа в Медицинском центре Корнуэлл на Манхэттене. Энди Уорхэл был, без сомнения, видным художником своего поколения. Он был бесконечно влюблен в современную культуру со всей ее банальностью и откровенным потребительством. Он был увлечен идеей искусства и бизнеса, замечая при этом, что «успех в бизнесе — самый интересный вид искусства». Искусствовед Джон Расселл писал об Уорхэле, что он «все переворачивал с ног на голову и выворачивал наизнанку, и это у него получалось. По его картинам не скажешь, что они нарисованы рукой человека, не говоря уж о традиционных приемах. Его скульптура напоминала коробки, которые принес посыльный парнишка. Он снимал кинофильмы, где практически не было движения… Что до художественного своеобразия работ, то он просто не думал об этом… Что до признания, которое, как правило, венчает высокое искусство в случае успеха, то он также не придавал этому значения и говорил, что хотел бы, чтобы минут на пятнадцать каждый человек в мире стал знаменитым».

Во многом достижения Уорхэла в изобразительном искусстве аналогичны успехам Джона Кейджа в музыке: оба они перевернули наши основные представления об искусстве: Уорхэл тем, что довел самые тривиальные образы до уровня «искусства», Кейдж тем, что расширил рамки музыки, используя все виды шума и даже тишину. Но может быть, именно их гомосексуальность, их постоянное положение изгоев как раз и позволили им задаваться столь важными и имеющими столь серьезные последствия вопросами, затрагивающими самую суть искусства?

34. ДЖОН КЕЙДЖ

note 35

Джон Кейдж родился 5 сентября 1912 года в Лос-Анджелесе в Калифорнии. Сын изобретателя, он рано проявил собственную изобретательность: в двенадцать лет вел радиопрограмму на радиостанции KNX в Лос-Анджелесе, при этом сам исполнял музыкальные произведения на фортепьяно. В 1928 году его приняли в Помона-Колледж, но через два года Джон уехал в Париж. Там он рисовал, писал стихи, сочинял музыку и одновременно работал у архитектора, сотрудничавшего с Марселем Душамом, художником-дадаистом, чьи работы существенно повлияли на становление Кейджа. Вернувшись в 1931 году в Калифорнию, Джон работал поваром и садовником, одновременно приступив к изучению музыки двенадцати тонов Арнольда Шонберга. Полный отказ Шонберга от традиционной гармонии и соотношения тональности вызвал интерес у Кейджа, и в 1934 году, когда Шонберг переехал в Лос-Анджелес, скрываясь от нацистского преследования (его музыку осудили как «декадентскую»), Кейдж убедил композитора давать ему бесплатные уроки по композиции. Однако быстро обнаружилось расхождение в стилях и философских подходах: Шонберга интересовала полностью подконтрольная музыка, тогда как Кейдж тянулся к чему-то иному, только вот не знал, к чему именно. Шонберг, должно быть, понимал это, объявив своего юного ученика «не композитором, а гениальным изобретателем». Эта оценка всегда была лестна Кейджу.

Когда в 1937 году Кейдж непродолжительное время жил в Сиэтле, где учился и работал аккомпаниатором в танцевальном классе Школы искусств Корниш, он встретился с танцором и хореографом Мерее Канингемом, с которым они шли рука об руку и в искусстве и в жизни в течение последующих пятидесяти пяти лет.

Поступив в 1938 году на факультет в Миллз-Колледж в Окленде в Калифорнии, Кейдж вплотную приступил к освоению неисследованных музыкальных пространств. В 1939 году он написал монументальное музыкальное произведение для фортепьяно, тарелок и проигрывателей с различной скоростью. В 40-е годы Кейдж постоянно гастролировал с Мерее Канингемом. Их творческий союз назывался «Верим в себя».

Обосновавшись в Нью-Йорке, Кейдж поступил на курсы дзен-буддизма в Колумбийском университете, учеба на которых сыграла важную роль в развитии его творческой индивидуальности. В 1950 году его интерес к не западному образу мыслей возрос еще более после знакомства с И Шинг, древней китайской «книгой перемен», согласно которой действие в значительной степени зависит от того, какой стороной повернется монетка. На Кейджа произвело глубокое впечатление представление об огромной роли случая в делах космических и человеческих. Среди значительных работ, появившихся в результате интереса, проявленного к воле случая, был «Воображаемый пейзаж 4» (1951). Это произведение написано на основе вещания двенадцати радиостанций, причем тональность и звучание скрупулезно перекладываются на ноты, а содержание определяется любым «живым» эфиром в данный момент. Пожалуй, кульминацией этого периода экспериментов Кейджа было знаменитое «4'33" для фортепиано» (1952). Тишина на сцене в течение четырех минут и тридцати трех секунд, разделенная на три ритма, не имеет целью навязать миру своего рода контролирующий порядок, а скорее создает пространство, в котором возможны любые звуковые явления — проезжающие машины, случайное покашливание публики, звуки собственного сердцебиения. Разумеется, публика не знала, как реагировать, и музыку Кейджа нередко освистывали — подчас и сами музыканты.

За время долгой и продуктивной работы пытливое и подвижное воображение Кейджа все время освещало новые просторы, куда бы он ни направлял свою энергию. В «Уильяме Микс» (1952) и «Фонтана Микс» (1958) он реализовал свои ранние новаторские опыты с записанной пленкой. Другими заметными работами стали «Эллиптическая конструкция с зимней музыкой» (1964); «Хпшд» (1969) для нескольких клавесинов, пятидесяти одной пленки, слайдов, фильмов и прожекторов с цветной подсветкой; «Рооратория» (1979), основанная на звуках «Finnegans Wake» («Пробуждения финнеганса») Джеймса Джойса; «Евроопера 5» (1987—1990) — обширное многозвуковое созерцание электронных и оперных звуков.

В 40-х годах Кейдж был непродолжительное время женат. С 1970 года до самой смерти 12 августа 1992 года он и Мерее Канингем жили вместе в Нью-Йорке. В статье, посвященной Кейджу и опубликованной в «Нью-Йорк Тайме» в 1967 году, критик Ричард Костеланиц замечает: «Возможно, ни один из живущих сейчас людей искусства не оказал такого значительного

влияния на столь непохожих и столь замечательных людей. В наше время даже те критики, которые не соглашаются с ним, уважают его стремление доводить свои идеи до их «безумного» завершения. Кроме того, в течение стольких лет он влачил столь жалкое существование, что вряд ли у кого-либо возникнут серьезные сомнения относительно его цельности».

Писатель, философ и композитор, Кейдж написал такие книги, как «Тишина» (1961), «Понедельник год спустя» (1967), «Пустые слова» (1979), «Тема и вариации» (1982) и «X» (1983). Кейджа высоко ценят не только за то, что он оказал глубочайшее воздействие на других композиторов, но также за то, что влияние его идей распространилось на живопись, танец, исполнительное искусство и поэзию. По-новому взглянув на суть музыки — любой звук, согласно его космологии, есть музыка, — он оставил нам совершенно иной музыкальный мир, который не сможет стать прежним. После Кейджа мы никогда не услышим наш мир в прежнем звучании.

35. РУТ БЕНЕДИКТ

note 36

Рут Бенедикт родилась 5 июня 1887 года на ферме в Шенанго Вэли на севере штата Нью-Йорк. Ее отец, способный и перспективный молодой хирург, умер, когда Рут была грудным ребенком, и ее растили мать и бабушка с дедушкой. Последовав примеру матери, Рут поступила в Вассар-Колледж в Пуфкипси, штат Нью-Йорк, осенью 1905 года. Получив в 1909 году диплом бакалавра гуманитарных наук по специальности «английский язык», Рут провела год в Европе, затем три года преподавала в Калифорнии в школах для девочек. В 1913 году она встретила Стэнли Бенедикта, студента-медика, и в 1914 году они поженились. Они поселились в пригороде Лонг-Айленда Дуглас-Манор, Бенедикт стала домохозяйкой, однако загородная жизнь показалась ей бессмысленной и невообразимо скучной. Чтобы занять, вернее, спасти себя, она писала стихи (некоторые из них опубликованы под псевдонимом Анн Синглтон) и биографию Мэри Уоллстоункрафт, первую в ряду запланированных биографий, как Рут сама выражалась, «не смирившихся и полностью раскрепощенных женщин предыдущего поколения». Издательство «Хьютон Мафлин» отказалось напечатать эту работу, и при жизни Бенедикт труд так и не был опубликован.

В 1919 году Рут предприняла важный шаг, записавшись на некие курсы в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. Поощряемая своими учителями, она продолжила обучение у известного антрополога Франца Боаса в Колумбийском университете, где в 1923 году получила степень доктора философии за диссертацию под названием «Концепция духа покровительства в Северной Америке». Она оставалась в Колумбийском университете в качестве помощника Боаса и преемника, на которого пал выбор, и там же через некоторое время стала профессором антропологии.

В 1922 году во время работы помощником Боаса и преподавателем в Барнард-Колледже Рут познакомилась с младшим научным сотрудником по имени Маргарет Мид. Они стали близкими друзьями, и к 1925 году у них уже сложились любовные отношения (даже несмотря на то что в 1923 году Мид вышла замуж). Эти взаимоотношения носили характер физической и эмоциональной близости, а также

интеллектуального содружества и были настолько глубоки, что две женщины постепенно стали признавать, что затрудняются определить — кому принадлежит тот или иной замысел. Эти взаимоотношения также сказались и на характере их работы. Биограф Маргарет Каффри пишет: «Бенедикт считала, что изучение нетипичных явлений соответствует складу ее характера: с самого детства она ощущала себя чужой в американском обществе. Теперь и перед Бенедикт, и перед Мид новая психология ставила вопросы относительно их любви — была ли это болезнь, просто неврастения, или это была аномалия, заслуживали ли они изгнания из общества? Такие вопросы возникали и в целом, и в связи с их чувствами друг к другу, и в 1926 году, когда Мид и Бенедикт вместе работали в Барнарде и Мид писала работу «Совершеннолетие в Самоа», они приступили к изучению отклонений и в конце концов предприняли осторожную попытку изменить подход к человеку с отклонениями от полного неприятия до положительного восприятия. «Чтобы облегчить свою задачу, они ввели понятие положительного и отрицательного отклонения: женщины, которым нравятся женщины, подпадают под понятие положительного, если они принимают свою любовь как нормальную альтернативу общественным условностям; отрицательным отклонение считается лишь тогда, когда такие женщины замыкаются в гомофобии своего общества и вследствие этого ненавидят себя. Человек с отклонениями, утверждала Бенедикт, это «не какой-то вид, требующий определения и описания на основе общепринятой психологии аномалии». Напротив, человек с отклонениями — это всего лишь «вид, к которому общество, где он рожден, не испытывает интереса».

Хотя со временем физические отношения Бенедикт и Мид утратили свою остроту, их интеллектуальный союз оставался неизменным до самой смерти Бенедикт. У Мид были другие возлюбленные, как мужчины, так и женщины, а также двое других мужей. В 1931 году Бенедикт влюбилась в Натали Реймонд и прожила с ней следующие восемь лет. Каффри объясняет это так: «Для Рут Бенедикт ее взаимоотношения с Маргарет Мид были откровением. Очевидно, они затронули столь глубинные струны ее души, что с того момента эта женщина стала любить женщин». Рут официально рассталась со своим мужем в 1931 году.

Одним из устремлений Бенедикт как женщины женолюбивой была попытка изменить отношение общества к гомосексуальности. В частности, она приняла постулат психологии и психиатрии, определяющий гомосексуальность как болезнь. В этих целях она опубликовала в 1934 году статью под

заголовком «Антропология и аномалия» в «Журнале общей психологии». Она начала с того, что подставила под сомнение идею «нормального» и «аномального» как абсолютные категории и показала, что «всякий раз, когда в каком бы то ни было обществе гомосексуальности было отведено достойное место, люди, которые не могут любить иначе, играли соответственно те достойные роли, которое общество отводило им». В качестве примера она приводила культуру Древней Греции, а также те общества коренных американцев, для которых трансвестизм (berdache) — явление заурядное. Более того, она утверждала, что равным образом определенные ценности, считающиеся в нашем обществе аномальными, не выходят за рамки привычного в других обществах, где считается идеальным определенное поведение, которое у нас является предосудительным. В качестве примера она привела народ добу из Новой Гвинеи, для которых люди «жизнерадостного, добродушного нрава, трудолюбивые и готовые оказать помощь» полагаются людьми «глупыми, недалекими и явно свихнутыми»; а для народа Kwakiuti (куакиутл) из Британской Колумбии мания величия в нашем понимании — «неотъемлемая черта идеального человека». Следовательно, утверждает Рут, «нам придется признать, что понятие нормальности — категория культуры».

Бенедикт развила свою концепцию относительности культуры в книге «Типы культур» (1934), выдающейся работе, которую перевели на четырнадцать языков, реализовав свыше 1,5 миллионов копий. Каффри пишет: «Воздействие «Типов культур» на американскую мысль многопланово. Книга послужила сигналом и катализатором для окончательного признания парадигмы коренных изменений в общественных науках и в американском обществе и определила место новой парадигмы двадцатого века или взглядов мира, которые сложились к этому времени… В начале текущей декады биология прочно утвердилась в роли главной побудительной силы человечества. Биологический детерминизм не оставляет места для изменений… Бенедикт показала решающую роль культуры в создании трех различных образов жизни, а именно народов зуни, добу, Kwakiuti (куакиутл), что явилось окончательным и весомым доказательством того, что биология подменяет культуру в качестве основного фактора, обусловливающего жизнь человека».

Результатом работы Бенедикт среди народа зуни в Нью-Мексико стал двухтомник «Мифология зуни», вышедший в 1935 году. Другие работы «Раса, наука и политика» (1940) и «Хризантема и меч» (1946) представляют собой анализ переплетающихся типов культур эстетизма и милитаризма в

японском национальном характере, В 30-х годах она боролась против цензуры за права индивидуума и организовала сбор подписей под публикуемым осуждением нацистской науки. После того как в 1939 году прекратились отношения с Натали Реймонд, Бенедикт влюбилась в Рут Валентин, и они жили вместе в Нью-Йорке до дня смерти Бенедикт 17 сентября 1948 года.

Рут Бенедикт была одним из ведущих деятелей эволюции социальных наук. Ее деятельность внесла весомый вклад в современную антропологию культуры. Более того, ее представления об относительности культуры и значении культуры в сопоставлении с биологией при определении индивидуальности и ценностей во многом предвосхитили труд Мишеля Фуко и доводы социального конструктивизма и эссенциализма, что оживило современную дискуссию о геях. Предложив модель роли культуры при определении ценностей, Бенедикт также показала, что наше глубоко погрязшее в гомофобии общество не безнадежно и не есть непреложная данность, в нем на самом деле возможны изменения.

36. ДЖЕЙМС БОЛДУИН

note 37

Джеймс Болдуин родился 2 августа 1924 года в негритянском районе Нью-Йорка Гарлеме. Среди девяти братьев и сестер Джеймс был старшим, и ему нередко доставалось от своего отчима-священника, который любил повторять, что Болдуин самый отвратительный ребенок, которого он когда-либо видел. Однако в возрасте 14 лет Джеймс пошел по стопам своего отчима и стал священником, но священником, не относящим себя ни к одной из конфессий, или «трясуном» note 38, как их называют в Америке. Последующие два года Джеймс Болдуин проповедовал «вне школы» в церкви Файерсайд Пенткостал в Гарлеме. Сама школа представляла собой Высшую школу Девитт Клинтон в Бронксе преимущественно для белых, где, как говорил сам Болдуин, он прочувствовал «стигмы за то, что ты негр».

После окончания школы Джеймс переехал в Гринвич Виллидж, брался за случайную низкооплачиваемую работу, пытаясь как-то поддерживать своих братьев и сестер. В это же время он начал публиковать свои обзоры и эссе в столь уважаемых изданиях, как журналы «Нейшн», «Нью лидер», «Комментари».

Все это время Болдуин чувствовал, что находится в тисках двойного прегрешения: быть чернокожим в расистской Америке и быть геем в афроамериканском обществе, пропитанном гомофобией. В 1948 году с паспортом и деньгами, которых не хватило бы и на карманные расходы, Джеймс приезжает в Париж. Здесь он проводит восемь лет, но при каждом удобном случае подчеркивает, что не является экспатриантом: «Только белые американцы могут считать себя экспатриантами. Оказавшись по другую сторону океана, я смог четко осознать, откуда я родом, и убедиться в том, что привез с собой самого себя, а это и есть мой дом. От этого никуда не уйти. Я внук раба, и я писатель. Мне нужно уживаться и с тем, и с другим». И уже после возвращения в Америку в 1957 году время Болдуина неизменно делилось между Нью-Йорком и югом Франции.

Во Франции Болдуина, писавшего художественную прозу, посетила муза. Источником вдохновения был друг и возлюбленный Люсьен Хапперсбергер. В 1953 году Джеймс публикует свой первый автобиографический роман «Go Tell it on

the Mountain» — о юных годах, проведенных в Гарлеме. За ним последовали «Комната Джованни» (1956) — история белого мужчины, разрывающегося между любовью к мужчине и женщине, и «Чужая страна» (1962), где главным героем является гей и не последнее место занимают расовые отношения. Эти романы принесли Болдуину широкое признание и славу нового сильного автора в американской литературе. Однако вместе с тем его книги вызвали резкую критику, особенно среди чернокожего населения, из-за трактовки гомосексуальности. Для многих чернокожих само упоминание гомосексуальности в кругу собратьев было табу. Основная тема Болдуина, как заявил член организации «Черная Пантера» Элдридж Кливер в известной обличительной речи, раскрылась в «неприкрытой ненависти к чернокожим». И во время жизни Болдуина, и в настоящее время его огромная заслуга как гея, как выдающегося чернокожего писателя, как правило, недооценивается.

Влияние Болдуина на жизнь современников велико. Особую роль играют сборники его эссе: «Записки родного сына» (1955), «Никто не знает моего имени» (1960) и особенно «В следующий раз — пожар» (1963), благодаря которым он стал видным деятелем движения за гражданские права в своей стране. Первоначально задуманная как статья для «Нью-Йоркера» о сепаратистском движении черных мусульман, книга «В следующий раз — пожар» — поразительный, красноречивый, откровенный рассказ о боли, гневе и отчуждении чернокожих в белой Америке. Болдуин обвиняет белых в том, что они приносят черных в жертву, насаждая в них ненависть и делая их заложниками своих преступных фантазий. «В основе проблем американских негров, — писал он, — лежит потребность белых американцев найти способ уживаться с неграми, с тем чтобы суметь жить в ладу с самими собой».

В 60-х годах Болдукн был одним из активистов зарождавшегося движения за гражданские права, хотя он всегда возражал против слов «лидер» и «оратор». Моя задача, говорил он, заключается лишь в том, чтобы «засвидетельствовать правду». Он был диссидентом в принципе, и его выступления отличались красноречием и резкостью, поскольку простые ответы на идеологические вопросы были для Болдуина неприемлемы. Помимо деятельности, связанной с гражданскими правами, Болдуин протестовал против войны во Вьетнаме, и как человек, не скрывавший своей сексуальной ориентации, все более откровенно осуждал дискриминацию геев и лесбиянок.

В последние годы жизни слабое здоровье Болдуина и злоупотребление спиртным стали причиной невысокого качества

его книг. Такие романы, как «Если бы Бель-стрит могла говорить» (1974) и «Прямо у меня над головой» (1979), нельзя признать удовлетворительными. Тем не менее его авторитет общественного деятеля не ставился под сомнение ни в 70-х, ни в 80-х годах. В знак признания заслуг Болдуина его избрали в 1986 году командором ордена «Почетного легиона» при французском правительстве. 1 декабря 1987 года Болдуин умер от рака в Сан-Пол-де-Ванс на юге Франции.

«Так трудно, — писал как-то Болдуин, — сказать жизни «да». Его всегда волновал мучительный поиск того, как обрести самого себя, как стать правдивым, как сказать «да» без страха — принять свой собственный сексуальный выбор, свою собственную расу, свои собственные горькие противоречия. В интервью «Адвокату» в 1986 году Болдуин говорил: «Неспособность любить — основная проблема, поскольку этой неспособностью прикрывается определенный страх, страх быть задетым за живое. И если к вам нельзя достучаться, вы не способны к переменам. А если вы не способны меняться, то вы толком и не живете». Из приведенного высказывания ясно, что тяжелый крест и есть суть жизни и деятельности Болдуина, секрет его непреходящего значения для борьбы и за то, чтобы быть геем, и за то, чтобы быть черным, и за то, чтобы быть человеком.

37. ХАФИЗ

note 39

Мухаммед Шамз-ибн-Хафиз родился предположительно в 1326 году в персидском городе Шираз, столице провинции Фарс, на территории которой находится современный Иран. Незнатного происхождения, Хафиз провел свои молодые годы в бедности; поговаривают, что по ночам он работал в пекарне, чтобы прокормить мать, а днем учился. Как бы то ни было, достоверного о его жизни известно крайне мало, а в легендах недостатка нет. Хафиз жил в тяжелое и опасное время: арабское владычество сменялось господством монголов, что нередко сопровождалось жестоким насилием.

К тридцати годам Хафиз, похоже, утвердился в статусе придворного поэта, имея весьма ненадежный доход, зависящий от покровительства власть имущих. К примеру, он добился расположения Джалала-ибн-Шаха Шуя, который назначил его преподавателем Корана и других теологических предметов в школе при мечети в Ширазе. Будучи персом, Хафиз принадлежал к шиитской ветви ислама (в отличие от ненавистных арабов, которые были суннитами). Тем не менее огромное влияние на Хафиза оказало мистическое направление в исламе — суфизм. Хотя до конца не ясно, стал ли Хафиз настоящим суфием, поскольку он вполне мог учиться вместе с шейхом Махмудом Аттаром. Имя Хафиз, которым он подписывал свои стихи, означает «чтец Корана». Хафизу присуща своеобразная стихотворная форма, доведенная им до совершенства. Это любовная газель, лирическое стихотворение, состоящее из шести —пятнадцати рифмованных двустиший, объединенных не столько логикой, сколько символикой и образностью: нередко газель сравнивают с нитью жемчуга. Любовь и вино — традиционные темы газели, поскольку символизируют исступленный восторг и раскрепощение. Взявшись за эти темы, Хафиз овладел ими в совершенстве и вместе с тем привнес в них свое собственное видение суфийского мистицизма и страстное стремление к полному, забытому союзу земного и божественного. О суфийской концепции божественного переводчики Хафиза Питер Эйвери и Джон Хит-Стаббз писали: «Нельзя исключать возможности того, что традиция неоплатонизма повлияла на принятие суфизмом концепции Божественного как Абсолютной Красоты, причем все

различимые в мире природы проявления красоты являются неполными и мимолетными. Это породило концепцию романтической любви, суть которой изложена в речи Диотома к Сократу в «Simposium» («Беседах») Платона… Для персов, а также для греков, земное выражение Божественной Красоты, которую созерцает влюбленный, воплощено, как правило, в облике красивого юноши».

Стихотворения Хафиза можно расценивать как аллегорию Божественной Красоты, и тем не менее их отличает недвусмысленная, откровенно земная коннотация. Известная, часто цитируемая строчка Хафиза предостерегает: «Райский Сад, возможно, приятное место, но помни о тени ивы и о зеленой полосе плодородного поля». Считается, что Хафиз пренебрег мечетью ради таверны. Репутация человека распутного и резкая критика Хафиза со стороны приверженцев традиционных устоев привели к тому, что покровитель Хафиза шах Шуя прогнал его по настоянию представителей духовенства, хотя со временем Хафиз восстановил свои позиции при дворе.

По достижении зрелого возраста слава Хафиза дошла до Индии и территорий, где говорили на арабском, и, хотя Хафиз получил приглашение от султана Ахмеда посетить Багдад и от Махмуда Шаха Бахмани, правителя Декана, присоединиться к своему двору, поэт отказался от приглашений и предпочел остаться в своем любимом Ширазе, чьи сады, укромные местечки и пылких юношей он воспевал в своих стихах.

Вот, возможно, самое знаменитое, прославившее его еще при жизни двустишие:

«Когда б сей страстный, сей светлокожий турок из Шираза любовью привязал меня к себе,

и Бухару, и Самарканд не пожалел бы я за бархат родинки, что на его щеке».

Утверждают, что, когда безжалостный предводитель монголов Тамерлан вошел в Шираз, он приказал привести к нему Хафиза. Имея в виду известное двустишие, Тамерлан спросил: «Как же это так — я обескровил тысячи городов и земель, чтоб приумножить славу и богатство Бухары и Самарканда, где я живу и где строю свою империю, а ты, Хафиз, ничтожный человечишко, осмелился променять их на какую-то родинку на щеке своего приятеля?» На что Хафиз отвечал: «Господин, именно из-за своей расточительности я настолько беден, что мне и отдать-то больше нечего». Тамерлану явно понравилась находчивость поэта. В достоверности этой истории можно усомниться, однако легенды лишь подчеркивают необыкновенную популярность Хафиза и при жизни, и после смерти. Действительно, едва ли будет

преувеличением оказать, что известность Хафиза среди людей, говорящих по-персидски, даже превышала популярность Шекспира в англоязычном мире. И в наши дни говорящие на персидском языке люди цитируют Хафиза практически так же, как мы Шекспира, — в обыденной жизни, не отдавая себе в этом отчета.

В 1389 или 1390 году Хафиз умер в своем любимом Ширазе, где его могила и по сей день остается местом паломничества. Известно, что Хафиз составил сборник своих стихов — «Диван», однако впоследствии сборник был утрачен и составлен заново другом поэта Мухаммедом Гуландамом. Из-за необыкновенной и неизменной популярности Хафизу приписывают в настоящее время тысячи стихов и тысячи вариантов этих стихов. Наиболее достоверные рукописи содержат около пятисот стихов, однако ученые-исследователи сетуют на то, что вряд ли когда-либо смогут определить подлинное число и «точные» варианты этих стихов.

В целом я не включал в настоящий сборник геев и лесбиянок, которые внесли вклад в другие, кроме нашей, типы культур, поскольку это цель совсем иного проекта. Хафиз же включен в этот сборник потому, что, несмотря на относительную неизвестность Хафиза на Западе в настоящее время, его влияние в прошлом трудно недооценить. Если можно говорить о том, что в XVIII веке Запад заново открыл для себя греков и их отношение к гомосексуальности благодаря таким деятелям, как Иоганн Иоахим Винкельманн, то первые переводы персидских поэтов, появившиеся приблизительно в то же время, познакомили Европу и Англию с еще одним типом культуры, в которой воспевалась страстная любовь мужчины к мужчине. Не свободные от гомофобии западные переводчики с готовностью отрицали сексуальную направленность этих стихов: вот как объясняет это один из первых переводчиков Хафиза: «Чтобы снять с себя подозрения в предвзятости, мы должны сразу оговориться относительно одного настолько очевидного изъяна нашего автора, что его невозможно скрыть, поскольку, если все оставить без объяснений, это непременно навлечет на него такое же моральное осуждение, которое, к сожалению, постигло некоторых из первых поэтов и даже некоторых философов античности». Проницательные читатели из числа геев увидят то, что им следует увидеть. Мусульманская культура отвергалась гетеросексуалами по той же причине, по которой эта культура привлекала геев или бисексуалов, таких, как Байрон, Уильям Бекфорд, сэр Ричард Бертон, Оскар Уайльд, Андре Жид, Т. Е. Лоуренс, а также Е. М. Форстер.

Поскольку в настоящее время работы Хафиза на Западе почти не известны, я завершаю свой рассказ о нем этой чудесной газелью, которая доставит вам удовольствие:

Венец растрепанных кудрей, румянец от хмельной услады,
Сорочка нараспашку, бокал вина в руке, уста напев мурлычат —
Взор, навлекающий беду, мурлыканье столь жалобно, столь сладко —
Таким вошел он прошлой полночью и сел у изголовья.
Склонился к уху моему и голосом, печали полным,
Сказал: «О, старая любовь моя, ты спишь?»
Какой влюбленный, среди ночи пьющий сей нектар,
Начнет нести любовный бред, вина не воспевая?
Святоша, не хули за то, что пьем до дна:
Судьба сия предрешена заветом основным от Бога.
И чем бы Он ни наполнял бокал, мы выпьем все:
Будь то нектар из Рая или бокал с отравой.
И кубок веселящего вина, и путаные завитки волос —
Бог с вами, намерения благие, как те, что у Хафиза!

38. БАЙРОН

note 40

Джордж Гордон Байрон родился в Лондоне 22 января 1788 года. По линии отца, гвардейского офицера Джона Байрона, прозванного «Сумасшедшим Джеком», Байрон происходил из высшей аристократической знати. Его мать, Кэтрин Гордон, была шотландкой. Брак родителей не удался, и вскоре после рождения Гордона мать увезла маленького сына в Шотландию в город Абердин. Байрон вернулся в Лондон в 1791 году, когда его отец, разорив семью, скончался. В 1798 году после смерти двоюродного деда Байрон стал шестым лордом Байроном, и по наследству ему перешло родовое поместье — Ньюстедское аббатство, неподалеку от Ноттингемского графства, где он и поселился. В 1801 году Байрон поступил в Хэрроу, закрытую школу для детей из богатых и знатных семей. Старшие мальчики насмехались над его хромотой, и Гордон чувствовал себя несчастным. Однако это не помешало ему влюбляться в своих младших школьных товарищей. Вот как он вспоминает о Хэрроу: «Школьная дружба была для меня страстью. Она началась с лорда Клэра и была самой продолжительной… Даже сейчас, когда я слышу имя Клэр, у меня бьется сердце, и я пишу это имя, вспоминая 1803—1805 годы ad infinitum — до бесконечности». Байрон проводил школьные каникулы в Саусвелле, недалеко от Ноттингема. Там началась его юношеская безответная любовь к своей старшей кузине Мэри Чаворт, которая была к тому времени помолвлена. Этот горький опыт повлиял на все романтические устремления Байрона в будущем.

В 1805 году Байрон поступил в Тринити-Колледж в Кембридже, где, по его словам, зародилась «неистовая, но чистая любовь и страсть» к Джону Эдльстону, юному хористу, пение которого Байрон впервые услышал в храме Святой Троицы. «Сначала его голос, — писал Байрон, — привлек мое внимание, затем я был заворожен выражением его лица, а его обходительность навсегда привязала меня к нему… Определенно я люблю этого человека больше всех на свете, и ни время, ни расстояние не повлияют на мои (как правило) меняющиеся настроения». Некоторые ранние стихотворения Байрона посвящены Эдльстону, например, «К Э…..,», «Стансы к Джесси» и «Сердолик». Этот камень — подарок Эдльстона Байрону, который

поэт хранил до конца своих дней, и об этом можно прочесть в стихотворениях первого сборника Байрона «Часы досуга» (1807).

Байрон провел в Лондоне 1808 год в развлечениях, отдаваясь «бездне чувственности», как говорил об этом сам поэт, и эти буйства были губительны для его здоровья. В 1809 году вместе с близким другом по Тринити-Колледжу Джоном Кэмом Хобхаузом Байрон предпринял длительную поездку в Португалию, Испанию, Албанию, Грецию и Константинополь. Это путешествие изменило его жизнь. Поэт влюбился в природу Средиземноморья, людей, его населяющих, и их образ жизни, который после Англии казался ему простым, естественным, раскрепощенным. Особенно очаровали его юные греки, и с некоторыми из них Байрон поддерживал любовные отношения. Среди них были Евстатис Георгио и Николо Гирауд, которого Байрон по возвращении в Лондон сделал своим наследником. Письма Байрона к Хобхаузу были абсолютно откровенными и часто писались при помощи латинского шифра, взятого из Петрония.

В 1811 году до Байрона дошла печальная весть о преждевременной смерти Джона Эдльстона. Байрон писал:

«Вчера я узнал о смерти, которая потрясла меня, как никакая другая, о смерти человека, которого я любил, как никого другого, человека, которого я любил больше всех на свете и который, я верю, любил меня до конца своих дней». В память Эдльстона Байрон сочинил серию элегий «Тирза», однако изменил местоимения для публикации, чтобы не шокировать читателей.

Появившиеся в 1812 году первые две песни «Паломничества Чайльд-Гарольда», созданные во время путешествия по Средиземному морю, принесли Байрону известность. Он стал часто посещать собрания либералов (тогда он был членом палаты лордов благодаря своему титулу барона). У поэта был бурный роман с леди Кэролайн Лэм, он также вкусил «осенних чар» леди Оксфорд, которая поддерживала его радикальные политические настроения. В 1813 году Байрон безрассудно увлекся своей сводной сестрой Августой Лей. Чтобы выпутаться из создавшегося положения, в 1815 году Байрон женился на Аннабелле Мильбенк. Однако уже через год жена ушла от поэта, дав повод сплетням и кривотолкам о его гомосексуальных наклонностях. Последующий скандал вынудил Байрона навсегда покинуть Англию в апреле 1816 года (поскольку гомосексуальные связи в Англии карались смертной казнью). В Швейцарии, на побережье Женевского озера, Байрон познакомился с поэтом Перси Биши Шелли и его женой Мэри Уоллстоункрафт Шелли (дочерью Мэри Уоллстоункрафт). Он поддерживал отношения со сводной сестрой Мэри — Клэр Клэрмон. Там поэт завершил третью песнь «Паломничества

Чайльд-Гарольда» и приступил к поэме «Манфред».

Осень 1816 года застала Байрона в Венеции, где его спутником был Хобхауз и где, помимо романов с замужними и незамужними женщинами, поэт начал писать «Дон Жуана», остроумное описание подвигов легендарного и неутомимого героя-любовника. В 1819 году Байрон разрушил семейную жизнь двадцатилетней графини Терезы Гвиччиоли и ее мужа, который был втрое старше своей жены. После разрыва с мужем Тереза и Байрон поселились сначала в Равенне, затем переехали в Пизу, где Байрон снова встретился с Шелли (Оскар Уайльд считал, что их дружеские отношения закончились, когда Байрон попытался завязать любовные отношения с Шелли). Так или иначе, но в Пизе Байрон не находил себе места, и в 1823 году он принял предложение Греческого комитета в Лондоне представлять комитет в Греции, где разразилась война против турок за независимость. В июле 1823 года Байрон направился на остров Иония в Кефалонии, где влюбился в юношу по имени Лукас Чаландрицанос (Chalandritsanos). В январе 1824 года поэт и Лукас, которого Байрон взял с собой в качестве слуги, оказались в Миссолонгах, где располагалась армия принца Маврокордатоса (Mavrocordatos). Однако еще до наступления греков на турок у Байрона начался приступ лихорадки. Поэта не стало 19 апреля 1824 года. Его последние три стихотворения — «В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет», «Последние слова о Греции» и «Любовь и смерть» — стон неразделенной любви к Лукасу, который, очевидно, не отвечал поэту взаимностью:

Тебе, тебе даря последнее дыханье,
Ах, чаще, чем должно, мой дух к тебе летел.
О, многое прошло; но ты не полюбил/а,
Ты не полюбишь, нет! Всегда вольна любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба судила
Преступно, без надежд, — любить все вновь и вновь.

Настоящее стихотворение — аллегория, где поэт обращается к любви и смерти. Согласно указанному источнику, Хобхауз на копии этих стихов написал, что они никому конкретно не посвящены и представляют собой «поэтическое скерцо». Из процитированного на английском языке отрывка трудно определить род местоимения thee, как, впрочем, и РОД некоторых других обращений, выраженных в данном стихотворении местоимениями, поскольку в английском языке категория рода, в частности, местоимения you (you said — ты сказал/а), при отсутствии более широкого контекста, с чем мы и сталкиваемся в приведенном стихотворении, не всегда поддается столь точному определению, как в русском. Данное стихотворение слишком

хорошо известно в переводе Блока, чтобы произвольно менять род местоимения. Но в таком случае процитированное стихотворение не соотносится с предваряющим его абзацем.

Байрон был легендой своего времени и остается таковым в наше время. Он был романтиком, однако в отличие от своих собратьев по перу его романтизм был окрашен в менее радужные и оптимистичные тона, поскольку поэт придерживался несколько иных взглядов на ту непреодолимую пропасть, которая разделяет наши идеалы и реальность. Герой Байрона презирает условности, его судьба предрешена, он страстен. Этот образ заставляет и геев, и прочих людей переоценивать свои воззрения. С самого начала пример легендарного Байрона воодушевлял геев: уже в 1833 году появилась поэма анонимного автора «Дон Леон», где описывались похождения гомосексуалиста. Предполагают, что это достоверная биография Байрона, о чем не принято говорить открыто. Долгое время «Дон Леон» оставался в забвении, и автор его до сих пор неизвестен. Однако поражает осведомленность, с которой в поэме отражены главные события гомосексуальной жизни Байрона.

Неудивительно, что «Дон Леон» в течение стольких лет был окружен молчанием: критика почти всего XIX и большей части XX века решительно отвергла массу фактов, свидетельствующих о бисексуальности Байрона, — довольно распространенная среди исследователей и достойная сожаления практика скрыть очевидное. Если коснуться любой иной темы, то такое умышленное умолчание фактов рассматривалось бы как явная нечистоплотность ученого, но когда разговор заходит о гомосексуализме, то уважаемые биографы поэта и литературоведы с завидным постоянством выставляют себя беззастенчивыми лгунами. Отчасти по этой причине Байрон включен в настоящее издание, чтобы пристыдить некоторых «так называемых ученых» за попытку «очистить» свои темы от гомосексуальной любви.

39. ЛЕНГОЛЛЕНСКИЕ ЛЕДИ:

Леди Элеонора Батлер note 41 **Сара Понсонби** note 42

Леди Элеонора Батлер родилась в семье ирландских аристократов-католиков, воспитывалась в монастырской школе во Франции. По возвращении в Ирландию Элеонора не проявила интереса к замужеству, целиком посвятив себя учению. В 1768 году леди Батлер познакомилась с тридцатилетней Сарой Понсонби, единственной дочерью одной из состоятельных дублинских семей. В течение десяти последующих лет Элеонора и Сара постоянно переписывались и навещали друг друга, их дружба становилась все крепче и крепче. В 1778 году подруги решаются на неслыханный по тем временам поступок: переодевшись в мужское платье, приятельницы убегают из дома. Родственники настигают беглянок и возвращают домой, подруги вновь совершают побег, и на этот раз успешно. Элеонора и Сара поселились в Уэльсе, купив в пригороде города Ленголлена небольшой домик, который сами прозвали «Плас Ныоидд». Подруги установили для себя жесткую систему «самоусовершенствования», проводя свои дни в чтении, изучении иностранных языков, литературы и географии. С особым трепетом Элеонора и Сара относились к трудам французского романтика Жан-Жака Руссо. Предпочтя жизнь на лоне природы и ежедневный труд в саду, они стремились следовать идеям Руссо, который считал, что природа создала всех людей добрыми, равными и не испорченными пороками города. И действительно, мир начал воспринимать образ жизни Элеоноры и Сары как живое воплощение идей Руссо. Слава о них как о людях, всецело посвятивших себя незатейливой сельской жизни, разнеслась по всему свету. Подруги вели активную переписку с внешним миром, к ним наведывались многие знаменитости того времени, среди которых были Дюк Веллингтон, сэр Вальтер Скотт, Эдмунд Берк, леди Кэролайн Лам, Джозиа Уэджвуд и Роберт Сауди. В 1787 году король Англии пожаловал Саре Понсонби пенсию, в дополнение к скромному содержанию двух дам, которым ограничились их семьи.

После посещения «Плас Ньюидд» Уильям Уордсворт написал в честь двух подруг вдохновенное стихотворение, обращаясь к ним как к «влюбленным сестрам, чья любовь позволяет подняться над суетой, над временем». И Уордсворт был не единственным поэтом, увековечившим эти взаимоотношения: вдохновленный

посещением приятельниц, Сауди написал стихотворение; его примеру последовала и Анна Сьюард, которая охарактеризовала взаимоотношения двух женщин как отношения «Давидовой дружбы», имея в виду библейскую любовь Давида и Ионафана. И действительно, несмотря на годы, прошедшие после их смерти, про «ленголленских леди» — а мир знает их именно под этим именем — по-прежнему слагают проникновенные стихи.

В 1790 году в одном из выпусков «Дженерал ивнинг пост» была опубликована статья под заголовком «Необыкновенная женская привязанность», где приятельницы изображались следующим образом: «Мисс Батлер высокого роста, мужеподобная, неизменно одета в костюм для верховой езды, шляпу вешает на манер спортсмена, вошедшего в помещение, и во всех отношениях похожа на молодого человека, если не считать нижних юбок, от которых она пока не отказалась. Мисс Понсонби, напротив, обходительна и женственна, кротка и прелестна». Это напоминает классическую лесбийскую пару мужлан — голубка. Однако нельзя утверждать, что это описание привело дам в восторг. Интересно бы знать почему. Никто из знакомых не верил в то, что они «лесбиянки». Скорее всего потому, что на самом деле они таковыми и не были. Или, может быть, потому, что сельский образ жизни двух дам надежно уберегал их от малейшего намека на пороки города, с которыми мог невольно ассоциироваться газетный портрет, несмотря на всю симпатию, с которой он был написан. Когда леди спросили своего друга Эдмунда Берка, стоит ли подать иск на газету, последний отсоветовал обращаться в суд.

Вряд ли когда-либо мы узнаем о подлинном характере взаимоотношений двух женщин, не считая, однако, того, что примечателен сам отказ от условностей света — ведь Батлер и Понсонби явно предпочли пожертвовать гетеросексуальным замужеством ради совместной жизни. Во многих иных случаях подруги не были столь радикальны. Историк Лилиан Фэйдерман пишет: «Общество полагало их взаимоотношения не только приемлемыми, но даже желательными. Одна из причин такого уважительного отношения заключалась в том, что подобная жизнь не воспринималась как половая — или, скорее, просто в голову не приходила мысль о возможности сексуальных проявлений в одной постели… Обществу того времени было удобнее видеть в этой паре воплощение высоких идеалов духовной любви и чистых помыслов романтической дружбы».

Фэйдерман далее говорит о том, что именно новизной взаимоотношений Батлер и Понсонби и дорожило общество: избери такой образ жизни большинство женщин, это скорее всего

расценивалось бы как угроза общественному порядку, как «опасный тип нового образа жизни». Взаимоотношения этой пары не были аномальными, но Фэйдерман приводит ряд других примеров «романтических дружеских отношений», которые имели место в ту эпоху и которые были сопряжены с большим эмоциональным накалом: между Элизабет Картер, признанной переводчицей «Epictetus», и другим автором по имени Катрин Тэлбот; между поэтом Анной Сьюард (которая воспела ленголленских леди в стихах) и Гонорой Снид; между Мэри Уоллстоункрафт и Фанни Блад.

Каким бы ни был подлинный характер взаимоотношений Элеоноры Батлер и Сары Понсонби, они необыкновенно расширили рамки представлений конца XVIII — начала XIX Века. Как женщины известные, которые поддерживали близкие отношения, помогали, утешали, поддерживали друг друга и были неразлучны на протяжении более пятидесяти лет, ленголленские леди своей жизнью и делами способствовали созданию условий, благодаря которым прочные человеческие взаимоотношения стали возможными вне рамок гетеросексуальной семьи.

40. ДАВИД И ИОНАФАН

note 43

Библейская притча о Давиде и Ионафане приведена в Ветхом Завете в Первой книге Самуила. Впервые имя Давида упоминается в главе 16, когда злые духи начинают одолевать израильского царя Саула. Слуги Саула решили попробовать — не успокоят ли царя нежные звуки арфы, и один из слуг рассказывает царю о Давиде, «сыне Иессея Вифлеемлянина, умеющего играть, человека храброго и воинственного, и разумного в речах, и видного собою». И послал Саул вестников к Иессею и сказал: «Пошли ко мне Давида, сына твоего, который при стаде». Как повествует строфа 21: «И пришел Давид к Саулу, и служил пред ним, и очень понравился ему, и сделался его оруженосцем… И когда злой дух от Бога бывал на Сауле, Давид, взяв гусли, играл рукою своей».

Складывается впечатление, что 17-я глава Книги Самуила не связана по смыслу с предыдущей. В ней Давид — самый младший из восьми сыновей Иессея из Вифлеема. Трое старших братьев служат в армии Саула, который выстроил войска в Сакхофе, что в Иудее, для войны с филистимлянами. Иессей посылает Давида в расположение войск отнести хлеб и сыр братьям своим и принести от них весточку. Когда Давид приходит в лагерь Саула, то узнает, что самый сильный воин из армии филистимлян Голиаф ежедневно вызывает воина-израильтянина сразиться с ним один на один. Это продолжалось сорок дней, однако ни один израильтянин так и не решился принять вызов Голиафа. И вот Давид Добровольно принимает вызов. Саул, который в этой главе, похоже, прежде и не слышал о Давиде, предлагает ему оружие и снаряжение, но юноша отказывается принять дар, предпочтя пращу и пять гладких камней. Убив Голиафа и обезглавив филистимлянина его же собственным мечом, Давид возвращается с победой в лагерь израильтян. И Саул не перестает спрашивать: «Чей сын этот юноша?»

Глава 18 начинается довольно неожиданно: «Когда кончил Давид разговор с Саулом, душа Ионафана note 44 прикрепилась к душе его, и полюбил его Ионафан, как свою душу. И взял его Саул в тот день, и не позволил ему возвратиться в дом отца его. Ионафан же заключил с Давидом союз, ибо полюбил его, как свою душу. И снял Ионафан верхнюю одежду, которая была на нем, и

отдал ее Давиду, также и прочие одежды свои, и меч свой и лук свой и пояс свой».

Вскоре Саул начинает ревновать Давида к победам в войнах и боится его. Саул пытается отдать в жены Давиду свою дочь Мерову, но Давид отказывается. Однако попытка царя отдать за Давида другую свою дочь Мелхолу увенчалась успехом. Еще одна победа Давида в войне заставляет Саула рассказать сыну своему Ионафану, что замышляет он убить Давида. Ионафан, конечно, предупреждает Давида и выступает в роли посредника, чтобы примирить своего отца и друга. После того как Саул попытался, и не единожды, пригвоздить Давида копьем к стене, пока тот играл на гуслях, Давид решает скрыться. Сильно гневается Саул на Ионафана за помощь и соучастие Давиду и порицает его: «Сын негодный и непокорный! Разве я не знаю, что ты подружился с сыном Иессеевым на срам себе и на срам матери твоей?»

И покинув дворец, Ионафан начинает искать Давида, который укрылся за горой камней, что в поле. Увидев Ионафана, Давид «пал лицом своим на землю и трижды поклонился; и целовали они друг друга, и плакали оба вместе, пока Давид не оправился note 45». После клятвы: «Господь да будет между мною и между тобою и между семенем моим и семенем твоим, то да будет навеки», оба разошлись.

В итоге Саул и Давид примиряются, и все же в одной из бесконечных битв против филистимлян Саула и Ионафана убивают, обезглавливают, а их тела подвешивают на стену Бефсана. Во Второй книге Самуила (1:25-26) потерянный Давид оплакивает смерть Ионафана: «Как пали сильные на брани! Сражен Ионафан на высотах твоих. Скорблю о тебе, брат мой Ионафан: ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской». И становится Давид самым могущественным царем Израиля, предшественником Иисуса. Притча о Давиде и Ионафане — единственный библейский сюжет, утверждающий страстную дружбу между мужчинами (хотя в средневековье существовало предание о подобных отношениях между Христом и апостолом Иоанном, «учеником, которого любил Иисус»).

На протяжении веков притча о Давиде и Ионафане, как правило, трактуется как история гомосексуальной любви, и фраза «превыше любви женской» давным-давно стала эвфемизмом любви между мужчинами. Например, когда средневековый биограф описывал любовь английского короля Эдуарда II, известного своими гомосексуальными наклонностями, к Пьеру Гавестону как любовь, которая «сильнее любви женской», читатели наверняка понимали, что имел в виду автор.

В эпоху Возрождения такие скульпторы-геи, как Микеланджело и Донателло, создали образ Давида как символ юношеской красоты, который во многом схож с трактовкой римскими художниками образа Антиноя, возлюбленного Адриана. Хотя Давид и Ионафан — не единственные страстно любящие сердца, история которых дошла до нас из глубины веков, можно привести два других известных примера — Ахилл и Патрокл из «Илиады» Гомера, а также Гильгамеш и Энкиду из вавилонского эпоса «Гильгамеш», — тем не менее значение притчи об этих двух персонажах иудейско-христианской традиции, которая из века в век сопутствовала нам, не ослабевает, и они заслуживают того, чтобы занять достойное место в данном издании. Это влияние ощущается не столько благодаря подробностям самой притчи, сколько символизму этой дружбы, которая допускает существование крепкой, эмоциональной интимной связи между мужчинами, которая «превыше любви женской».

41. ПЕТРОНИЙ

note 46

Те скудные сведения, что мы имеем о Петроний, дошли до нас лишь благодаря короткому отрывку из летописей Тацита, где настолько образно передана атмосфера того времени, что стоит привести это описание целиком: «Днем он спал, по ночам работал и предавался радостям жизни. Успех, которого большинство людей добиваются упорным, тяжким трудом, он достигал ленью. И все же в отличие от тех прожигателей жизни, что растрачивают и себя, и свое состояние понапрасну, его не считали ни транжирой, ни распутником, а скорее утонченным сластолюбцем. В самом деле, в его словах и действиях столько нарочитой случайности и своеобразной новизны, что люди находят их все более привлекательными. Тем не менее как губернатор, а затем и консул провинции Битиния он проявил себя способным и энергичным администратором. Позднее Петроний вернулся к жизни порочной (или на первый взгляд порочной), и с его вкусом считались в избранном кругу приближенных Нерона. Когда император обходился без совета Петрония, досуг или развлечения Нерона едва ли можно было назвать изысканными или роскошными. Поэтому Тигеллиний, ревнуя к сопернику, чей опыт по части науки удовольствий намного превосходил его собственный, попытался сыграть на жестокости императора (а это было самым сильным чувством Нерона) и обвинил Петрония в дружбе с заговорщиком Савением. Для обвинения Петрония был подкуплен раб; заключенному не была предоставлена юридическая защита и большая часть его домашнего имущества находилась под арестом.

Император в это время находился в Кампании. Петроний добрался до Кум, где был схвачен. Предстоявшему ожиданию своей участи неизбежно сопутствовали надежды и страхи, и это было невыносимо, однако Петроний вовсе не имел намерения суетно покончить с жизнью. Он перерезал себе вены, затем перевязал их, повинуясь причудам собственной фантазии, не прекращая беседы со своими друзьями, и не было в их разговоре серьезности, печали или напускной смелости. Он слушал их разговоры или легкую, фривольную поэзию, а отнюдь не сентенции о бессмертии души или философские рассуждения. Затем кого-то из своих рабов он наградил, а кому-то назначил

порку. Он отобедал и принял такую дозу, чтобы его вынужденная смерть казалась естественной. Он отказался от традиционного на смертном одре восхваления Нерона, Тигеллиния и иже с ними. Вместо этого он перечислил оргии императора, назвав по имени всех партнеров по любовным играм, будь то мужчина или женщина, с описанием сексуальных опытов Нерона, и, запечатав, отослал Нерону. Затем он изничтожил свой перстень с печаткой так, чтобы с его помощью невозможно было кого-либо обвинить после его смерти».

Жаль, что жизнеописание Петрония не сохранилось. Однако все же сохранились отрывки из «Сатирикона» — объемного романа в стихах и прозе с подробным описанием приключений некой дружной и беспутной троицы: любовники по случаю Энколпий note 47, Аскилтий note 48 и их мальчишка-любовник Гитон note 49. Не подпадающий под какую-либо классификацию, «Сатирикон» был охарактеризован переводчиком Уильямом Эрроусмитом как «шутовская, псевдоэпическая «Одиссея-буфф» или сатирическая «Энеида».

В XVIII веке имя Петрония было практически синонимом гомосексуальности. Когда Эстер Траль задумала изобличить излишества французского двора, она написала: «Сегодня слышишь о таких штучках, которые достойны лишь пера Петрония… Королева Франции note 50 — Глава Шайки Уродов, которые называют друг друга «Сафистками note 51» и которые гордятся ее примером». Поэт Байрон, писавший в 1808 году одному приятелю о своих любовных похождениях, таинственно сообщает, что ни одно иное место на земле не «может состязаться в имеющихся возможностях или возникающих желаниях «Plen. and optabil. — Coit.» с портом Фалмаус note 52 и прилегающими районами. Мы окружены Гиацинтами и иными цветами самого восхитительного вида, и я имею некоторое намерение собрать прелестнейших в букет, чтобы сравнить с теми экзотическими растениями, с которыми я надеюсь познакомиться в Азии. Один образец я всенепременно собираюсь взять с собой, но об этом позже». Льюис Кромптон указывал на то, какой шифр Байрона соотносится с фразой «plenum et optabilem coitum» в «Сатириконе», где Эвмолпус note 53 склоняет мальчика, с которым он сожительствует, к «разнообразному и желанному совокуплению». Если мы вспомним, что Гиацинт — прекрасный мальчик, в которого влюбился Аполлон, то интерес Байрона к ботанике становится вполне понятным.

Лучше любого другого античного римского писателя, писавшего о гомосексуальной любви, включая такие признанные авторитеты, как Виргилий, Гораций и Катулл, Петроний передает

насыщенный, непристойный, жестокий и вместе с тем печальный дух своего времени. А что вы думаете по поводу вот этой ссоры влюбленных в первом веке нашей эры?

«Когда я спросил мальчика, приготовил ли он ужин, тот вдруг разрыдался, бросился на кровать и лежал там, утирая слезы кулачками. Не на шутку встревоженный, я заклинал его поведать мне, что случилось. Не сразу, а лишь после того, как мои просьбы перешли в угрозы, мальчик наконец заговорил, хотя и с большим нежеланием. «Это все тот мужик, — всхлипывал мальчик, — тот, кого ты называешь своим братом, твой приятель Аскилтий. Он давеча влетел ко мне на чердак и попытался взять меня силой. Я позвал на помощь, а он вытащил свой меч. «Если ты хочешь поиграть в Лукрецию, парень, — закричал он, — то я твой Таркин». Взбешенный этим предательством, я набросился на Аскилтия с кулаками. «Ну, что ты скажешь на это?» — заорал я. — «Ах ты кобель продажный! Ах ты дрянь! Ты же шагу шагнуть не можешь, чтоб не поиметь какого-нибудь мальчишку!» Поначалу Аскилтий притворился оскорбленным. Затем он начал размахивать кулаками и визжать что есть мочи. «Заткнись! — вопил он. — Ах ты вонючий гладиатор! Да ты на арене только позорился! Вор! Мерзкий грабитель! Да у тебя хоть раз была настоящая женщина? Да никогда, ты ж первый раз со мной, в саду. А сейчас вот этот мальчишка в кабаке. Боже мой! Как все меняется».

42. АМАЗОНКИ

note 54

В древнегреческой мифологии амазонки — это племя женщин-воительниц, обитавших, как утверждают, на северо-востоке Малой Азии на побережье Черного моря. Главным городом амазонок была Фемискира, расположенная у реки Фермодонт, современная территория между реками Трабзон и Синоп в Турции. Об этом племени ходят две легенды. Согласно первой, девятый подвиг Геракла состоял в том, чтобы отправиться за поясом Ипполиты — царицы амазонок. Согласно второй, более поздней легенде, Тесей приезжает в Фемискиру, где берет силой одну из амазонок и увозит ее с собой в Афины. Амазонки преследуют Тесея, вторгаются в Аттику и осаждают афинян. Мир заключается благодаря посредничеству плененной амазонки, которая носила сына Тесея. Однако Тесей бросает ее и решает жениться на Федре. Когда пленница пытается помешать свадебному пиршеству, то умирает от руки Геракла.

В «Илиаде» амазонки воюют с Троей против греков, пока Ахилл не лишает их боевого духа, убив царицу воительниц Пенфесилию. Историк Геродот, живший в V веке до н. э., считал, что амазонки в итоге расселились в Скифии и смешались со скифами, а их потомков стали называть савроматами. Из более поздних источников мы узнаем больше сведений о племени амазонок. Например, Диодор Сицилийский, живший в I веке до н. э., утверждал, что амазонки обитали не в Малой Азии, а в Ливии. Страбо из Александрии, автор I века н. э., первый поведал об опасениях греков в связи с появлением амазонок: «Кто поверит, что войско, или город, или целая нация женщин могли организованно жить без мужчин? Что они не только организованы, но и способны нападать на иноземное государство, подчинять себе соседей, которые занимали ни много ни мало современную Ионию, и совершать поход за море, дойдя да Аттики? Это равносильно утверждению о том, что мужчины в те времена были женщинами, а женщины — мужчинами».

Союз амазонок был ethnos gynaikokratoumenon, «нацией, где властвуют женщины». Женщины этой нации воевали и отказывались от рождавшихся сыновей. Утверждали, что для продолжения рода они жили каждый год по два месяца с мужчинами соседнего племени. Рождавшихся мальчиков убивали,

а девочек воспитывали как будущих воинов. Таким образом, обычаи амазонок — матриархальное отображение нравов афинян. Уильям Блейк Тирелл писал в своей книге «Амазонки: как складываются мифы» о том, что миф об этом племени стал отражением неуверенности афинян, связанной с несовершенством патриархата: если афиняне зависели от женщин, рождавших им сыновей, то амазонки сами рожали себе дочерей — таким образом зависимость амазонок от противоположного пола сводилась на нет. Для людей с разным типом культур характерно создавать легенды о далекой земле, где жизнь коренным образом отличается от их собственной (последняя часть «Путешествий Гулливера» представляет собой более современное подтверждение сказанному).

В 1861 году Джоан Якоб Бахофен предположил в своем труде «Право матери», с которым сейчас во многом не соглашаются, что цивилизация развивалась от матриархата к патриархату и что мифы об амазонках вобрали в себя общее представление об этом переходном периоде. Мнения остальных ученых сводятся к тому, что древние германские племена и народности Востока, вероятно, нанимали как женщин, так и мужчин для участия в сражениях, что породило легенду о племени амазонок.

Каким бы ни было их происхождение, амазономахия, то есть битвы с амазонками, — излюбленная тема греческого искусства, нередко изображавшего схватки дев-воительниц с кентаврами. Амазонки предстают с одной обнаженной грудью, однако нет ни одного изображения дев-воительниц без одной груди. Ложная этимология трактует происхождение слова амазонки от а-мазос | a-maz.os| – «без груди», поскольку якобы амазонки удаляли себе правую грудь, чтобы удобнее было носить лук и стрелы. Однако луку и стрелам амазонки все же предпочитали боевой топор, называемый labyris.

Современное поколение открыто ассоциирует амазонок с лесбиянками: впервые такую параллель провела в 20-х годах Натали Бэрни, публично назвав себя амазонкой и заказав Роумэйн Брукс свой портрет в виде амазонки. С середины века, исходя из своих соображений, лесбиянки ассоциируют себя с амазонками и делают это весьма оригинально и впечатляюще. Роман «Воинствующие» французской писательницы Моники Уиттиг, где рассказывается о группе женщин, которые любят представительниц своего пола и борются с патриархатом, — особенно яркий пример такой ассоциации.

В наше время большинство лесбиянок носят миниатюрный топор амазонок, labyris, как эмблему. И это свидетельствует о том, насколько нынешний век видоизменил традиции амазонок и

придал им характер подлинного, значительного, мощного мифа о самобытности лесбиянок.

43. НАТАЛИ БЭРНИ

note 55

Натали Бэрни родилась 31 октября 1876 года в Дейтоне, штат Огайо. Ее отец был владельцем компании по производству железнодорожных вагонов, мать унаследовала компанию, производящую виски. Мать Натали превосходно рисовала. Бэрни провела детство в Цинциннати, в Вашингтоне. Летом Натали уезжала в Бар-Харбор, штат Мэн, а также совершала многочисленные турне по Европе. Во время одной из таких поездок — то ли в 1886, то ли в 1887 году — в Бельгии она стала свидетельницей сцены, которая поразила ее: какая-то женщина тянула тяжелую повозку с флягами молока, а ее муж шел рядом и покуривал трубку. И с этого момента Натали осознала себя феминисткой. Когда ее отец вернулся в Соединенные Штаты, мать Бэрни предпочла остаться в Париже и изучать историю искусств с Джеймсом Макнейлом Уистлером. Бэрни с сестрой продолжали обучение в привилегированном пансионе Ле Рюш.

В 1899 году, будучи помолвленной с неким Фредди Маннерс-Суттоном, Бэрни пережила свой первый лесбийский роман с известной куртизанкой Лиан де Пуж. С присущим ей равнодушием Бэрни поделилась планами со своим женихом: выйти за него замуж, чтобы получить 3,5 миллиона долларов от своих попечителей и потратить деньги на содержание Лиан. Как это ни странно, жених, похоже, согласился, хотя все это было неожиданно — роман, женитьба и все остальное. Любовь к Пуж вдохновила Бэрни на первую книгу стихов «Ряд женских портретов и сонетов». Лесбийская эротика, столь очевидно проявившаяся в стихах, шокировала читателей, включая отца Бэрни, который скупил все книги, которые смог найти, и уничтожил типографские оттиски. Мать Бэрни, с другой стороны, снабдила работу дочери иллюстрациями — портретами любимых женщин Бэрни. Она порицала не столько лесбийские наклонности дочери, сколько ее неблагоразумие. Несмотря на ряд бурных сцен, мать Бэрни оставалась ее надежным союзником.

После разрыва с Пуж (и трехнедельной помолвки — с кем бы вы думали, — лордом Альфредом Дугласом, бывшим возлюбленным Оскара Уайльда) Бэрни вступила в связь со склонной к самоуничижению поэтессой и писательницей Рене Вивьен (1877—1909) — англичанкой по происхождению, которая

публиковала свои работы на французском языке. Вивьен запечатлела свою первую встречу с Бэрни в вышедшем в 1904 году романе «Мне женщина явилась», который был навеян этой любовью: «Я помню то далекое время, когда впервые увидела ее, и, когда мои глаза встретились с ее неумолимыми глазами цвета стали, такими же пронзительными и голубоватыми, как лезвие клинка, по спине пробежала холодная дрожь… Очарование опасности исходило от нее и сводило меня с ума». Со своей стороны, Бэрни писала о Вивьен: «У нее было худощавое тело и очаровательная головка с прямыми, почти бесцветными волосами, карими глазами, в которых часто загорался огонек радости, но когда ее прекрасные, темные веки закрывались, они были красноречивее глаз — они говорили о душе и поэтической меланхолии, которые я искала в ней». Вряд ли стоит говорить о том, что последующая связь была захватывающей, пылкой, страстной и… обреченной. Бэрни исповедовала лесбийский идеал многочисленных связей без ревности, тогда как Вивьен жаждала моногамии. Разочарованная романами Бэрни, Вивьен постепенно позволила Хелен, баронессе де Зуйлен де Ньевелт, увлечь себя. Тем не менее время взаимоотношений Бэрни и Вивьен было весьма плодотворным для обеих писательниц.

В 1902 году Бэрни и Вивьен сели в Восточный экспресс и отправились в Константинополь, чтобы посетить остров Лесбос и почтить память Сафо. Там им пришла в голову мысль учредить школу поэзии, в основе которой лежало бы лесбийское мировоззрение. Хотя проект так и остался неосуществленным, позже эти идеи послужили основанием Женской академии Бэрни.

В 1909 году Бэрни переехала на другую парижскую квартиру и стала жить на улице Якоб, 20, где организовала свой знаменитый литературный салон. Открытый по пятницам, этот «Парижский Лесбос» посещался самыми выдающимися литературными деятелями Парижа того времени, как мужчинами, так и женщинами, хотя акцент, подчас к недовольству гостей-мужчин, был откровенно лесбийским. Жанетт Фланнер описывала происходящее таким образом: «Представления, разговоры, чай, превосходные бутерброды с огурцами, божественные пирожные от Берт, и в результате: новые свидания у дам, которые привлекли внимание друг друга или которые пожелали увидеться снова». Среди присутствовавших лесбиянок были Рэдклифф Холл (которая изобразила Бэрни в «Колодце одиночества» в образе Валери Сеймур), Гертруда Штайн, Маргарет Йорсенар, Сильвия Бич, Эдна Ст. Винсент Миллей, Вита Сэквилл-Уэст, Виолет Трефусис, Эдит Ситвел и Ванда Ландовска. Салон избрал Бэрни «императрицей лесбиянок» Парижа. (Дружеское соревнование в

этот период развернулось между салонами Бэрни и Гертруды Штайн, хотя Штайн, как правило, посещали деятели изобразительного искусства, а не писатели.)

Во время первой мировой войны Бэрни принимала активное участие в антивоенных митингах. По словам биографа Карла Джей, она была «среди первых, кто связал войну и насилие, войну и мужской шовинизм». «Война, — писала Бэрни, — это дитя, рожденное мужчиной — они отцы смерти, тогда как женщины матери жизни, мужественные и не имеющие права выбора». В 1915 году Бэрни встретила и полюбила художницу Роумэйн Брукс. Они вместе работали над романом «Один в поле воин, или После жизни Н.Э». (The One Who is Legion, or A.D.'s After-Life), которая была опубликована в Лондоне в частном порядке в 1930 году. Это была единственная серьезная работа Бэрни, написанная на английском. Остальные работы, сопоставимые по значению с основным произведением «Мысли амазонки», где излагалось лесбийское самосознание, были написаны на французском.

В 1927 году Бэрни основала Женскую академию в качестве альтернативного женского учебного заведения среди поголовно мужских французских академий. Это была одна из первых попыток организовать женщин-писательниц. Академия проводила салоны исключительно для женщин-писательниц, среди которых были Гертруда Штайн, Колетт и Джуна Барнз. Академия также предоставляла субсидии для публикации.

В 30-х годах Бэрни и Брукс стали смыкаться с фашистами. Годы второй мировой войны они провели в Италии по приглашению Муссолини. С легкостью позабыв о том, что она сама на одну восьмую еврейка, Бэрни обвиняла Черчилля и евреев за развязанную войну и даже дошла до того, что написала: «Евреи сначала превратили мир в сплошную торговлю, а затем стали править им». Находясь во Флоренции, Бэрни благословила своего соотечественника-экспатриота Эзра Паунда вести свои одиозные профашистские радиопередачи и горячо одобряла его деятельность. После войны Бэрни и Брукс вернулись в Париж, без труда сумев избежать наказания, которое постигло незадачливого Паунда.

После 1940 года Бэрни публиковала главным образом мемуары, в том числе «Черты и портреты», «Путешествие разума» и «Опрометчивые воспоминания». Ее взаимоотношения с Брукс длились пятьдесят лет, хотя они и прерывались из-за любовных связей Бэрни, среди которых был роман с Долли Уайльд, племянницей Оскара. В 1968 году, когда обеим было по восемьдесят, Брукс резко разрывает отношения из-за последнего романа Бэрни, и до конца своих дней женщины больше не

обмолвились ни словечком.

Натали Бэрни умерла 2 февраля 1972 года в Париже.

Эпитафия, написанная ею самой, гласит: «Она была другом мужчин и любительницей женщин, что для людей, переполненных страстью и желаниями, лучше, чем наоборот».

Для нас более значимы не столько произведения Бэрни, сколько ее личность. Провозгласив себя амазонкой, Бэрни стала видной лесбиянкой, и ее успехи могут служить примером для бесконечного множества ей подобных. За пятьдесят лет работы салона и Женской академии Бэрни способствовала тому, что все большее число женщин осознает силу своей общности и свою индивидуальность, проявляющуюся как в искусстве, так и в интеллектуальной сфере.

44. ЭЛЕОНОРА РУЗВЕЛЬТ

note 56

Анна Элеонора Рузвельт родилась 11 октября 1884 года В Нью-Йорке. Ее отца звали Эллиотт Рузвельт (младший брат Теодора Рузвельта), а мать — Анна Холл Рузвельт. В возрасте девяти лет девочка осталась без родителей, и ее воспитывала бабушка с материнской стороны. Элеонора обучалась в частных школах Соединенных Штатов, а также за границей. В восемнадцать лет она стала вращаться в светском обществе Нью-Йорка. Три года спустя, в 1905 году, она выходит замуж за своего дальнего родственника Франклина Делано Рузвельта. Молодожены обосновались в доме семьи мужа, расположенном в Гайд Парке в Нью-Йорке. На десятом году семейной жизни Элеонора подарила Франклину шестого ребенка. Пока Рузвельт был занят на государственной службе, жена всецело посвящала себя семье и воспитанию детей. По характеру Элеонора была застенчива и любила уединение. Однако когда в 1921 году ее муж заболел полиомиелитом, Элеонора Рузвельт включилась в общественную работу, чтобы поддерживать связь мужа с миром политики. В 1928 году Ф.Д.Рузвельт был избран губернатором штата Нью-Йорк, а через четыре года он победил на президентских выборах в Соединенных Штатах.

Жена президента Ф.Д.Рузвельта была фигурой неоднозначной. Она принимала активное участие в движении за права женщин, за мир во всем мире, пыталась облегчить бедственное положение людей неимущих. В 1933 году впервые в истории США Рузвельт провела пресс-конференцию в качестве жены президента. В начале 1936 года была опубликована статья Элеоноры Рузвельт под заголовком «Мой день», в которой первая леди страны привлекала внимание читателей к социальным проблемам. В этом же году она стала членом профсоюза Американской гильдии журналистов. Радикальные изменения в традиционной роли, которая отводилась первой леди, встретили резкую критику со стороны противников президента и его политики «Нового курса».

В 1941 году Элеонора Рузвельт была назначена заместителем министра обороны, и в этом качестве во время второй мировой войны совершала поездки в места дислокации американских войск в Англии, а также на американские базы на Тихом океане, в

Австралии и Новой Зеландии. В 1945 году после смерти Франклина Делано Рузвельта президент Гарри Трумэн назначил Элеонору Рузвельт представителем США на Генеральной Ассамблее ООН. С 1945 по 1951 год она возглавляла Комиссию Организации Объединенных Наций по правам человека. В 50-х годах Рузвельт по-прежнему занималась политической деятельностью и являлась одним из лидеров либеральной фракции Демократической партии. В 1961 году по просьбе президента Джона Кеннеди она вновь стала одним из представителей США на пятнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Элеонора Рузвельт скончалась 7 ноября 1962 года в Нью-Йорке.

Будучи женой президента, Элеонора Рузвельт была ограничена в публичном проявлении собственного «я», которое было бы для нее естественнее. Мы никогда доподлинно не узнаем, как на самом деле складывалась ее судьба и что значила личная жизнь для первой леди. Однако за последние несколько лет стало известно, что во многом Элеонора Рузвельт вела самостоятельную от мужа жизнь, и ему об этом было известно. Вот что пишет ее биограф Бланш Уайзен Кук: «На протяжении многих лет Элеонора Рузвельт жила в Гринвич-Вилледж и Вал-Кил своей, отдельной от мужа и детей, жизнью, создав собственный дом и новую, не похожую на прежнюю, семью, выбрав членов этой семьи по своему усмотрению». Во время второй мировой войны она поддерживала близкие дружеские отношения с двумя лесбийскими парами: Эстер Лейп (у которой Рузвельт снимала в Гринвич-Виллидж квартиру, свое убежище от посторонних глаз) и Элизабет Рид, Ненси Кук и Марион Дикерман.

За последние годы Рузвельт сильно привязалась к своему телохранителю Эрлу Миллеру и журналистке-лесбиянке по имени Лорена Хикок. Сохранились любовные письма Элеоноры к «Хику», хотя сначала переписка тщательно скрывалась теми, кто считал, что это может быть «неправильно истолковано». Однако большинство других писем, адресованных близким друзьям, были уничтожены.

Кук размышляет:

«Как оценивать интимную жизнь Э.Рузвельт? Начнем с того, что исчезновение такого огромного числа документов — не простая случайность, а хорошо продуманное решение отказаться от самой мысли о страстных отношениях между Элеонорой Рузвельт и ее друзьями… Однако в настоящее время стало очевидно, что Элеонора прожила жизнь, полную страстной любви

и переживаний. После 1920 года многие из ее ближайших друзей были лесбиянками. Она ценила взаимоотношения с ними и уважала их частную жизнь. Элеонора оберегала их секреты и хранила в тайне свои. На протяжении многих поколений такие женщины осознавали, что свои чувства необходимо скрывать, в противном случае их удел — оскорбления и осуждение. Более столетия любовь и поругание идут рука об руку, так что тайная любовь стала просто хорошим тоном. Любовь скрывается сначала за замком, потом за крепостной стеной. И эти баррикады — лишь необходимая мера защиты против фанатизма и причиняемой боли».

Элеонора Рузвельт была, возможно, самой влиятельной женщиной своего времени. Ее называли «первой леди мира» благодаря ее международной деятельности. Элеонора сострадала угнетенным всех рас и национальностей. Поборник прав женщин, первая леди США символизировала современную независимую женщину. Всем женщинам мира она оставила в наследство надежду и активную жизненную позицию. Однако Элеонора Рузвельт отстаивала большее: она боролась за сильные, свободные чувства, счастливо пережитые вдали от общественной жизни, которая, скорее всего, станет препятствием свободному выражению чувств.

45. ЖАН ЖЕНЕ

note 57

Жан Жене родился 19 декабря 1910 года в Париже, Франция. Он воспитывался в крестьянской семье, поскольку мать оставила своего незаконнорожденного сына, В десять лет Жана уличили в воровстве кошелька у приемной матери, и свое отрочество мальчик провел главным образом в Меттре (Mettrey) — небезызвестной исправительной школе. Сбежав из Меттре, Жан поступил во Французский иностранный легион, а через несколько дней стал дезертиром. Между 1930 и 1939 годами он бродяжничал по Европе, попрошайничал, занимался проституцией, обчищал карманы и коротал время во французских и испанских тюрьмах. По его словам, «отвергнутый семьей, я считал для себя нормальным усугублять свое сиротство любовью мужчин, эту любовь — воровством, воровство — преступлением или соучастием в преступлении. Таким образом я отвергал мир, который отверг меня».

Большую часть нацистской оккупации Франции Жене провел в тюрьме. Он начал писать карандашом на бумажном пакете в 1942 году, когда отбывал срок за кражу со взломом во Фресне. Когда тюремные надзиратели отобрали его рукопись, он принялся писать заново. В результате появился необычный роман «Наша дама цветов» («Our Lady of the Flowers», 1944) — что-то среднее между мистическим лиризмом и обильной непристойностью, что впоследствии стало характерной чертой таких произведений Жене, как «Чудо розы» («The Miracle of the Rose», 1946), «Ссора» («Qu-erelle», 1947) и «Похоронные обряды» (1947).

В 1948 году Жене был осужден за кражу со взломом в десятый раз, что автоматически означало пожизненное заключение как «неисправляемого». Дело Жене привлекло внимание сюрреалиста Жана Кокто и философа-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра, который подал апелляцию на имя президента Франции о пересмотре дела Жене и получил положительный ответ. В 1952 году Сартр опубликовал серьезный анализ творчества Жене, который озаглавил «Святой Жене, актер и мученик». Подводя итог причудливой писательской карьере Жене, он писал: «Я показал, что творчество Жене — это воображаемая часть его жизни и что его гений — это несгибаемая воля прожить свою жизнь до конца. Для него желать неудачи и быть поэтом —

одно и то же. Он никогда не нарушал своих обещаний, никогда не сдавался, никогда ни от чего не отрекался, и если выходил победителем, то только потому, что всегда играл роль проигрывающего победителя. Поэтому он побеждал. Он приходил и уходил. Сейчас он свободен. Прошло почти восемь лет, с тех пор как он покинул тюрьму. У него есть деньги, «достойные друзья». Этот уголовник живет то в Париже, то в Каннах жизнью преуспевающего буржуа. Его «принимают». С ним общаются любители моды, им восхищаются другие, но поскольку он не прекратил общения со взломщиками и голубыми, то ходит по мастерским художников и барам Монмартра, сам с собой разыгрывает «Парижские тайны» и оттого, что он родом ниоткуда, он везде чувствует себя как дома. Самое замечательное подтверждение его победы: два полученных им письма, одно от полицейского и другое от тюремного надзирателя, в которых оба просят его использовать свое влияние ради них.

Под влиянием Сартра Жене обратился к театру и написал такие пьесы, как «Служанки» (1947), «Балкон» (1956), «Черные» («The Blacks», 1958) и «Ширмы» («Screens», 1961). В этих неоднозначных и шокирующих пьесах способности Жене раскрываются в полной мере. Согласно Эдмунду Уайту, эти произведения «остаются наряду с пьесами Бертольда Брехта и Джо Ортона самым значительным театральным наследием послевоенной эпохи».

После «Ширм» Жене почти не писал. В 1964 году погиб канатоходец Абдалла Бентага, с которым Жене поддерживал любовные отношения, и в 1967 году Жене предпринял попытку самоубийства. В семидесятых его угораздило написать очерк: в одном небезызвестном творении 1977 года он встал на защиту банды ультралевых террористов Баадер-Майнхоф. Он отказался от участия в движении геев, настаивая на том, что сексуальная ориентация — дело скорее личное, чем политическое. Он был, по словам Уоррена Джохансона, «бунтовщиком, а не революционером». Его политика всегда была откровенной и субъективно-личностной, и это подтверждается последней работой Жене «Пленник любви», которая была опубликована посмертно и представляет собой подробное описание его участия в организации «Черная пантера» в Соединенных Штатах Америки и Организации освобождения Палестины в Иордании и Ливане.

Талант, признанный в среде таких французских интеллектуалов, как Сартр, Жене стал классиком, а его творчество оказывает огромное влияние на целое поколение писателей и людей мыслящих. Как драматург, Жене сыграл определенную роль в творчестве таких разных авторов, как Эжен

Ионеско, Амири Барака и Питер Вейс. Его глубокое проникновение в исполнительское мастерство, танец и сценическую асимметрию сил, задействованных в сексуальных взаимоотношениях, продолжает обескураживать и читателей и публику. Жизнь геев запечатлена им без прикрас, и вместе с тем это лирическое, чрезвычайно скрупулезное, если не сказать болезненно скрупулезное описание.

Жан Жене умер 15 апреля 1986 года в Париже.

Парадокс, который доставил бы ему удовольствие, заключается в том, что вор, проведший столько лет своей жизни в тюрьме, был официально превознесен не кем иным, как министром культуры Франции Жаком Лангом, сказавшим, что «Жан Жене был сама свобода».

46. СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ ВАЦЛАВ НИЖИНСКИЙ

note 58 note 59

Взаимоотношения, как профессиональные, так и личные, между импрессарио Сергеем Дягилевым и танцором Вацлавом Нижинским были коротким, переменчивым чудом. Сергей Дягилев родился 31 марта 1872 года в Новгородской губернии в России. Его отец был генерал-майором царской армии. Мать, женщина благородного происхождения, умерла родами. В детстве по настоянию своей приемной матери Дягилев брал уроки фортепиано и композиции.

В 1890 году Дягилев поступил в Санкт-Петербургский университет на факультет права. Вскоре он и группа приятелей, включая Александра Бенуа и Льва Бакста, организовали небольшой неформальный кружок, где обсуждали вопросы искусства. Закончив в 1896 году университет с дипломом правоведа, Дягилев решил посвятить себя музыке, но вскоре после этого его убедили отказаться от карьеры композитора из-за сокрушительного провала его первой постановки.

Потеряв уверенность в своих способностях как творческого деятеля, он изменил свои ориентиры: он станет, решил Дягилев, одним из величайших и влиятельнейших покровителей искусства. Единственная сложность заключалась в необходимости иметь значительные средства, которых у него, между прочим, не было. Нимало не обескураженный этим обстоятельством, Дягилев положился на свою смекалку и обаяние, в чем не испытывал недостатка. В 1899 году Дягилев учредил элитарный журнал «Мир искусства». Крупная выставка русского искусства, которую он организовал в 1905 году, еще больше укрепила его репутацию как знатока и ценителя авангарда.

В 1906 году Дягилев уезжает в Париж. Он осуществляет культурную связь между двумя странами, организует выставки русского искусства и концерты русской музыки. В 1909 году великий князь Владимир поручил Дягилеву основать Русский балет в Париже, который с самого начала стал кузницей исполнительского мастерства. Хореографы Михаил Фокин и Леонид Масин, композиторы Клод Дебюсси, Морис Равель и Игорь Стравинский, художники, включая давних приятелей Дягилева по годам учебы в России Бакста и Бенуа, — все они взаимно обогащали друг друга, вращаясь в огромном творческом синтезаторе. Среди легендарных танцовщиков Русского балета, приглашенных из Мариинского и Большого театров, были Анна Павлова, Фокин и неподражаемый девятнадцатилетний Вацлав Нижинский.

Нижинский родился в Киеве 12 марта 1890 года в семье знаменитых танцовщика Фомы Лаврентьевича и танцовщицы Элеоноры Береды, у которых была своя балетная труппа. Таким образом, Нижинский вырос среди танцоров, проводя свое время в основном с родителями в гастрольных поездках, В возрасте девяти лет Вацлава зачислили в Императорскую школу танца в Санкт-Петербурге, учась в которой он снискал одобрение у своих учителей и большой успех у публики, которая ходила в Мариинский театр на спектакли с участием мальчика. Критики называли его «восьмым чудом света».

Закончив в 1907 году Императорскую школу танца, Нижинский стал солистом Мариинского театра, и вся Россия стала свидетельницей потрясающих спектаклей. В 1909 году Дягилев пригласил Вацлава присоединиться к Русскому балету, где Нижинский станцевал партии в балетах, составивших ему славу: «Петрушка», «Видение розы» («Le Spectre de la rose»), «Сильфида», «Дафнис и Хлоя».

Возможно, Нижинский был самым великим танцором, когда-либо жившим на земле.

Французский сюрреалист Жан Кокто восхищался:

«В нем воплотилось таинственное дитя Септентрион (Севера], который умер, танцуя на берегу Антибы. Юный, прямой, гибкий, он ходит на кончиках пальцев мелкими, уверенными шажками, он собран, как пальцы в кулак, у него длинная мощная шея, как у Донателло, его тонкий торс контрастирует с чрезмерно развитыми бедрами, он похож на юного флорентийца, в котором жизни больше, чем во всем живом, и его повадки так похожи на кошачьи, что становится страшно. Он перевернул все законы равновесия с ног на голову, он напоминает нарисованную на потолке фигуру; он легко вращается в воздушном пространстве,

он отвергает рай тысячей различных способов, его танец скорее похож на любовное стихотворение, написанное заглавными буквами».

Начиная с 1912 года Нижинский становится хореографом, но продолжает танцевать, создавая неоднозначные, выдающиеся балетные постановки, такие, как эмоционально насыщенная «Весна священная», первое представление которой буквально переполошило театр, и «Полдень одного фавна», в котором Нижинский, одетый в облегающий наряд с прикрывающей гениталии гроздью винограда и открывающей их при движении, поразил даже искушенную публику своим выразительным исполнением фавна, имитирующего акт любви, используя шарф нимфы.

Ни для кого не было тайной, что взаимоотношения молодой звезды и его импрессарио выходили за чисто профессиональные рамки. Стравинский насмешливо заметил по поводу фавна Нижинского: «Разумеется, Нижинский имитировал любовь только с шарфом нимфы. Разве Дягилев позволил бы большее?» Однако роман не был продолжительным: отношения стали портиться. Дягилев был безумно ревнив, обращаясь с послушным молодым танцором, как со своей собственностью, и в 1913 году Нижинский с перепугу женится в Буэнос-Айресе на Ромоле, герцогине Pulszky-Lubocy-Cselfalva. В первую мировую войну некоторое время он провел в Венгрии как интернированное лицо, подданный Российской Империи. В 1919 году после пережитого нервного расстройства у Нижинского обнаружили шизофрению. Танцора поместили в санаторий, и до самой смерти в 1950 году в Лондоне Нижинский жил в различных санаториях в Швейцарии, Франции и Англии.

Тем временем Дягилев пестовал свой Русский балет, добиваясь все большего успеха, гастролируя по Европе, Соединенным Штатам и Южной Америке. Неуемная энергия и неустрашимый дух не могли не сказаться на его здоровье, и в 1929 году, когда Дягилев находился в зените славы, у него на отдыхе в Венеции случился удар, сменившийся коматозным состоянием, и 19 августа того же года великого импрессарио не стало. У его могилы, которая находится рядом с могилой Стравинского на острове-кладбище Сен-Мишель, по-прежнему собираются почитатели, которые оставляют там красные розы и изношенные балетные туфли, отдавая дань памяти этому человеку, чьи идеи сыграли такую важную роль в создании современного танца.

Дягилев и Нижинский, каждый в своем роде, фактически стали родоначальниками современного мужского танца. До

Русского балета уделом танцора, как правило, была вспомогательная роль — она сводилась лишь к поддержкам балерин. Собственно мужского танца не существовало. Дягилев сломал привычные стереотипы, и все это не без участия Нижинского. Триумф танцовщика конца XX века Рудольфа Нуриева не состоялся бы, если бы не гениальное новаторство Дягилева и Нижинского за то недолгое время, что они были любовниками.

47. АДРИАНА РИЧ

note 60

Адриана Сесиль Рич родилась 16 мая 1929 года в Балтиморе в штате Мэриленд. Ее отец был профессором медицины, мать — композитором и пианисткой. Рич охарактеризовала свое детство так: «Я родилась накануне Великой депрессии; в год Нагасаки и Хиросимы мне исполнилось шестнадцать лет. Дочь еврея и протестантки, я узнала о геноциде из кинохроники, рассказывающей об освобождении заключенных из лагерей смерти. Я была молодой белой женщиной, которая ни разу не испытала чувства голода, у которой всегда был дом и которая взрослела на окраине глубоко разделенного города».

В 1951 году Рич закончила Рэдклифф-Колледж и в том же году поэт-гей В.Х.Оден представил ее первый сборник стихов «Смена мира» на соискание премии Йельского университета, присуждаемой молодым поэтам. В 1953 году Рич вышла замуж за Альфреда Конрада, экономиста из Гарварда. С 1955 по 1959 год Адриана вела жизнь образцовой жены ученого из Кембриджа. Там родились трое ее сыновей. В своей книге «Рожденная/ый женщиной» («Of Woman Bot», 1976) она подробно описывает свои отчаянные попытки сочетать традиционную роль женщины и судьбу поэта, которую она избрала. Второй том стихов Рич «Резчики алмазов» был опубликован в 1955 году. Обе ее ранние книги отмечены скромным изяществом, однако, в конце 50-х стиль Рич начинает меняться, а в ее произведениях 60-х годов, особенно в «Потребностях жизни» (1966) и «Листках» (1969), проявилась нее более активная политическая позиция.

В 1966 году Рич стала преподавать в Сити-Колледже в Нью-Йорке по программе SEEK в рамках программы «Открытый прием». Это стало важным событием ее профессиональной жизни, благодаря которому она познакомилась с афроамериканскими поэтами Алисой Уолкер и Одри Лорд, также преподававшими в колледже. Когда сборнику «Diving Into the Wreck» (1973) присудили Национальную премию за лучшую книгу, Рич отказалась от этой индивидуальной награды. Вместо этого в совместном с Уолкер и Лорд заявлении, которых также представляли на соискание премии, Рич написала, что она примет награду «от имени всех женщин, чьи голоса остались и все еще остаются не услышанными в мире мужчин».

После самоубийства мужа в 1970 году Рич стала более откровенно выражать свой радикальный феминизм и лесбийский сепаратизм. Она публиковала свои стихи не в широкоизвестных журналах, а в таких феминистских изданиях, как «Амазон Квотерли», «Хересис» и «13 Мун». С 1981 по 1983 год она работала редактором на пару с Мишель Клифф в лесбийском журнале под названием «Синистер уиздом».

Одна из наиболее значительных среди живущих поэтесс Америки, Рич опубликовала немало томов стихотворений, помимо уже упомянутых, включая «Вот до чего довело меня мое необузданное спокойствие» (1981), «Факт дверной коробки» (1984), «Твоя родная земля, твоя жизнь» (1986), «Атлас сложного мира» (1991). Некоторые из ее самых прекрасных стихов о лесбийской любви можно найти в «Двадцати одном стихотворении о любви» из сборника «Мечты об общем языке» (1978).

Рич также автор трех весьма примечательных сборников эссе, которые оказали огромное влияние на современный образ мышления феминисток и лесбиянок: «Нелояльность к цивилизации: феминизм, расизм, женоненавистничество» (1978), «О лжи, секретах и молчании» (1979). а также «Кровь, хлеб и поэзия» (1986).

Возможно, наиболее значительное эссе Рич — это «Принудительная гетеросексуальность и существование лесбиянок», работа, которая дала ответы на вопросы многих видных лесбиянок и феминисток. В этом эссе Рич утверждает, что «гетеросексуальность, так же как и материнство, необходимо признать и изучать как политический институт». Большинство женщин, по словам Рич, принуждают к гетеросексуальности, поскольку общество не оставляет им иного выбора. Перечислив массу приемов, благодаря которым поддерживается мужская власть над женщинами: лишение женщин их собственной сексуальности, навязывание им мужской сексуальности, эксплуатация их труда посредством института брака и материнства, ограничение их в передвижении посредством угрозы изнасилования и других видов насилия, невозможность проявления их творческой энергии и недопущение их к огромной сфере социальных знаний, — Рич приходит к выводу о том, что «мы сталкиваемся не только с простым поддержанием неравенства и правом собственности, но и с тлетворной концентрацией силы, начиная с физической грубости и кончая контролем за сознанием, что предполагает необходимость сдерживания огромного потенциала контрсилы».

Тем не менее, женщины находили способы противостоять

этой принудительной мужской силе. Это противостояние — эта контрсила — зачастую сохранялось, по определению Рич, в «лесбийской преемственности». Лесбийская среда не что иное, как «сфера опыта самоопределения женщины — сфера, охватывающая жизнь каждой женщины; это не просто факт, устанавливающий, что женщина имела или мысленно желала иметь опыт половых отношений с другой женщиной. Если мы расширим эту область, чтобы охватить гораздо больший спектр изначально насыщенных отношений между женщинами, включая участие в содержательной внутренней жизни, сплочение против тирании мужчин, оказание и получение практической и политической поддержки; если мы также улавливаем в этом такие мотивы, как противление браку… мы начинаем понимать глубину женской психологии, которая находилась за гранью понимания вследствие ограниченного, преимущественно клинического, определения лесбиянок. Поскольку такой подход позволяет коренным образом переоценить взаимоотношения женщин и все разнообразие этих взаимоотношений сквозь призму истории человечества, то, видимо, ни одна современная концепция не была столь благотворна для мышления лесбиянок, как идеи Рич о лесбийской преемственности. Рич добилась успеха в изменении самих правил дискуссии о лесбиянках, причем сделала это настолько веско, что это не осталось незамеченным.

В настоящее время профессор Адриана Рич преподает английский язык и изучает феминистское движение в Стэнфордском университете, занимая, таким образом, центральное место в современном процессе самоопределения лесбиянок. Поместив рассказ о ней в этом месте настоящего издания, я хотел подчеркнуть свое отношение к Рич как к одной из ведущих поэтесс и автору эссе, а также самой влиятельной среди живущих в настоящее время лесбиянок.

48. ЛАРРИ КРАМЕР

note 61

Ларри Крамер родился 25 июня 1935 года в Бриджпорте в штате Коннектикут. Его отец был адвокатом, мать — работником социальной сферы. Получив степень бакалавра гуманитарных наук в Иельском университете и отслужив год в армии, Лэрри стажировался в агентстве «Уильям Моррис» в Нью-Йорке в качестве делового посредника. На следующий год он стал работать в кинокомпании «Коламбия Пикчерс» сначала помощником сценариста в Нью-Йорке, затем в течение четырех лет постановщиком в Лондоне. В 1965 году его приняли на работу помощником президента «Юнайтед артист». Крамер был помощни ком режиссера в фильме 1967 года «Here We Go Round the Mulberry Bush», а в 1969 году написал сценарий и был продюсером фильма Кена Расселла по роману Д.Х. Лоуренса «Влюбленные женщины» («Women in love»), известному своей гомоэротической тональностью. Этот проект Крамера был представлен на соискание премии киноакадемии.

Первый, противоречивый роман Крамера «Faggots» («Гомики») был опубликован в 1978 году. Это сатирическое описание любовных похождений гея в банях и барах было, по сути, отвергнуто большинством геев, которые обвиняли писателя, что этот роман играет на руку тем самым силам, которые противостоят их сообществу. Однако Крамер был тверд в своих намерениях, заявляя, что он задумал роман как серьезную критику определенных излишеств в жизни геев. В интервью «Чикаго трибьюн» с присущей ему откровенностью, граничащей с грубостью, Крамер заявил:

«Я умышленно наделил главных героев своей книги интеллектом, образованием и богатством, чтобы они могли служить примером для подражания. Но не тут-то было, это трусы, оплакивающие себя, замкнувшиеся в своем гетто, поскольку понимают, что не нужны миру… Скорее всего, нам следует гневаться на собственную трусость, а не на жестокость мира».

Нашествие СПИДа окрасило рассуждения Крамера в мрачные тона. Крамер стал одним из первых, кто осознал последствия эпидемией поднял тревогу в своих очерках, публикуемых в «Нью-Йорк нейтив». В ставшем знаменитым очерке «1.112 и подсчет» он писал: «Если статья не вышибет дурь из вашей головы, наши дела

плохи. Если она не возмутит, не рассердит, не взбесит вас и не понудит к действию, геи могут лишиться будущего на этой земле. Продолжение нашего существования зависит только от того, насколько сильно мы рассердимся».

В 1982 году вместе с Натаном Фейном, д-ром Лоуренсом Массом, Полем Пофамом, Полем Рапопортом и Эдмундом Уайтом Крамер стал организатором проекта «Здоровье мужчин-геев в опасности» (Gay Men's Health Crisis/GMHC) для борьбы с эпидемией СПИДа. Прошло чуть более года, и внутренние разногласия по стратегическим вопросам, а также личные дрязги привели к тому, что Крамер прекратил свою работу по проекту. В 1985 году Крамер написал драму «Нормальное сердце», ставшую одним из первых и наиболее удачных литературных произведений, появление которой было вызвано распространением СПИДа.

В пьесе с присущей автору прямолинейностью устами Неда Уикса, автобиографического героя, подвергаются критике сами геи, лицемерие гетеросексуалов и их отношение к опасности СПИДа. От пьесы отказалось четырнадцать агентств и многочисленные директора, продюсеры театральных трупп, прежде чем ее принял публичный театр Джозефа Паппса. «Нормальному сердцу» присудили в 1986 году премию Мартона Гильдии драматургов, премию «Огни города», а также премию Сары Сиддонс за лучшую пьесу года. Крамер вспоминает о «Нормальном сердце» так: «Я создал ее, чтобы люди воскликнули: «Самое страшное в мире — это СПИД, и нет ничего печальнее этого». Я написал ее как историю любви в память о мужчине, которого любил и который умер. Я хотел, чтобы люди видели на сцене двух мужчин, любящих друг друга. Я хотел, что-бы люди видели, как они целуются. Я хотел, чтобы люди поняли, что любовь мужчин-геев, страдания мужчин-геев и смерть мужчин-геев ничем не отличаются от переживаний прочих людей».

Крамер продолжал открыто призывать проявлять ответственность, соизмеримую с размахом СПИДа:

«Худшие времена пандемии СПИДа, — писал он в 1987 году, — у нас еще не наступили. Мы преступно легкомысленны. Нас миллионы, кому уготована смерть. Пожалуйста, вбейте себе в голову: НАС МИЛЛИОНЫ, КОМУ УГОТОВАНА СМЕРТЬ. Три из четырех случаев заболевания СПИДом попрежнему происходят среди геев. Сотни миллионов людей являются носителями вируса. Помните, НАС МИЛЛИОНЫ, КОМУ УГОТОВАНА СМЕРТЬ».

В 1987 году Крамер принимал активное участие в учреждении Коалиции по мобилизации сил для борьбы со

СПИДом (AIDS Coalition to Unleash Power/ACT UP)

С самого начала инициативная группа взяла на себя обязательство сосредоточить свое внимание на распространении профилактических лекарственных препаратов, и первой акцией явилась массовая демонстрация 24 марта 1987 года на Уолл-стрит в Нью-Йорке. Двести пятьдесят мужчин и женщин перегородили движение транспорта на несколько часов. Сама демонстрация и последующие аресты в отличие от большинства аналогичных случаев, касающихся геев или связанные с акциями против СПИДа, получили широкое освещение в средствах массовой информации. В последующие месяцы организация ДЕЙСТВУЙ открыла десятки филиалов по всей стране. Примечательно, что когда Крамер почувствовал, что взрывной стиль его руководства может привести к повторению тех же сложностей, с которыми пришлось столкнуться в GMHC, он отказался от активного участия в группе. Годы своей активной борьбы со СПИДом он описал в работе «Сообщения из зоны бедствия: как стать активистом борьбы со СПИДом» (1989).

В 1988 году Ларри Крамер узнает — и какое-то время у него были причины подозревать это, — что он ВИЧ-инфицирован. В результате в 1992 году появляется широко известная пьеса «Судьба моя». Являясь продолжением «Нормального сердца», «Судьба моя» прослеживает развитие образа Неда Уикса с самого детства до мужания. Крамер писал, что он хотел написать «… личную историю: путь принятия собственной гомосексуальности. Мое поколение отличали особые, если не уникальные проблемы. Мы были как раз тем поколением, которое пытались изменить специалисты по психоанализу. Этот путь от открытия и осознания вины до моментов радости и наконец СПИДа был моим самым длинным, самым важным выбором, таким же важным — нет, более важным, чем моя жизнь с родителями, моя жизнь как писателя, моя жизнь активиста. В самом деле, моя гомосексуальность — единственная и самая важная определяющая характеристика моей жизни».

На момент написания этих строк голос Ларри Крамера громче всех звучит среди голосов гнева Америки, протестующих против системы, которая обрекла стольких людей на безвременную смерть, против общества, которое слишком часто позволяет приносить себя в жертву. Он был Иеремией нашего поколения: те, кого привели в замешательство его гнев и горе, растревожены не Ларри Крамером, а самой правдой. Резкий, с четко выраженной позицией, неудобный, неоценимый и незаменимый, Крамер — самый выдающийся гей в сегодняшней Америке. Организации, созданию которых он содействовал —

GMHC и ДЕЙСТВУЙ, — продолжают свою деятельность и становятся одними из самых важных институтов современной борьбы американских геев за выживание. Если это общество все-таки выживет, оно будет обязано своим выживанием в немалой степени Ларри Крамеру.

49. ТЕННЕСИ УИЛЬЯМС

note 62

Теннеси Уильяме, урожденный Томас Ланьер Уильяме, появился на свет 26 марта 1911 года в городе Колумбусе в штате Миссисипи. Сын коммивояжера, торгующего обувью и находящегося в постоянных разъездах, Уильяме воспитывался главным образом своей властной пуританкой-матерью. Ребенок рос замкнутым и склонным к самоанализу. Он вспоминает о том, что писать «стало моим спасением, моей пещерой, моим убежищем. От чего? От прозвища «маменькин сынок», которым меня окрестили соседские мальчишки, и «мисс Нэнси», которым меня наградил мой отец, потому что я предпочитал читать книги в светлой и строгой библиотеке своего деда, чем играть в шарики и в бейсбол… из-за жестокой детской болезни и чрезмерной привязанности к женщинам нашей семьи, которые вернули меня к жизни».

В 1929 году Теннеси поступил в Миссурийский университет в штате Колумбия на факультет журналистики, но вскоре его отчислили, и он устроился на работу в компанию по производству обуви и в течение последующих двух лет днем ходил на работу, а вечером интенсивно писал. В результате нервного срыва Уильяме оказался на лечении в Мемфисе и, находясь там, стал принимать участие в работе местной театральной труппы. Вернувшись в Миссури, Теннеси стал учиться в Вашингтонском университете в Сант-Луисе, а в 1937 году продолжает учебу в университете штата Айова. На следующий год, ровно через девять лет после того, как он поступил в первое высшее учебное заведение, он заканчивает университет.

Взяв имя Теннеси, Уильяме переезжает в Новый Орлеан и попадает там в среду геев. После нескольких неудачных попыток и короткой работы в Калифорнии в качестве сценариста Уильяме впервые добился заметного успеха в 1945 году благодаря «Стеклянному зверинцу». В основу пьесы легла история его любимой сестры Розы, у которой несколькими годами ранее была обнаружена шизофрения и ее подвергли фронтальной лоботомии. Работа Теннеси была удостоена премии театрального сезона 1944/45 года, присуждаемой Нью-йоркским кружком театральных критиков. Это произведение также раз и навсегда изменило сцену

американского театра. Один шедевр сменял другой: удостоенный Пулитцеровской премии «Трамвай Желание» (1947), «Татуированная роза» (1951), «Лето и дым» (1952), «Кошка на раскаленной крыше» (1955 — и вторая Пулитцеровская премия, присужденная Уильямсу), «Сладкоголосая птица юности» (1959), «Ночь Игуаны» (1961, его четвертая премия Ньюйоркского кружка театральных критиков). Многие из перечисленных пьес легли в основу кинофильмов, получивших высокую оценку.

Затем удача изменила ему: в 1963 году умирает от рака возлюбленный Уильямса Фрэнк Мерло. Брат Уильямса Дакин вспоминает об их четырнадцатилетних взаимоотношениях так: «Помимо интимной жизни, которой они оба были довольны, и подлинной привязанности, которую они испытывали друг к другу, эти двое дополняли друг друга, пожалуй, лучше большинства пар мужчин и женщин. Влияние Мерло, в отличие от Санто и Рафаэле note 63, неизменно возрастало, он был сведущ и ловок во всех тонкостях будничной жизни, в чем Теннеси был беспомощен. Мерло водил машину, готовил, упаковывал вещи, закупал необходимое, — делал все, освобождая Теннеси от всего, кроме литературы».

Смерть Мерло стала серьезным физическим потрясением. Уильямс не находил в себе сил писать, одновременно развивалась все большая зависимость от кофе, наркотиков и алкоголя, помогавшая подстегнуть воображение. На протя жении почти всего десятилетия Теннеси чувствовал себя опустошенным и больным, отчасти по причине своего алкоголизма и злоупотребления наркотиками.

В 1968 году Теннеси принимает католическую веру. В 1970 году после нервного срыва Уильямса ненадолго помещают в лечебное учреждение. В 70-х писатель ощущает новый прилив сил и работоспособности, хотя его новые пьесы: «Small Craft Warnings» (1972), «Vieux Carr'e» (1979) и «A House Not Meant to Stand» (1982) — не были отмечены особым признанием или финансовым успехом.

В последние годы своей жизни Уильяме жил то в Нью-Йорке, то в Ки-Уэсте, а также имел квартиру во французском квартале Нового Орлеана, где появился на свет «Трамвай Желание». 25 февраля 1983 года его нашли мертвым в занимаемом им люксе отеля «Элисе» в Нью-Йорке. Предположительно смерть наступила оттого, что он поперхнулся пластиковой крышечкой от средства против насморка.

За исключением, пожалуй, Юджина О'Нила, Теннеси Уильяме был самым великим драматургом Америки XX века. Почти две дюжины многоактных пьес, как минимум столько же одноактных,

три романа, два тома стихов — в этих произведениях Уильяме создал галерею незабываемых персонажей, которые переживают жизненные коллизии, мрачнее и болезненнее которых вряд ли видела сцена. Он был поэтом неимущих, душ хрупких, или напуганных, нежных, или истерзанных настолько, что жизнь становится невыносима.

Театральный критик Франк Рич так оценивает вклад Уильямса в искусство театра: «Смелое театральное новаторство и психологическое раскрепощение, которые характерны… для прогрессивных пьес Уильямса, возводимых на основании, заложенном О'Нилом и, конечно, Фрейдом. В свою очередь г-н Уильямс оказал колоссальное влияние на целое поколение писателей, которые пришли ему на смену. И месяца не проходит без постановки новой американской пьесы, написанной запатентованным Уильямсом стилем, который подчас называют, за неимением лучшего термина, «поэтическим реализмом». Отзвуки его голоса можно услышать в работах Эдуарда Олби и Ланфорда Уилсона, если обратиться к этим двум наиболее заметным его последователям».

Гомосексуальность Уильямса пронизывает все его работы, хотя эта тема чаще обозначалась намеками, нежели излагалась напрямую, в глубине его пьес таится темнота, которую невозможно или с большим трудом можно выразить или обозначить при помощи персонажей. Тем не менее публика понимала. Драмы Уильямса помогали американцам осознать, что геи существуют. Писателю удалось сделать это проникновенно и чувственно. К концу жизни Теннеси Уильяме стал одним из первых открыто признанных геев Америки, и в его «Мемуарах» (1975) проблемы геев рассматриваются с обескураживающей прямолинейностью и открытостью. Если я и поместил Теннеси Уильямса сразу после Ларри Крамера, то не потому, что Крамер превосходит его как драматург: это не так. Положение и позиция Крамера в мире тем не менее оказывают более непосредственное по сравнению с Уильямсом воздействие на жизнь геев и лесбиянок — по крайней мере в 90-х годах. Признавая этот факт, мы ни в коей мере не умаляем неоценимого вклада Теннеси Уильямса в американский театр и в самосознание геев.

50. РОЗА БОНЭ

note 64

Мари-Розали Бонэ родилась 16 марта 1822 года в Бордо во Франции. Ее мать была музыкантшей, отец — художником и преподавателем. Будучи приверженцем социальной философии Сен-Симона, отец Бонэ верил в эмансипацию женщин и ставил под сомнение традиционное распределение сексуальных ролей. Он также способствовал развитию творческих начал у своих четверых детей, каждый из которых в свое время стал художником. Получив первые знания от своего отца еще ребенком, Бонэ продолжила образование у Леона Конье в Париже в Школе изящных искусств. К 1841 году в возрасте девятнадцати лет она уже регулярно выставляла свои рисунки на официальном Парижском салоне. С первых шагов своей карьеры она писала диких животных, доведя традиционные приемы академического жанра до совершенства. В 1848 году, когда Бонэ исполнилось двадцать шесть лет, судейская коллегия, куда входили столь известные художники того времени, как Коро, Делакруа и Энгр, присудили ей Первую золотую медаль за картину «Ploughing the Nivemais» note 65 (в настоящее время находится в Лувре).

Творчество Бонэ было отмечено критикой и принесло немалый доход. Ее картина 1853 года «Белая лошадь» была куплена в 1887 году Корнелиусом Вандербилтом за 4200 фунтов — небывалая сумма для того времени. Вариант этой же картины, но меньшего размера, был вывешен в Национальной галерее в Лондоне в 1865 году. Впервые при жизни художника его картина была удостоена такой чести. В 1865 году Бонэ также стала первой женщиной, которая получила Большой крест ордена «Почетного легиона». Английская королева Виктория стала ее другом и покровителем, благодаря чему работы Бонэ высоко ценились в аристократических кругах Англии. Такой успех вполне устраивал Бонэ: она понимала, какие возможности это сулит. Предваряя слова Вирджинии Вульф о феминизме века грядущего, Бонэ четко изложила свое отношение: «Я намерена заработать немало презренного металла, поскольку только с его помощью можно позволить себе делать то, что хочешь».

По роду своей работы Бонэ нередко бывала на бойнях и лошадиных торгах, а также в тех местах Булонского леса, которые в ту пору еще оставались нетронутыми. Утверждая, что для

спокойной работы ей необходимо носить мужскую одежду (а такое переодевание осуждалось), Бонэ убедила в 1857 году парижскую префектуру предоставить ей разрешение на ношение мужского костюма. С этого времени она не снимала мужского рабочего костюма. Роза также курила сигареты.

В возрасте четырнадцати лет Бонэ завязала дружбу с Натали Мика, болезненной, но талантливой девочкой на два года младше ее самой. Когда позже они встретились уже взрослыми, между ними установились особые взаимоотношения, которые продолжались до самой смерти Мика, умершей в 1889 году. Они поселились в одном доме (в 1860 году Бонэ смогла благодаря своим заработкам купить роскошный замок в Би, в окрестностях Фонтенбло), Мика исполняла роль жены, занимаясь обязанностями по дому, а коротко подстриженная, выглядевшая по-мужски Бонэ рисовала и курила сигареты и в короткие перерывы занималась со своей любимицей львицей. Бонэ устроила целый зоопарк из экзотических созданий в своем замке, с которых она делала зарисовки.

После смерти Мика Бонэ была безутешна, однако в тот же самый год она познакомилась с молодой американской художницей, которую мать привезла в Париж, чтобы изучать европейскую культуру. Анна Элизабет Клампке (1856—1942) была, как и Натали Мика, талантлива и слаба здоровьем (она хромала с самого детства). Во многом Анна заняла место Мика, и Бонэ называла ее «моя жена». В своем завещании Бонэ назвала Клампке своей единственной наследницей, и все три женщины покоятся рядом на кладбище Пер-Лашез, где над их могилами возвышается памятник с надписью «Святая привязанность — дружба».

Бонэ прекрасно понимала характер такой святой привязанности, что следует из ее раздумий, которыми она поделилась с Магнусом Хиршфельдом, направив ему часть своей исследовательской работы о «смешанных сексуальных типах». Бонэ определила себя как «контрсексуальный» тип, как члена «третьего пола», как «омужчиненную женщину».

Роза Бонэ умерла 25 мая 1899 года в Мелуне, в окрестностях Фонтенбло.

В работе «Взгляд на развитие сексуальности: гомосексуальность и искусство за последние сто лет на Западе» Эммануил Купер оценивает творчество и наследие Розы Бонэ так: «Выдержанные в академическом стиле зарисовки животных, где запечатлен каждый волосок и каждая травинка, контрастируют с ее крайне нетипичным образом жизни с нестандартной сексуальной ориентацией, что нашло свое выражение в

решимости преуспеть и как художник и как женщина, и вместе с тем не составит труда усмотреть и признание викторианских представлений о скромности. Если выбор партнера пал на другую женщину, рамки их взаимоотношений определялись традиционной, самоотверженной семейной жизнью. Не менее важной была карьера художника. Творческие и финансовые успехи позволили ей занять прочную позицию в определении способа обустройства своей жизни».

Пример Розы Бонэ, одной из самых известных художниц своего времени, служил источником вдохновения для многих женщин-художниц, которое исходило как от ее картин, так и от независимого «мужского» образа и весьма своеобразного взгляда на жизнь. Включая Розу Бонэ в настоящий сборник, мы отдаем дань непреходящему значению ролевой модели, которой могли следовать женщины, пытавшиеся в условиях враждебного и гнетущего патриархата утвердить свой собственный образ жизни. Ставя под сомнение выбор — как личный, так и профессиональный, — предоставленный женщинам в XIX веке, Роза Бонэ способствовала началу разрушения твердо укоренившихся ценностей своего века.

51. АРТУР РЭМБО ПОЛЬ ВЕРЛЕН

note 66 note 67

Поль Верлен родился 30 марта 1844 года в Меце, во Франции. В 1862 году после получения степени бакалавра он сначала работал в канцелярии страховой компании, а затем в муниципалитете Парижа, занимаясь в свободное время поэзией и посещая литературные кружки. Верлена стали причислять к известной группе «писатели Парнаса», куда входили Стефани Маллармэ, Вилльер де Лил-Адам и Анатоль Франс. Стихотворения Верлена стали появляться в литературных журналах, и в 1866 году он опубликовал свой первый сборник поэзии.

В 1869 году в возрасте двадцати пяти лет Верлен влюбился в шестнадцатилетнюю Матильду Моте, и на следующий год они поженились. Стихотворения, написанные за период помолвки, свидетельствуют о том, что поэт считал свою жену избавлением от «грешных пут».

В августе 1871 года в жизнь Верлена вошло само воплощение пут грешных. Артур Рэмбо родился 20 сентября 1854 года в городе Шарлевиле во Франции. С юных лет у Рэмбо проявился писательский талант, и в учебе он превосходил остальных студентов Колледжа де Шарлевиль, где в 1870 году на академическом конкурсе за стихотворение на латинском языке Рэмбо получил первый приз. В том же году было опубликовано его первое стихотворение. Артур Рэмбо закончил свое официальное образование в июле 1870 года, когда разразилась франко-прусская война. После всех злоключений Рэмбо в конце концов добрался до Парижа, где полгода жил в нищете, а затем вернулся в Шарлевиль уже совсем другим человеком. Ничего не осталось от той радости бытия, которая нашла свое отражение в ранних стихотворениях поэта, — на ее месте воцарилась дьявольская, богохульная, изменившаяся до неузнаваемости душа. Для окружающих поэт стал наказанием господним. По словам его друга Эрнеста Делаэ, «его презирали за деньги, постыдно заработанные, за отвратительные поступки, описанные в мельчайших подробностях, — одного этого было достаточно, чтобы гром небесный покарал этот вертеп». В то время Рэмбо жил на содержании у богатых мужчин. В двух письмах к Полю Домни, датированных 1881 годом и известных в настоящее время как «Письма ясновидца», Артур изложил свои новые эстетические

воззрения: чтобы стать провидцем, ясновидящим, поэт должен освободиться от оков, которые удерживают обычное «я» от связи с неведомым бесконечным. Он должен стать кем-то вроде преступника, обязан пожертвовать всем для того, что Рэмбо назвал «сознательным разрушением рассудка».

В августе 1871 года Рэмбо послал Верлену несколько своих последних стихотворений. Изумленный поэт немедленно выслал молодому человеку деньги на дорогу в Париж. Перед отъездом из Шарлевиля в приливе творческих сил Рэмбо создал «Пьяный корабль» — один из выдающихся шедевров французской литературы.

В Париже Рэмбо посещал известных поэтов, отпугивая своим поведением всех, кроме Верлена, с которым стал поддерживать любовную связь. К ноябрю в прессе появилось немало домыслов об этих взаимоотношениях, и когда однажды Рэмбо с Верленом появились на одном литературном собрании, шокированная публика вышвырнула их вон. Затем последовал период беспробудного пьянства и шумных скандалов. Между любовниками происходили бесконечные ссоры, расставания и примирения. Кульминация наступила, когда 10 июля 1873 года в Брюсселе Верлен, не помня себя от выпитого, выстрелил в Рэмбо и попал ему в запястье. Ужаснувшись содеянным, Верлен дал пистолет Рэмбо, настаивая, чтобы тот убил его. Рэмбо отказался, и они отправились в больницу, чтобы обработать рану. Однако на улице Верлен затеял новую ссору, вновь вытащил оружие, и Рэмбо пришлось умолять проходящего полицейского о защите. Артура Рэмбо забрали в больницу, а Верлена арестовали. Обвиненный и покушении на убийство, сгоравший от любви поэт был приговорен к двум годам лишения свободы.

За время беспокойной любовной связи с Верленом Рэмбо создал два своих наиболее значительных произведения: великолепное и ужасное «Одно лето в аду» и абстрактные стихотворения в прозе «Озарения». С художественной точки зрения, Верлен был окончательно превзойден. Ганс Майер оценивает развитие отношений между двумя поэтами следующим образом: «Это было именно то, на что Верлен не был способен: сильное и постоянное чувство на фоне скандальных переживаний. Он оставался глупейшим любовником супруга преисподней, и, как «глупейшая девственница», так и не уразумел, почему всему когда-нибудь приходит конец».

Рэмбо и Верлен увиделись еще раз — в 1875 году, после того, как Верлен вышел из тюрьмы, — и напрочь разругались. Рэмбо несколько лет путешествовал по Европе и Ближнему Востоку, пока не остановился в Эфиопии. В этой стране Рэмбо стал первым

белым человеком, осмелившимся жить в районе Огаден. В 1885 году Артур Рэмбо стал заниматься незаконными поставками оружия для армии короля Шоа Менелика II. Сам поэт жил в нищете и безвестности с туземкой.

Между тем за время долгого отсутствия во Франции к Рэмбо пришла известность. Не сумев отыскать своего бывшего любовника, Верлен решил самостоятельно взяться за публикацию произведений Рэмбо (как работы «покинувшего нас Артура Рэмбо»), что встретило единодушное одобрение у критики. В 1884 году Верлен написал о Рэмбо книгу «Проклятые поэты». Несмотря на то что слухи об успехе во Франции некоторым образом дошли до Рэмбо, поэт не проявил к этому ни малейшего интереса. Рэмбо отрекся от поэзии и путешествовал (по словам Майера) «от любви к скандальной славе до скандальной безвестности».

В 1891 году у Рэмбо стала развиваться опухоль на правой ноге. Диагноз — рак кости. Когда лечение в Адене не дало никаких результатов, Рэмбо увезли во Францию, где он перенес ампутацию ноги. Артур Рэмбо скончался 10 ноября 1891 года в Марселе. Поэту было тридцать семь лет.

Ну, а Верлен после разрыва с Рэмбо вернулся к католицизму и попытался наладить отношения с женой, однако в конце концов эта попытка не увенчалась успехом. У Верлена начались запои и возобновились скандальные бисексуальные связи. Его лучшее произведение осталось ненаписанным. Поэт умер 8 января 1896 года в Париже.

Страстная, неистовая, самоуничтожающая любовь двух поэтов подвигла — особенно Рэмбо — на создание одних из самых замечательных и незабвенных поэтических произведений французской литературы. История жизни Рэмбо не смогла оставить равнодушными многие умы (например, предполагают, что «Сердце тьмы» Джозефа Конрада было навеяно последними годами жизни Рэмбо).

Я включил Рэмбо и Верлена в сей сборник, потому что их неровные взаимоотношения — в одночасье достигшие накала и ставшие кошмаром — были, за исключением любовной связи Оскара Уайльда |3] и лорда Альфреда Дугласа, самой обсуждаемой любовной связью геев в XIX веке. После этих двух выдающихся поэтов вряд ли можно говорить о французской поэзии, не затронув так или иначе тему гомосексуализма.

52. ОДРИ ЛОРД

note 68

Одри Жералдин Лорд родилась 18 февраля 1934 года в Гарлеме в Нью-Йорке. Ее родители эмигрировали из Гренады, и до наступления Великой депрессии полагали, что в один прекрасный день вернутся в свой дом на Карибах. Итак, детство Лорд было пронизано печальной ностальгией по утраченному «дому». С раннего детства ей открылось чудо языка. Как она писала позже: «Я говорила стихами. Я читала стихи и запоминала их. Люди спрашивали, о чем ты думаешь, Одри? Как прошел вчерашний день? И я декламировала стихотворение, и там непременно была строфа или настроение, которые были созвучны моим. Иными словами, я буквально говорила при помощи стихов. Когда же я не могла найти стихотворение, отвечающее моим настроениям, я чувствовала потребность написать собственное, и мне тогда было двенадцать или тринадцать лет».

Лорд посещала занятия Высшей школы Хантер-Колледж и после ее окончания поселилась в собственной квартире, зарабатывая себе на жизнь тем, что выполняла различную низкооплачиваемую, не приносящую удовлетворения работу. Первый лесбийский роман начался с одной из сослуживиц на фабрике в Бриджпорте, в штате Коннектикут. В 1954 году она отправилась на год в Мексику учиться в Национальном университете:

«В первый раз в своей жизни я гуляла по улицам города, и куда бы я ни пошла, большинство людей были темнокожими. Это все равно что выйти на солнечный свет».

Вернувшись в Соединенные Штаты, Лорд стала членом, как она сама выразилась, компании «девушек-геев» в Гринвич-Виллидж, однако слишком часто ее огорчало то обстоятельство, что она была единственной чернокожей девушкой в компании.

«В 50-х годах в Виллидж, — писала она, — я знала не более трех-четырех других темнокожих женщин, которые были, как и я, из среды геев. Мы замечали присутствие друг друга, но избегали смотреть друг другу в глаза, а поскольку слишком часто мы спали с одними и теми же белыми женщинами, мы воспринимали себя как экзотических сестер, чуждых этому миру, которые вряд ли выиграли от того, что составили пару. Было такое ощущение, словно наша сила кроется в нашем меньшинстве, в нашей

редкости. Так обстояли дела в нижней части города, тогда как верхняя часть, я имею в виду район проживания чернокожих, представлялась такой далекой, чуждой территорией».

Лорд приступила к обучению в Хантер-Колледж и работе библиотекаря, продолжая писать стихи. На какое-то время она стала членом Гильдии писателей Гарлема, места, где собирались чернокожие поэты, включая Лангстона Хьюза, однако гомофобия этой компании оттолкнула ее. В 1959 году она получила степень бакалавра гуманитарных наук по литературе и философии в Хантер-Колледж. Последующая учеба в Школе библиотечного дела при Колумбийском университете завершилась в 1960 году получением степени бакалавра библиотековедения, и в течение нескольких лет она работала библиотекарем сначала в Библиотеке Маунт Верона, затем главным библиотекарем Таун-Скул в Нью-Йорке. В 1962 году Лорд вышла замуж за адвоката Эдуарда Роллинза, и у них родилось двое детей. Лорд и Роллинз развелись в 1970 году.

1968 год был памятным годом для Лорд. Она опубликовала первую книгу стихов «Первые города», провела в Тугалу-Колледж в штате Миссисипи шесть недель отдыха, полагающегося ей как писателю-призеру, и там познакомилась с Франс Клейтон. И с этого момента у них началась совместная жизнь.

Вернувшись в Нью-Йорк, Лорд стала преподавать курс писательского мастерства по программе SEEK в Сити-Колледже, где ее коллегами стали Алис Уолкер и Адриана Рич, курс по расовым проблемам в Лехман-Колледже и Джон-Джей-Колледже по обучению уголовному праву. Второй том се стихов «Провода к гневу» был опубликован в 1970 году. Ни в этой, ни в предыдущей книге не содержится ни одного стихотворения о ее опыте лесбийских отношений. Тем не менее в 1971 году Лорд впервые публично зачитывает стихотворение о лесбийской любви. Позднее оно было опубликовано в журнале «Ms», хотя редактор отказался включить это стихотворение в третий том ее стихов «Из земли, где живут другие люди». Этот том был выдвинут на соискание Национальной премии за лучшую книгу в 1974 году вместе с книгами ее коллег Алис Уолкер и Адрианы Рич. Когда премию присудили Рич, Адриана сделала вместе с Уолкер и Лорд заявление, суть которого в том, что она отказывается принимать награду, как врученную индивидуально именно ей, а принимает ее «от имени всех женщин, чьи голоса остались и все еще остаются не услышанными в мире мужчин». Это привлекло внимание к Лорд, и следующий том ее стихов «Уголь» был принят одним из ведущих издателей У.У.Нортоном и опубликован с предисловием, которое написала Рич. «Уголь» и последующий

том «Черный козерог» (1978) широко освещались в прессе и стали достоянием широкой аудитории.

В 1980 году Лорд опубликовала автобиографическую работу «Журналы о раке», в которой без обиняков пишет об удалении у себя молочной железы и своем решении, когда болезнь — рак груди — возобновила свое течение, отказаться от хирургического вмешательства и попробовать альтернативную терапию. Другие работы включают «биомифографию» «Зами: мое имя пишется по-новому» (1982) и «Чужая сестра» (1984), сборник эссе, который стал классикой феминистской литературы и лег в основу курса исследований, относящихся к личности женщины. Она была редактором лесбийского журнала «Криселис», а также учредителем и членом «Кухонного стола женщин цветной прессы».

Одри Лорд скончалась 17 ноября 1992 года.

К сожалению, цветные люди слишком часто оказываются отброшенными на периферию и в кругу геев, и в обществе в целом: работа всей жизни Одри Лорд была неустанным протестом против такого положения. Она не только поднимала свой громкий голос в защиту черных сестер, прибегая к многоплановым и неожиданным конфигурациям, но также призывала белых лесбиянок и геев противостоять укоренившейся предвзятости и предубеждениям. Ее человечность проявилась в смешении типажей, и совсем непросто отнести саму Одри к какому-либо типу. «Я чернокожая лесбиянка-феминистка», — любила повторять Одри, хотя иной раз она говорила так: «Меня нельзя отнести ни к какой категории». Лорд писала: «Я обязана говорить правду, как она мне видится, и делиться не только своими победами, не только приятными вещами, но и болью, напряжением, часто непрекращающейся болью». Одри Лорд — величайшая и ярая сторонница правды, роль которой для целого поколения заключается в том, что она помогла ему взглянуть на мир по-новому. Именно поэтому Одри Лорд включена в настоящее издание.

53. ВИ-УА

note 69

Ви-Уа родился в 1849 году в Антхилле, в деревушке Зуни, в районе современной границы между штатами Нью-Мексико и Аризона. Родители умерли, когда Ви-Уа был еще маленьким ребенком, вероятно, в 1853 году от эпидемии оспы, поразившей деревню после того, как партия белых американских поселенцев прошла через этот район. Он и его брат были взяты на воспитание сестрой их отца, что означало для жителей Зуни, где генеалогия велась и наследство передавалось по материнской линии, что за Ви-Уа сохраняется членство в семье по материнской линии, называвшейся «люди-бобры». Одновременно он поддерживал пожизненные ритуальные связи с семьей своего отца, именовавшейся «люди-кизил». Поскольку приемный отец Ви-Уа был жрецом, то его приемная семья была одной из самых могущественных в деревне.

Детство Ви-Уа проходило в то время, когда между племенем зуни и соседними племенами навахо и апачей шла междоусобная война. В 1850 и 1860 годах зуни заключали союзы с правительством Соединенных Штатов, предоставляя в его распоряжение воинов и провизию для военных экспедиций взамен столь необходимого оружия и амуниции.

В какой-то момент, будучи еще ребенком, возможно года в три или четыре, Ви-Уа проявил определенные свойства, которые признавались за женщинами его семьи. Уилл Роско, автор книги «Мужчина-женщина зуни», поясняет: «Хотя традиционные роли мужчин и женщин были четко распределены, зуни считали пол свойством скорее благоприобретенным, нежели врожденным. Биологический пол не определяет роли, которые принимают на себя индивидуалы. И в мыслях у зуни не было ограничивать пол двумя разновидностями. Зуни, подверженные трансвестизму, принадлежали к «альтернативному» роду, статус которого антропологи окрестили «бердач» note 70, а зуни называли «ихамана» note 71. В этом отношении зуни не выходили за рамки нормального, существование трансвестизма было зафиксировано в более чем 130 североамериканских племенах».

Поскольку Ви-Уа был подвержен трансвестизму, его воспитанием занимались женщины его семьи, чтобы подготовить для выполнения чисто женских обязанностей, например: как

таскать воду, смотреть за огородом, молотить пшеницу, замазывать глинобитные стены. Его также научили изготовлять горшки и ткать. Особенно искусно у Ви-Уа получалось ткать покрывала.

В 1864 году американская армия нанесла поражение племени навахо, и десятки тысяч индейцев вынуждены были переселяться в отдаленные резервации, что в конечном счете положило конец затянувшимся пограничным столкновениям зуни с соседями. В 70-х годах прошлого столетия было отмечено активное развитие связей между зуни и белыми: в 1876 году мормонские миссионеры обратили в свою веру около сотни зуни и учредили миссию, двумя годами позже в поселение прибыли пресвитерианцы в надежде нейтрализовать влияние мормонов. Его преподобие Тейлор Ф. Или организовал школу, и именно там в 1879 году антрополог Матильда Стивенсон обнаружила Ви-Уа, «девушку»-зуни, которая помогала по хозяйству. Вот как она писала об этом позже:

«Этот человек был мужчиной, одетым в женское платье, и его пол настолько тщательно скрывался, что в течение нескольких лет у меня не было сомнений в том, что это женщина. Кое-кто провозгласил его гермафродитом, однако эти россказни не внушали доверия, и я продолжала считать Ви-Уа женщиной; и… в племени к нему обращались всегда как к «ней» — следуя традиции говорить о мужчинах, которые облачаются в женское платье, как о женщинах… Она была самая высокая среди зуни и, безусловно, превосходила своих соплеменниц как умственно, так и физически. Цвет ее кожи напоминал цвет кожи китайцев, у многих зуни было похожее телосложение… Ее память легко воспринимала практические знания своего народа и все, что она слышала из внешнего мира… Она обладала несгибаемой волей и неутомимой жаждой знаний. Ее пристрастия были невероятно сильны. Она все бы отдала за то, чтобы служить тем, кого любила, однако была мстительна по отношению к тем, кто мешал ей. Ее считали строгой, но справедливой».

Невероятная дружба завязалась между Стивенсон и Ви-Уа, и в конце 1885 года Ви-Уа и несколько других зуни сопровождали Стивенсон и ее мужа на восток, в их дом в Вашингтоне, округ Колумбия. Там Ви-Уа быстро выучил английский и вскоре стал сенсацией — не потому, что был подвержен трансвестизму (в это время все еще думали, что он женщина), а потому, что женщины — коренные жительницы Америки — редко приезжали на восток. Одна газета неистовствовала:

«Недавно общество сделало ценное приобретение в лице индейской принцессы племени зуни… Принцесса бывает везде, на

всех приемах и чаепитиях, проводимых в Вашингтоне, одетая в свое национальное платье… На днях принцесса дала светский прием в доме миловидной миссис Дейвид Портер Хип. Миссис Хип, одна из самых привлекательных дам в Вашингтоне, неожиданно осталась покинутой ради прелестей индейской принцессы-соперницы. Дамы окружают принцессу и развлекаются тем, что без устали пытаются разговаривать с ней знаками и на ломаном английском».

Одна газета не преминула написать:

«Люди, сформировавшие поэтические идеалы индейских девушек по образу Покахонтас и Миннехахи, возможно, будут разочарованы первым впечатлением от принцессы Зуни. Ее черты, особенно рот, довольно велики; у нее несколько мужская фигура и осанка».

О действительном положении вещей никто, как видим, и не догадывался. 23 июня 1886 года произошло поистине историческое событие. В этот день мужчина-женщина зуни встретилась в Белом Доме и пожала руку президенту Соединенных Штатов Гроуверу Кливленду.

Поездка Ви-Уа на восток принесла народу зуни обнадеживающий дипломатический успех. Роско размышляет:

«Образ и репутация народа зуни — трудолюбивых, мирных союзников Америки на границе штата Нью-Мексико — был во многом обеспечен верховным бердачем этой деревни. Немногие племена могли рассчитывать на такое же незамедлительное признание, какое зуни получили в 80-х годах прошлого века».

Тем не менее 90-е годы прошлого века оказались трудными временами для зуни. В деревне появилось виски, вожди зуни выражали все большее недовольство вмешательством властей в традиции и обычаи народа, и в 1892 году произошла стычка с американскими войсками в связи с отношением общины к случаю преднамеренного колдовства. Ви-Уа и пять других вождей зуни были арестованы, и Ви-Уа провел месяц в тюрьме.

В декабре 1896 года, после участия в ежегодном фестивале Шалако, с Ви-Уа случился удар и он умер от сердечной недостаточности в возрасте сорока девяти лет. К его смерти соплеменники отнеслись как к «огромному горю». «Эта смерть вызвала у всех в Зуни сожаление и скорбь», — писала Стивенсон. В этой преждевременной кончине усмотрели колдовство и арестовали и жестоко избили одну старуху. Правительство США использовало этот случай как предлог, чтобы ввести свои войска и раз и навсегда установить власть на всей территории зуни.

Ви-Уа был самым известным бердачем, чей промежуточный пол дал волю воображению геев и лесбиянок, начиная с Эдварда

Карпентера, Гарри Хэя, Рут Бенедикт и Джуди Гран. Уилл Роско так определил значение этого бердача: «Будь то ролевая модель или прототип, многосторонний образ бердача наводит нас на мысль о том, что наши споры о половых и родовых различиях связаны с соображениями этического порядка, которые имеют непосредственное отношение к нашему времени и месту… В конце концов трудно не задаваться вопросом, у кого больше понимания психологического и социального потенциала разнообразия человеческой природы: у западного общества, которое, осудив несколько веков назад более широкий спектр родовых и половых различий, отказалось от этого разнообразия, или у людей, живущих в Антхиле и примерно на протяжении такого же периода времени предоставлявших трансвестистам место в обществе как полноправным участникам своей социальной гармонии?» Ви-Уа отведено пятьдесят третье место, потому что идея трансвестизма помогла реализовать наши общие усилия в переоценке старых жесткоскороспелых категорий. Деятель уровня Ви-Уа и порожденной им культуры ставит под сомнение «истины» относительно пола и сексуальности, которые предлагают нам рабство, и делает это весьма убедительно и смело.

54. ФЛОРЕНС НАЙТИНГЕЙЛ

note 72

Флоренс Найтингейл родилась 12 мая 1820 года во Флоренции, Италия, а выросла в Англии, в Дербишире и Лондоне. Ее семья была вполне обеспечена, и девочка получила классическое домашнее образование. Родители придерживались консервативных взглядов, старались передать дочери свои представления о надлежащей роли женщины в обществе — роли, которую Найтингейл не принимала с самого начала и считала ее крайне ограниченной. 17 февраля 1837 года, накануне своего первого выхода в свет, в Лондоне Найтингейл услышала глас Божий, повелевший ей посвятить свою жизнь служению. Какое именно служение Бог имел в виду, поначалу не было ясно, и только по прошествии девяти лет она нашла ответ. Между тем поездка в Европу, продлившаяся полтора года, помогла расширить горизонт и выйти за рамки семейного круга, победив клаустрофобию семейной жизни. Находясь в Париже, Флоренс посещала салон Мари Кларк, где ее поразило отношение к женщине как равноправной мужчине, и как к другу, а не только как к жене или возлюбленной. По возвращении в Англию, в удушающие объятия своей семьи, Найтингейл заболевает. Ее выходила сестра отца Мэй Смит, и с тех пор они стали неразлучными подругами. Биограф Найтингейл Сесил Вудхэм-Смит характеризует их взаимоотношения следующим образом: «Несмотря на разницу в возрасте, Мэй обожала Флоренс, считала ее необыкновенным человеком и стала ее заступницей, толковательницей ее идей и утешительницей. По словам Найтингейл, обе они были «как двое влюбленных».

На протяжении 40-х годов другой сильной привязанностью Найтингейл была кузина Мэриан Николсон, о которой она позже писала следующее: «В своей жизни я страстно любила только одного человека. Это была Мэриан». С другой стороны, складывалось впечатление, что Мэриан волновал только ее брат Генри, который в свою очередь влюбился в Найтингейл. Об этом периоде жизни Флоренс Вудхэм-Смит пишет так: «Флоренс была глубоко, страстно неудовлетворена жизнью и собой. Ее влюбленность в Мэриан была постоянной пыткой. Она позволила Генри увлечься собой более, чем когда-либо прежде… Жизнь в отчем доме была непереносима; не может быть, чтобы Бог одарил

свое создание — женщину — временем, чтобы тратить его… «на всякую чепуху и бесконечное опрыскивание духами».

После шести лет знакомства Генри наконец сделал Флоренс предложение, и, хотя Найтингейл подумывала о семейной жизни с ним как о возможности быть ближе к Мэриан, все же в последний момент она отказала ему. Разгневанная Мэриан усмотрела в отказе предательство по отношению к брату, который столько лет ухаживал за Найтингейл, и резко прекратила свою дружбу с Флоренс. Это был тяжелый удар, и Найтингейл всерьез подумывала о том, чтобы оставить мирскую жизнь и постричься в монахини.

Утратив надежду сделать что-нибудь полезное в своей жизни в то время, когда о профессиональной деятельности для женщины просто не было и речи, Найтингейл в 1846 году испросила у своей семьи разрешения обучаться на медсестру в больнице Солсбери. Она писала своей подруге Хилари Бонхэм Картер: «Я полагала, что можно было бы учредить, не давая обетов, что-то вроде Протестантской общины сестер для женщин с утонченными чувствами. Но на первых порах возникли затруднения, и это испугало маму. Речь не идет о физическом отвращении, которое могут вызывать некоторые моменты работы в больнице, имеется в виду происходящее между хирургами и медсестрами, о чем вы можете догадываться». Вот какими наблюдениями делится ее биограф Делл Ричардз: «В те дни работа медсестры была занятием неуважаемым. Это было последним прибежищем женщин спившихся, которые не задерживались на других работах, и женщин, подрабатывавших проституцией. Не было подготовки, не было школ. Женщины попросту просиживали у кровати больного или умирающего, если они не делили с ним эту постель или не падали на пол мертвецки пьяные». Едва ли им можно было доверить элементарные обязанности медсестры. Однако у Найтингейл была железная воля, и она начала проходить обучение тайно. За три года Флоренс стала хорошо разбираться в вопросах общественного здравоохранения и проблемах больниц. В 1850 году Найтингейл успешно сдала экзамены в Институт протестантских священников в Кайзерсверте, Германия, где прошла полный курс обучения на медсестру. В 1853 году Найтингейл получила место старшей медсестры в лондонском Институте оказания медицинской помощи больным женщинам, не имеющим средств на лечение, где ее нововведения быстро привлекли внимание общественности.

Когда в 1854 году началась Крымская война, министр обороны Сидней Герберт, знакомый Флоренс, назначил ее старшей медсестрой в Британском военном госпитале в Скутари,

в предместье Константинополя. Состояние госпиталя она нашла в высшей степени неудовлетворительным: переполненный, без надлежащих санитарно-гигиенических норм и без самого необходимого. С неутомимой энергией Флоренс организовала капитальный ремонт госпиталя. Она работала по двадцать часов в сутки и непременно совершала обходы раненых каждый вечер. Благодарные солдаты возвращались домой, рассказывая легенды о «леди с факелом»; под этим именем она и стала известной. Под ее энергичным руководством уровень смертности в госпитале в Скутари упал с 60 – 40 процентов до 2,2 процента.

Флоренс Найтингейл вернулась в Англию национальной героиней. Однако она отказалась от славы и почестей. Более того, в условиях жесткой оппозиции Флоренс целиком посвятила себя борьбе за улучшение здравоохранения, условий жизни и питания британских солдат. В 1856 году состоялась долгожданная встреча с королевой Викторией, после чего были учреждены Королевская комиссия по здравоохранению в армии, а также Фонд армейской медицинской школы.

В тот же год с Найтингейл случился инсульт, и Флоренс осталась инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Снова Мэй пришлось оставить свою семью и мужа, чтобы провести у постели Найтингейл три года.

Вот что пишет Делл Ричардз:

«Большинство биографов рассматривают инвалидность Найтингейл поверхностно, хотя одно то, что она никогда не прекращала работы, заставляет всерьез усомниться в общепринятых объяснениях. Была ли она действительно больна, или это была психосоматическая болезнь в результате перенапряжения, или хитро рассчитанный ход, который «приковал» ее к постели и одновременно предоставил ей единственную за всю жизнь возможность распоряжаться своей судьбой. В результате Флоренс освободилась от семьи, а также от многочисленных светских раундов, куда мать и сестра затягивали ее… Инвалидность даже освободила ее от необходимости тратить время на визиты. Напротив, люди сами приходили к ней. К тому времени Флоренс была столь влиятельным лицом, что они делали это с радостью».

При помощи Сиднея Герберта, бывшего в то время военным министром и служившего Флоренс своего рода «прикрытием» (она предпочитала не афишировать свою работу, чтобы избежать непреодолимой враждебности, которую кое-кто испытывал к этой влиятельной женщине), Найтингейл могла протащить любую реформу, начиная от санитарно-гигиенического обеспечения больниц, чистки канализационных стоков и кончая регулируемой

медицинской практикой. В 1860 году Флоренс организовала Школу для медсестер в Лондоне, которая носит ее имя. Второй такой школы не было во всем мире. На склоне лет Флоренс стала ведущим специалистом по вопросам здравоохранения и санитарно-гигиенической обстановки в Индии, хотя сама никогда не бывала там. В 1907 году Найтингейл стала первой женщиной, которую британское правительство наградило «Орденом за заслуги». Флоренс Найтингейл умерла 13 августа 1910 года в Лондоне. Весьма показательного, что перед смертью она отказалась от предложения придать траурной церемонии национальный статус, равно как и от погребения в Вестминстерском аббатстве.

Многочисленные парадоксы судьбы Флоренс Найтингейл подытожены Нэнси Бойд:

«Не повинуясь своим родителям, она оставалась в их доме в течение семнадцати лет. Посвятив себя делу спасения жизней военных, она никогда не ставила под сомнение политику, которая привела к войне. Женщина, для которой вера была первейшей необходимостью, признавалась в том, что сама не верит своим убеждениям. Значимость ее свершений и темпы, которыми она претворяла их в жизнь, красноречивее всяких слов свидетельствуют о ее энергии; одновременно она оставалась в течение сорока лет прикованным к постели инвалидом. Провозглашая принцип здравого смысла, Флоренс позволяла своим эмоциям разрушать себя. Создавая «новую жизнь для женщин», она не признавала многих современных постулатов феминисток».

В этой краткой статье вряд ли возможно воздать должное многочисленным заслугам Флоренс Найтингейл. Собственной судьбой доказавшая, что женщина может профессионально заниматься трудом, Флоренс сыграла выдающуюся роль в становлении профессий, которыми женщины могли заниматься на законных основаниях вне дома и, таким образом, помогла создать социальные и экономические предпосылки, раздвинувшие горизонты для современных лесбиянок (и работающих женщин-гетеросексуалок). Как женщина, делившая свои переживания преимущественно с другими женщинами, с завидным упрямством отвергавшая любые предложения о замужестве, работавшая, невзирая ни на что, включая и собственную инвалидность, чтобы отвоевать место для себя и своей работы, Флоренс Найтингейл заслуживает своего места в настоящем издании.

55. УИЛЛА КЭСЕР

note 73

Уилла Кэсер родилась 7 декабря 1873 года в Блэк-Грик-Вэли в предместьях Уинчестера, штат Вирджиния. Когда Уилле исполнилось девять лет, семья переехала на ранчо в окрестностях города Ред-Клауд, штат Небраска. После года неудачного хозяйствования семья переселилась в город. Девчонка-сорванец, которая уютно чувствовала себя в седле, Кэсер росла с детьми иммигрантов-фермеров: шведов, чехов, русских, немцев. Уилла получила домашнее образование, кроме того, она ходила в школу в Ред-Клауде и Линкольне. В университете штата Небраска в Линкольне она впервые появилась одетой в мужскую одежду, под видом Уильяма Кэсера, близнеца противоположного пола, Уилла зарабатывала себе на жизнь тем, что писала критические статьи о драматургии для «Небраска стейт джорнал». Еще в университете она без памяти влюбилась в Луизу Паунд, способную однокурсницу и спортсменку, которая впоследствии станет первой женщиной, включенной в мемориал спортивной славы штата Небраска. Сохранились некоторые страстные письма Кэсер к Паунд.

Закончив в 1895 году университет, Кэсер вернулась на восток в Питсбург и стала работать редактором в «Зе хоум мансли». В 1901 году она оставила работу и стала преподавать латынь и греческий язык в Питсбургской высшей школе. Находясь в Питсбурге, Уилла познакомилась с Изабель Маккланг, прелестной шестнадцатилетней дочерью судьи, которая стала единственной любовью в жизни Кэсер. Хотя они стали близкими подругами, Маккланг, вероятно, не отвечала на чувство Кэсер с такой же страстностью. В 1916 году Изабель вышла замуж за скрипача, что ввергло Кэсер в отчаяние.

В 1905 году Уилла Кэсер опубликовала свою первую книгу : «Сад троллей», сборник рассказов, включающий и известный «Случай с Полем». «Сад троллей» произвел на издателя С.С.Макклура такое сильное впечатление, что он предложил Кэсер должность редактора в «Макклурс магазин». С 1906 по 1912 год Уилла работала ответственным редактором журнала и сумела содействовать увеличению тиража, хотя позже она признавала, что ориентация редакции журнала на сенсации была чужда ее вкусам.

По пути в Бостон Уилла познакомилась с лесбиянкой Сарой Орне Джуэтт, которая посоветовала ей не заниматься журналистикой, а посвятить себя литературе. Это был хороший совет, и Кэсер последовала ему. Она не соблазнилась финансовым благополучием, которое сулила работа в журнале «Макклурс», и стала жить своим литературным талантом. Некоторое время Уилла путешествовала по Америке, Проведя два месяца в Ред-Клауде, с которым уже было связано столько воспоминаний. Побывала в Европе, даже задумала поселиться на постоянное жительство во Франции. Однако тоска по дому погнала ее назад, в Америку, и она поселилась в Нью-Йорке, сняв квартиру в Гринвич-Виллидж, которую в течение последующих сорока лет делила со своей компаньонкой Эдитой Льюис.

Наиболее известные романы Кэсер «О, пионеры!» (1913), «Моя Антония» (1918), «Один из нас» (1922), которому присудили Пулитцеровскую премию, «Дом профессора» (1925), «Смерть приходит за архиепископом» (1927). В последние годы своей жизни Кэсер почти не писала. Она умерла в Нью-Йорке 24 апреля 1947 года. Перед смертью Уилла попросила уничтожить свои письма к Изабель Маккланг.

Сдержанная и замкнутая, Кэсер никогда не писала о гомосексуальности открыто. Ряд ее работ тем не менее являет собой классический пример зашифрованных текстов, то есть ничего не подозревающий читатель может усматривать в них гетеросексуальную тональность, однако при ближайшем рассмотрении для людей знающих раскрываются подтексты, насыщенные лесбийской и гейской тематикой. Хорошей иллюстрацией к сказанному может служить рассказ «Случай с Полем», который нередко преподносят в американских высших школах как историю впечатлительного, увлеченного искусством молодого человека, который сбежал от условностей провинциальной жизни в надежде найти в Нью-Йорке воплощение всех своих сдерживаемых эстетических вожделений и погрузился в призрачный и искусственный мир театра. Однако при более тщательном анализе обнаруживается, что образ Поля пронизан зашифрованными символами гомосексуализма, начиная с красной гвоздики, театральности и кончая его явной попыткой завязать отношения с дикарем из Сан-Франциско. Аналогичным образом мертвенно-бледный рассказчик «Моей Антонии» Джим Берден служит автору ширмой для беспрепятственного любования девушкой-иммигранткой Антонией. Кэсер сама определяла в качестве одного из главных свойств своих художественных произведений «необъяснимое присутствие вещей неназванных».

Уилла Кэсер была не только выдающимся романистом, но и лесбиянкой, и она понимала, что живет в условиях, при которых откровенность в отношении себя самой недопустима. В ее работах чувствуется напряженность, вызванная необходимостью жить в пронизанном гомофобией мире и внутренней потребностью высказать правду, которую мир не приемлет. Кэсер была не одинока: другим выдающимся писателям XIX — начала XX веков, таким, как Герман Мелвилл, Сара Орне Джуэтт, Генри Джеймс, были хорошо знакомы эти переживания. Можно до бесконечности спорить, насколько эта скованность вела к самоограничению и насколько способствовала освоению новых, более высоких вершин творчества. Утверждать можно только одно: такие писатели, как Кэсер, сыграли важную роль, поскольку их работы позволяли воплотить замаскированные или неявные образы гомосексуальности в то время, когда о подобных откровениях просто не могло быть и речи. Их зашифрованные тексты являются частью той тайной истории, благодаря которой геи и лесбиянки узнавали о существовании друг друга сквозь толщу веков замалчивания и цензуры. Сегодня такая скрытность может вызвать у нас раздражение, однако на свою беду мы забываем о тех кошмарных временах, в которые приходилось жить большинству геев и лесбиянок, хотя должны помнить о той важной роли, которую сыграла их борьба при всей своей обтекаемости и невообразимых аллюзиях — «необъяснимом присутствии вещей неназванных» — в нашей общей истории культуры и выживании.

Мелвилл, Джуэтт, Джеймс. Все три автора заслуживают того, чтобы о них с почтением помнили. Мой выбор пал на Кэсер, а не на приведенных выше авторов, поскольку я полагаю, что по сравнению с ними лесбийская чувственность Кэсер нашла в ее работах — и это ощущается по настоящее время — более яркое воплощение. Поэтому я считаю, что именно благодаря выражению гейских/лесбийских отношений в литературных канонах воздействие Кэсер более ощутимо.

56. БАРНИ ФРАНК

note 74

Барни Франк родился 31 марта 1940 года в городе Бейон, штат Нью-Джерси. После окончания высшей школы в Бейоне в 1957 году он учился в Гарвардском университете, где в 1962 году получил степень бакалавра гуманитарных наук. Барни остался в аспирантуре университета, чтобы заниматься политическим анализом, и с 1962 по 1972 год работал преподавателем. Франк проявлял интерес к политике и в 1968—1971 годах был помощником мэра Бостона Кевина Уайта, а в 1971—1972 годах — помощником конгрессмена США Майкла Харинггона. В 1972 году Франк был избран в Палату представителей штата Массачусетс, где он проработал до 1980 года. В 1977 году в Гарварде Барни получил степень доктора юридических наук, а v. 1979 году был принят в коллегию адвокатов штата Массачусетс. На протяжении почти всего этого интенсивного периода, как позднее вспоминал сам Франк, он был настолько поглощен своей работой, что любая вероятность личной жизни просто исключалась.

В 1980 году Франк с успехом избирается в Палату представителей США от демократической партии и в январе 1981 года становится представителем четвертого избирательного округа штата Массачусетс в конгрессе 97-го созыва. Знаменитый конгрессмен, известный острым умом и искусством полемики, Барни быстро стал ведущим либеральным деятелем в Палате, куда без труда переизбирается в 1982, 1984 и 1986 годах.

В мае 1987 года корреспондент «Бостон глоб» задал вопрос, ответ на который был готов у Барни Франка уже много лет. Вот он: «Если вы прямо спрашиваете: «Вы гей?», ответ — да. Ну и что? Я все время говорил, если корреспондент спросит меня, а я не отвечу, то сложится впечатление, что мне есть что скрывать, а я думаю, что мне нечего скрывать… Не думаю, что моя сексуальная жизнь имеет отношение к работе, однако, с другой стороны, я не хочу, чтобы обо мне подумали, будто я стыжусь своей жизни».

Благодаря этому признанию Франк стал лишь вторым известным обществу геем — членом Палаты представителей за всю историю этого органа и первым, кто охотно согласился заявить об этом. За четыре года до этого, в 1983 году, Джерри Стаддз (род. в 1937 г .), другой конгрессмен от демократической партии, штат Массачусетс, признался в гомосексуальных

наклонностях после обвинения в имевшей место десять лет назад любовной связи с семнадцатилетним служителем Палаты. Чтобы защитить честь молодого человека, Стаддз отказался от права на публичное слушание. Члены Палаты вынесли Стаддзу порицание за его непристойное поведение. (Другому представителю конгресса от республиканской партии, штат Иллинойс, Даниэлю Крепну, было также вынесено порицание на той же сессии за связь со служащей Палаты.)

По словам Барни Франка, поводом к его собственному выступлению в 1987 году послужило все более пристальное внимание общественности к личной жизни политиков: в ту весну с треском провалили кандидата в президенты Гари Харта из-за обвинений в супружеской неверности, а Стюарт Макини, представляющий в Палате республиканскую партию от штата Коннектикут, умер от СПИДа. Франк размышляет в «Нью-Йорк Тайме» в интервью, взятом у него Линдой Гринхауз, о том, что «после смерти Макини началась неприличная возня. Я не критикую прессу; вопрос в том, как все было сделано. Я вовсе не думаю, что кому-либо доведется в ближайшее время читать мой некролог, но все-таки на выходные я летаю домой, любого из нас может задавить грузовик, и я вовсе не хочу, чтобы все. внимание сосредоточилось на вопросах: был или не был, делал или не делал. Мне хочется одного — чтобы меня оставили в покое».

Заявление Франка вызвало единодушное одобрение как у коллег в конгрессе, так и у его избирателей, которые переизбрали Барни в 1988 году 70 процентами голосов. И тем не менее неприятностей избежать не удалось. В августе 1989 года правая газета «Вашингтон Тайме» опубликовала статью, где Франк обвинялся в том, что нанял мужчину-проститутку Стивена Гоби, который оказывал ему услуги, а также в том, что Гоби организовывал услуги такого рода, используя телефон в квартире Франка, которая находилась в Вашингтоне, округ Колумбия. Франк признался, что просматривал объявления в местной газете, где предлагаются услуги по сопровождению в поездках, и однажды воспользовался сексуальными услугами, заплатив 85 долларов молодому человеку в 1985 году. Полагая, что сможет помочь Гоби, у которого были проблемы с полицией из-за многочисленных нарушений закона. Франк нанял его на работу и платил из своего кармана. Барни также писал письма на бланках Палаты на имя должностного лица в штате Вирджиния, осуществляющего надзор за Гоби, в которых сообщал, что последний работает, соблюдая таким образом одно из требований условного освобождения. Однако у Франка возникло подозрение в том, что Гоби не изменил своего образа жизни, и в августе 1987

года Барни уволил его. Как выяснилось, в течение определенного периода времени Гоби пытался сколотить капиталец, распространяя истории за деньги.

Чтобы избавить своих коллег по демократической партии от принятия трудного для них решения, Франк сам обратился в Комиссию Палаты представителей по этическим вопросам с просьбой о расследовании своих действий. В июле 1990 года, спустя почти год с того момента, как началась вся эта история, Комиссия по этическим вопросам, сняв с Франка все обвинения, кроме двух небольших претензий, объявила ему выговор. Большинством голосов Палата представителей проголосовала против исключения (предложено гомофобом Уильямом Данемейером, штат Калифорния), а также против порицания, ограничившись выговором.

По многим прогнозам, выговор означал конец политической карьеры Франка, однако избиратели вновь избрали его в Палату представителей в 1990 году (66 процентов голосов), и в 1992 году (68 процентов). Сегодня Барни по-прежнему пользуется влиянием в Палате, где продолжает придерживаться либеральной линии. Самое активное участие он принимал в разработке следующих законопроектов: об американцах японского происхождения, интернированных во время второй мировой войны; о снятии некоторых иммиграционных ограничений; выступал против положения, ограничивающего въезд в страну ВИЧ-инфицированных; в его активе успешное лоббирование поправок в отношении ВИЧ-инфицированных к справедливому закону о жилище. Барни — неизменный поборник законодательства, где предусматривались бы гражданские права геев. Хотя в 1993 году Франк разорвал отношения с некоторыми своими сторонниками-геями, и в этих действиях усмотрели преждевременную готовность к компромиссам по вопросам службы геев в вооруженных силах, Барни остается видным деятелем движения сексуальных меньшинств не только в своем округе, но и по всей стране.

Необходимо также отдать дань уважения помощнику министра Роберту Ачтенбергу, который занимается вопросами справедливого решения жилищного вопроса и равных возможностей в Департаменте США по жилищному фонду и городскому развитию. Роберт Ачтенберг является самым высокопоставленным лицом, которое когда-либо работало в администрации президента, не скрывая своей сексуальной ориентации гея. Не меньшего уважения заслуживает Герри Стаддз, который не включен в настоящее издание, что отнюдь не означает умаления его серьезных успехов на Капитолийском

холме, касающихся содействия делу геев и лесбиянок. Просто я считаю, что среди трех перечисленных видных политических деятелей Барни Франк наиболее известен и влиятелен на национальном уровне.

57. БАЙАРД РАСТИН

note 75

Байард Растин родился 17 марта 1910 года в Честере. штат Пенсильвания. Байарда воспитывали дедушка, который занимался поставками продовольствия, и бабушка, которая была членом квакерской религиозной организации и которая наладила в Честере работу круглосуточной медицинской службы для чернокожих американцев, а также возглавляла местное отделение Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НА СПЦН). По окончании высшей школы Байард сменил немало профессий, путешествовал, а также проучился пять лет в Чейни-Колледже, педагогическом учебном заведении штата Пенсильвания, Уилберфорсском университете в штате Огайо, а также Сити-Колледже в Нью-Йорке, и ни одно учебное заведение не закончил.

В 1936 году Байард вступил в Лигу коммунистической молодежи. «Они казались единственными людьми, которым были небезразличны права человека», вспоминал он позже, однако ушел из организации в 1941 году и начал работать в антивоенной группе «Братство примирения». В тот же гол Растин стал работать в Конгрессе за расовое равенство секретарем отделения, оказывая содействие А. Филиппу Рандолфу в организации маршей протеста в поддержку гражданских прав в Вашингтоне, округ Колумбия. Перспектива подобных протестов стада поводом, вынудившим президента Франклина Делано Рузвельта положить конец расовой дискриминации на предприятиях военной промышленности. Настроенный радикальнее Рандолфа, Растин в 1940 году подвергал публичной критике действия руководителя союза, но позднее стал одним из самых последовательных его приверженцев.

За свою деятельность квакера и пацифиста Растин провел два с половиной года в тюрьме как лицо, отказавшееся от несения военной службы по религиозным или иным соображениям в годы второй мировой войны. После войны, в 1947 году, Растин организовывал первые шествия в поддержку гражданских свобод в штате Северная Каролина, против практики сегрегации в автобусах, за что был арестован и провел несколько недель в тюрьме, где содержался в наручниках. В общей сложности за всю свою жизнь Байард подвергался арестам и попадал в тюрьму за

свою деятельность в поддержку гражданских прав и пацифистских настроений свыше двадцати раз. В 1953 году Растин подвергся аресту по иным основаниям: находясь в Пасадене, штат Калифорния, он участвовал в организации демонстраций против дискриминации в ресторанах и гостиницах, тогда же Растин был арестован и приговорен к шестидесяти дням тюремного заключения по обвинению в «сексуальных извращениях». В интервью «Вилледж войс», которое состоялось незадолго до его смерти, Растин размышляет о влиянии гомосексуальности на свою деятельность, связанную с защитой гражданских прав: «У меня ни на минуту не было сомнений в том, что среди тех, с кем я работал, были люди, настроенные весьма предвзято. Хотя, безусловно, они никогда не признались бы в своих предрассудках. Они говорили, что это будто бы может повредить нашему движению».

С 1953 по 1955 год Растин был исполнительным директором Лиги противников войны, а с 1955 по 1960 год работал специальным помощником Мартина Лютера Кинга-младшего, помогая ему в организации автобусного бойкота в Монтгомери, разработке организационного плана для Конференции христианских руководителей южных штатов и участвуя в организации, подготовке и проведении демонстраций в защиту гражданских прав в 1960 году во время проведения съездов и республиканской и демократической партий. Возможно, самым значительным достижением Растина была организация в 1963 году марша на Вашингтон за предоставление рабочих мест и за гражданские свободы. В нем приняли участие свыше двухсот тысяч человек, пришедших в столицу своей страны, чтобы выразить поддержку борьбе за гражданские права. Снова в повестку дня встал вопрос о гомосексуальных наклонностях Растина. Вот как он вспоминает об этом в своем интервью «Вилледж войс»:

«Г-н Рандолф попросил меня организовать марш протеста. Я приступил к отбору людей; а это всегда сопряжено с некоторой силовой борьбой в руководстве организаций за гражданские права, поскольку у каждой из них есть свои приоритеты. Как бы там ни было, на этот раз вопрос поднял г-н Рой Уилкинс (исполнительный директор НА СПЦН), которого я высоко ценю. Он пригласил меня к себе в кабинет и сказал:

«Я думаю, что вам не следует руководить маршем протеста, поскольку его попытаются остановить, и самой веской причиной, на которую при этом сошлются, будет то, что руководитель марша — гей». Я ответил: «Рой, я с этим в корне не согласен и думаю, что пришло время серьезного разговора, потому что пора

прекратить прятаться от ряда проблем. Я также думаю, что если бы этот вопрос подняли демократы из южных штатов, то это просто сильнее подстегнуло бы людей, не более того. Мы можем опубликовать заявление, в котором бы говорилось, что для того, чтобы остановить наш марш в поддержку свобод, попытаются прибегнуть к чему угодно, но что бы ни предпринималось, победа будет за нами». Рой не согласился со мной и созвал совещание всех руководителей организаций за гражданские права. В конце концов был достигнут компромисс. Г-н Рандолф возглавит марш, однако он настоял на том, чтобы я был его заместителем.

Затем Стром Термонд (сенатор из штата Южная Каролина) выступал в сенате в течение сорока пяти минут, распространяясь на тему Байарда Растина, гомосексуалиста, дезертира и коммуниста. Все газеты страны опубликовали на первых страницах своих изданий эту историю. Г-н Рандолф ждал телефонного звонка. И телефон не преминул зазвонить. Я немедленно отправился к г-ну Рандолфу, и мы договорились о том, что он сделает заявление от имени всех руководителей правозащитных организаций, где в целом говорилось следующее: «У нас нет ни малейших сомнений в честности и способностях Байарда Растина». Рандолф зачитал это заявление руководителям профсоюзов, участвовавшим в марше лидерам еврейской, католической и протестантской организаций, и все они согласились с ним».

Марш прошел, как и планировалось, став, по словам автора «Коламбус Сэлли», «переходом через Рубикон в афроамериканской борьбе за равенство». С 1964 года до самой смерти Растин возглавлял находящийся в Нью-Йорке Институт А. Филиппа Рандолфа, который представляет собой учебную, профсоюзную, а также правозащитную организацию. Растин активно поддерживал идею объединения черных, геев, евреев, либералов (левых), профсоюзных образований и провозгласил следующие принципы:

(1) ненасильственная тактика;

(2) конституционные методы борьбы;

(3) демократические методы работы;

(4) уважение личности человека;

(5) вера в то, что все люди братья.

В своем интервью «Вилледж войс» Растин сказал:

«Я полагаю, что общество геев несет моральную ответственность… за то, чтобы большее число геев покинули свое укрытие. Бог знает, что люди прячутся оттого, что им мучительно сложно выйти наружу. Но мы не можем играть ту политическую роль, которую мы могли бы играть, потому что нас мало».

Коллегой, помощником по Институту Рандолфа и приемным сыном в последние десять лет жизни Растина был Уолтер Нэгл.

Байард Растин умер 24 августа 1987 года в Нью-Йорке от сердечного приступа.

Байард Растин заслуживает того, чтобы его упомянули в настоящем издании, потому что сыграл исключительно важную роль в движении черных американцев за гражданские права — роль, которая затушевывалась из-за его гомосексуальных пристрастий. Во мно-гом эта ситуация схожа с ситуацией Джеймса Болдуина note 76 — оба страдали от осуждения, исходящего от большинства в афроамериканском сообществе, ради которого они работали не покладая рук. Не лишним будет напомнить, что в 60-х годах многие геи и лесбиянки сотрудничали в движении черных американцев за гражданские права, поскольку не могли открыто бороться за свои собственные гражданские права. В ходе борьбы за права одних людей они приобретали ценный опыт, который в дальнейшем помог им отстаивать свои собственные права. В этом смысле Байард Растин и дело, ради которого он работал, способствовали развитию движения за гражданские права геев, начатое Стонуоллом note 77 в 1969 году.

58. Е.М.ФОРСТЕР

note 78

Эдуард Морган Форстер родился 1 января 1879 года в Лондоне. Отец его был архитектором. Он умер, когда Форстер был еще младенцем. Форстера воспитывали мать и тетки. Его школьные годы в Тонбридж-Скул, графство Кент, не были счастливыми, и впоследствии это выразилось в негативном отношении к английской системе образования. В 1897 году Эдуард Форстер поступил в Кингс-Колледж в Кембридже, где его поразила терпимость интеллектуальной среды и наполненная эротикой атмосфера. Форстер влюбился в своего однокурсника Г.О. Мередита, который позже стал прототипом Клайва из романа Форстера «Морис». В 1901 году Эдуард Форстер был принят в члены «Апостолов» — самого закрытого клуба интеллектуалов, где под влиянием философа Д.Э. Мура, главного светоча «Апостолов», у Форстера начали формироваться убеждения относительно ценности личности и главенства личных взаимоотношений.

После окончания колледжа Форстер отправился со своей матерью в Италию, а позже в Грецию, где влюбился в «языческую» культуру Средиземноморья. Вернувшись в Англию, Форстер жил со своей матерью и создал свои первые три романа: «Куда боятся ступить ангелы» (1905), «Самое длинное путешествие» (1907) и «Комната с видом» (1908), каждый из которых получил высочайшую оценку прессы, и Форстера назвали одним из самых многообещающих молодых романистов в Англии. Благодаря публикации «Хауардз-Энд» в 1910 году Форстер занял свое законное место в первых рядах английской литературы. Несмотря на это, путь к успеху для Форстера не был легким, а сам писатель ощущал свою творческую беспомощность. Это было по большей части вызвано тем, что Форстер называл «усталостью от единственной темы, которую я могу и смею раскрывать — любовь мужчин к женщинам и наоборот». Не остался незамеченным его следующий роман «Арктические мечты». Писатель начал потихоньку работать над эротическими рассказами, «не для того, чтобы самовыразиться, а для того, чтобы пережить острые ощущения». Эти рассказы были опубликованы после смерти Форстера и вошли в сборник «Грядущая жизнь».

Поездка в Индию в 1912—1913 годах слегка пробудила

Форстера от творческого сна. Но в 1913—1914 годах Форстер посетил защитника прав гомосексуалистов Эдварда Карпентера note 79 и его любовника Джорджа Меррилла, вышедшего из рабочей среды. В какую-то минуту визита Меррилл нежно похлопал Форстера пониже спины, и результат был самым неожиданным. Смущенный Форстер писал: «Ощущение было новым, и я все еще помню его, как помню расположение моих давно выпавших зубов. Трудно сказать, какие ощущения были острее — психологические или физические. Казалось, через поясницу коснулись моих замыслов, не затрагивая мыслей. Если все так и было, то действие в стиле йоги полностью соответствовало мистицизму Карпентера и подтвердило постигнутое в ту самую секунду».

В результате этого постижения самого себя появился роман о геях «Морис», который Форстер написал в момент творческого озарения. В эпилоге этого произведения Морис, человек из высшего общества, исчезает в лесной чаще со своим любовником — простым парнем Алексом Скаттером. Это дань памяти отношениям Карпентера и Меррилла. Понимание того, что он не сможет опубликовать «Мориса», по крайней мере пока жива его мать, а может быть и никогда, усугубило творческую депрессию. Форстер посвятил роман «лучшим временам», и до конца его дней произведение оставалось неопубликованным.

Когда началась первая мировая война, Форстер был полон решимости изменить свою жизнь, которая, казалось, все больше заходила в тупик. И в таком состоянии писатель про работал в Международном Красном Кресте в Александрии, в Египте. В 1917 году Форстер встретил и полюбил обаятельного кондуктора трамвая по имени Мухамед эль Алл. Их любовная связь, которая длилась до 1919 года, пока Мухамед не женился, была первым в жизни Форстера сексуальным опытом, который принес писателю удовлетворение и, возможно, высочайшую эмоциональную наполненность. Форстер так никогда и не оправился от смерти Мухамеда, которого в 1922 году туберкулез свел в могилу.

В 1921 году Форстер совершил вторую поездку в Индию и целый год проработал личным секретарем магараджи Деваса. Они стали верными друзьями, и когда магараджа узнал о сексуальных пристрастиях Форстера, то любезно предоставил ему местного мальчика, чтобы доставить гостю удовольствие. Свой индийский опыт Форстер изложил в романе «Поездка в Индию» (1924), который тут же был признан шедевром. В глубине души писатель знал, что никогда больше не напишет другого романа.

Его внимание все более привлекали политические и социальные проблемы, особенно вопросы цензуры и гражданских

свобод. В 1928 году Форстер был одним из тех, кто активно протестовал против запрещения противоречивого романа о лесбиянках «Колодец одиночества» Рэдклифф Холл. На протяжении 30-х годов Форстер выступал против распространения фашизма и стал первым президентом Национальной комиссии по гражданским свободам. Очерк Форстера 1938 года «Во что я верю» был волнующим рассказом писателя о своей вере в приоритет ценности отношений между людьми над каким бы то ни было институтом. В этом эссе можно найти известное высказывание:

«Если бы мне пришлось выбирать между изменой родине и предательством друга, я надеюсь, что у меня хватило бы мужества изменить родине».

Во время второй мировой войны Форстер завоевал огромное уважение своими выступлениями на Би-Би-Си, в которых он неизменно проповедовал гуманистические принципы, лежащие в основе борьбы против фашизма и тоталитаризма; в то же время писатель четко выразил свои опасения, вызванные тем, что ради уничтожения тоталитаризма Англии самой придется стать тоталитарной страной. Очерки Форстера на эту тему вошли в сборник «Да здравствует демократия!» (1951).

В 1946 году после смерти матери и потери своего старого лома в Абингерс и графстве Суррей, Форстер переезжает в Книге-Колледж, где ему позволили жить благодаря давним дружеским связям. В последние годы Форстер продолжал научную работу, а также писал либретто для оперы «Билли Буд» Бенджамина Бриттена, поставленной в 1951 году.

В начале 1930-х годов круг друзей Форстера расширяется и туда входят люди из рабочего класса, а также выходцы из Кембриджа, общение с которыми было для него привычным. Особенно плодотворной была для Форстера сорокалетняя дружба с Бобом Бакингемом, семейным полицейским, жена которого нее благосклоннее относилась к присутствию Форстера в семье. Писатель умер 7 июня 1970 года и доме Бакингема в Ковентри. В 1971 году был наконец-то опубликован «Морис».

Воздействие Форстера осуществлялось по двум направлениям: во-первых, он был одним из самых значительных романистов первой половины XX века, и «Морис» (по которому в 1987 был снят фильм) стал новой точкой отсчета в литературе о гомосексуалистах; во-вторых, что, может быть, намного важнее, произведения Форстера были красноречивыми защитниками извечного гуманизма. Для таких людей, как Кристофер Ишервуд, Форстер был примером. Резко критикуя средства массовой информации за низкопоклонство премьер-министру Невиллу

Чемберлену во время мюнхенского сговора в 1938 году, Ишервуд писал:

«Да, моя Англия — это Э.М.; антигерой с жидкими, цвета соломы усиками, со светло-голубыми, веселыми глазками ребенка и сутулостью пожилого человека… Пока одни призывают своих последователей быть готовыми к смерти, он просит нас жить, как если бы мы были бессмертны. И он сам поступает так, хотя и тревожится, и боится не меньше нашего, и ни на минуту не притворяется, что это не так. Он, его книги, его принципы — все это подлинные ценности, спасенные от Гитлера…»

Э.М. Форстер был одним из самых человечных общественных деятелей двадцатого века. Постоянное влияние на воззрения геев оказывает терпимая, милосердная, гуманная душа писателя, которая заполняет и слова, и дела Форстера.

59. МАРТА КЭРИ ТОМАС

note 80

Марта Кэри Томас родилась в семье состоятельных родителей 2 января 1857 года в Балтиморе, штат Мэриленд. Еще ребенком она имела четкие представления о самой себе, противоречащие тому «я», которое хотело видеть в ней общество. Как утверждают, Томас говорила так: «Я не собираюсь выходить замуж и преподавать в школе. Нельзя представить ничего хуже той жизни, которой обычно живет молодая леди». После учебы в квакерском пансионе для девочек Марта Томас продолжила обучение в колледже, несмотря на возражения своего отца, который говорил, что это неплохое заведение для девочек из среднего класса, но неподходящее для людей состоятельных. В 1877 году Томас получила в Корнуэлле степень бакалавра гуманитарных наук. Однако ее попытка заниматься в аспирантуре в Институте Джона Хопкинса закончилась неудачей, потому что ей запретили входить в аудиторию. Нимало не обескураженная, Томас со своей «преданной спутницей» Мами Гуин отправились в Европу, где в 1882 году была удостоена звания доктора философии в университете Цюриха.

Вернувшись с Гуин в Соединенные Штаты, Томас стала деканом факультета английского языка в недавно открывшемся женском колледже «Брина Моура». Между тем богатая филантропка по имени Мери Гарриетт влюбилась в Марту. Она пообещала миллионы для колледжа при условии, что Томас станет его директором. В 1894 году в возрасте тридцати семи лет Томас была избрана вторым директором «Брина Моура». В этой должности она проработала двадцать восемь лет.

Рассказ о том, как Томас ухитрялась лавировать, оказывая внимание двум претенденткам — Гуин и Гарриетт, оставил британский философ Бертранд Расселл, посетивший Марту в 1896 году:

«У Томас был колоссальный заряд энергии, вера в культуру, деловитость бизнесмена и глубокое презрение к мужскому полу… В «Брин Моуре» она была Зевсом, и все трепетали перед ней. Она жила с подругой, мисс Гуин, которая во всех отношениях была полной ее противоположностью… В то время, что мы жили у них, их отношения стали немного обостряться. Госпожа Гуин имела обыкновение уезжать раз в две недели дня на три домой, к семье,

и едва она уезжала, тут же появлялась другая леди, мисс Гарриетт, которая исчезала как раз в тот момент, когда должна была вернуться мисс Гуин».

В 1904 году, когда Мами Гуин сбежала с профессором философии, Мери Гарриетт переехала к Томас и стала ее самым близким другом до конца ее дней. Мери умерла в 1915 году. Долгое пребывание Томас в должности директора «Брин Моура» не было безоблачным. Деспотичная и консервативная, Томас активно участвовала в разработке и внедрении программы обучения в колледже. На протяжении долгих лет своей работы Томас нередко вела баталии с преподавательским составом. Однако она твердо придерживалась своих взглядов на то, что в женском колледже должны быть такие же высокие требования, что и в мужском: «Девушки, — писала Марта, — могут учиться, размышлять, составлять конкуренцию мужчинам по самым серьезным аспектам литературы и науки и соображают ничуть не хуже мужчин». Если сравнивать Томас с Джейн Адамс, то, как пишет историк Лилиан Фэйдерман: «Философские выпады Томас не были демонстрацией того, что женщины могут спасти мир, потому что они отличаются от мужчин, причем в лучшую сторону, она скорее хотела показать, что женщины похожи на мужчин, что они такие же, как мужчины, и в результате заслуживают того, чтобы с ними обращались как с равными».

Томас проявляла живой интерес к образованию женщин в любых его проявлениях. От миллионов Гарриетт Марта смогла выделить средства Медицинской школе имени Джона Хопкинса при условии, что женщин в школу будут принимать наравне с мужчинами. В 1921 году Томас открыла Летнюю школу для работающих в промышленности женщин, где преподавание велось по новой методике общеобразовательных наук, разработанной с учетом обучения работающих горожанок. Томас была подругой Сюзан Б. Энтони. Авторитет Марты в движении за предоставление женщинам избирательного права был необычайно высок. В 1908 году она стала первым президентом Национальной лиги работающих в колледжах женщин, выступающей за равные избирательные права. Особенно после 1920 года Томас активно проводила курс Национальной партии женщин. Она также одной из первых открыто выступала за необходимость внесения в Конституцию Соединенных Штатов поправок, касающихся равноправия.

Томас умерла 2 декабря 1935 года в Филадельфии.

Марта Кэри Томас была одним из основных деятелей в истории американского образования. Помогая становлению женских учебных заведений, Томас предоставила возможность

десяткам тысяч женщин среднего класса приобрести знания и умения, необходимые для профессиональной работы. Профессия дала возможность вести независимый образ жизни, который в свою очередь сделал возможным собственный выбор, а это создало условия существования современных лесбиянок. Более того, женские учебные заведения нередко бывали теми убежищами, где лесбиянки могли жить полнокровной жизнью, что приводило в ужас сторонних наблюдателей, порицавших атмосферу этих заведений как рассадник греха. Годы, проведенные в женских учебных заведениях, наряду с системами интеллектуальной и эмоциональной поддержки нередко оказывали серьезное воздействие и полностью меняли жизнь тех женщин, которым посчастливилось учиться в этих учебных заведениях. Если бы в Америке еще до начала второй мировой войны была организована ассоциация лесбиянок, где создавались условия для развития современного общества лесбиянок, то она, несомненно, возникла бы на территориях «Брин Моура», «Маунт Гольока», «Смита и Вассара».

60. КРИСТОФЕР ИШЕРВУД

note 81

Кристофер Ишервуд родился 26 августа 1904 года в Англии в Хай Лейне. Отец его был офицером, талантливым музыкантом, актером-любителем и художником-аквалеристом. С детства Ишервуд жил со своей семьей в различных районах Великобритании в связи с частыми служебными переездами отца. Ишервуд обучался в школе Святого Эдмонда, в Хайндхеде, где познакомился с однокурсником по имени У.Х.Оден, с которым поддерживал дружбу на протяжении всей жизни. В 1924 году Ишервуд поступил в колледж «Корпус Кристи» в Кембридже, чтобы заняться изучением истории, однако через год он бросил учебу, не получив никакой ученой степени. Затем несколько лет Ишервуд давал частные уроки студентам, одновременно изучая медицину, и после двух семестров, в 1924 году, отправился в Берлин повидаться с Оденом, который уехал туда по настоянию родителей изучать немецкий язык. Бурная жизнь берлинских баров, где завсегдатаями были геи и мальчики-проститутки, произвела на Кристофера неизгладимое впечатление. Он остался и стал преподавать английский язык, одновременно собирая материалы, которые впоследствии вошли в книги: «Mr. Norris Changes Trains» (1935) («Господин Норрис пересаживается на другой поезд») и «Прощай, Берлин» (1939). Эти «Берлинские истории», в которых повествуется о неподражаемом Салли Боулзе, легли в основу известной пьесы Джона ван Дрютена «Я — камера», написанной в 1951 году, и фильма с таким же названием, снятого в 1955 году. В 1966 году на Бродвее осуществили постановку «Кабаре», а в 1972 году был снят фильм «Кабаре» с Лайзой Минелли в главной роли.

В 1932 году Ишервуд влюбился в юношу из рабочей среды по имени Хейнц. Ишервуд — один из писателей, которые мгновенно осознали последствия распространения фашизма. И когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, Кристофер предусмотрительно покинул Германию. На протяжении последующих четырех лет Кристофер и Хейнц много путешествовали по Европе, которая вскоре оказалась под сапогом нацистов. И вот Хейнц возвращается в Германию, где подвергается аресту и попадает в тюрьму за гомосексуальные связи. Позже он становится солдатом немецкой армии. В это время Ишервуд и Оден, которые с 1925

года поддерживали интимные отношения, правда, без малейшего намека на серьезные чувства, начали работу над тремя пьесами. Наиболее известная из них — «Взлет «Ф-6» (1936). В 1938 году они отправляются в Китай. В результате этой поездки появилась другая совместная работа «Путешествие на войну» (1939).

1939 год, когда Гитлер вторгся в Польшу, стал новой точкой отсчета для всего мира. И в жизни Ишервуда также произошли перемены. Он переехал в Соединенные Штаты, где стал пацифистом и впервые познакомился с индусской философией веданта, проповедующей самоотречение и иллюзорность мира «реального». Несмотря на скептическое отношение к религиозным учениям в целом, Ишервуд убедился в необходимости духовного обновления материального мира. Постоянное изучение веданты серьезным образом повлияло на все работы Кристофера. Некоторое время он даже подумывал о монашестве в братстве Рамакришны.

На протяжении 1941—1942 годов Кристофер Ишервуд работал в лагере беженцев из Центральной Европы, который был организован в пригороде Филадельфии Американским комитетом помощи. Затем он переехал в Калифорнию и в последующие военные годы жил и учился в Братстве веданта в Южной Калифорнии. Он зарабатывал на жизнь тем, что писал сценарии к фильмам, а также редактировал со Свами Прабхавананда две публикации веданты: «Веданта и Запад» и «Веданта для современного человека». Кристофер также продолжал писать романы, такие, как «Ночной мир» (опубликован в 1954 году) и впоследствии признанный шедевром «Одинокий мужчина» (вышел в свет в 1964 году), самое удачное описание дня из жизни гея, которое когда-либо увидело свет.

В 1953 году Ишервуд встретил 18-летнего художника-портретиста Дона Бакарди и влюбился в него. Хотя все друзья Ишервуда были шокированы разницей в возрасте, существующей между любовниками, их отношения оказались на редкость стабильными и долговременными: они прожили вместе 33 года, вплоть до самой смерти Ишервуда, который скончался в возрасте 82 лет 4 января 1986 года в Санта-Монике в Калифорнии. Бакарди стал по праву известным и уважаемым художником. Несколько наиболее удачных рисунков были сделаны им с Ишервуда.

В 1971 году Ишервуд опубликовал книгу «Катлина и Франк» — биографию своих родителей, в которой объяснил истоки своей гомосексуальности. Она всегда оказывала влияние на его работы, но никогда ранее он не заявлял о ней так открыто. Рекламируя свою книгу по телевидению, он свободно повествовал о влиянии

гомосексуальности на его жизнь и творчество. Впоследствии он стал активным борцом за права геев, появляясь на всех их митингах и демонстрациях. В 1976 году он написал «Кристофер и ему подобные» — в книге обобщен широкий взгляд на гомосексуализм; позднее она стала классикой культуры геев. К концу своей длинной жизни он стал, как писал его биограф КлодДж. Саммерс, «глубокоуважаемым деятелем, олицетворением современной англо-американской культуры геев, учителем мужества, который яро протестовал против диктата гетеросексуалов и без всякого стеснения выражал солидарность со всеми, ему подобными».

В этой «табели о рангах» я ставлю Кристофера Ишервуда выше, чем В.Одена, потому, что, с моей точки зрения, хотя Оден и был более значительной фигурой в литературном мире, чем Ишервуд, вклад его в культуру геев был гораздо меньше. Ишервуд сумел превратиться из заурядного художника-гея 30-х годов в спикера вновь появившегося движения геев 70-х. Оден оставался глухим к изменениям, происходящим вокруг него. К концу своей жизни он превратился в жалкую спившуюся пародию на ту яркую личность, которой он был в молодости. В тоже время Ишервуд продолжал развиваться как художник и как гей. В этом списке Ишервуд следует за Е.М.Форстером, которому он обязан в чисто профессиональном плане, хотя Форстер тоже кое-чему научился у Ишервуда. Но оба они стоят выше таких наиболее проблематичных фигур в культуре геев, как Пьер Паоло Пазолини и Юкио Мисима.

61. ПЬЕР ПАОЛО ПАЗОЛИНИ

note 82

Пьер Паоло Пазолини родился в Италии, в Болонье, 5 марта 1922 года. Его отец был офицером итальянской армии, поэтому Пазолини учился в разных городах Северной Италии, где служил его отец. Он поступил в университет в Болонье, где изучал историю искусства и литературу.

Во время второй мировой войны его семья жила в бедной северо-восточной итальянской провинции Фриули, недалеко от городка Кассарса, где обычно в детстве он проводил свои летние каникулы. В 1945 году погиб его любимый брат Гвидо — он сражался в рядах Сопротивления и был убит. Пазолини очень тяжело переживал смерть брата, обвиняя себя в том, что не сумел удержать Гвидо дома.

Первый сборник поэзии Пазолини, опубликованный в 1942 году, был написан на фриулианском диалекте местных крестьян, чьим образом жизни, сохранившимся с древних времен, он восхищался. Этот сборник был первым проявлением ностальгии, сопровождающей всю его жизнь, по мирам, расположенным далеко в пространстве и времени от ужасов Италии XX века. Его опыт общения с фриульскими крестьянами привел к тому, что в 1948 году он вступил в коммунистическую партию и был назначен секретарем секции коммунистов в Сан-Джиованни, небольшом городке неподалеку от Кассарсы. Там же он стал уважаемым школьным учителем. Антикоммунистические клерикалы области предупреждали его: если он не прекратит свою политическую деятельность, его ждут большие неприятности.

И вот 22 октября 1949 года Пазолини было предъявлено обвинение в «развращении малолетних и в непристойном поведении на публике». Состоявшийся суд оправдал Пазолини в первом пункте данного обвинения, но не снял с него обвинения в непристойном поведении. Однако 2 года спустя он был оправдан и по этому пункту. К этому времени его карьера учителя была полностью разрушена, он был исключен из коммунистической партии. В это время он писал своему другу: «Мое будущее даже не черное, его просто не существует».

Называя себя «Рэмбо без корней», в 1950 году он уехал из Фриули в Рим, где и жил с матерью в полной нищете все

пятидесятые. В этот период своей жизни он зарабатывал себе на хлеб тем, что снимался в эпизодических ролях в Синеситте, время от времени брал корректуру и иногда писал сам. К этому времени судьба подарила ему дружбу таких писателей, как Альберто Моравиа и Аттилио Бертолуччи (отца будущего режиссера Бернардо Бертолуччи, который с восхищением смотрел на Пазолини как на своего учителя). Пазолини жаждал не только дружбы, но и любви, поиски которой заставляли его бросаться в беспорядочные сексуальные связи. Он писал: «Нормальный человек может примириться (ужасное слово) с воздержанием, с потерянными возможностями, но что касается меня, трудности на пути любви превратили ее в самоцель, в навязчивую идею». Рим полностью отвечал его целям. Он писал в экстазе: «Здесь я в центре жизни, которая вся — сплошные мускулы, подобно перчатке, вывернутой наизнанку, которая раскрывается, как те песни, которые я всегда ненавидел… в человеческих организмах настолько чувствительных, что стали почти механическими; ни одна из христианских добродетелей — всепрощение, человеколюбие и т. д. — здесь неизвестны, а эгоизм принимает узаконенные уродливые формы… Рим, погруженный в ад borgate, великолепен».

Именно в эти borgate, в трущобы Вечного города, Пазолини последовал за юношей, которого он любил. Две новеллы, которые он написал в это время — «The Ragazzi» (1955) и «Суровая жизнь» (1959), — изобилуют яркими образами людей — отбросов общества: воров, карманников, проституток, — которые он создал, основываясь на опыте, полученном на улицах. Эти работы принесли ему известность и одновременно вызвали скандал, закончившийся обвинением в непристойном поведении. Кроме новелл, в этот период он издал несколько томиков поэзии, высоко оцененных в литературном мире, такие, как «Gramsci's Ashes» (1957), «Религия моего времени» (1961), «Поэма в форме розы» (1964).

Убежденный в том, что кинематограф — это искусство будущего, в шестидесятых годах Пазолини начинает снимать художественные фильмы. Бернардо Бертолуччи заявил сразу после просмотра его фильма «Accattone» (1961): «У меня такое ощущение, что я присутствовал при рождении кинематографа». И в этом фильме, и в следующем «Mamma Roma» (1962) главными героями являются обитатели трущоб, ранее показанные в его новеллах. «Евангелие от Матфея» (1964) — строгий марксистский пересказ жизни Иисуса — стал одним из неоспоримых шедевров мирового экрана. За ним последовали «Hawks and Sparrows» (1966), «Царь Эдип» (1967), «Медея» (1969), восторженно

принятая кинолента «Теорема» (1968), в которой эротический ангел, сыгранный Теренсом Стампом, прокладывает свой жизненный путь в буржуазном мире с потрясающим эффектом.

Широко известные судебные преследования за непристойность и богохульство сломали его карьеру — за двадцать лет он тридцать три раза представал перед судом. Девять его фильмов встретили серьезные препятствия со стороны цензуры, а его самого часто обвиняли, как правило бездоказательно, в нарушениях приличий. Каждый раз его оправдывали.

В начале семидесятых годов он путешествовал по Востоку — Ирану, Йемену, Непалу, — чтобы собрать материал к своей амбициозной «Трилогии жизни», состоящей из «Декамерона» (1971), «Кентерберийских историй» (1972), «Арабских ночей» (1973). В этих ярких, красочных и непристойных фильмах Пазолини пытался, по его словам, «противостоять как излишней политизации и утилитаризму левых партий, так и нереальности массовой культуры. Создавать фильмы, где вы можете найти естественное чувство тела, того физического начала, elan vital, которое было давно утеряно». По завершении своей «Трилогии жизни» Пазолини практически отрекся от своих фильмов, заявляя, что подобной сексуальности в реальной жизни не существует. И нет выхода из той тюрьмы, в которую заключен человек, кроме полного ухода от действительности. Последний фильм Пазолини «Salo: 120 дней Содома» — это кошмарное, непередаваемое словами явление садомазохистского секса, фашизма и насилия.

Пазолини был одной из наиболее выдающихся фигур социальной жизни Италии в шестидесятых-семидесятых годах. В своей регулярной колонке в миланской газете он часто высказывал не только правые взгляды, но также и модернистские либеральные мысли. В студенческих демонстрациях в мае 1968 года он был на стороне полиции. Он выступал против закона, вышедшего в Италии в 1974 году, который разрешил развод, оценивая его как победу «гедонистской идеологии общества потребления»; кроме того, он выступал против абортов. Сексуальная революция, заявлял он, превратила секс в «соглашение, необходимость, социальную обязанность, социальную заботу и неотъемлемую часть потребительского образа жизни».

Ранним утром 21 ноября 1975 года на пустыре в Остии, одной из трущобных окраин Рима, плотник обнаружил тело Пьера Паоло Пазолини, избитое до смерти и раздавленное собственным «Альфа-Ромео». В убийстве обвинили

семнадцатилетнего юношу Джузеппе Пелози, который был задержан полицией за превышение скорости, когда он ехал на машине, принадлежащей Пазолини. Молодой человек пытался оправдаться: «Он желал вступить со мной в сексуальные отношения, а я этого не хотел». Это был один из тех юношей, чью никчемную жизнь Пазолини описал в своих новеллах и показал в своих фильмах еще двадцать лет назад.

Критика Пазолини современного буржуазного общества в новеллах, фильмах и эссе получила огромный резонанс далеко за пределами его родной Италии. Его смерть ужаснула мир, отозвалась в сердце каждого представителя общества, которое Пазолини так часто скандализировал. Это была сложная и беспокойная личность во всех отношениях. Его политические взгляды, его чувства, его сексуальность — все было практически неприемлемо для обычного человека. Отказ Пазолини жить в рамках общепринятой морали в сочетании со страстным непрекращающимся поиском истины привел к тому, что и его жизнь, и его творчество стали подлинным и бесценным наследием для геев и им подобных. Как Жан Жэне, и Юкио Мисима, Пазолини был изгоем в самом страшном смысле этого слова.

62. ЮКИО МИСИМА

note 83

Хираока Кимитаке родился 14 января 1925 года в Токио, Япония. Будучи сыном высокопоставленного служащего, он получил образование в престижной школе пэров в Токио. Он начал писать очень рано и опубликовал свой первый короткий рассказ под псевдонимом Юкио Мисима, когда ему было всего шестнадцать. Когда началась вторая мировая война, он хотел попасть в армию, но это ему не удалось. Во время войны он работал на фабрике в Токио и писал. После поражения Японии он занялся изучением права в Токийском университете и в 1948—1949 году работал в Министерстве финансов. В 1949 году был опубликован его второй роман «Признание Маски», который принес ему быструю славу. История мальчика, открывающего свою гомосексуальность и вынужденного прятать ее за маской, была хорошо принята японскими подростками, которым, казалось, не хватало такой литературы. Затем последовали другие романы, включая «Запретные цвета» (1953), «Башня Золотого Павильона» (1959), «Моряк, которого отвергло море» (1963), «Солнце и сталь» (1968). Мисима также написал многочисленные сценарии, в частности знаменитую «Мадам де Сад», и некоторые другие для театра Кабуки и современного театра «No drama».

В 1966 году Мисима сыграл главную роль в фильме «Патриотизм», поставленном им по короткому рассказу с тем же названием. И фильм и рассказ повествуют — в деталях любви и смерти — о молодом японском офицере и его преданной жене, об их подготовке и осуществлении ритуального самоубийства, известного как «сеппуку». Эффект был гипнотическим и глубокопроникающим:

«Держа меч в правой руке, лейтенант начал медленное убийственное движение клинка поперек живота — вправо и влево. По мере того как лезвие проникало в тело, оно наталкивалось на мягкое, но постоянное сопротивление внутренностей. Лейтенант осознал, что для того, чтобы достигнуть достаточного давления на живот, необходимо держать меч двумя руками. Он положил клинок плашмя, пытаясь лезвием разрезать брюшную стенку, но это оказалось не так просто, как ему представлялось. Он направил силу-всего тела в правую руку

и надавил еще раз на меч. На теле появился разрез в три или четыре дюйма.

Боль медленно разливалась из глубины организма, пока весь живот не запылал огнем. Это было похоже на дикий колокольный звон. Или как будто тысяча колокольчиков звенели одновременно при каждом вздохе и каждом ударе пульса, сотрясая все его жертвенное тело. Теперь уже клинок двигался сверху вниз и был ниже пупка. Когда до его сознания дошло, что острие меча проложило себе путь, он испытал чувство глубокого удовлетворения и новый прилив мужества.

Количество вытекающей из раны крови постоянно нарастало, она широким пульсирующим потоком покидала его тело, унося с собой жизнь. Циновка перед лейтенантом приобрела цвет его крови, пропитавшись насквозь ею, но еще больше крови скапливалось в складках его форменных брюк цвета хаки. Капелька крови, как птичка, перелетела к Рейко и села на полу ее белого шелкового кимоно».

Мисиму все больше привлекало милитаристское самурайское прошлое Японии в противовес той раздражавшей его бесконечной погоне за материальными благами в современном мире. В своей наиболее известной работе «Море изобилия» (1969—1971) он использовал образ высохших морей Луны, чтобы подчеркнуть бесплодность современной Японии. «Море изобилия» состоит из четырех новелл: «Весенний снег», «Убегающие лошади», «Башня тумана», «Падение ангела». Он также симпатизировал и приветствовал традицию гомосексуальной любви между воинами-самураями (иезуитские миссионеры XVI века были особенно ею шокированы). Занимаясь каратэ и кендо, традиционными японскими боевыми искусствами, этот ранее изнеженный юноша, который в свое время не смог выдержать физические испытания для поступления в армию, сумел построить свою собственную частную армию, которая являлась достаточно спорным «обществом щита» и назначением которой было защитить императора в случае восстания левых или коммунистической атаки, возрастающую опасность которых Мисима в силу своей паранойи с-ужасом ожидал в конце шестидесятых.

Несмотря на то что Мисима был женат, он продолжал посещать бары геев в районе Гинзы в Токио. Он презирал женоподобных мужчин и был тем, кого японцы называют «носителем двух мечей», что означало, что он свободно себя чувствовал как с мужчинами, так и с женщинами, но большее предпочтение отдавал мужчинам. Его женитьба была тем фасадом, который заставлял его соблюдать приличия, — фасадом, за который его вдова заглянула только после его

смерти, просматривая газетные отчеты о гомосексуальности своего мужа.

25 ноября 1970 года Мисима и четверо его молодых последователей из «Общества щита» ворвались в штаб-квартиру Национальной обороны в Токио. Вооруженные мечами, они проложили себе путь на крышу здания, где Мисима произнес десятиминутную речь перед тысячами служащих, собравшихся внизу. Он нападал на японскую конституцию с ее запретом на создание армии, обвиняя ее в том, что она предала дух Японии: «Мы видим, как Япония купается в благосостоянии, — объяснял он аудитории, — и все больше вязнет в духовной пустоте… Неужели возможно, чтобы вам нравилась жизнь, которую дает вам мир, где дух умер?» Речь его никого не воодушевила и не нашла отклика. В лучших самурайских традициях Мисима совершил самоубийство протеста «сеппуку». В соответствии с традициями один из его последователей, Морита который, по слухам, являлся любовником Мисимы, отрубил голову своему учителю его же мечом.

Юкио Мисима был самым значительным писателем Японии в послевоенный период. В своей работе и жизни, включая и шокирующий акт его самоубийства, он ясно показал агонию Японии как нации, диссонанс между все еще существующим традиционным образом жизни и нарастающими требованиями европеизирования. Присутствие очерка о нем в данной работе является данью тому широкому резонансу, который вызвали его творчество и символическая смерть как на Западе, так и на Востоке.

Оба, и крайне правый гей Мисима, и крайне левый гей Пьер Паоло Пазолини, сражались против того, что они называли бесплодностью современного буржуазного мира. Оба искали иных способов существования, которые были бы духовно богаче, более наполнены смыслом: Мисима — в традициях самурайской Японии, Пазолини — в своей «Трилогии жизни» с его ностальгическим видением «свободной сексуальности» крестьян и третьего мира. Им обоим не удалась жизнь, в обычном понимании этого слова.

63. РОК ХАДСОН

note 84

Рок Хадсон, урожденный Рой Шерер, родился 17 ноября 1925 года в городе Уинетке, штат Иллинойс. Его отец был автомехаником, а мать работала оператором на телефонной станции. Во время Великой депрессии 1933 года отец потерял работу и оставил семью. Мать вторично вышла замуж, и сын взял имя Фицджеральд от своего приемного отца.

В 1944 году Рой Фицджеральд был призван в армию и служил авиамехаником на Филиппинах. После войны он сменил много случайных работ: был грузчиком музыкальных инструментов, оператором по уборке помещений, продавцом, водителем грузовой машины, — но все его мечты были устремлены к тому, чтобы стать актером. В 1948 году благодаря своему постоянному агенту Генри Уилсону, который подарил начинающему актеру сценическое имя и имидж, он получил маленькую роль в художественном фильме «Военный эскадрон». Большой перелом в жизни Хадсона наступил в 1954 году, когда он играл вместе с Джейн Уиман в «Изумительной непристойности». Затем в 1955 году последовала другая картина с Уиман «Все, что позволяют небеса».

Будучи шести футов и четырех дюймов ростом, с темными глазами и сочным голосом, Рок Хадсон представлял собой квинтэссенцию романтического героя. И именно в этом амплуа он процветал в пятидесятых годах: мелодрамы, вроде «Гиганта» (1956), которая принесла ему награду Академии, «Написанная ветром» (1956) и «Падшие ангелы» (1957).

Его карьера круто изменилась в 1959 году, когда он снялся в «Задушевном разговоре» вместе с новой звездой Дорис Дей. Критика оценила чувство юмора, присущее Хадсону, а затем последовали другие комедии: «Возвращение любовника» (1961), «Любимый спорт мужчины» (1963), «Не шли мне цветов» (1964). Всего Хадсон снялся в шестидесяти двух картинах. Кроме того, он играл главную роль в телевизионном сериале «Мак-Миллан и его жена» (1970-е годы), а также в известном телесериале «Династия» восьмидесятых годов.

Все это время от публики тщательно скрывалась гомосексуальность Рока Хадсона. Когда в середине пятидесятых годов слухи об этом начали все-таки распространяться, адвокат

Хадсона убедил его жениться на его секретарше Филлис Гейтс. Брак с трудом продержался три года, а Хадсон не переставал увлекаться и поддерживать свои тайные сексуальные отношения с мужчинами.

В июле 1985 года во время своего пребывания в Париже Хадсон потерял сознание в холле «Ритц-отеля» и был доставлен в американский госпиталь. Официальная версия гласила, что у Хадсона рак печени, но слухи твердили о том, что он прибыл в Париж, чтобы пройти курс экспериментального лечения от СПИДа. Эта новость глубоко потрясла публику. Хотя тысячи людей уже умерли от СПИДа, Хадсон был первой известной личностью, чья болезнь убедила общественное сознание, насколько широко распространилась эпидемия. Это обстоятельство породило две реакции на происходящее: первое — никто не застрахован от СПИДа, второе — если даже такой образцово-показательный герой-любовник Рок Хадсон — гей, то кто же тогда не гей? Все это было печально, ошеломляюще и приводило в смятение. Газеты описывали контраст между обликом молодого, обаятельного, красивого Хадсона и тем жалким болезненным лицом, запечатленным на последних его фотографиях.

Несомненно, прискорбным является то, что подобный факт имел место и что кому-то пришло в голову использовать популярность Хадсона для привлечения общественного мнения к проблеме кризиса здоровья и «страшной» значительности СПИДа. Но в то же время именно благодаря известности Хадсона возросли обеспокоенность общества и вложения правительства на борьбу с эпидемией.

В сентябре 1985 года Фонд борьбы со СПИДом в Лос-Анджелесе выделил пять миллионов долларов — ту сумму, которая была необходима Хадсону для прохождения курса лечения месяц назад. Слишком больной, чтобы выступать публично, Хадсон направил телеграмму: «Я не испытываю счастья от того, что болен. Я не рад тому, что у меня СПИД. Но если это может помочь другим, по крайней мере, я буду знать, что мое несчастье имеет хоть какую-нибудь позитивную цену».

Он умер 2 октября 1985 года в Беверли-Хиллз, штат Калифорния.

Судьба Рока Хадсона полна парадоксов. Этот мужчина всю жизнь прятал свою сексуальную направленность от всего мира, и тем не менее его смерть, обусловленная его гомосексуальностью, так сильно потрясшая мир, продолжает оставаться величайшим вкладом в борьбу со СПИДом в сознании людей. Отмщение неизбежно — судьба вынудила его в час смерти открыть всему

миру то, что он с такой тщательностью скрывал всю жизнь.

64. СЭР ГАРОЛЬД НИКОЛСОН ВИТА СЭКВИЛЛ-УЭСТ

note 85 note 86

В этой главе я отдаю должное тому особому, но все же существующему феномену, как брак между лесбиянкой и геем.

Гарольд Джордж Николсон родился 21 ноября 1886 года в Тегеране, Персия (нынешний Иран), где его отец служил поверенным в делах при Британском посольстве. Благодаря дипломатической карьере своего отца, он провел свое детство в ряде стран Центральной Европы, Турции, Испании и России. Окончив Баллиол-колледж в Оксфорде, он пошел по стопам своего отца и в 1909 году поступил на службу в Министерство иностранных дел. Последующие двадцать лет он состоял на службе в дипломатическом корпусе в таких городах, как Мадрид, Тегеран, Берлин. Он играл важную роль в составлении Бальфурской декларации во время первой мировой войны, был младшим советником на Парижской мирной конференции, на которой была создана Лига Наций.

В свободное время он занимался сочинительством, издав за свою жизнь более ста двадцати пяти книг: биографии, путевые заметки, фантастические новеллы. Официально изданная им биография короля Георга V принесла ему в 1953 году звание рыцаря. В 1910 году он встретил Виту Сэквилл-Уэст, а в 1913 году они поженились.

Виктория Сэквилл-Уэст родилась 9 марта 1892 года в Англии в Ноул-парке. Дочь третьего барона Сэквилла, она получила образование дома, в своем родовом поместье. В силу того что она была женщиной, наследовать родовое поместье она не могла и во владение замком вступил наследник по боковой генеалогической ветви.

Спустя пять лет после ее замужества с Николсоном ее настигла первая любовь к женщине, к подруге своего детства, которую она не видела много лет, Вайлет Кеппель Трефьюзис. В 1919 году, в то время как Николсон был занят мирными переговорами в Версале, подруги пережили бурную страсть, история которой изложена в неопубликованной новелле «Вызов» (1924). В 1922 году Вита встретила Вирджинию Вульф. Их связь продолжалась почти все двадцатые годы, которая затем сменилась длительной дружбой вплоть до самоубийства Вульф в 1941 году. Эта привязанность и нежная дружба была описана Секвилл-Уэст в «Обольстительницах в Эквадоре» (1924), которая

была опубликова на издательством Вульф Хогарт Пресс. Со своей стороны, Вульф представила Сэквилл-Уэст в «Орландо», романе, в котором она увековечила утерянное поместье своей любовницы. Письма Вульф и Сэквилл-Уэст друг другу являются величайшим образцом эпистолярного жанра в литературе.

Хотя в настоящее время рассказы Сэквилл-Уэст не пользуются особой популярностью, они были достаточно читаемыми в момент их выхода в свет. Среди них «Эдвардианцы» (1930), «Все страсти проходят» (1931), «Темный остров» (1934), «Пасхальная вечеринка» (1953). Она также была автором нескольких биографий, в том числе посвященных драматургам Возрождения: «Арфа Бен» (1927), «Святой Джоан из Арка» (1936).

Стивен О. Мюррей описывал сложную динамику сорокадевятилетнего брака Николсона и Сэквилл-Уэст таким образом: «Связи Николсона с юными аристократами были эмоционально гораздо более прохладными, чем страсть, которую переживала его жена с Вирджинией Вульф и Вайолет Трефьюзис. Он был вполне предан ей, тогда, как она была менее неразборчива, чем он, и более привязана к женщи нам, которых она любила, нежели к своему мужу».

Николсон оставил дипломатическую службу в 1929 году для того, чтобы посвятить все время сочинительству и садоводству. Вместе с Сэквилл-Уэст они превратили земли вокруг своего дома в Сиссингхерст Касл в один из наиболее выдающихся садов XX столетия. Гарольд по своей натуре был практичен, рассудителен, расчетлив, что позволяло ему талантливо проектировать сады, а Вита, в свою очередь, была садовником, у которого цвели даже палки. Сады Сиссингхерста, особенно Белый сад, приводят в изумление, изучаются и имитируются серьезными садоводами во всем мире. Спустя многие годы, когда их книги были забыты, а их многочисленные любовные связи ушли в прошлое, их выдающееся наследие в разведении садов по-прежнему заставляет восхищаться людей.

Вита Сэквилл-Уэст умерла в Сиссингхерст Касл, графство Кент, 2 июня 1962 года. Гарольд Николсон пережил ее на шесть лет. Он умер в Сиссингхерсте 2 мая 1968 года. Один из их двух сыновей, Найджел, опубликовал откровенную и трогательную историю своих родителей под названием «Лицо брака» (1973).

Двойные жизни Гарольда Дж. Николсона и Виты Сэквилл-Уэст были, по нашим меркам, сложными. Им удалось соответствовать требованиям своего времени и одновременно каждому иметь богатую личную жизнь. Их отношения могут казаться нам порой нелепыми, но я думаю, что не было бы ошибкой предположить, что браки подобного типа были первым

примером — несмотря на отличия контекста культуры от общепринятой — общего случая того, в чем в наше время возникает все большая необходимость. Я поместил в эту книгу историю Гарольда Николсона и Виты Сэквилл-Уэст, так как они являются самым элегантным примером подобного брака.

65. ЭЛЬЗА ДЕ ВУЛЬФ

note 87

Эльза де Вульф родилась 20 декабря 1865 года в Нью-Йорке. Ее отец был процветающим врачом. Мать Эльзы — канадка с шотландскими корнями. Де Вульф позднее писала: «Отец был настолько экстравагантен и непрактичен, насколько моя мать была строга и практична. Он был весел, она была сурова. Он был азартен и любил жить, испытывая постоянную опасность. Мать, напротив, любила спокойную жизнь. Наш семейный бюджет все время штормило, поскольку мать всегда «дула против ветра». В 1881 году Эльзу послали в Шотландию заканчивать образование, а в 1885 году она впервые вышла в свет в Лондоне, где была официально представлена королеве Виктории. Вернувшись в Соединенные Штаты, Эльза была принята в мире нью-йоркской богемы и привлекла к себе внимание, как актриса-любительница.

В 1887 году она встретила Элизабет Марбери, женщину старше ее восемью годами, которая стала ее компаньонкой и любовницей на следующие сорок лет. Марбери позднее будет вспоминать их, скорее недобрую, первую встречу: «По бальному залу пробежал шум возбуждения, когда изящная юная леди вступила на порог… Я помню, что мое впечатление было далеко от восторженного, поскольку ее появление не произвело на меня должного эффекта. Ее нездешняя внешность, французский акцент не произвели на меня того впечатления, которого от меня ожидали. Тем не менее вскоре завязались стремительные отношения. Джейн Смит, официальный биограф де Вульф, писала: «Как многие браки, которые заключены надолго, их отношения сочетали романтическую наполненность с определенными практическими преимуществами в их жизни». Казалось, их жизнь была классическим примером лесбийского брака: де Вульф, которая была не в состоянии сложить цифры, не употребляя пальцы рук, любила красивые наряды, драгоценности, украшения и танцы; Марбери, одетая в темное строгое платье, была главой дома и вела все хозяйственные книги.

Когда в 1890 году умер отец де Вульф, оставив семью практически без денег, она решила начать профессиональную карьеру актрисы. Это был знак социального протеста. Марбери, которая начинала создавать то, что вскоре стало наиболее влиятельным театральным агентством в мире, приняла на себя

обязанности менеджера де Вульф и превратила ее из любительской актрисы со скромными задатками в наиболее значительную фигуру на Бродвее. Хотя игра де Вульф невысоко оценивалась критиками, она стала знаменита, демонстрируя новые фасоны платьев от самых модных французских кутюрье: один очарованный ею критик назвал ее «выдающимся демонстратором особого искусства правильного ношения хорошей одежды».

С Марбери поддерживали дружеские отношения Оскар Уайльд, Джордж Бернард Шоу и Джей. М. Берри, автор любимого всеми мальчишками «Питера Пэна».

Когда де Вульф и Марбери сняли на двоих дом под названием «Ирвинг Хауз», они начали проводить самые блистательные свои вечера в Нью-Йорке. Каждый, кто хоть что-нибудь представлял из себя, рано или поздно попадал в их окружение. По словам Джейн Смит, вечеринки «были столь изящны и теплы, что поговаривали о том, будто лесбийские браки не только приемлемы, но и положительно шикарны». Друзья стали называть их «холостячками».

На рубеже веков де Вульф и Марбери делили свое время между Нью-Йорком и небольшим павильоном в Версале. Де Вульф со все возрастающим интересом присматривалась к стилям мебели, особенно XVIII века. Переоборудуя «Ирвинг Хаус», она вызвала сенсацию, заменив тяжелое и мрачное освещение и нагромождение мебели викторианской эпохи на более современную, светлую и открытую эстетику помещения. Новый облик дома сопровождался все более возрастающей известностью «холостячек», как самых модных хозяек Нью-Йорка.

Все больше разочаровываясь в сцене, де Вульф в 1904 году покинула театр. Используя спои светские связи, она изобрела для себя новую специальность, став первым в мире дизайнером интерьеров. Смит писала: «Впервые познакомившись с идеей необходимости профессионального совета как для приобретения, так и для аранжировки новой обстановки, высший свет был готов к появлению этой новой профессии. Это был тот момент, когда вкус превратился в индустрию, и Эльзе очень повезло, что в это время она оказалась кстати, чтобы извлечь преимущества из этой перемены». Первым большим проектом де Вульф был Колониальный клуб — первый частный клуб для женщин в Америке. Результаты были ошеломляющими, и де Вульф быстро поднималась вверх по лестнице успеха. Поскольку цены, которые она назначала, были настолько же грандиозны, как и интерьеры, созданные ею, финансовый успех сопутствовал ее профессиональной славе. Следующие полвека де Вульф

оказывала влияние не только на богатых и знаменитых клиентов с Парк Авеню и Палм Бич, но и являлась законодателем общественного вкуса: газеты и журналы печатали ее советы, впоследствии изданные отдельной книгой «Дом в хорошем стиле», которая пользовалась огромной популярностью. Она советовала американцам избегать показухи и нагромождения мебели, убрать тяжелые портьеры с окон, чтобы впустить в дом свет, поменять темные и унылые тона на светлые: беж или цвет слоновой кости. «Я верю в обилие оптимизма и белый цвет, — заявляла она, — удобные кресла и свет рядом с ними, открытый огонь в камине и цветы повсюду, зеркала и солнечный свет во всех комнатах». Внутреннее убранство домов, в которых жили американцы в середине XX столетия. во многом обязано вкусу де Вульф.

В 1907 году де Вульф и Марбери встретились и подружились с наследницей Моргана Анной, которая вошла в их жизнь на следующие двадцать лет. Эти три женщины вместе взялись за обновление виллы Трианон в Версале, которая стала самым большим достижением де Вульф. Они стали известны как «версальский триумвират», и каждый их шаг освещался прессой. Когда они купили квартиру в Манхэттен Саттон Плейс, вызвав подъем этого прежде немодного района, нью-йоркские бульварные журналы и газеты смаковали новость и намекали на то, что «союз амазонок» переехал на берега Ист-Ривер, чтобы их вечеринки и гулянки в духе Сафо не так привлекали внимание.

Под влиянием Морган де Вульф стала проявлять возрастающую активность на поприще женского суфражистского движения. Тем временем Марбери набирала силу на политической сцене Америки, будучи неоднократно избранной в Демократический национальный женский комитет от штата Нью-Йорк.

В 1926 году в шестидесятилетнем возрасте Эльза де Вульф поразила всех, объявив о своем замужестве с сэром Чарльзом Мэндлом, пресс-атташе Британского посольства в Париже. К этому времени она пришла к убеждению, что ей необходим титул, и после свадьбы стала леди Мэндл. Бесси Марбери чувствовала себя покинутой, хотя, после того как она узнала, что сэр Чарльз не испытывает никакого романтического интереса к де Вульф, будет занимать отдельные апартаменты и не будет никоим образом вторгаться в ее личную жизнь, она успокоилась, и женщины продолжали свою прежнюю интимную жизнь вплоть до самой смерти Марбери в 1933 году.

Кроме того, что де Вульф была дизайнером интерьеров, она внесла и некоторые другие новшества: она популяризировала

ношение коротких белых перчаток, была первой женщиной, которая покрасила свои седеющие волосы в голубой цвет (это было в 1924 году), изобрела тот ядовитый коктейль, что известен под названием «Розовая Леди» (сок грейпфрута, джин. Контрю). Она также с энтузиазмом протежировала Ноэль Коувард и Колу Портеру. Возможно, лучше всего ее сущность раскрылась в ее восклицании, когда она впервые увидела Парфенон: «Это — беж, мой цвет!!!»

Эльза де Вульф всегда была жадной до жизни. Она умерла 12 июля 1950 года в возрасте восьмидесяти пяти лет, протестуя даже на смертном одре: «Со мной нельзя так поступать, я не хочу уходить!»

Биографы Эльзы де Вульф называют ее ключевой фигурой в «профессионализации вкуса», позволившей искусству декорирования помещений превратиться в большую индустрию. Как было с очевидностью доказано геями и лесбиянками, для развития большого бизнеса сексуальная направленность не является препятствием, даже более того: ее ежедневное глубокое влияние на физическое пространство, в котором мы существуем, несомненно.

66. ЛИБЕРАС

note 88

Владзи Валентине Либерас родился 6 мая 1919 года в Уэст Аллисе, штат Висконсин. Его отец содержал бакалейную лавку и увлекался игрой на французском рожке, мать была пианисткой. Он начал учиться музыке в четырехлетнем возрасте и к четырнадцати годам сам себя называл Уолтером Бастеркейзом, играя на пианино на местных вечеринках. В 1936 году в семнадцатилетнем возрасте он дебютировал в качестве солиста Чикагского симфонического оркестра, исполняя Первый концерт Ференца Листа для фортепьяно с оркестром. Тремя годами позже он нашел свой путь к славе исполняя «Три маленькие рыбки» на концерте и будучи вызванным на «бис», он сознательно превратил это в музыкальную шутку, насмешливо подмигивая публике, которой это очень понравилось. Телевидение явилось удачным посредником для такого прирожденного шоумена, как Либерас. Имея собственное шоу в пятидесятых, он стал любимцем публики, исполняя то, что он называл «Быстрые версии» из классики: «Вальс-минутку» Шопена за полминуты. Первый концерт Чайковского для фортепьяно за четыре минуты. Он специализировался, как он объяснял, «на отрезании скучных частей». Его представления очень украшали экстравагантные яркие костюмы, увешанные блестками, мишурой и фальшивыми драгоценностями. Эффект усиливался за счет витиеватой формы светильников, поставленных особым образом на крышку пианино. Его увлечение золотой мишурой и блестящими тканями впоследствии переняли известный певец Элвис Пресли и его последователи.

Но золотая материя, используемая Либерасом для изготовления своих костюмов, была лишь началом: с годами его сценический гардероб украсился жакетами и пиджаками, обшитыми золотой тесьмой в двадцать четыре карата, серебряной накидкой с восьмифутовым розовым шлейфом из перьев, накидкой из норвежской голубой лисы с шестнадцатифутовым шлейфом за триста тысяч долларов, и даже расшитый блестками костюм своего капельмейстера он дополнил яркими широкими штанами. Его пальцы были увешаны тяжелыми перстнями и кольцами, включая кольцо в форме фортепьяно. На вопрос, как ему удается играть с таким количеством колец на руках, он

отвечал: «Очень хорошо, большое спасибо».

Все это привело к ошеломляющему финансовому успеху: в течение двадцати пяти лет Либерас зарабатывал по пять миллионов долларов в год.

Пресса распространяла о нем сплетни, а подчас переходила к прямым нападкам. Либерас проявлял интерес к наркотикам еще в стенах Высшей школы, а в сороковых годах увлекся гомосексуализмом. В 1956 году репортер скандальной хроники лондонской газеты «Дейли Миррор» в обзоре писал, что Либерас «является вершиной секса, самым лучшим партнером для особей мужского, женского и среднего рода. Он мог сделать все, что он, она или оно только могли пожелать». Американская бульварная газета «Конфиденос» перепечатала из «Дейли Миррор» первую колонку под названием «Почему ключевой песней Либераса является «Схожу с ума по мальчику»?» Памятуя пример Оскара Уайльда, Либерас подал в суд иск на обе газеты. В отличие от Уайльда, он свои процессы выиграл.

В 1982 году ему повезло гораздо меньше, когда его бывший шофер Скотт Торсон подал иск на сто тринадцать миллионов долларов против своего нанимателя, обвиняя его в принуждении к сожительству. Иск в размере девяноста пяти тысяч долларов был удовлетворен за месяц до смерти Либераса.

Последнее публичное выступление Либераса состоялось в ноябре 1986 года в Радио-Сити Мьюзик-Холле. Дальнейшие концерты были отменены, и поползли слухи о том, что исполнитель болен СПИДом, хотя это настойчиво отрицалось. Но 4 февраля 1987 года Либерас скончался в Палм Спрингсе, штат Калифорния, от полной блокады сердца, обусловленной сердечной недостаточностью, вызванной подострой энцефалопатией, спровоцированной СПИДом.

К моменту смерти Либерас владел пятью домами, двадцатью автомашинами и восемнадцатью пианино, так же, как и сердцами бесчисленных поклонников. Либерас персонифицировал шоу-бизнес. Мистер Шоу-бизнес — так называл он себя сам. Личность, сумевшая повлиять на таких разных исполнителей, как Элвис Пресли и Элтон Джон, была просто обречена на успех. Он был настолько доступен, комичен, экстравагантен, насквозь искусствен и откровенно гомосексуален, что казалось удивительным, что его аудитория, состоявшая в основном из женщин среднего и старшего возраста, принимала каждое его слово на веру, тогда как, выходя из своего сценического образа, он неистово охранял свою частную жизнь, не впуская в нее никого, ни единого человека.

Основным достижением Либераса остается то, что в середине

репрессивных пятидесятых годов ему удалось донести культуру геев в каждый американский дом, никогда не называя ее по имени и не комментируя ее. Он просто олицетворял ее со свойственной ему неординарностью, делая ее для всех доступной.

67. АЛЛЕН ГИНСБЕРГ

note 89

Аллен Гинсберг родился 23 июня 1926 года в Ньюарке, штат Нью-Джерси. Он вырос в Патерсоне, где его отец работал учителем английского, которому не чуждо было стихосложение. Его мать, эмигрантка из России, по происхождению еврейка, жила в своем собственном призрачном мире и провела много лет в стенах больниц для душевнобольных.

Во время учебы в высшей школе Гинсберг по самоопределению был «мистическим пресмыкающимся». В 1943 году он поступил в Колумбийский университет, однако был исключен оттуда спустя 2 года. Официальной причиной исключения из университета значилось обвинение в том, что он писал непристойности на подоконниках спальни, которое прикрывало истину: Гинсберга застигли в постели с его приятелем Джеком Кероком. Гинсберг и Керок переехали из университетского городка в квартиру, которую они делили с Уильямом Бероузом. Эта квартира вскоре стала местом сбора так называемого «бит-движения». Одним из наиболее частых посетителей был легендарный Нил Кассади, который превратился в Дина Мориарти в классической новелле Джека Керока «На дороге» и в которого Аллен Гинсберг без памяти влюбился. Они стали сексуальными партнерами, хотя Кассади не мог принять той страсти, которую Гинсберг вносил в их отношения, и их разрыв был очевиден.

После завершения четырехмесячного курса в Торговой морской академии в Бруклине, Гинсберг в 1946 году ушел в море на семь месяцев, а спустя год он отправился в Африку. По возвращении он был восстановлен в Колумбийском университете, который и закончил в 1948 году. Тогда же у него появились его знаменитые видения, во время которых ему казалось, что он беседует с известным поэтом Уильямом Блейком. Эти сны наяву навсегда изменили его отношение к реальности и подтолкнули к тому, что с помощью наркотиков и других средств он начал искать иного, более высокого, уровня бытия.

В 1949 году Гинсберг был вовлечен в аферу с краденными вещами и угнанной автомашиной. Чтобы избежать тюремного заключения, ему пришлось восемь месяцев провести в Роклэнд-Стэйт-Госпитале, где с ним проводили сеансы психоанализа. В

этом госпитале он встретился и познакомился с Карлом Соломоном — «Святым лунатиком», которому впоследствии посвятил свой первый сборник стихов «Howl».

Публикация этого сборника в 1956 году вызвала шок. Как Гинсберг писал в предисловии к сборнику: «Поднимайте подол, дамы! Мы идем через ад!» Написанная частично, когда он «сидел на игле», и в стиле «Hebraic– Mellvillean bardic breath», поэма стала манифестом «бит-движения», литературной революцией, которая провозглашала то, что Керок называл «спонтанным стилем», что Гинсберг считал своим кредо: «первая мысль — лучшая мысль». На полицию Сан-Франциско эта литературная революция впечатления не произвела, более того, поэма была признана непристойной, а ее издатель Лоренс Ферлингетти был арестован. Судебное преследование привлекло внимание общественности к поэме, тем более что значительные в литературных кругах деятели защищали стилистические достоинства поэмы. Судья Клейтон Р. Хорн заявил, что «Howl», несмотря на ее «ангелоголовых hipsters», «которые позволяли трахать себя в зад святым мотоциклистам и визжали от радости, которые трахали сами и которых трахали матросы, эти ангелы в человеческом обличий», вовсе не была непристойной.

Антиматериалист, «анархист всех времен и народов», который все больше и больше интересовался непреходящими Принципами буддизма, Гинсберг стал одним из наиболее выдающихся гуру антикультуры и был кумиром для Америки шестидесятых годов. Он был основоположником движения «силы цветов», согласно которому цветы, музыка и пение мантр должны противостоять силам зла и разрушения. В 1966 году он сочинил «Wichita Vortex Sutra», назначение котором было прекратить Вьетнамскую войну посредством магического влияния. На следующий год он организовал первый фестиваль хиппи, называемый «The Gathering of the Tribes for a Human Be-In». В 1969 году Гинсберг сочинил мантру для изгнания духов из Пентагона. Все это он совершал с необычайной пикантностью и с привкусом скандала, чем часто ввергал себя в неприятности. Его выгнали с Кубы в 1965 году за выступления против условий существования геев в этой стране. В том же году, после того как его короновала «Королем Мая» сотня тысяч чехословацких студентов в Праге, его выслали и из этой страны за то, что он «грязный дегенерат». В 1967 году он был арестован на антивоенном марше в Нью-Йорке, в 1972 — арестован на демонстрации против Ричарда Никсона во время Республиканской конвенции в Майами, а в 1978 году был вновь подвергнут аресту вместе со своим давним компаньоном Питером Орловским во время сидячей забастовки на заводе

ядерного вооружения в Роки Флэтс, штат Колорадо. Вес это время он продолжал писать стихи, собранные в следующих книгах: «Каддиш» (1961), посвященной смерти матери, «Сандвичи из реальности» (1964), «Новости планеты» (1968), «Падение Америки» (1972), которая заслужила награду Ассоциации национальной книги, «Дыхание разума» (1978), «Белый саван» (1986). Он также сделал многочисленные студийные записи своих стихов.

Начиная с семидесятых годов Гинсберг занимался с Венеребл Чагиам Трунгпа, тибетским буддистским монахом, основавшим буддистский университет под названием Институт Наропа в Боулдере, штат Колорадо. Как обнаружил Гинсберг, медитация может перенести сознание на более высокий уровень, чем любое наркотическое средство. В 1972 году Гинсберг официально стал буддистом, приняв обет бодисаттва. Через два года совместно с поэтессой Анной Уальдмен Гинсберг организовал школу «Внетелесной поэтики» имени Джека Керока, как отделение Института Наропа. Как он объяснял, «Трунгпа хотел, чтобы поэты были в Институте, чтобы вдохновлять буддистов на неустанное укрепление своей веры, тем более, что присутствие большого количества буддистов заставляло поэтов высоко ценить каждое сказанное или написанное слово».

Аллен Гинсберг был поэт, воспевший любовь геев, один из основоположников как американской поэзии, так и голубого движения. Его сексуальная направленность не вызывала сомнений и не менялась, его активная деятельность в антивоенном движении шестидесятых годов гарантировала, что влиятельный голос этого гея будет услышан миллионами людей в наши беспокойные времена. Сейчас он скромно живет в небольшой квартире в Лоуэр Истсайде в Манхэттене, вкладывая почти все свои баснословные доходы всемирно известного поэта в созданную им школу «Внетелесной поэтики» имени Джека Керока. Почетный член NAMBLA — «Североамериканской Ассоциации Любви Мужчина — Мальчик», — Гинсберг продолжает напористо действовать на переднем фронте движения геев.

68. МАРЛЕН ДИТРИХ

note 90

Марлен Дитрих родилась 27 декабря 1901 года в Берлине. Ее отец служил в полиции, а мать была из семьи купцов. Будучи ребенком, Дитрих называла себя Паулем, надеясь, что больше похожа на отца, чем на мать. В шестнадцатилетнем возрасте она дебютировала как виолончелистка на карнавале Красного Креста. В 1918 году она закончила школу Августы-Виктории для девочек и в следующем году поступила в Веймарскую консерваторию по классу виолончели. Травма запястья похоронила ее надежды на музыкальную карьеру. Она вернулась в Берлин, где начала заниматься в драматической школе Макса Рейнхарта. Ее первым фильмом был «Маленький Наполеон» (1923). В следующем году она вышла замуж за Рудольфа Шайбера, и у них родилась дочь. Именно ее муж первым предложил Марлен носить мужскую одежду и монокль во время спектаклей. Во время одного из подобных сценических шоу ее партнерша Клэр Вальдофф вовлекла ее в лесбийский секс, кроме того, ей приписывается то, что она научила Марлен красиво петь, не имея настоящих вокальных данных.

К счастью, Марлен была замечена австрийским продюсером Джозефом фон Штернбергом, который предложил ей роль Лолы-Лолы, певицы кабаре в фильме «Голубой ангел» (1930). Успех, который фильм вызвал у критики, значительно укрепил репутацию обоих. Они оба отправились в Соединенные Штаты, где вместе сняли серию замечательных картин: «Марокко» (1930), «Обесчещенная» (1931), «Венераблондинка» (1932), «Шанхайский экспресс» (1932), «Кровавая императрица» (1934). Штернберг тщательно культивировал мужеподобный облик Марлен. Как он писал: «Я видел, как она носит мужской костюм, высокую шляпу и подобные вещи еще в Берлине, и именно такой я показал ее (в фильме «Марокко»). Предметы мужского туалета она носила с большим шармом, и я не только хотел слегка коснуться ее сексуальных ориентиров, но также продемонстрировать, что ее чувственная притягательность обусловлена не только строением ее ног».

Ноги Марлен Дитрих… Как-то она высказалась о них:

«Мои ноги, всегда мои ноги. По мне, они служат только одной цели — они позволяют мне ходить».

Тем не менее они стоили миллионов долларов.

Когда к власти пришел Гитлер, нацисты попросили Дитрих вернуться в Германию и продолжить свою карьеру на родине. Ходили слухи о том, что Гитлер предложил ей быть его любовницей. Она возражала, однако настаивая на том, что вернется на родину только в том случае, если Штернбергу, который был евреем, будет позволено вернуться вместе с ней в Германию и в дальнейшем он по-прежнему будет продюсером ее фильмов.

Последний фильм, снятый Штернбергом и Дитрих вместе, был «Дьявол — это женщина» (1935). Он стал таким коммерческим крахом, что Дитрих называли «билетная касса с ядом». Следующим был «Дестри едет снова», снятый лишь в 1939 году. Во время второй мировой войны Марлен поддерживала движение групп Сопротивления Франции, Италии и Соединенных Штатов. Кроме того, она создала антифашистское радиовещание в Германии. За это она была награждена американской медалью «За свободу».

После войны она сыграла главные роли в таких фильмах, как «Боязнь сцены» (1950), «Ранчо Ноториус» (1952), «Свидетель обвинения» (1957), «Прикосновение зла» (1958), «Нюрнбергский процесс» (1961). Ни один из этих фильмов не имел ничего общего с теми, которые они снимали вместе со Штернбергом в тридцатых годах. Ее последним фильмом стал «Просто Жиголо» (1979). Начиная с пятидесятых годов Дитрих неоднократно появлялась в многочисленных успешных мюзиклах и «Шоу одной женщины» на Бродвее.

Хотя она никогда не разводилась со своим мужем, большую часть жизни они прожили врозь, и были известны многочисленные романы Дитрих, как с мужчинами, так и с женщинами, среди которых можно упомянуть голливудскую сценаристку Мерседес де Акоста (чей роман с Гретой Гарбо в свое время очень нашумел), и певицу Эдит Пиаф. В путешествиях семидесятитрехлетнюю Марлен Дитрих сопровождала двадцатилетняя канадка Жинетт Вахон.

Свои последние годы Марлен провела в Париже, где и умерла 6 мая 1992 года.

Критик Кеннет Тинан так объяснял притягательность Марлен Дитрих: «У нее был секс, но не было определенного пола», упомянув, что она была «единственной женщиной, которой было позволено посещать ежегодный бал для мужчин-трансвеститов в догитлеровском Берлине. Она привычно переодевалась в высокую шляпу, белый галстук и фрак. Увидев однажды, как два экстравагантных создания, одетые в вызывающие блестящие

платья и белокурые парики, спускаются по главной лестнице, она, широко округлив глаза от удивления, спросила: «Вы любите друг друга?» «Фрейлен, — ответил один из них холодно, — мы не лесбиянки!» Марлен не живет в сексуальном мире мужчин, но также ее нет и в мире женщин. Она внешне весьма сексуальна, но лишена глубины внутреннего ощущения. Все ее искусство состоит в игре в сексуальность. Видимость — это имидж, а имидж — это призыв. Для каждого мужчины она любовница и мать, для каждой женщины — любимая и тетка, и никому не муж, кроме Руди, а он ее муж, живущий далеко на ранчо в Калифорнии».

Заслуга Марлен Дитрих состоит в том, что она представила американской аудитории континентальную традицию, известную как «гарсон»: озорной мальчишка (девчонка), которыми были наводнены Париж и Берлин двадцатых— тридцатых годов. Ее широко известные белый галстук, фрак и высокую шляпу часто берут на вооружение и по сей день такие разные актеры театра и кино, как Лайза Минелли, Джули Эндрюс, Энни Леннокс. И действительно, ее нарочитая мужественность полна очарования, она стала неотъемлемой частью нашей культуры.

69. КВЕНТИН КРИСП

note 91

«В году 1908, — писал Квентин Крисп, — один из самых больших, когда-либо известных в мире, метеоритов упал на Землю. Он потерялся. Где-то в Сибири. Я родился в Саттоне, графство Суррей». Его настоящее имя — Деннис, — «пока я его не перекрасил». Все детство он бесконечно и изобретательно искал внимания своих родителей, которые не были бедны, но постоянно пребывали в долгах. В своих воображаемых играх с соседскими девочками он впервые познал то, что впоследствии назвал «экзотическим, длящимся всю жизнь, обмороком»: «для меня фантазия и реальность были не просто разными, они были противоположными. В одной я был женщиной, экзотической и страстной, в другой — мальчиком. Пропасть между этими двумя состояниями никогда не сужалась».

После окончания начальной школы он отправился «с очень маленькой стипендией в государственную школу на границе Стаффордшира и Дербишира… Она выглядела как нечто среднее между тюрьмой и монастырем. Именно такой она и была». В эти четыре года пребывания в школе он понял единственную вещь, которая ему пригодилась во взрослой жизни: «обнаружил, что мой самый главный дар — это непопулярность». После окончания школы он поступил в Королевский колледж в Лондоне, где изучал журналистику, но степени так и не получил. Вернувшись домой, он принялся слоняться по улицам лондонского Уэст Энда — и обнаружил, что не одинок в этом мире. Он и ему подобные собирались в кафе, которое они называли «Черный кот», где в своих женоподобных одеяниях часами пили свою традиционную чашку чая, ощущая на губах губную помаду друг друга. Когда они высыпали из кафе, то бродили по окрестным улицам «в поисках любви или денег, или того и другого». Потерпев неудачу на каком-нибудь из поприщ, они возвращались в кафе, чтобы подкрасить губки.

Единственная вещь, которая беспокоила Криспа, была грубость, неизящность той ситуации, в которой он находился: «ухаживания состояли в прогулке по улице с мужчиной, который небрежно сжимал мой локоть, пока мы не подходили к темной двери. Затем он говорил: «Ну, теперь давай!» Это были единственные нежные слова, когда-либо обращенные ко мне».

Именно в это время Крисп решил стать миссионером. «Идея, которую я хотел донести до всех, состояла в том, что женоподобность существует в людях, которые во всех остальных аспектах абсолютно нормальны. Я жил своей обычной жизнью, нарочито выставляя себя гомосексуалистом». Беспримерное мужество, почти сумасшествие такого жеста не прошло для него бесследно. Пытаясь выглядеть, как женщина, он начал наносить макияж, отрастил ногти и укладывал свои отросшие волосы в умопомрачительные прически. Он продолжал жить дома, а когда его родители переехали в Хай-Уикомб, поехал вместе с ними. Там он некоторое время посещал Школу искусств, где добился небольшого успеха: педагог принял его скетч «Лягушка», чтобы заполнить пробелы в концерте. В 1931 году он покинул родительский дом и поселился в отдельной квартире в Барон Корт, где стал жить жизнью бедняка квартала Сохо («это исходило из того, что я имел амбиции гения, но не было таланта»). Тем временем его внешний облик поменялся из женоподобного на эксцентричный: «бледный от пудры и с яркой помадой на губах, я шествовал по узким улицам Пимлико с моим пальто, запахнутым вокруг меня, как будто это была накидка из горностая. Я вынужден был идти, как мумия, покидающая свою гробницу».

Публика реагировала с яростью, пытаясь плюнуть ему в лицо, когда он стоял на остановке автобуса, наступала ему на ноги, когда он был в сандалиях, преследуя его всей толпой. Иногда его просто избивали.

Он был изгоем. Он был миссионером. Великая работа началась.

Он поменял несколько случайных работ и не меньше комнат. Как он писал: «Жизнь была веселой штукой, которая встретилась мне по пути к могиле». Потом началась война. «Разлученный с хорошей косметикой, — вспоминал он, — я заставил себя игнорировать войну настолько, как только мог». Его все-таки призвали на службу в армию, и он предстал перед медицинской комиссией. «Вы покрасили волосы, — констатировал врач, — это признак сексуальной перверсии. Вы знаете, что означают эти слова?» Крисп ответил, что, конечно, знает. Армия, твердо сказали ему, никогда в нем нуждаться не будет.

Именно во время войны он начал работать натурщиком. «Для этого не требовалось ни способностей, ни образования, ни рекомендаций и никакого предыдущего опыта… Продолжалась война, и я был практически единственным мужчиной, у которого было две руки и две ноги». Война стала для него благом.

«Зажатый в кулак любви и смерти, которым святой Адольф

грозил английским Палатам, — опаленный этими долгими и темными двадцатью пятью годами, — мистер Рузвельт начал с олимпийским спокойствием демонстрировать американские силы. Эта армия нового качества, которая (не) оккупировала страну, текла по улицам Лондона подобно сливкам по клубнике, как подтаявшее масло по зеленому горошку. С этикеткой «С любовью от дяди Сэма» и упакованные в свои униформы так туго, что в них их владельцы не смогли бы сражаться ни за что, кроме своего гонора. Эти «посылки для Британии» слонялись вдоль фонарей Шафтсбери Авеню или сидели на ступенях тонкогубых статуй умерших английских государственных мужей. Когда они сидели в кафе или стояли в пивных, их тела стремились через каждую натянутую нить униформы к нашим лихорадочным рукам. Их голоса были, как теплое молоко, их кожа — нежна, как дорогой индийский шелк, а их глаза сияли, как алмазы. Кроме того, свобода их нравов была так чудесна. Никогда в истории секса так много не предлагалось такому большому количеству людей таким малым количеством».

К несчастью, все хорошее быстро кончается. И послевоенные годы были ужасны. Кроме того, Квентин Крисп старел. Он начал красить свои волосы синькой. Он стал одним из самых значительных геев в Англии.

Появление в 1968 году его грешной и смешной автобиографии под названием «Обнаженный гражданский служащий» принесло ему в конце концов после всех лет нищеты в Сохо широкую известность. Телевизионная версия с Джонон Хертом в главной роли завоевала призы и награды. Крисп стал, вероятно, самым известным геем в мире, «цеховым мастером» определенного типа гомосексуальности, высшего класса, смертельно раненный, но всегда жизнерадостный. Успех первой книги продолжили такие, как «Любовь все делает легким» (1977), «Chog: готическая басня» (1980), «Как стать девственницей» (1982). Он выехал в Америку, чтобы совершить турне с популярным «Шоу одного актера», и влюбился в эту страну. Он был нарасхват.

Возможно, кульминация длинной карьеры Криспа наступила после его кинодебюта в 1992 году в фильме Салли Портер «Орландо», посредственной экранизации новеллы Вирджинии Вульф, которую восьмидесятипятилетний Квентин Крисп ненавязчиво превратил в шоу своим появлением в роли постаревшей королевы Елизаветы I. Это был звездный час для самой лучшей английской королевы.

Квентин Крисп заслужил свое место на страницах этой книги, как мужественный, яростный воин на передней линии

непрекращающейся борьбы геев и лесбиянок просто за право существования. Постоянные удары, издевки, физическая грубость, которые он встречал на своем нелегком, неповторимом пути, позволили ему придать идеалам гражданской непокорности и тихого протеста абсолютно новое значение. Бог да благословит тебя, Квентин!

70. Х.Д.

note 92

Хильда Дулитл родилась 10 сентября 1886 года в Бетльхеме, штат Пенсильвания. Ее отец был профессором астрономии, а мать происходила из семьи, принадлежащей к религиозной секте «Моравских братьев», основанной в XVIII веке, чьи ритуалы оказали огромное влияние на воображение юной Х.Д. Свое образование она в основном получила в частных школах, затем поступила в колледж Брин Мор, где проучилась всего полтора года и из которого ушла не из-за легкого вывиха, как она любила говорить, а из-за того, что была весьма слаба в английском. Следующие пять лет она провела дома, читая греческую и латинскую литературу и занимаясь поэзией. Кроме того, она влюбилась во Фрэнсиса Грега, друга семьи. Все это время она много общалась со своим соседом Эзрой Паундом, который был на год ее старше. Он воодушевлял ее на занятие поэзией, и, когда он уехал за границу в 1908 году, она последовала за ним, осев в 1911 году в Лондоне. Вскоре у них состоялась помолвка, однако в 1913 году она вышла замуж не за него, а за поэта Ричарда Олдингтона. Несмотря на это, с Паундом они оставались близкими друзьями. В 1914 году он включил три ее стихотворения в свою книгу «Des Imagistes». По его предложению, она подписывала свои стихи «H.D. Imagiste». Вместе с Олдингтоном они создали имажинистское направление в поэзии. Их цель, как они обозначили в своем «Имажинистском кредо», состояла в том, чтобы «производить поэзию — тяжелую и чистую, которая была бы ни неясной, ни неопределенной… Концентрация — это самая суть поэзии».

Годы первой мировой войны привели Х.Д. на край отчаяния. У нее произошел выкидыш, ее любимый старший брат был убит в сражении, брак с Олдингтоном распался, отец умер. «Смерть, — писала она в это время, — смерть везде, вокруг нас!» Оставшись одна со своим горем, она поняла, как одинока, к тому же она была тяжело больна и снова беременна. Именно в этот момент в ее жизнь вошла Энни Уинфред Эллерман. Дочь одного из самых богатых людей в Англии, «Брайер», как она сама себя называла, прочитала первую книгу стихов Х.Д. «Морской сад» (1916). И не только прочитала, но и выучила наизусть. Хотя она и была замужем, брак был несостоятельным, поскольку мужем ее был

американский писатель-бисексуал Роберт Мак-Алмон. Брайер со всей страстью своей натуры полюбила Х.Д. «Так сумасшедше, — писала Х.Д. о первой встрече с Брайер, — что ужасно. Ни один мужчина никогда за мной так не ухаживал». Брайер хотела заботиться о поэтессе и ее новорожденной дочери Пердите, и Х.Д. приняла эту заботу, хотя и неохотно. Они вместе совершили путешествие в Грецию в 1920 году, в Египет в 1923 году, пока более или менее основательно не осели в Швейцарии. Выход в свет книги «Избранные стихотворения» (1925) упрочил репутацию Х.Д. как одного из самых великих поэтов современности. В эту книгу вошли несколько стихотворений, основанных на фрагментах из Сафо. В течение следующих пятнадцати лет Х.Д. опубликовала, кроме поэзии, еще и рассказы, включая «Palimpsest» (1926), «Hedylus» (1928),драму в стихах «Hi ppolytos Temporizes» (1927) и ряд высокохудожественных переводов, включая «Ион» Эврипида (1937).

Казалось, она не была полностью удовлетворена своим отношением к Брайер, но понимала, что обязана ей своей жизнью. В 1926 году она вступила в связь с Кеннетом Мак-Ферсоном, которую разведенная к этому времени и чрезвычайно богатая Брайер уничтожила на корню, предложив ему себя, что вылилось, по словам Х.Д., в «очень ровные, классические и мирные отношения с Брайер и Мак-Ферсоном. Я приняла их. Но временами я была очень одинока, и они не могли этого не понимать».

Вследствие продолжающейся депрессии Х.Д. в 1933 году отправилась в Вену, чтобы пройти курс психоанализа у Зигмунда Фрейда. В своей книге «Благодарность Фрейду» (1956) она писала: «Я не могла точно понять, чего я хотела, но я знаю, что я, как и большинство людей, которых я знала в Англии, Америке и Европе, плыву по течению… Я буду (пока течение непредсказуемых событий не вынесет меня прямо в основной поток, вплоть до самого водопада) стоять в стороне, покуда смогу (только бы не было слишком поздно) критически оценивать то, что я имею. Вы могли бы сказать, что у меня было нечто, — да, у меня было то, чем я точно владела. Я владела собой. На самом деле — конечно нет. Моя семья, мои друзья, мои обстоятельства владели мной. Но кое-что у меня было. Предположим, это было узкое каноэ… В то время, когда течение набирает силу, я по крайней мере могла бы выбраться на отмель, пока еще не слишком поздно, и осмотреть свои очень скромные владения ума и тела, и попросить старого Гермита, который живет на краю этого широкого пространства, поговорить со мной, рассказать мне, если он захочет, какой путь мне лучше выбрать». Занятия со

старым Гермитом были успешными; особенное впечатление на Х.Д. произвела его способность понимать сны, как универсальный язык. Кроме того, они были вполне откровенны. Фрейд объявил, что она (Х.Д.) все еще живая, что она истинный бисексуал.

Во время второй мировой войны Х.Д. жила в Лондоне и выпустила три книги стихов: «Стены не падают» (1944), «Благодарность ангелам» (1945), «Цветение жезла» (1946). После войны она вернулась в Швейцарию к Брайер. В последний год своей жизни поэтесса издала экспансивную поэтическую секвенцию «Елена в Египте» (1961). В 1960 году она первая среди женщин была награждена медалью Мерит в номинации «поэзия», присуждаемой американской Академией искусств.

Она умерла 27 сентября 1961 года в Цюрихе в Швейцарии.

Карьера Х.Д. была очень продолжительной и разнообразной. Как поэт она ушла далеко вперед от своих ранних имажинистских стихов, которые и принесли ей славу. Некоторые из ее произведений, опубликованные при жизни, не имели очевидного лесбийского содержания, однако три неопубликованных автобиографических романа, написанные ею в двадцатые годы, не оставляют сомнения в ее сексуальной ориентации: «Нарисуй это сегодня» (1921), «Асфодель» (1921—1922), «Ей» (1927), опубликованная в 1981 году под названием «Гермиона». Работы Х.Д. привлекали внимание современных читательниц-лесбиянок, которые находили, что она обновляет классические мифы, приспосабливая их к современным условиям. Именно вследствие непреходящего интереса этого круга читателей к литературе Х.Д. я позволил себе включить очерк о ней в эту книгу, оставив за бортом таких известных поэтесс-лесбиянок XX века, как Эми Лоуэлл, Эдна Сент Винсент Миллэй и Элизабет Бишоп.

71. ДОКТОР С. ДЖОЗЕФИНА БЕЙКЕР

note 93

Сара Джозефина Бейкер родилась 15 ноября 1873 года в Пафкипсе, штат Нью-Йорк. Ее отец был адвокатом, а мать закончила колледж Вассар. Когда Бейкер было шестнадцать лет, ее отец умер от тифа. Обнаружив, что финансовое состояние семьи на грани краха, мать Бейкер все-таки ухитрилась собрать достаточную сумму, чтобы дочь имела возможность продолжить образование. В 1898 году Джозефина получила степень доктора медицины, окончив Женский медицинский колледж в Нью-Йорке при больнице для женщин и детей. После интернатуры, которую она в течение года проходила в госпитале Новой Англии в Бостоне, она вернулась в Нью-Йорк, чтобы приступить к медицинской практике, начав ее со службы в качестве медицинского инспектора городского департамента здоровья. Приставленная к «Адской кухне» и городскому сброду, она позднее писала: «Я поднималась по лестнице, стучалась в одну дверь за другой, встречалась с пьяницей после пьяницы, с одной нерадивой матерью за другой, уходя от одного умирающего ребенка к другому».

Обеспокоенная высокой детской смертностью в городе, она в 1908 году организовала Центр детской гигиены, первое публичное учреждение в мире, целью которого была просветительская и профилактическая деятельность по охране детского здоровья и модели подобных программ по всем Соединенным Штатам. Сначала врачи-мужчины отказывались работать с ней, но постепенно она одержала над ними верх. Подчеркивая важность профилактической медицины, доктор Бейкер ввела программы здоровья в публичных школах, клиники здоровья для детей и специальные школы акушерок. За первые пять лет работы по проекту детской гигиены детская смертность в Нью-Йорке упала со 144 до 105 на тысячу новорожденных детей. К 1923 году, когда доктор Бейкер ушла с этого поста, детская смертность составляла 66 на тысячу родившихся. Статистики утверждали, что за промежуток времени между 1908 и 1923 годом благодаря Бейкер удалось сохранить более 82 тысяч детских жизней.

В 1916 году ее пригласили прочитать ряд лекций по детской гигиене в университете Нью-Йорка. Она читала лекции в течение

пятнадцати лет, но не имела права поступить в этот университет, поскольку университет допускал женщин в качестве педагогов, но не в качестве студенток. Учитывая ее заслуги, Нью-Йоркский университет присудил ей в 1917 году звание профессора в области общественного здоровья — первое подобное звание, когда-либо присуждаемое женщине.

После ухода со службы в 1923 году доктор Бейкер служила представителем Лиги Наций по делам изданий о детском здоровье. Она написала более двухсот пятидесяти статей и пять книг о детской гигиене, а 1939 году опубликовала свою автобиографию под названием «Борьба за жизнь».

Писательница И.А.Р. Уайл, в также опубликованной в 1939 году автобиографии «Моя жизнь с Джорджем: чуждая условностей биография», дает нам редкую возможность заглянуть не только в частную жизнь доктора Бейкер, но также и в жизни трех «женщин-профессионалок своего дела», которые жили вместе в тридцатые годы:

«Где-то в эти первые годы я встретила доктора С.Джозефину Бейкер, которая, казалось, уже прочитала «Навстречу утру» и мечтала встретиться с ее автором. К сожалению, я не имела ни малейшего представления о том, кем она была и какое уникальное место она занимает в медицинском мире и общественной жизни Нью-Йорка. Я никогда не слышала об уровне детской смертности и, конечно же, ничего не знала о том, что она сделала для ее снижения. Это было мое первое знакомство с этой проблемой. Вопрос «Вы все еще практикуете, доктор Бейкер?» — вызвал у нее нескрываемую дрожь. Однако мы встретились снова, и она простила мне мою жуткую неосведомленность. Мы стали вместе снимать квартиру в Нью-Йорке, и спустя многие годы доктор Луиза Пирс из Института Рокфеллера и проблем африканской сонной болезни присоединилась к нам, переехав к нам в Принстон…»

Джо Бейкер покинула государственную службу, оставаясь лишь в нескольких общественных комитетах (в дюжине или около того), и отдалась полностью ведению домашнего хозяйства, как бы пытаясь доказать всем и самой себе, что с этим она справится не хуже, чем с государственной службой в Центре детской гигиены. И ей это удалось…

Итак, мы все трое были вполне счастливы, и, надеюсь, не без причины довольны друг другом.

Я не представляю, что о нас думал Принстон. Ходили слухи, что нас называют «девчонками». Если так, то сейчас я знаю слишком много об американском слэнге, чтобы не быть уязвленной. Нам можно было бы дать и другое определение,

которое бы мы приняли с благодарностью. Три деловые женщины, две из которых добились значительных успехов на медицинском поприще и были достаточно уважаемы в своей области, которые дружно и весело жили вместе, представляют из себя странный феномен, особенно для университетского города, чей взор обращен только на талантливых. Доктор Бейкер являет собой классический пример женщины, существующей в лесбийском окружении: мы никогда не узнаем, возможно, нам это и не нужно, имела ли она половые контакты с другими женщинами. Для нас достаточно того, что она, женщина первой половины XX века, сумела сделать блестящую профессиональную карьеру в мире мужчин, несмотря на огромные препятствия. мужчин».

Доктор С. Джозефина Бейкер умерла 22 февраля 1945 года в Нью-Йорке. К этому времени более половины детей, ежегодно рождающихся в этом городе, получали помощь на «Станциях здоровья», которые она организовала по всему городу. Ее заслуга в том, что она сфокусировала внимание на здоровье женщин и детей таким образом, что медицина во всем мире впервые обратилась к профилактике заболеваний и личной гигиене. «Культурная феминистка» в традициях Джейн Адамс, Бейкер добилась успеха на этом поприще, превратив борьбу за здоровье отдельной личности в борьбу за здоровье общества, положив начало движению, которое продолжается во всем мире и по сей день. Если бы не она, может быть, многих из нас не было бы на этом свете.

72. РОУМЭЙН БРУКС

note 94

Роумэйн Брукс, урожденная Роумэйн Мэри Годдард, родилась 1 мая 1874 года в Риме. Ее родители были очень богаты, но детство ее, как считают, было чрезвычайно несчастливым. Ее мать-садистка (которую бросил муж незадолго до рождения дочери) обращалась с ней, как со служанкой, уделяя больше внимания и заботы ее брату, который с самого раннего возраста был душевнобольным. В 1895 году Брукс уехала в Париж, чтобы вырваться из домашнего ада и изучать музыку. Спустя год она вернулась в Рим и посвятила год занятиям живописью. Позднее она сняла студию на острове Капри, настоящем раю для артистов и художников. Некоторое время она была замужем за Джоном Эллингтоном Бруксом, красивым геем, который уехал из Англии после суда над Оскаром Уайльдом. Говорят, что у нее также была непродолжительная связь с бывшим любовником Уайльда, лордом Альфредом Дугласом.

В 1902 году умерли ее брат и мать. Три года спустя, оставив мужу приличную ренту, Брукс отрезала волосы, надела мужское платье и вернулась в Париж, где начала писать портреты, которые вскоре принесли ей известность. Ее огромное богатство освобождало ее от нужды быть деликатной со своими клиентами: ее не беспокоило, купят ее работу или нет. Ее необыкновенная способность сверхправдиво изображать внешность человека привела к тому, что художницу стали называть «похитителем душ». Она подружилась с писателем Габриэлем Д'Аннунцио и его любовницей, танцовщицей Идой Рубинштейн, став любовницей их обоих и используя Иду как модель для многих своих работ. Художественный критик Эммануэль Купер писал: «Все обнаженные натуры Брукс имеют особую идеализацию тела, которая так же полно отражает духовные качества, как и плоть, и кровь. Бледные, худые, обескровленные натуры, с маленькими недоразвитыми грудями, с полным отсутствием волос на лобке и чахлым телом похожи скорее на мальчиков, чем на женщин. Их обнаженность, которая сочетает эротизм и символизм, придает им особую чувственность, но именно она и уводит от смертельного и физического желания…» Глядя на эти картины, один из современных обозревателей заметил, что создается впечатление, будто «душа идентифицируется с плотью»». На

работы Брукс огромное влияние оказало эстетическое движение.

В 1915 году Брукс встретила и полюбила писательницу и хозяйку салона Натали Барни. Их отношения продлились пятьдесят лет. Они вместе написали роман «Тот, кто был в легионе, или Последующая жизнь А.Д.», которую издали на свои деньги в Лондоне в 1930 году с иллюстрациями Брукс. В течение этих лет Брукс создала портреты многих знаменитых лесбиянок — посетительниц салона Барни, включая такие, как «Амазонка», изображающий Барни, «Леди Уна Траубридж» — портрет любовницы Рэдклифф Холл. Последняя позже взяла ее прототипом для героини своего романа «Горн» — художницы Венеции Форд. В 1920 году Брукс была награждена французским правительством орденом «Почетного легиона».

Никогда особенно не любившая салонную жизнь, в середине двадцатых годов Брукс покинула высший свет парижского общества. Они с Барни построили дом недалеко от Бьюваллона. На самом деле это были два отдельных дома, соединенных общей столовой. Они назвали его «Вилла через дефис». Эта архитектурная деталь очень много говорит нам об их взаимоотношениях. Они часто физически были разлучены, однако состояли в тесной эмоциональной связи, несмотря на множественные связи Барни в течение всех этих лет.

С началом второй мировой войны Брукс и Барни переехали в Италию, где в комфорте переждали войну на вилле Сан Аньезе во Флоренции. Согласно Джорджу Уиксу,«журнал, который Роумэйн хранила всю войну, показывает, что она… симпатизировала фашизму и так боялась русских, что надеялась на то, что Германия победит их».

После войны Брукс и Барни жили врозь. Барни в Париже, Брукс в основном в Ницце, проводя лето во Фьезоле, недалеко от Флоренции. Из них двоих Брукс была более честной, и в конце концов после сорока лет колебания Барни разрушила их отношения. В 1968 году в возрасте девяноста четырех лет эксцентричная Брукс, страдающая все усиливающейся паранойей, пресекла их отношения, отказавшись иметь хоть какое-нибудь дело с Барни до конца жизни.

Она умерла в декабре 1970 года.

После второй мировой войны Брукс как художницу постигло забвение, но ретроспективная выставка 1971 года возобновила интерес к ее творчеству, а художественный критик Хилтон Крамер заявил, что выставка является «еще одним напоминанием, что история американского искусства нашего века еще не дописана». К этому времени внимание феминисток обратилось к вопросу, почему нет «великих» художниц-женщин. И забвение

Брукс, так же, как и ее предшественницы, художницы XIX века Розы Бонэ, служит ярким примером того, как талантливые женщины-художницы низводятся ориентированной на мужчин историей искусства до состояния тени. В семидесятых годах холодный лесбийский стиль картин Брукс действовал как потенциальная контрсила против более грубой, приземленной эстетики, которая превалировала в определенных лесбийских кругах того времени. Живопись Роумэйн Брукс придала лесбиянкам некоторую долю обаяния.

73. БЕНДЖАМИН БРИТТЕН

note 95

Бенджамин Бриттен родился 22 ноября 1913 года в Лоустофте в графстве Саффолк в Англии. Его отец был хирургом-стоматологом, а мать певицей-любительницей. Музыкальность Бриттена проявилась очень рано. Он начал музицировать в возрасте пяти лет, и к четырнадцати годам уже сочинил десять сонат для фортепьяно, шесть струнных квартетов, три фортепьянных сюиты и ораторию. Он занимался по классу фортепьяно и виолончели. С 1928 по 1930 год Бриттен посещал школу Грехама, в графстве Хольт, а затем Королевский музыкальный колледж в Лондоне, где он учился вместе с композитором Френком Бриджем. Окончив Королевский колледж, Бриттен стал профессиональным композитором. Время от времени он сочинял музыку для документальных фильмов. Над двумя из этих документальных фильмов «Лицо угля» и «Ночная почта» он работал вместе со своим школьным товарищем из Грехама, поэтом-геем У.Г.Оденом. Эта дружба оказала большое влияние на Бриттена.

Первый успех пришел к Бриттену в 1937 году, когда он написал свои «Вариации на тему Френка Бриджа». Но этого было недостаточно, чтобы снизить растущее чувство неудовлетворенности, вызванное критическим настроением к нему в Англии. В мае 1939 года он уехал из Англии в Соединенные Штаты. С ним вместе уехал молодой тенор Питер Пиерс, которого он впервые встретил в 1937 году и с которым ему суждено было прожить до конца жизни.

К тому времени Оден тоже переехал в Америку, и в 1941 году Бриттен вместе с ним сочинил первую оперу «Поль Буньян». В 1942 году, обеспокоенные обстановкой в Англии, которая сложилась в ходе второй мировой войны, Бриттен и Пиерс решили вернуться на родину, переплыв на маленьком шведском торговом корабле через Атлантику, напичканную немецкими подводными лодками. Объясняя их общее нежелание идти на военную службу, Бриттен заявил: «Всю свою жизнь я посвятил актам созидания (будучи композитором), и я не могу принимать участие в актах разрушения». Эта пацифистская линия будет сильным компонентом его музыки.

Его следующая опера «Питер Граймс» (1945) имела

ошеломляющий успех. Критики заявили, что она открывает новый век английской оперы. Бриттена вскоре стали называть наиболее значительным композитором со времен сэра Эдварда Элгара (конец XIX века), может быть, даже со времен Генри Перселла (XVII век). Написанная для Питера Пиерса с его неподражаемо высоким чистым голосом опера «Питер Граймс» рассказывает историю об одном рыбаке-интраверте, который подвергнулся остракизму со стороны местного общества после того, как три его юных помощника умерли в таинственной последовательности. Музыкой, время от времени то темной, то светлой, Бриттену удалось показать трогательную драму социального конформизма и изоляции индивидуума. В опере ясно прослеживаются мотивы, подчеркивающие гомоэротический акцент в отношениях Граймса с его учениками.

Успех «Питера Граймса» продолжила серия опер, в большинстве которых главные партии исполнял Пиерс: как трагикомический герой в комической опере «Альберт Херринг» (1947), капитан Вир в «Билли Бадде» (1951), написанной по либретто Е.М. Форстера, граф Эссекский в «Глориане» (1953), сексуально двусмысленный Питер Квинт в «The Turn of the Screw» (1954), сумасшедшая женщина в «Реке Курлю» (1964) и Густав Ашербах в «Смерти в Венеции» (1973). В этой последней опере, по новелле Томаса Манна, Бриттен, наконец, дает полное музыкальное и драматическое выражение гомосексуальности, которая время от времени уже слегка проявлялась во многих его сценических постановках.

Бриттен и Пиерс вели очень напряженную профессиональную жизнь. Их друг Вульф Шершен оставил нам воспоминания об их отношениях: «Питер Пиерс помогал Бенджамину, когда тот готов был «сойти с рельсов» или только возникал на это намек. Он был мудрым человеком «второго плана»… Он имел тот дух стабильности, которого не было в Бене. Я имею в виду то, что Бен был кипучим, непредсказуемым, а Питер был тихим, основательным человеком».

Среди тех писем, что сохранились из их переписки во время непродолжительных разлук, есть одно письмо Пиерса, датированное 1940 годом: «Было так чудесно получить твое письмо… Я был так опечален тем, что ты простужен и в депрессии, что хотел прыгнуть в самолет, чтобы перелететь к тебе и тут же успокоить, я бы всего тебя зацеловал, а потом всего тебя «blown», а потом… и… и тогда ты бы стал теплым, как тост!.. Ich liebe dich, Io t'amo, Jeg elske dyg (?), Je t'aime, мой маленький белобедрый красавец, я ужасно люблю тебя».

Их союз был одним из самых выдающихся в этом столетии.

Кроме опер, специально для Пиерса были написаны три церковных песни, «Les Illuminations» для тенора, рожка и струнного оркестра (1939) на основе поэзии Рэмбо, и «Семь сонетов из Микеланджело» для тенора и фортепьяно (1940).

Одной из наиболее важных работ в блестящем творчестве композитора является монументальный «Военный реквием» (1962), в котором величественная тема католической Мессы Мертвых постоянно перебивается откровенными интимными вставками поэта-гея Уилфрида Оуэна (который был убит всего за несколько дней до окончания первой мировой войны).

В 1947 году Бриттен купил дом в Альдебурге, небольшом городке в графстве Саффолк, где был впервые поставлен «Питер Граймс», недалеко от дома его детства. В следующем году он организовал ежегодный Альдебургекий фестиваль искусств, который стал одним из главных фестивалей искусств всего мира. В 1976 году королева Елизавета II пожаловала ему звание пэра — лорд Бриттен из Альдебурга. Бриттен умер 4 декабря 1976 года в Альдебурге. Питер Пиерс пережил его на десять лет.

Бенджамин Бриттен был одним из самых значительных английских композиторов XX столетия. Его оперы и «Военный реквием» громко взывают к чувствам милосердия, пацифизма и взаимопонимания. Затрагивая гейские темы, сначала с большой осторожностью, а с годами все более откровенно, он оказал огромное влияние и подвигнул к творчеству многих талантливых молодых людей. Двадцатое столетие видело целую плеяду замечательных композиторов-геев, которые были, в большей или меньшей степени, «изгоями» всю свою жизнь. Среди них Аарон Копланд, Френсис Поулэнк, Самуэль Барбер, Леонард Бернстайн, Вирджил Томпсон, Ганс Вернер Генце, Нед Рорем, Дэвид Даймонд, Джон Кориглиано и, конечно, величайший гений — Джон Кейдж. Среди всех этих выдающихся композиторов я выбрал Бриттена, благодаря его открытым отношениям с Питером Пиерсом и использованию им в музыке темы геев. Из огромного множества композиторов-геев XX столетия именно Бриттену наиболее успешно удалось сделать это.

74. РИТА МЭЙ-БРАУН

note 96

Родившись 28 ноября 1944 года в Ганновере в штате Пенсильвания, Рита Мэй Браун была удочерена Ральфом и Джулией Браун. В 1955 году семья переехала в Форт Лодердейл, штат Флорида, где Рита училась в старших классах средней школы и там же получила первый сексуальный опыт, как с мальчиками, так и с девочками. Когда ей было шестнадцать, некоторые из ее любовных писем, адресованные школьной подруге, были обнаружены отцом девочки, что привело к исключению Браун из школьного совета и подвергло ее остракизму со стороны друзей. После окончания школы в 1962 году она поступила в университет Флориды, но два года спустя ей пришлось прервать учебу в результате того, что она присоединилась к движению за гражданские права и вступила в конфликт с университетским женским Клубом, резко ответив руководству клуба на обвинение в связи с негром. Говорят, что она сказала: «Мне все равно, кого любить: черного или белого, мужчину или женщину, молодого или старого». Именно ее, Риту Мэй-Браун, дерзкую, яркую и самоуверенную, читатель может узнать в ее романах.

Лишенная стипендии, Браун вынуждена была покинуть стены alma mater. Уехав на север, в Нью-Йорк, она некоторое время жила в старой заброшенной машине вместе с черным геем и беспризорной кошкой. Беби Иисус, как она назвала маленькое пушистое создание, сопровождал ее по жизни последующие семнадцать лет.

Браун начала посещать занятия в нью-йоркском университете и в 1967 году организовала там Студенческую лигу гомофилов. В 1968 году она закончила университет, получив степень бакалавра искусств в области английского языка и классической литературы, а кроме того, сертификат кинематографа в нью-йоркской Школе визуальных искусств. В этом же году она вступила в нью-йоркское отделение Национальной организации женщин (NOW). Она вызвала много споров и разногласий своим заявлением, что NOW должна публиковать статьи о правах лесбиянок в издании, где она сама была соавтором, напечатав радикальное лесбийское эссе «Женщина, выбранная женщиной» (1970). Не понятая осуждающей гемофилию NOW, Браун вышла

из этой организации, чтобы примкнуть к более радикальной феминистской группе «Redstockings». В 1971 году она была членом организационного комитета группы «Furies Collective» в Вашингтоне. Во время пребывания в Вашингтоне она преподавала в колледже и начала работу над докторской диссертацией в Институте по изучению политики (в 1976 году ей была присвоена докторская степень).

В 1973 году небольшое феминистское издательство под названием «Daughters Inc.» опубликовало ее первый роман. Хотя полубиографическая «Rubyfruit Jungle» была отвергнута более известными издательствами, к удивлению, книга разошлась огромным тиражом в семьдесят тысяч экземпляров, и Браун заслужила славу главного борца за движение лесбиянок и геев. В 1977 году издательство «Бентам Букс» купило права на это произведение за четверть миллиона долларов и выпустило триста тысяч экземпляров книги. Браун наглядно доказала, что книги о лесбиянках имеют коммерческий успех, с чем центральные издательства вынуждены были согласиться. Теперь она могла посвятить свое время работе над книгами.

Затем последовали другие романы, включая «Шестеро из одного» (1978), «Южный дискомфорт» (1982), «Внезапная смерть» (1983), «Высокие сердца» (1986), «Хочу, чтобы ты была здесь» (1990). Кроме этого, Браун опубликовала две книги поэзии, перевод шести средневековых драм, принадлежащих перу монаха Гротсвита, сборник эссе под названием «A Plain Brown Rapper» (1976), «Начинай с поме ток: новый тип руководства для писателя» (1988).

В 1978 году Рита переехала в Шарлоттсвилль, штат Вирджиния, где она некоторое время жила с Фанни Флэг (автором «Fried Green Tomatoes at the Wistle-Stop Cafe»). В 1979 году Браун встретила юную теннисную звезду, чешку Мартину Навратилову. Они полюбили друг друга и купили поместье недалеко от Шарлоттсвилля. Их совершенно разные профессиональные занятия вскоре привели к появлению трещин в отношениях женщин, и в 1981 году они расстались. Не в силах справиться с горем в одиночку, Браун переехала в Лос-Анджелес, чтобы начать работать над сценариями для кино и телевидения. Ее сериал 1982 года «Я люблю свободу» (поставленный Норманом Леером) заслужил награду Эмми в номинации «Лучшее варьете-шоу 1982 года». В 1985 году она получила такую же награду за «Длинное жаркое лето». По ее сценариям сделали фильмы «Приятная капитуляция» (1986), «Танцующий стол» (1987) и неудавшийся фильм, поставленный Роджером Корманом, «Slumber Party Massacre» (ее сценарий в данном случае стал

жертвой режиссера).

Рита вернулась в Шарлоттсвилль после многократных неудачных попыток поставить фильм по своей новелле «Rubyfruit Jungle» и начала работу в «American Artists Inc.» — компании, которая приобретала сценарии для кино и телевидения. В 1992 году после десяти лет одиночества у нее завязались широко обсуждаемые в прессе отношения с Джуди Нельсон, предыдущей любовницей Мартины Навратиловой.

Как следует из этой статьи, Рита Мэй-Браун успешно продолжает свою писательскую карьеру, и ее книга «Rubyfruit Jungle» по-прежнему пользуется огромной популярностью. Как одно из первых произведений о лесбийской любви со счастливым концом, книга оказала влияние на огромное количество людей. Более важным, вероятно, представляется то, что широкое коммерческое распространение книги помогло ей найти путь к своему юному читателю (геям и лесбиянкам, одиноко блуждающим в поисках понимания), которые могли бы в ином случае никогда не столкнуться с такой литературой. Книга предлагала им бесценный дар возрождающейся надежды.

75. КЕЙТ МИЛЛЕТТ

note 97

Кейт Миллетт родилась 14 сентября 1934 года в Сент-Поле в штате Миннесота. Ее отец работал подрядчиком, а когда Кейт было четырнадцать лет, сбежал из семьи. Чтобы поддержать семью, мать продала страховку. Кейт поступила в университет Миннесоты, окончив его в 1956 году с магистерской степенью. Затем она два года проработала в колледже Святой Хильды в Оксфорде, за что получила отличные отзывы.

В 1961 году Кейт переехала в Токио, где преподавала английский в университете Вашеда и занималась скульптурой. В 1965 году она вышла замуж за Фумио Йошимуру. По возвращении в Соединенные Штаты она начала активную деятельность в движении за гражданские права и в 1966 году стала одним из первых членов Национальной организации женщин (NOW). Ее первая публикация, памфлет «Предварительное обучение» (1967), была феминистской атакой на программу обучения в женских колледжах. В 1968 году, начиная работу над докторской диссертацией в Колумбийском университете, она поступила на службу в колледж Бернарда в качестве инструктора, но была уволена за активную деятельность в студенческих изданиях за права женщин. Она закончила диссертацию и получила докторскую степень в области английской литературы в марте 1970 года. В августе выдержки из ее диссертации были опубликованы издательством «Doubleday» под названием «Сексуальная политика». Кейт описывала свою работу как «заметки о теории патриархата». Она начинала с утверждения: «Едва ли можно сказать, что коитус может иметь место в вакууме. Хотя сам по себе он является проявлением биологической и физической активности, он так глубоко связан с огромным контекстом человеческих связей, что может служить насыщенным микрокосмосом вариабельности отношений и ценностей, с которыми имеет дело культура». Иными словами, секс политичен, более того, служит орудием давления на женщин. Анализируя различные религиозные, философские, литературные и научные аргументы в пользу превосходства мужчин над женщинами, она выявила их (мужчин) пристрастия, скрытое высокомерие и внутренние противоречия. Она исследовала то, что называла «фаллическим супрематизмом»

трех известных мужчин, «гетеросексуалов», писателей Д.Х.Лоуренса, Генри Миллера, Нормана Майлера, и противопоставила их прославление патриархальных ценностей радикальным взглядам на иерархию западной культуры, которые можно найти в творчестве писателя-гея Жана Жене. Эта публикация всколыхнула феминисток по всей стране, и в первые шесть месяцев было продано восемьдесят тысяч экземпляров брошюры — впечатляющие цифры для диссертации в области философии.

«Сексуальная политика» сделала Миллетт звездой, но также и мишенью для мужской ярости и непримиримости. Мужчины-обозреватели атаковали ее со всех сторон. Ирвинг Хоуи язвил: «Можно четко ощутить, что книга написана женщиной-самозванкой». В этих словах приоткрывалось его скрытое высокомерие. Но подобные нападки были только началом.

Спустя некоторое время наметились конфликты внутри NOW, источником которых была Рита Мэй-Браун. Эту конфликтную ситуацию описали в своей статье Сидней Эббот и Бернис Лав под названием «Сафо была женщиной по праву». На Втором Конгрессе по объединению женщин в 1970 году Браун и еще двадцать женщин сорвали его работу, забравшись на сцену и обвинив женское движение в дискриминации лесбиянок. Затем они призвали женщин, разделяющих их взгляды, присоединиться к ним. Микрофон был объявлен открытым. Миллетт, которая была хорошо известна не только как автор «Сексуальной политики», но и как председатель Комитета по образованию нью-йоркского отделения NOW, взяла микрофон и заявила: «Я знаю, о чем говорят эти женщины. Я была такой же. В некотором отношении я и сейчас такая». Она в первый раз публично заявила о своей сексуальной направленности.

Вскоре, во время работы в составе комиссии на Форуме по сексуальному освобождению, спонсированному геями округа Колумбия, Миллетт был брошен вызов женщиной из группы под названием «Третья мировая сексуальная революция», которая спросила ее: «Почему ты не говоришь открыто, что ты — лесбиянка? Ты лишь сказала, что раньше была ею…»

Миллетт повторила то, о чем она заявляла ранее: что она бисексуальна. Активный деятель движения геев Уэнди Уандерфул отважился сказать: «Я — бисексуал, но меня преследуют за мою гомосексуальность. Поэтому я говорю, что я — лесбиянин», Миллетт ответила: «Да, я это понимаю. Меня также преследуют не за то, что я гетеросексуалка, а за то, что я лесбиянка».

Никто не знал, что в это время репортер из журнала «Тайм» записывал на магнитофонную ленту эти разговоры. 8 декабря

1970 года в журнале вышла статья под названием «Женская свобода: пристальный взгляд», в которой задавались вопросы: «Могут ли феминистки думать трезво? Знают ли они что-нибудь о биологии? А как насчет их зрелости, нравственности, сексуальности?» По иронии судьбы, Кейт Миллетт сама внесла вклад в растущий скептицизм по отношению к этому движению, заявив на недавней встрече, что она бисексуалка. Открытие привело к дискредитации ее как спикера по данным проблемам, вызвало сомнения в ее теориях и придало новые силы тем скептикам, которые по привычке считали лесбиянками всех борцов за права женщин.

Хотя некоторые лидеры NOW, такие, как Бетти Фриден, громко требовали выхода лесбиянок из движения (считая, что лесбийские издания были «вредительством и диверсией» по отношению к «истинным» целям движения). Другие активистки NOW, Ти Грейс-Адкинсон, Глория Шейнем и Сьюзен Браун Миллер, подали свой голос в защиту Миллетт на пресс-конференции, которая вызвала большой интерес общественности. По возвращении на свои рабочие места их обвинили в неправомочности действий.

В нью-йоркском отделении было высказано предложение, что любая, выступившая на страницах лесбийских изданий, должна быть исключена из членов NOW. Предложение едва не прошло. На выборах в январе 1971 года руководство нью-йоркского отделения NOW освободилось от сторонников Миллетт и Браун. Хотя NOW и пыталась еще какое-то время сопротивляться, спустя восемь месяцев был утвержден указ о признании лесбийских объединений законными феминистскими объединениями. Все же эта чистка заставила многих лесбиянок расценивать поведение NOW как предательство со стороны своих товарищей. Тем не менее мужественные выступления Миллетт и Браун вынудили женское движение открыть глаза на лесбийские издания и понять, что многие из их наиболее уважаемых коллег были в действительности лесбиянками. Это был поворотный пункт в истории женского движения.

Миллетт продолжала открыто и откровенно писать о своей сексуальной направленности в таких автобиографических работах, как «Полет» (1974), «Сита» (1977), «Путешествие Луни Бин» (1990), причем последняя книга расценивается как попытка вновь обрести контроль над своей жизнью после того, как ей поставили диагноз маниакально-депрессивного психоза. Сейчас она живет на ферме неподалеку от Пуфкипси в штате Нью-Йорк. Ее многолетняя успешная деятельность позволила ей стать одной из наиболее видных фигур в борьбе за права женщин и

лесбиянок.

76. МАРТИНА НАВРАТИЛОВА

note 98

Мартина Навратилова родилась 18 октября 1956 года в Праге. Ее родители развелись, когда ей было три года, и она осталась со своей матерью, инструктором лыжного спорта, которая в 1961 году снова вышла замуж. Ее отчим, тренер по теннису, увлек ее этим видом спорта, и к десяти годам она играла в теннис каждый день. Кроме того, она играла в хоккей и в футбол с соседскими мальчишками.

С середины шестидесятых годов отчим начал вывозить ее на летние турниры, проходившие на территории Чехословакии. Она стала брать уроки у одного из наиболее выдающихся игроков в стране, Георга Пармы. Ее занятия внезапно оборвались в 1968 году, когда Советский Союз оккупировал Чехословакию, и Парма, который в это время был в Австрии, решил на родину не возвращаться.

В 1969 году Мартина поехала в Западную Германию по программе обмена теннисных клубов. Посещение Германии стало для нее открытием. «Моя первая поездка подтвердила мои подозрения в том, что Запад имеет стиль и свободу, которые коммунизм не может предоставить», — писала она в 1985 году в автобиографии, вышедшей под названием «Мартина». После серии привлекших внимание побед в Германии она вернулась домой с возросшим спортивным авторитетом и большой коллекцией шариковых ручек, которые в Чехословакии того времени было невозможно найти. В шестнадцатилетнем возрасте ее пригласили играть за пражский клуб «Спарта» — один из самых известных спортивных клубов Чехословакии. Серия туров по другим странам Восточного блока в начале семидесятых годов — Болгарии, Венгрии, Советскому Союзу (где она была потрясена тем, насколько там хуже обстоят дела, даже по сравнению с Чехословакией) — сделала ее более известной за рубежом, чем на родине.

В 1973 году ей дали разрешение провести зимний сезон в Соединенных Штатах. В 1974 году состоялось повторное турне в Америку, во время которого она встретила Фреда Бармена, менеджера из Беверли-Хиллз, который убедил Мартину позволить ему представлять ее интересы за рубежом — шаг, который вызвал беспокойство в Чехословакии, где люди начали говорить об

«американизации Мартины». Со своей стороны, Мартина была особенно удручена тем, что она должна была сдавать свои призы – в американской валюте — Чешской теннисной федерации.

Навратилова начала обдумывать возможность невозвращения на родину. В августе 1975 года во время открытого первенства Соединенных Штатов в Нью-Йорке она через Фреда Бармена вышла на Службу эмиграции и натурализации города Нью-Йорка. Она подчеркивала, что остается не по политическим мотивам, а скорее потому, что «я хочу играть в теннис там, где хочу и когда хочу».

В ответ чешская Федерация издала постановление: «Мартина Навратилова отвергла чехословацкое общество. Она имела все возможности в Чехословакии, чтобы развивать свой талант, но предпочла профессиональную карьеру и толстую чековую книжку».

Одним из открытий, которое Навратилова сделала в новой американской жизни, было осознание ею того, что ее привлекают женщины. «Когда это в конце концов случилось, — пишет она, — это было с женщиной, которая была старше меня и которую я встретила в Штатах, и это выглядело очень естественно. Я была совсем новичком в этих отношениях, очень стеснялась, но ловила все намеки, которые она бросала мне. Наконец, она смогла меня мягко убедить уютно устроиться рядом с ней. Она знала, что делает. Я не помню цветов и свечей, но помню то чувство покоя и счастья от того, что была рядом с ней, ожидая следующего шага. Когда это наконец случилось, я сказала, что это было просто великолепно. А на следующее утро я уже была страстно, умопомрачительно влюблена в нее».

Их связь длилась шесть месяцев. Затем последовали связи с другими женщинами, включая трехлетние отношения с Сандрой Хейни, с которой она делила дом в Далласе и которая заменила Бармена в качестве ее менеджера. Тем временем Навратилова поднялась на самую вершину теннисного мира. Ее победа на Уимблдонском турнире в 1978 году сделала ее первой ракеткой мира. Она потеснила Крис Эверт, которая четыре года подряд занимала первую позицию в теннисе. В этом же году она встретила писательницу Риту Мэй-Браун, и у них началась очень интенсивная, но непродолжительная связь. Как Браун писала впоследствии: «Некоторые отношения напоминают марафон, некоторые — спринт. Наши — больше похожи на спринт». Согласно Навратиловой, Браун сказала «с самого начала, что ей нет никакого дела до того, являюсь я или нет великой теннисисткой. Ее отношение было даже противоположным: ведь это только спорт. Обычно она говорила: «Спорт существует только

для того, чтобы отвлечь мысли от всего остального, и он ничего не добавляет культуре или разуму». Такое напряжение в их отношениях не могло не закончиться разрывом. В свете скандального судебного процесса, затеянного Мэрилин Барнетт против известной теннисистки Билли Джин Кинг, и слухов о том, что Эйвон, главный спонсор теннисных соревнований, собирается отказаться от финансирования турниров, чтобы его имя никак не связывали с гомосексуалистами, Навратилова начала беспокоиться о том, какой эффект ее сексуальная направленность может оказать как на карьеру, так и на решение вопроса о предоставлении ей американского гражданства. Американское гражданство ей было предоставлено в 1981 году без всяких проблем, а спустя некоторое время «Нью-Йорк Дейли Ньюс» напечатала интервью с ней (взятое гораздо раньше, но придержанное издательством), где она публично обсуждала свои отношения с Браун.

С тех пор подробности частной жизни Мартины Навратиловой не сходили со страниц бульварных газет: цена, которую необходимо платить за то, что ты живешь в свободном обществе. Она с честью вынесла эти испытания, и очерк о ней помещен в этой книге потому, что она — наиболее яркая спортсменка-лесбиянка. Ее отношения с Ритой Мэй-Браун — самая широко известная связь современности (может быть, за исключением псевдоромана между Мадонной и Сандрой Бернардт), и эта чета представляет из себя две преуспевающие и притягательные личности, символизирующие широко распространенный тип женщин, которые любят женщин. Более того, ошеломляющая теннисная карьера Мартины Навратиловой — девять первых наград на Уимблдоне, четыре — на открытом первенстве США и бесчисленное множество других — сделала ее эталоном для многих выдающихся спортсменок, как лесбиянок, так и нет.

77. БАРБАРА ГИТТИНГС

note 99

Барбара Гиттингс родилась в 1932 году в Вене, где ее отец служил в американском посольстве. Она получила образование в католических школах Монреаля в Канаде. Поступив в Северо-Западный университет в Эванстоне для того, чтобы изучать театральное искусство, она в первый же год стала мишенью сплетен о том, что она лесбиянка из-за своей дружбы с другой студенткой. Этот случай привел к тому, что она постепенно поняла, что действительно отличается от других. В 1974 году в своем интервью Джонатану Кацу она вспоминает: «Я пошла к психоаналитику в Чикаго и рассказала ей о себе. В ответ я услышала, что я действительно лесбиянка. И потом она предложила мне лечение. У меня для этого денег не было, поэтому я к ней не вернулась. Некоторые говорят, что «она не должна была вешать на тебя ярлык». Я с этим не согласна. Я думаю, что она оказала мне великую услугу, потому что однажды я сказала себе: «Да, это я! И я такая!» Я могла работать над этим. Я жила с этим ужасным чувством все годы моей учебы в школе и первые месяцы учебы в колледже. Я не понимала, что со мной происходит. Это приводило меня в смущение. Теперь у меня появилась ясность, и я могла с этим разобраться. Я перестала ходить на занятия, засела в библиотеке, чтобы понять, что значит быть гомосексуалом».

Она перечитала словари, энциклопедии и главы в медицинских книгах, посвященных «ненормальной психологии», «сексуальной девиации» и «сексуальным перверсиям». Как она описывала: «Моим главным впечатлением, которое я вынесла, было: я, должно быть, из того типа людей, о которых здесь написано, потому что я — гомосексуальна, а они описывают гомосексуалов, но многое из того, что я вычитала, ко мне не относится».

Провалившись на экзаменах в колледже, она вернулась в родительский дом в Филадельфию расстроенная, устроилась на канцелярскую службу, а все свободное время проводила в публичной библиотеке и у букинистов. Именно там она обнаружила и купила экземпляр книги «Благо одиночества» Рэдклифф Холл. Впервые в жизни она читала книгу, из которой могла хоть немного узнать про себя.

Когда ее отец нашел эту книгу, он написал ей письмо (он не мог заставить себя говорить с ней об этом вслух), приказывая ей избавиться от книги, и не просто выбросить ее, потому, что тогда кто-нибудь другой мог ее подобрать, а сжечь ее дотла. Как она вспоминает: «Ну что ж, я просто спрятала ее получше». В поисках какого-нибудь общения она начала посещать лесбийские бары, хотя и чувствовала себя в них чужой из-за той культуры «мужлан-голубка», которая превалировала в этих барах в пятидесятые годы. По совету Дональда Корни, чью книгу «Гомосексуал в Америке» она недавно прочитала и в которой рассказывалось о существовании лесбийского общества, она в 1956 году уехала в Сан-Франциско. Там она обнаружила организацию «Дочери Билитии» (DOB), основанную Дел Мартин и Филлис Лайон.

DOB определяла себя как «женскую организацию, служащую целям продвижения и интеграции гомосексуален в общество». Слово «лесбиянка» намеренно избегалось. Название организации, которое должно было звучать подобно «любой другой женской ложе», происходило из сборника стихов Пьера Лойуса (XIX век) под названием «Песни Билитии». Предположительно, это были переводы с древнегреческого работ Билитии — женщины, жившей в Памфилии в VI веке до нашей эры и совершившей путешествие на остров Лесбос, чтобы стать ученицей Сафо. Принципы DOB были изложены в четырех статьях:

1. Обучение инакомыслящей… для того, чтобы помочь ей понять себя и сделать ее пригодной к жизни в обществе.

2. Обучение общества… ведущее к явному устранению извечных табу и предрассудков.

3. Участие в исследовательских проектах, направленных на дальнейшее изучение гомосексуалов, авторитетных и ответственных… экспертов.

4. Изучение уголовного кодекса в отношении гомосексуалов, предложение поправок… и проведение этих поправок через все ступени законодательного процесса.

Когда Барбара в 1958 году вернулась в Нью-Йорк, она организовала там отделение DOB и была его президентом в течение трех лет. В 1962 году ее назначили редактором «The Ladder», ежемесячного издания DOB. Неудовлетворенная лояльностью DOB, особенно привычкой приглашать «экспертов»-гомофобов для того, чтобы обсудить проблемы лесбоса, Гиттингс использовала этот шанс, чтобы превратить свое издание в более радикальное. Она стала писать слово «лесбиянка» на обложке журнала, публиковала фотографии лесбиянок, выполненные ее любовницей Кей Тобин, которую она встретила в 1963 году на пикнике DOB. В своей серии «Пропаганда жизни» она призывала

женщин выйти из скорлупы. Было вполне закономерно то, что она начала конфликтовать с более консервативными членами DOB, особенно после Конвенции DOB в 1964 году, где пыталась убедить собравшихся в том, что «единственными авторитетами в области гомосексуальности, как образа чувств и существования… являются сами гомосексуалы». Она была особенно ярой защитницей Френк Камени, бывшей ранее членом общества «Мэттэчин», которая подстегивала своими призывами геев и лесбиянок «бежать от комфортабельной респектабельности к порой менее приятной, грубой и неудобной политической и социальной активности».

В 1966 году Гиттингс была уволена с поста редактора Журнала «The Ladder» консервативным руководством DOB. Вместе с Кей Тобин они ушли из этой организации и начали тесно сотрудничать с Homofile Action League, тогда Как DOB, служившая достаточно долгое время маяком для лесбиянок, постепенно приходила в упадок. После эпохальных событий в Стоунуолле в 1969 году Гиттингс, Тобин и другие активистки их поколения внезапно оказались динозаврами на фоне более воинственного Gay Liberation Alliance (GLA) — организации новой формации. Тогда как Тобин продолжала оставаться одним из основных членов Gay Activists' Alliance (GAA), Гиттингс сосредоточила все спои силы на Ассоциации американских библиотек (ALA), где в течение пятнадцати лет она работала на ALA's Gay Task Force. Ее основной целью, по ее словам, было «донести литературу геев в библиотеки и в руки читателей». Вместе с постоянно сомневающейся Френк Камени она требовала у Американской психиатрической ассоциации исключить гомосексуализм из перечня психических заболеваний. Когда в 1973 году Ассоциация удовлетворила это требование, филадельфийская газета поместила заголовок «Двадцать миллионов гомосексуалов добились признания».

Практически отойдя от активной политической деятельности, Барбара Гиттингс и Кей Тобин (к настоящему времени Кей Лахузен) жили вместе в Филадельфии, где Гиттингс подрабатывала машинописью, а ее подруга по тридцатилетней совместной жизни служила государственным агентом по торговле недвижимостью.

Вместе с Дел Мартин и Филлис Лайон, основательницами DOB, Барбара Гиттингс оказала наибольшее влияние на ранние формы политических организаций лесбиянок в пятидесятых — шестидесятых годах XX столетия. Ее мужественная деятельность стала фундаментом для более поздних организаций геев, организаций, которые, как это часто случается, имеют

обыкновение обесценивать вклад тех. кто сделал возможным их собственное существование.

78. МАРТИН ДУБЕРМАН

note 100

Мартин Бомль Дуберман родился 6 августа 1930 года в Нью-Йорке в еврейской семье. Будучи подростком, Мартин был страстно увлечен театром и даже в возрасте семнадцати лет бродяжничал с передвижной труппой, но, уступив настоятельным требованиям родителей, оставил мысли о театральной карьере. Он посещал занятия в Йельском и Гарвардском университетах, где получил степень магистра искусств в 1953 году и звание доктора философии в 1957 году. Он вернулся в Йель в качестве преподавателя истории и проработал там пять лет. Публикация в 1961 году фрагментов из его диссертации о Чарльзе Френсисе Адамсе (1807 — 1886) принесла ему премию Банкрофта (1962) и должность ассистента профессора в Принстоне.

В его судьбе наступил перелом, круто изменив его жизнь: он начал писать пьесы, причем очень удачные. Его пьеса «Белая Америка» (1963) вызвала широкие отклики в прессе и заслужила награду критики в номинации «лучшее внебродвейское произведение».

В 1965 году он был переведен на должность профессора, а два года спустя получил профессорское звание, после того как биография ученого Джеймса Рассела Лоуэлла, написанная им, была представлена к награде Ассоциацией национальной книги. Вместе с успехом его академической карьеры к нему пришла широкая популярность. В своей автобиографии «Cures: одиссея гея» (1991) Дуберман раскрывает свою не столь удачную частную жизнь. К тому времени, когда он достиг возраста двадцати одного года, его сексуальный опыт состоял, как он писал, из «двух голубых работ и двух панических атак». Заканчивая школу в Гарварде, он пустился во все тяжкие, хотя и не без чувства вины. Он писал: «Я не мог забыть материнский наказ — никогда не ходить по парку одному во избежание встречи с больными людьми, которые там ошиваются, теперь я сам стал таким же, как те, о которых предупреждала меня мать в детстве».

Серия преимущественно краткосрочных связей сменялась длительными курсами лечения. Это лечение, пишет Дуберман, «привело не к полному восстановлению, а скорее на грань невосприятия. Оно так грубо подавляло мою способность воспринимать собственную натуру, что… я стал почти таким же

гомофобом, как и сама наша культура». В конце концов в 1970 году, не выдержав такого жесткого прессинга, он окончательно отказался от лечения. «Как я могу видеть, оглядываясь назад необходимой прелюдией к тому, чтобы я сам стал активистом, было приложение злости, которую я раньше направлял внутрь себя, к тому, что ее действительно заслуживало, а именно: к репрессивной культуре и моему терапевту, как ее представителю», — писал он впоследствии.

Перелом был решающим и отразился как на его личной, так и на профессиональной жизни. Его пьесы начали все более открыто обращаться к теме геев. Например, «Расплата» (1971) открыла мир мужской деятельности геев. Новаторство коснулось и его научной работы. Следующее большое академическое исследование, которое он предпринял было историей колледжа Блэк Маунтин (1933 — 1956) — экспериментального сообщества, существовавшего в Северной Каролине. Это общество во многом было предшественником антикультуры, появившейся в шестидесятых годах.

Дуберман пишет:

«Будучи и сам под влиянием антикультуры, я хотел писать о том, что я считал наиболее честным субъективным видением истории, хотел позволить читателю проследить, процесс борьбы неординарного человека с неординарными обстоятельствами окружающей действительности. Как я позже написал в предисловии к своей книге, «мог убеждение состоит в том, что, когда историк позволяет себе раскрыть в большей степени свои чувства, фантазии, нужды и цели в своих трудах, он меньше искажает историю, просто потому, что у него меньше претензий на то, что он и история составляют единое целое».

«Блэк Маунтин: исследование сообщества» было опубликовано в 1972 году. Одним из результатов исследования Дубермана явилось восстановление в общественном мнении директора театра геев Боба Винча, исключенного из сообщества «Блэк Маунтин» после ареста за беспрецедентное откровение: «Трудно думать хорошо о таком месте, которое добилось столь многого в деле саморазрушения личности, как сообщество «Блэк Маунтин». Но, может быть, я преувеличиваю — это мое собственное восприятие гомосексуала, как потенциальной жертвы».

Выход в свет его книг вызвал огромный отрицательный резонанс, как писали в журнале «American Historical Review»: «Дуберман пустил по ветру основные принципы исторических исследований, позволив себе быть «лично вовлеченным» в предмет исследования». Дуберман ответил тем, что начал

активно участвовать в движении геев, от чего раньше он воздерживался. Вместе со своими друзьями-учеными, Джонатаном Кацем, Сеймуром Клейнбергом, Бертом Хансеном, он основал Академический союз геев. Он был членом совета Национальной ассоциации геев и лесбиянок. Он также много писал о геях, в том числе очень важную статью в «Нью-Йорк Таймс Букс Ревю», в которой он проследил тенденции «научного» мошенничества и социального гнета в отношении геев и лесбиянок на протяжении всей истории. Его все перевернувшие с ног на голову научные труды включают: «О времени: исследование прошлого геев» (1986), «Спрятанные от истории: прошлое геев и лесбиянок» (1989), который он издал вместе с Мартой Вицинус и Джорджем Чонси, «Стоунуолл» (1993). Неутомимый ученый, он также являлся автором книги «Видения Кероуака» (1977) и широко известной монографии «Поль Робсон» (1989).

Покинув Принстон в 1971 году, чтобы занять должность профессора, заведующего кафедрой истории в Леман-колледже (городском университете Нью-Йорка), Дуберман основал CLAGS — Центр изучения геев и лесбиянок — в самом центре просвещения Манхэттена. Первая программа подобного типа в стране, CLAGS спонсировала общественные мероприятия и конференции, ежемесячные исследовательские коллоквиумы, гранты на проведение исследовательских работ как студентам, так и выпускникам.

На непаханом поле изучения проблем геев и лесбиянок Мартин Дуберман один из самых первых пахарей. Когда такой историк, как Дуберман, с его противоречивой репутацией, начал писать о проблемах геев и лесбиянок, это привлекло внимание широкой общественности и к этим людям, и к проблеме в целом, как к малоисследованной области. Историки любого направления должны сейчас обращать на это внимание. Изучение проблем геев и лесбиянок, как составной и важной части окружающей действительности, становится все более и более актуальным. Почти в одиночку, как порой казалось, Дуберман работал над тем, чтобы официально ввести эту область в основной поток академических исследований. Если исследования проблем геев и лесбиянок стали постоянной и важной частью нашей общей интеллектуальной жизни, в этом заслуга многогранной деятельности Мартина Дубермана.

79. ГЛОРИЯ АНЗАЛЬДО ШЕРРИ МОРАГА

note 101 note 102

Глория Анзальдо родилась 26 сентября 1942 года на ранчо «Иезус Мария» в Уэлли в Южном Техасе. Ее родители не получили высшего образования; ее матери было шестнадцать, когда она родила дочь. Глория жила на ранчо, пока ей не исполнилось одиннадцать лет, когда ее родители переехали в Харгилл, в Техасе, небольшой городок с «одним светофором, тринадцатью барами, тринадцатью церквями и, может быть, двумя минимаркетами». Когда ей было пятнадцать лет, умер ее отец, и семья вынуждена была вернуться к сельскохозяйственным работам. В течение года они переезжали с места на место от Саут Велли до Арканзаса в поисках временной работы, но затем все-таки вернулись в Южный Техас, и дети, в основном мальчики, смогли посещать школу. Однако они бросили занятия, и только Глория завершила свое образование — «единственная женщина, не просто единственная женщина, а единственная персона из этого края, которая когда-либо посещала колледж». В 1969 году она получила степень бакалавра искусств в Панамериканском университете, затем в 1972 году — магистра искусств в области английского языка и образования в Техасском университете в Остине. Она начала работать летним учителем школы для детей, чьи родители постоянно мигрировали в поисках работы, колеся вместе с ними по Америке от Техаса до Индианы, где проработала полтора года.

С 1974 по 1977 год она посещала курс сравнительной литературы в Техасском университете. Когда ей отказали в аспирантуре, потому что она хотела писать о проблемах американцев латиноамериканского происхождения («чиканос») или о феминистских изданиях, она перешла в Калифорнийский унпверситет в Санта Крузе, чтобы заняться изучением феминистских теорий и исследованиями в области культуры. В 1979 — 1980 годах она была лектором в Сан-Франциско, работая в Национальной организации феминистских писательниц, где встретила Шерри Морага, другую латиноамериканскую лесбиянку, которая была ровно на десять лет младше ее.

Шерри Морага родилась 25 сентября 1952 года в Виттиере, в Калифорнии. Дочь матери-мексиканки и отца — выходца из Англии, она училась в маленьком частном колледже в Голливуде, закончив его в 1974 году со степенью бакалавра искусств.

Следующие три года она работала учительницей в Лос-Анджелесе. В это же время она посещала Класс писателей в Women's Building и написала свои первые любовные лесбийские стихи. Впервые прочитав стихотворение Джуди Гран «Женщина говорит до самой смерти», она поняла, что должна писать не только о проблемах лесбиянок, но и не забывать, что она мексиканка. Политизация ее творчества обострилась после личной встречи с Гран. В 1977 году Шерри переехала в Сан-Франциско, а в 1980 году получила степень магистра искусств в университете Сан-Франциско.

В 1981 году она вместе с Глорией Анзальдо выпустила антологию под названием «This Bridge Called My Back: Writings by Radical Women of Color». Проект родился после пребывания Глории в женском приюте, где она почувствовала себя «аутсайдером, бедной родственницей, злосчастной цветной женщиной». Спустя два месяца, в апреле 1979 года, она и Шерри послали в газеты открытое письмо, положив начало своей будущей антологии. В нем они писали: «Мы хотим показать всем женщинам, особенно белым женщинам среднего класса, то, что нас разделяет; мы хотим изучить случаи предубеждения и неприятия этой разницы внутри феминистского движения. Мы намерены исследовать причины, источники и способы разрешения этих проблем. Мы хотим сформулировать определение, которое охватывало бы все, что значит для нас слово «феминистка».

Не сумев найти издателя для своей книги, Шерри вместе с негритянской активисткой лесбийского феминистского движения Барбарой Смит основала в Нью-Йорке «Kitchen Table» — издательство для цветных женщин, единственное издательство в Соединенных Штатах, публикующее произведения небелых женщин. Антология заслужила награду Ассоциации национальной книги от Before Columbus Foundation и быстро нашла широкую читательскую аудиторию, как среди цветных, так и среди белых женщин по всей стране.

Как писала критик Ивон Иарбро-Байарано:

«Невозможно переоценить непреходящее значение этой антологии для восьмидесятых годов, потому что она совпала по времени с возрастающей активностью цветных женщин, особенно цветных лесбиянок, и сама явилась организующим началом для этого движения. Книга родилась из необходимости цветных женщин выразить свои разочарование и обиду на расизм и классовую привилегированность феминистского, ранее в основном белого, движения. В то же время она отметила появление нового объединения мексиканских,

латиноамериканских, афроамериканских, индейских и азиатскоамериканских женщин, твердо вводящего термин «цветная женщина» в политический словарь… Эта книга послужила катализатором в процессе объединения цветных женщин».

В антологию, кроме работ Мораги, Анзальдо и Смит, вошли эссе и поэтические произведения Одри Лорд, Пэт Паркер, Шерил Кларк, Мерли Ву и Барбары Камерон из племени лакота.

После выхода антологии наиболее важной работой Глории стала книга «Borderlands/ La Frontera : the New Mestiza» (1987). Она пишет: «Теорию нельзя излагать кусками и недоступным языком. Писатели, вроде меня, считаются плохими теоретиками, а теории, подобные «Borderlands…», считаются вредными… потому что они доступны и люди их понимают. В ней есть проза, есть поэзия. Я сделала непростительное — я смешала жанры».

Подобное смешение жанров отмечается и в работе Шерри 1983 года «Loving in the War Years: Lo que nunca paso por sus labios». В этой первой опубликованной книге, написанной легальной лесбиянкой-чиканос, исследуются те черты, которые свойственны Мораге, как чиканос, феминистке и лесбиянке. Ею также написаны пьесы «Иностранка» (1985), «Отказ от призрака; пьеса в двух актах» (1986), «Тень человека» (1988) и «Герои и святые» (1989). Кроме того, она редактировала вместе с Альмой Гомес и Марианой Ромо-Кармоной «Cuentos: Stories by Latinas», опубликованную в 1983 году в их издательстве.

Новаторская работа Глории Анзальдо и Шерри Морага создала то важное пространство, в котором цветные женщины впервые смогли выразить свои непростые чувства. Как они писали в предисловии к своей антологии: «Мы видим в своей книге революционный инструмент, попавший в руки людей с различным цветом кожи. Мы надеемся, что люди будут вовлечены в действие, так же, как мы были вовлечены в процесс составления этой книги». Именно за этот революционный инструмент, этот голос — подарок, меняющий жизнь, Глория Анзальдо и Шерри Морага были включены в эту книгу.

80. МЭРИ РЕНОЛТ

note 103

Мэри Ренолт (произносится Рен-ОЛТ), урожденная Мэри Шалан, родилась 4 сентября 1905 года в Лондоне. Родители ее принадлежали к среднему классу. Она была сорванцом, жадно читала, особенно древних авторов. Изучала классику с Джильбертом Мюррейем в колледже Святого Хьюго в Оксфорде и училась на курсах медсестер в госпитале Рэдклиффа.

После окончания курсов она работала медсестрой в ряде госпиталей, где и встретила в 1934 году Джулию Муллард, тоже служившую там медсестрой. Обе женщины полюбили друг друга и прожили вместе сорок девять лет, вплоть до самой смерти Ренолт.

В 1939 году Ренодт опубликовала свой первый роман «Причины любви» — рассказ о любви двух медсестер. Именно в это время, оберегая родителей от стыда и неприятия ее собственного образа жизни, она взяла псевдоним Ренолт — по имени персонажа одной из ее самых любимых пьес «Venice Preserv'd», драмы эпохи Возрождения. Несмотря, а может быть, вследствие ее темы, новелла имела ошеломляющий успех в Англии. За ней последовали другие произведения, написанные ею в период второй мировой войны в свободное от работы время.

В 1948 году роман Ренолт «Возвращение в ночь» заслужил премию в сто пятьдесят тысяч долларов от «Метро Голдвин Майер» — самую значительную финансовую премию за литературные произведения в то время. Полученные деньги позволили ей и ее подруге покинуть Англию и уехать в Южную Африку, чтобы насладиться более мягким климатом. Вскоре деньги были потеряны на спекуляциях с недвижимостью, но доход от романов Ренолт позволил им не скатиться в финансовую пропасть, и они обе переехали в домик у моря недалеко от Кейптауна. Несмотря на то что они много путешествовали, особенно часто бывая в Греции, Ренолт никогда не возвращалась в Англию. Живя в Южной Африке, она была членом Прогрессивной партии и боролась с апартеидом.

В 1953 году она написала последний из так называемых «английских» романов «Колесница», откровенное и трогательное описание любви юноши-гомосексуала, которую не могли опубликовать в Америке в течение шести лет, так как издатель

Мэри Уильям Морроу опасался, что у его компании могут возникнуть неприятности. В конце концов роман был опубликован издательством «Пантеон» в 1959 году. Правда, к этому времени в страну было ввезено множество нелегальных копий этого произведения, завоевавшего широкий круг читателей.

После «Колесницы» Ренолт вернулась к своему раннему увлечению, к Древнему миру. Ее романы «Царь должен умереть» (1958) и «Бык из моря» (1962) повествуют о временах цивилизации Миноса, это вольный пересказ легенды о Тесее. Следующие две работы «Последнее вино» (1956) и «Маска Аполлона» (1966) обращены к Древним Афинам времен Сократа и Платона. А в своей нашумевшей трилогии «Огонь с небес» (1970), «Персидский мальчик» (1972) и «Заупокойные игры» (1981) она рассказывает нелицеприятную историю Александра Великого, включая его любовь к своему юному другу Гефестиону и евнуху Багоасу. Вероятно, в образе Александра что-то есть от молодого актера-гея, с которым она была дружна в Кейптауне.

Мэри Ренолт умерла 13 декабря 1983 года в Кейптауне.

Исторические романы Ренолт очень скрупулезны в деталях и написаны живым ярким языком. Такое сочетание дает образное и достоверное видение далекого прошлого. Может быть, больше всего потрясает то, что Ренолт отказывается «модернизировать» свои образы. Она позволяет оставаться им в их историческом окружении, не делая никаких поправок на то, что XX век вряд ли поймет их жизненный уклад, особенно гомосексуализм, который она описывает с подкупающей откровенностью и лирической грацией. Именно благодаря ее трепетному отношению к гомосексуальной любви (по иронии, мужской любви) очерк о Мэри Ренолт попал на страницы этой книги.

Хотя на протяжении всей истории было широко известно о том, что Александр любил мужчин, официальные биографы обычно не касались этой стороны его жизни. Именно Мэри Ренолт блестяще реабилитировала Александра Великого не столько как военного гения и императора-реформатора, кем он без сомнения был, что уже неоднократно упоминалось, сколько как мужчину, который любил мужчин.

Фигурой, сравнимой с Мэри Ренолт, хотя и менее известной, особенно в Соединенных Штатах, является лесбиянка Маргарет Иорсенар, чья трогательная и нежная книга «Воспоминания Адриана» — по стилю более близкая к художественной литературе, чем работы Ренолт, — сделала для воссоздания образов римского императора Адриана и его любимого Антиноя то, что «Персидский мальчик» сделал для Александра и Багоаса.

81. ФРЕНСИС БЭКОН

note 104

Френсис Бэкон — «тот человек, который писал эти ужасные картины», как его однажды назвала британский премьер-министр Маргарет Тэтчер, — родился 28 октября 1909 года в Дублине в Ирландии. Его отец объезжал лошадей и готовил их к скачкам. Свое образование Френсис в основном получил дома у частных учителей, так как страдал астмой. Когда ему было шестнадцать лет, родители узнали, что он имел гомосексуальные контакты с некоторыми грумами из их конюшни. Когда его поймали за примеркой нижнего белья матери, то выгнали из дома. Он уехал в Лондон, где увлекся сценическим искусством. Австралийский художник Рой де Мейстре, который был на шестнадцать лет старше Бэкона, стал его любовником и учителем. В 1930 году они вместе устроили выставку в гараже в Южном Кенсингтоне, который Бэкон использовал как студию.

В течение нескольких следующих лет Бэкон курсировал между Лондоном, Парижем и Берлином, появляясь в барах для трансвеститов с некоторыми гангстерами и бандитами, писал картины, продавал мебель и ковры собственного дизайна. От того периода его творчества осталось очень немногое, так как он уничтожил основную часть своих ранних работ, предпочитая жить в более или менее полной безвестности. На выставке в 1945 году экспонировался его триптих «Три стадии образа на основе распятия», который шокировал мир искусства и поставил его за грань обычного восприятия.

Его сюжеты были и остаются парадоксальными. В очень многих его картинах были использованы работы старых мастеров. Его серия «Орущие Папы», например, из которых самая известная работа «Изучение Папы Иннокентия X Веласкеса» исказила оригинальные образы испанского художника XVII века Диего Веласкеса до неузнаваемости, придав им отталкивающие, ужасающие, шокирующе экспрессивные новые формы нашего темного столетия. На одной из этих картин визжащий понтифик был заключен в стеклянную клетку. На другой — на него с фланга нападает обглоданная туша быка, этот сюжет был позаимствован у Рембрандта. Хотя в его картинах прослеживается влияние Пикассо, сюрреализма и немецкого экспрессионизма, Бэкон всегда утверждал, что он просто реалист: «Ничто не может

быть ужаснее, чем сама жизнь».

Бэкон описывал технику своего письма таким образом:

«Вы не можете себе представить, как безнадежность в работе может заставить просто взять краску и делать все, что угодно, чтобы выбраться из рамок сотворения иллюстративного образа любого типа — я растираю краску по всей поверхности холста ветошью или использую кисть, или растираю все равно чем, или размазываю скипидар и краску и что-нибудь еще по холсту».

Хотя его работы покупались за миллионы, Бэкон продолжал жить и работать в жалких и неуютных апартаментах в Южном Кенсингтоне. Живопись никогда не была для него основным занятием, а скорее отдыхом от его настоящих интересов — азартных игр, мальчиков и шампанского, которое он имел обыкновение употреблять в «комнате с колоннами» Клуба для пьющих в нижнем Сохо.

В 1964 году он влюбился в Джорджа Дайера, и они прожили семь лет вместе, вплоть до самой смерти Дайера в Париже в 1971 году, которая наступила от передозировки бренди и снотворного. Эта смерть послужила темой для самой грандиозной работы Бэкона «Триптих май — июнь 1972»: на одной из боковых панелей запачканная, искаженная фигура Дайера сидит на унитазе; на другой — Дайер блюет в песок. Центральная панель изображает Дайера, исчезающего в темноте…

Писатель Дэвид Планте показывает нам чету: Бэкона и его последнего любовника, электромонтера по имени Билл. Сценой является темный, дымный бар в Лондоне.

«Френсис дал Биллу двадцатифунтовую купюру, чтобы тот купил шампанского. Они много говорили о сексе. Билл сказал, что он любит, когда его имеют, имеют с помощью руки, а еще время от времени он любил «G.B.H.» Никос спросил: «Что это такое?» «Нанесение телесных повреждений», — ответил Билл и улыбнулся своей блуждающей улыбкой. «И у тебя это было?» — спросил его Френсис. «Только пару раз», — сказал Билл. «Настоящие раны и рубцы?» — спросил Френсис. «О, да!» — ответил Билл… «Ну что ж, — сказал Френсис, — время от времени мне нравится небольшое «G.B.H.». У меня был друг — он, в конце концов, убил себя, — у которого была коллекция кнутов, которую он хранил у меня дома. Недавно я показал кое-кому, интересующемуся кнутами, эту коллекцию». Френсис рассмеялся. «Ну вот, я разделся и одел свои чулки из рыболовной сети». «Черные?» — спросил Никос. «Конечно, черные, глупый, — ответил Френсис, — и он принялся бить меня, но он перешел границы. Он не мог остановиться. Я ужасный трус. Как был, в одних черных чулках, я выбежал на улицу». Он громко

рассмеялся».

Бэкону предлагали титул, но он отказался. «Я верю в упорядоченный хаос, — однажды заявил он, — твердые правила случая».

28 апреля 1992 года в Мадриде он не перенес инфаркта миокарда и умер.

Бэкона критиковали за извращение украденных образов, но эта критика не достигла своей цели. Без сомнения, величайший художник второй половины XX столетия, он является автором мощных незабываемых образов. В свою очередь его образ был неизменен и неотступен, тело носило невыносимую печать его беспардонной привлекательности и висцеральной репульсии. В веке, который видел груды трупов, он оставался обжигающе наглядной совестью. которая тоже была беспардонно гейской. Он вышел за рамки допустимого с большим остроумием, мужеством и каким-то гибельным отчаянием. «Я оптимист, — заявлял он, — но я не верю ни во что». Рядом с дикими и величественными образами, созданными Френсисом Бэконом, творения других открыто объявляющих себя геями художников, таких, как Дэвид Хокни, Джильберт и Джордж, Дуэйн Михаэлс и даже авантюристичный Роберт Мапплторп, бледнеют. Может быть, у них и был свой шанс, особенно у Мапплторпа, но я берусь утверждать, что именно Бэкона, чье влияние будет длиться вечно, назовут величайшим художником, когда история искусства XX века будет написана до конца.

82. ДЕРЕК ДЖАРМЕН

note 105

Дерек Джармен родился 31 января 1942 года. Его отец был пилотом Королевских воздушных сил, бомбардировщиком-асом, который после войны стал директором компании «Engineering Industries Associated». Перед тем как семья осела в Нортвуде в графстве Мидлсекс они жили в Италии и Пакистане. Джармен жаждал посещать Школу искусств, но отец хотел, чтобы сын получил университетское образование: в конце концов был найден компромисс — Джармен поступил в Королевский колледж в Лондоне, где обучался истории искусства, истории и английскому языку, а после окончания его занимался живописью в Школе Слейда. Он был талантливым учеником, и его картины выставлялись на нескольких выставках, причем одна из них — в галерее Тейт. Он начал заниматься сценическим дизайном (декорации для театра), включая «Календарь джаза» для Королевского балета в 1968 году и «Дон Джованни» для Английской национальной оперы в том же году.

До двадцати одного года Дерек считал себя, по его словам, «единственным чудаком на свете», но в это время он вступил в свою первую связь с мужчиной, после чего перестал сторониться жизни. В своих воспоминаниях под названием «Современная натура» (1991) он писал: «Когда я был молодым, общество казалось настолько ортодоксальным, что я считал время, проведенное не на пирсах и в банях, потерянным. Гетеросексуальность каждодневной жизни подавляла меня и лишала воздуха».

В 1971 году кинорежиссер Кен Расселл пригласил Джармена поработать над декорациями к фильму «Дьяволы». Этот заказ пробудил интерес Джармена к кино, и он начал сам снимать любительские фильмы, занимая в них своих друзей. Его первый фильм «Себастиан» (1976) имел успех. Заполненный латинскими диалогами, английскими субтитрами и откровенной гомоэротической образностью, фильм рассказывал историю римского центуриона Себастиана, который был изгнан из распутного двора Диоклетиана на дальнюю заставу за то, что отказался лечь в постель с императором. Его посещают видения мальчика-леопарда, а ограниченные узколобые сотоварищи откровенно преследуют его за принятие им христианской веры.

Джармен был тем режиссером, который никогда не подходил под голливудские мерки, его интересовали другие проблемы. «Мои фильмы, — говорил он репортеру Линн Барбер, — являются демонстрацией солидарности с теми, кто лишен всего, потому что, когда я делал своего «Себастиана», не было возможности открыто представить себя геем, о них ничего не сообщалось даже по телевизору, а в таком случае — как можно было прийти в согласие с самим собой?»

За «Себастианом» последовали «Юбилей» (1978), «Буря» (1979), «Машина мечты» (1982), «Впечатляющий октябрь» (1984), «Беседа ангелов» (1985), «Караваджо» (1986) — все эти фильмы были достаточно притягательными, показывая ирреальные приключения на экране, и все они сделаны при ограниченных средствах, что принесло ему известность. «Все мои фильмы сделаны за копейки, — говорил он Линн Барбер. — Обещаю вам, что любой, сделанный мною фильм будет самым дешевым фильмом года, и именно поэтому мне удалось сделать столько фильмов». Это же относилось и к его растущему доходу: «Я не считаю себя идеалом. Вся штука состоит в том, что ты не должен быть слишком привязан к вещам, и тогда ты можешь добиться многого».

22 декабря 1986 года во время работы над фильмом «Последний из англичан» (1987) Джармену был поставлен диагноз — ВИЧ-инфекция. Спустя месяц он сделал свой диагноз достоянием общественности, хотя друзья и отговаривали его от этого шага, поскольку это могло повредить его карьере. Но как он писал в своем дневнике: «У меня не было выбора, я всегда ненавидел тайны — разъедающие и губительные». После окончания работы над своим следующим фильмом «Военный реквием» (1989), экранизацией пацифистского шедевра Бенджамина Бриттенна, Джармен объявил, что покидает киностудию и будет вести затворническую жизнь в своем коттедже в Дангенессе. Проживая вблизи атомной электростанции, Джармен занимался садоводством и размышлял над таинством смерти, что послужило сюжетом к следующему фильму «Сад». Однако работа над этим фильмом окончательно подорвала его здоровье, и он провел весь 1990 год в больнице, сражаясь сразу с несколькими почти фатальными заболеваниями. Он почувствовал себя лучше к моменту, когда начались съемки фильмов «Эдуард II» (1991) по пьесе Кристоффера Мэрлоу и «Витгенштейн» (1991), основанного на истории жизни философа-гея. Он также стал заметным политическим лидером в ходе борьбы против печально знаменитой 28-й статьи (1990) британского закона, который переводил ряд присущих геям

действий в разряд насилия, что делало их уголовно наказуемыми. Когда актер-гей Ян Мак-Келлен принял в 1991 году титул, Джармен ядовито и откровенно нападал на него, твердо убежденный в том, что геи не должны принимать почести от правительства, которое притесняет и унижает их. Джармен был также очень откровенен в своей поддержке «OUTrage» — группы, поставившей своей задачей сделать достоянием общественности имена скрытых гомосексуалов, особенно членов парламента.

В 1993 году, почти ослепший вследствие СПИДа, он снял свой последний фильм «Голубой». Посвященный «всем истинным любовникам», фильм не показывает ничего, кроме голубого экрана, в течение полутора часов. «Голубой», — объясняет Джармен, — переходит за рамки обычной геометрии человеческих границ». Голос за кадром говорит: «Мальчику говорят: «Открой свои глаза»». То, что следует за этим, экстраординарно: слова и музыка объединяются, чтобы воссоздать финальную конфронтацию режиссера со слепотой, смертью, жизнью, любовью и Вселенной.

Кинокритик Поль Джулиан Смит писал в журнале «Sight & Sound»:

«Джармен, наиболее английский и наиболее европейский из британских режиссеров, со своих самых первых фильмов «Себастиан» (1976) и «Юбилей» (1978), обращался то к упадочному состоянию Соединенного Королевства, то к мифическому Средиземноморью, насквозь пропитанному светом и чувственностью. Этот двойной фокус возникает и в фильме «Голубой», где страшная и временами саркастическая демонстрация лечения Джармена в госпиталях Лондона накладывается на восторженные фантазии голубых мальчиков на солнечных берегах, «ультрамариновых» странников, несущих экзотические дары».

Дерек Джармен умер от СПИДа 19 февраля 1994 года в госпитале Святого Бартоломео в Лондоне.

Как он писал 13 сентября 1989 года в одном из журналов: «Поскольку я получил то, что заслуживал с раннего детства, будучи «несчастной жертвой» своей кармы, то хочу засвидетельствовать, что я счастлив и буду счастлив до конца своих дней, что я являлся частью ненавистной всем сексуальной революции; что я не отказываюсь ни от одного шага или действия, которые сделал за это время».

Ни один режиссер — ни Пьер Паоло Пазолини, ни Райнер Вернер Фасбиндер, ни Педро Альмодовар — не был столь очевидным и непоколебимым геем, как Дерек Джармен. И его жизнь, и его работа были очень откровенными для нашего столь

противоречивого времени. Что придает деятельности Джармена особую значительность, так это то, что он сумел сделаться известным и уважаемым режиссером, ни на йоту не отступив от своей чувственности гея. Хотя и очень отличаясь от них по темпераменту, он открыл дверь молодому поколению режиссеров-геев, таких, как Гас ван Сант, Тод Хейнс, Грег Араки.

83. АЛАН ТЮРИНГ

note 106

Алан Мэтисон Тюринг был зачат в Чатрапуре, Индия, где его отец служил в британской гражданской службе, и родился 23 июня 1912 года в Лондоне. Вскоре его родители вернулись в Индию, оставив Алана и его брата в Англии у родственников, но навещали их при любом удобном случае. В начале 1926 года он поступил в Школу Шерборна, одну из самых старых школ Англии. Он с трудом привыкал к школьной жизни, а его классный руководитель позднее рассказывал: «Он относился к тому типу мальчиков, которые являются проблемой для любого типа школ и сообществ, поскольку в некоторых аспектах они определенно антисоциальны». Несмотря на свои антисоциальные тенденции, Тюринг завязал тесную дружбу с Кристофером Моркоумом, который был на год его старше, и ответил на его любовь. В 1930 году Моркоум внезапно умер в возрасте восемнадцати лет, и Тюринг был, по словам одного его знакомого, «буквально раздавлен горем».

Когда Тюрингу было двадцать три года, во время занятий математической логикой в Королевском колледже в Кембридже, он написал статью «On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem», в которой доказывал, что некоторые математические проблемы нерешаемы с помощью фиксированного процесса. Эта статья стала толчком в развитии теории компьютеров, а концепция Тюринга об универсальной машине — сейчас известной как «машина Тюринга», — явилась теоретическим обоснованием цифровых компьютеров, которые начали производиться в сороковые годы.

В 1938 году, спустя год после публикации статьи, Тюринг отправился в Соединенные Штаты в Принстонский университет, где вскоре получил докторскую степень в области математики. Вернувшись в Англию в начале второй мировой войны, Тюринг работал в Британской школе кодов и шифров и помог изобрести дешифровальную машину, при помощи которой был подобран ключ к германским военным коммуникациям. Расшифровка системы «Enigma» внесла неоценимый вклад в победу над фашистской Германией.

После войны Тюринг разработал большой цифровой компьютер, названный «Automatic Computing Engine» (ACE). В

1948 году он переехал в Манчестер, чтобы стать программистом при «Manchester Automatic Digital Machine» (MADAM), которая в то время обладала самым большим объемом памяти в мире.

Открытия Тюринга в компьютерном дизайне и программировании были революционными. Он предположил, что компьютеры обладают способностью мыслить и введение определенных случайных элементов в программу в один прекрасный день может сделать компьютер «думающим», подобно человеку. Тюринга стали называть «отцом искусственного интеллекта».

В 1952 году была опубликована первая часть амбициозного теоретического исследования морфогенеза Тюринга. В этом же году у него начались неприятности. Как он писал в письме к своему другу: «Вторжение в частную жизнь — это хуже, чем вторжение в частные владения. У меня был дружок, который… водил своих приятелей ко мне домой. Один из них был пойман полицией и проговорился о наших отношениях. Когда ты приедешь в Ливерпуль, может быть, ты навестишь меня в тюрьме». Обвиненный в оскорблении общественной нравственности согласно статье 11 «Уложения о криминальных законах от 1885 года», той же самой, по которой был в свое время осужден Оскар Уайльд note 107, Тюринг честно признался во всем полиции. После того, как его отпустили под залог, он решил не признавать себя виновным в суде, но его убедили, основываясь на его признании из пяти страниц, не делать этого.

В итоге он получил один год условно, и его обязали пройти экспериментальный курс лечения женскими гормонами, известный, как органотерапия — что-то наподобие химической кастрации. Как объяснял один доктор, «в свете неискажающей природы этого лечения и легкости, с которой его можно осуществлять, мы полагаем, что его необходимо применять как можно шире в случаях мужской ненормальной или неконтролируемой сексуальной направленности». Побочными эффектами этого лечения являются: импотенция, увеличение молочных желез и расстройство центральной нервной системы.

Тюринг прошел курс лечения в этом же году и попытался продолжить работу. Летом 1953 года он провел отпуск за границей, где неоднократно вступал в половые отношения с иностранцами. Это положение дел, несомненно, беспокоило определенную часть правящих кругов, которые видели в Тюринге источник постоянного риска для своей безопасности из-за его «неискоренимых» гомосексуальных тенденций. В марте 1954 года Тюринг послал серию зашифрованных открыток своему другу и коллеге Робину Грэнди с посвящением: «Послание из невидимого

мира». Тюринг писал: «Принцип исключения положен в основу в чистом виде в пользу избранных, которые могут быть подкуплены (и становятся драконами или демонами), если позволить им объединяться слишком свободно». В то время Грэнди не знал, что с этим делать. Оглядываясь назад, кажется, что Тюринг мог пытаться рассказать своему другу, что он стал слишком опасен, чтобы разрешать ему путешествовать, иметь секс, общаться с любым другим человеческим существом — даже существовать.

7 июня 1954 года, спустя десять лет после знаменитого D-дня, когда он разгадал «Enigma», Ален Тюринг умер от отравления цианистым калием, возможно в результате самоубийства.

История его жизни — это страшная история. Он хотел делать свою работу, жить своей жизнью, быть тем, кем он был, что было неразрешимым противоречием. Он олицетворяет не только противоречивость жизни геев в ортодоксальном обществе, но и существование личности при современном состоянии секретности: он стал жертвой того самого общества, которому его работа позволила выжить.

Биограф Тюринга Эндрю Ходж пишет:

«Двойственность Алана Тюринга предопределила модель жизни, которую он себе не выбирал: ему хотелось бы жить в цивилизации, где возможность петь, танцевать и заниматься сексом — а также размышлять о цифрах — была бы предоставлена более широкому кругу; но он был вынужден жить загнанным в угол и разрабатывать методы и машины, представляющие собой непостижимую опасность. Деятельность Тюринга, будучи по своей сути пацифистской, насколько это возможно для работы, выполняемой для ВПК, была, как и вся его жизнь, противоречивой и даже парадоксальной».

Некоторым образом положение Тюринга напоминает положение Роя Кона тем, что оба они были лояльными слугами системы, в которой для них не было места. Но если Кон с очевидной гениальностью эгоистично манипулировал системой для собственной выгоды, Тюринг стал ее безвинной жертвой.

84. РОЙ КОН

note 108

Рой Маркус Кон родился 20 февраля 1927 года в Нью-Йорке. Его отец состоял в Коллегии адвокатов при Верховном суде штата Нью-Йорк, пользующейся огромным влиянием среди членов демократической партии.

Он был не по годам развитым ребенком, поступив сразу в школу Филдстоуна и в Колумбийский колледж. Когда ему было двадцать лет, он закончил Колумбийскую юридическую школу, но был слишком юн для получения степени бакалавра. После сдачи экзаменов на следующий год он использовал свои связи, чтобы получить должность районного прокурора Манхэттена. Здесь он быстро заработал себе авторитет, выступив на широко известном судебном процессе над Джулиусом и Этель Розенбергами, обвиненными в шпионаже в пользу Советского Союза. Безжалостная обвинительная речь Кона сыграла, возможно, решающую роль в вынесении судом присяжных приговора, согласно которому Розенберги были признаны виновными и, несмотря на мнение широкой общественности, считающей суд несправедливым, приговорены к смертной казни на электрическом стуле.

В 1952 году он переехал в Вашингтон как специальный помощник Генерального прокурора, где его работа вскоре привлекла внимание Джозефа Мак-Карта, сенатора от республиканской партии от Висконсина. Будучи председателем постоянно действующей Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, Мак-Карти предпринял кампанию по «искоренению коммунизма в государственных учреждениях». Кон был назначен главным консультантом в подкомиссию Мак-Карти и стал главным инквизитором в яростных попытках Мак-Карти уничтожить «коммунистическое влияние». Вместе со своим близким другом Дэвидом Шайном, которого он привез из-за границы в качестве консультанта, Кон неустанно обследовал армейские базы, государственный департамент, «Голос Америки», Голливуд, разрушая репутации и карьеры бесчисленного множества людей, состоящих на государственной службе или работающих в шоу-индустрии. Кампания Мак-Карти шла полным ходом, а вместе с ней предпринимались активные попытки очистить от геев и

лесбиянок — «сексуальных перевертышей» — все государственные посты в целях усиления безопасности. («Один гомосексуал может загрязнить весь институт правительства», — докладывала специальная комиссия Сената).

Достаточно странно, что в разгар этой проводимой ими кампании, Кон, Шайн и Мак-Карти — трое холостяков — стали объектом гомосексуальных сплетен. «Бони, Бони и Клайд», — так они были названы драматургом Лилиан Хеллман.

В 1952 году у Кона начались серьезные неприятности. Когда Шайна призвали в армию, Кон попытался добиться для своего друга офицерского звания. Это ему, однако, не удалось, и ярость Кона была направлена на «уничтожение армии». Эти слова стали известны, что привело к большому скандалу. И Кону, и сенатору Мак-Карти было предъявлено формальное обвинение в использовании служебного положения в личных целях. Миллионы людей смотрели по телевизору трансляцию из Сената, где слушались выступления Мак-Карти об армии. В августе 1954 года их реабилитировали и сняли обвинение. Необъяснимое поведение Мак-Карти во время слушаний серьезно повредило его политической репутации. Когда в декабре 1954 года Сенат вынес ему формальное порицание, его стремительная карьера эффектно закончилась.

Казалось, что карьера Кона тоже должна была пострадать от этого, но с характерной для него демонической энергией он выстоял, поступив в нью-йоркскую адвокатскую фирму и используя свои связи. Спустя годы он имел впечатляющий список высокопоставленных клиентов: босс мафии Кармине Галанте, итальянский католический кардинал Френсис Спэлман, изобретатель реактивных самолетов Бьянка Джеггер, художник Энди Уорхэл, дизайнер Кельвин Кляйн и действительный государственный обвинитель Дональд Трамп. В течение следующих тридцати лет Кон стал «разрушителем карьер» первого ранга.

Если Либерас был мистером Шоу-бизнес, то Кон — мистер Влияние. Он гордился такими важными друзьями, как Рональд Рейган, шеф ФБР Эдгар Гувер, кардинал Теренс Кук, репортер правого толка Уильям Бакли, телевизионная журналистка Барбара Уолтерс. Как Кон сказал в 1979 году: «Я думаю, что реальной властью обладают не те люди, у которых она есть в настоящий момент. Сегодня они здесь, а завтра их нет. Власть означает способность добиваться своего. В моем случае — это дружба. Моя деловая жизнь — это моя социальная жизнь». К тем, кто были его друзьями, он всегда был лоялен. К своим врагам он был безжалостен. Как судебный адвокат он заслужил прозвище

«атакующая собака».

Его основная деятельность с годами привела к тому, что в его адрес были выдвинуты обвинения в вымогательстве, взяточничестве и мошенничестве, но он ни разу не был осужден. Начиная со времени его совместной работы с Джозефом Мак-Карти, против него велась постоянная борьба, в которой Роберт Кеннеди был главным обвинителем. Как бы в подтверждение этому, налоговая служба в течение двадцати лет проводила у него ежегодные аудиторские проверки, и хотя судьба стояла на его стороне, к моменту смерти он задолжал налогов на три миллиона долларов. Он был широко известен, вел шикарный образ жизни; миллионные счета и дорогие автомобили — все оплачивалось его адвокатской фирмой. На протяжении семидесятых годов он регулярно выступал на радиостанции «Студио-54», которая популяризировала диско и пользовалась дурной славой.

В июне 1986 года, незадолго до смерти от, как он говорил, рака печени. Коллегия адвокатов при Верховном Суде штата лишила Кона права практикующего адвоката в штате Нью-Йорк за то, что его деятельность была «неэтичной», «непрофессиональной», «недостойной».

2 августа 1986 года Рой Кон умер вследствие кардиопульмоналъной блокады.

В свидетельстве о смерти были указаны такие осложнения, как «выраженная ВИЧ-3-инфекция» и «слабоумие», обусловленные СПИДом.

Подобно Алану Тюрингу, Рой Кон занимает болезненное место в этой книге. Он, без сомнения, обладал огромным влиянием, которое блестяще и чудовищно использовал. Он был лицемером, хотя и не простым. Его понимание ситуации — как и сама его ситуация — кажется очень сложным. То, что его пример продолжает вызывать черный резонанс в нашем коллективном воображении, очень хорошо показано в ярком образе Кона в «Ангелах Америки», пьесе Кушнера, которую не забудут и тогда, когда имя самого Кона придет в полное забвение. Наличие статьи о Рое Коне в этом сборнике отражает сложную позицию, в которой оказываются многие талантливые геи, имеющие далекие от моральности принципы, в обществе, в котором нет места для людей подобного типа. Какой они выберут путь: путь Фауста и Роя Кона? Это уже следующий вопрос…

85. АННА ФРЕЙД

note 109

Анна Фрейд родилась 3 декабря 1895 года в Вене. Будучи младшей дочерью Зигмунда Фрейда, она однажды сказала, что родилась вместе с психоанализом, потому что именно в 1895 году Фрейд начал свою работу по интерпретации сновидений — работу, которая затем легла в основу его теорий подсознания. Анна получила домашнее образование и с раннего возраста посещала собрания Венского общества психоаналитиков, где часто выступал с сообщениями ее отец. В молодости она в течение пяти лет преподавала в начальной школе, и эта работа пробудила в ней интерес к психологии детей. В это же время она проводила курсы анализа со своим отцом (это были самые первые шаги психоанализа, до того, как занятия им среди друзей и родственников были запрещены по этическим соображениям) и сопровождала его на психиатрических обходах в госпитале.

Первая статья Анны Фрейд «Бьющие фантазии и дневные мечты» рассматривала способы, которыми пользуются люди, чтобы прекратить мастурбирование. Эта работа способствовала тому, что в 1922 году ее приняли в Венское общество психоаналитиков. Она стала заниматься частной практикой, и среди ее пациентов оказались сын и дочь богатой американки Дороти Берлингем, которая незадолго до этого развелась со своим психически больным мужем. Вскоре две женщины полюбили друг друга, и у них завязались тесные отношения, которые продолжались до конца их дней.

В 1927 году Фрейд опубликовала статью «Введение в технику детского анализа», где она раскрыла свой новаторский подход к психологии детей. То, что она подчеркивала роль окружения в развитии ребенка и эффективность «игровой терапии», привело к конфликту со многими ведущими психоаналитиками того времени и углубило пропасть между венской и британской школами анализа.

Работа Анны Фрейд «Эго и механизм защиты» (1936) анализировала противодействие, которое она считала основным защитным механизмом человека, подсознательным процессом, с помощью которого ребенок усваивает основные нормы поведения, но полагала, что в экстремальных ситуациях этот механизм может быть опасен. Эта неординарная работа считается

разделительной чертой в изучении психологии эго и развитии подростковой психологии.

В 1938 году, сразу после оккупации Австрии нацистами, Анна Фрейд была арестована, а дом отца конфисковали. Вскоре ее освободили, а спустя три месяца она вместе с отцом, который был смертельно болен раком и сражался с этой болезнью в течение почти двух десятков лет, покинула Австрию и переехала в Лондон. Зигмунд Фрейд умер на следующий год. Смерть отца сильно потрясла Анну. Постоянный интеллектуальный компаньон своего отца, она ухаживала за ним на всем протяжении его долгой и ужасной болезни. После его смерти большая часть ее работ была нацелена на предотвращение искажений принципов анализа ее отца новым поколением психоаналитиков.

В 1941 году Анна Фрейд и Дороти Берлингем основали Хемпстедский военный приют для детей, разлученных с родителями во время войны. Они описывали свою работу в статьях «Маленькие дети в военное время» (1942), «Младенцы без семьи» (1943) и «Война и дети» (1943).

В самом начале войны у Берлингем был небольшой роман с молодым человеком, но затем они расстались, а она объясняла в письме к Фрейд: «Ты поняла из моих писем, что я боялась — боялась осложнений, боялась, что нас разлучат, — но только сейчас я с ужасом до конца поняла, что я могла действительно потерять тебя и что последствия этого могли разрушить мою жизнь и обе наши». Позднее она напишет, что ее взаимоотношения с Фрейд были «самыми прекрасными отношениями, которые она когда-либо имела».

В 1952 году обе женщины открыли Хемпстедские детские терапевтические курсы и клинику, которые стали первым учреждением для лечения детей методом психоанализа. Следующие тридцать лет Анна Фрейд являлась его директором. В 1968 году она подвела итог своей исследовательской работе и практическому опыту в книге «Норма и патология у детей». В 1979 году Анна Фрейд проводила в последний путь Дороти Берлингем. Внук Дороти Берлингем после ее смерти сказал Анне: «Вы были дня нее всем на свете, ее жизнь с вами была очень счастливой. Как ей повезло, что она сумела найти и удержать вас».

Анна Фрейд умерла 9 октября 1982 года в Лондоне.

Элизабет Янг-Брейль в своей психоаналитической работе, посвященной биографии Анны Фрейд, раскрывая психический образ объекта своего исследования, писала:

«Ее мастурбационный конфликт был рано частично сублимирован в фантазии, которые со временем все более

освобождались — сначала бьющие фантазии, затем дневные мечты, затем созидательная работа; и частично контролировались некоторыми принудительными заменителями психической деятельности вроде вязания. Она выработала привычку находить приемлемый выход из неприемлемых импульсов и желаний, принудительно и жертвенно подчинять свои желания интересам других… Она оказалась способной найти научный интерес в сексуальности, но не смогла стать активно сексуальной ни в гетеросексуальных, ни в гомосексуальных отношениях. Решающим фактом для ее созидательной жизни, однако, было то, что ее основной защитой была сублимация — что также означает: никакого противодействия». Янг-Брейль пишет о связях Фрейд с женщинами в течение всей ее жизни: «Потребности, которые она удовлетворяла с помощью большого числа женщин, были более сложными, чем просто потребности любить и быть похожим на мужчину, которые были содержанием теорий Фрейда и только Фрейда — даже если принять во внимание, что отождествление ее со своим отцом, как мужчиной, могло бы в первую очередь служить отрицанием силы ее дочерней любви также, как и удовлетворением ее фаллических желаний».

Возможно, мы никогда не узнаем, существовали ли сексуальные отношения между Анной Фрейд и Дороти Берлингем — сплетни о том, что они были лесбиянками, преследовали их всю жизнь, а внук Берлингем, Михаэль, называл их «интеллектуальными лесбиянками», конечно, намекая на то, что половые контакты являются едва ли не самым главным элементом в лесбийских отношениях. Согласно биографу Делл Ричарде, Фрейд и Берлингем считали себя «близнецами, совершенными партнерами в «идеальной дружбе». Необходимость доказывать (или отрицать) наличие сексуальных отношений между ними не позволила этим женщинам попасть в историю геев. Эта необходимость упускает из виду самый очевидный аспект лесбийских отношений — их интеллектуальную сторону».

Вероятно, Анна Фрейд не считала себя лесбиянкой и по-настоящему верила, как и большинство се современников, работавших в этой области, что гомосексуальность была ненормальной и ее следовало «лечить». Ее случай очень сложен, но я включил очерк о ней в этот сборник по нескольким причинам: во-первых, ее новаторство в области детской психологии и ее работа по сохранению чистоты теорий ее отца сделали ее одной из наиболее значительных фигур в психоанализе, области, которая, к счастью или несчастью, оказала огромное влияние на метод оценки геев обществом (и самооценки геев) в XX веке. Вовторых, она показывает своим

примером удобный выход для женщин, которые по разным причинам не приемлют стандартные формы гетеросексуальности и получают большую эмоциональную поддержку от других женщин, а именно: «сублимацию» сексуальных устремлений в созидательную работу. Не отождествляя себя с «гомосексуальностью» и последующим переходом к лечению состояний, подозрительно напоминающих ее собственное, она иллюстрирует ту беспокойную позицию, в которой часто оказываются люди непривычной сексуальной направленности. Я поместил очерк о ней на страницы этой книги вместе с Аланом Тюрингом и Роем Коном, двумя другими фигурами, которые отражают те бесконечные конфликты со «статус-кво», которые вынуждены вести геи и лесбиянки в течение многих лет нашего трудного столетия.

86. ГАРЛЕМСКИЕ ШУТНИЦЫ

ГЛЭДИС БЕНТЛИ **МА РЕЙНИ** **БЕССИ СМИТ**
note 110 note 111 note 112

В двадцатые годы Гарлем начал превращаться в альтернативный Гринвич-Виллиджу район города — в место, где любой мог приобщиться к богемной жизни и провести свободное время. Особой популярностью пользовались гарлемские ночные клубы, предлагающие пикантные развлечения, в основном для белых, которым, среди прочего, хотелось экзотики гомосексуальности. Хотя для самих гомосексуалов Гарлем был символом пробуждающегося сознания того, что геи и лесбиянки представляют угнетенную группу меньшинства, подобно американским неграм. Три гарлемские шутницы особенно преуспели в этом, включая гейские мотивы в исполняемые на сцене музыкальные номера.

ГЛЭДИС БЕНТЛИ

Одной из исполнительниц, желающих привлечь внимание своей аудитории к подобным спектаклям, была Глэдис «Фасто» Бентли, бисексуалка весом в 120 кг , выступающая в облике мужчины, иногда под именем Бобби Минтона. Она, родившись 12 августа 1907 года в Пенсильвании, в подростковом возрасте сбежала из семьи в Нью-Йорк и нашла свое место в клубах Гарлема. Здесь она получила известность благодаря своим рискованным импровизациям: она придумывала тексты к популярным мелодиям Выглядела она экстравагантно — на ней всегда был белый смокинг и высокая шляпа. Вскоре она стала звездой шоу в Клэм-Хаусе. У нее есть сольные записи, а вместе с Уошбордом она записала серенады на RCA Victor. В начале тридцатых годов Бентли открыла Эксклюзивный клуб, где была режиссером и постановщиком собственных шоу, в том числе знаменитого «Ubangi Club Revue». В обычной жизни ей удавалось сохранить свой мужской имидж так же, как и на сцене. Одетая в свой смокинг, она официально зарегистрировала свой брак с другой женщиной в Нью-Джерси.

В начале сороковых Глэдис Бентли вернулась в Калифорнию, где начала новую карьеру исполнительницы блюзов, делая записи на различных независимых радиостанциях.

Она умерла 18 января 1960 года в Лос-Анджелесе.

МА РЕЙНИ

«Ма» Рейни, урожденная Гертруда Приджетт, родилась 26 апреля 1886 года в Колумбии в штате Джорджия. Ее карьера певицы началась в двенадцать лет, когда девочку пригласили петь

в кабаре. В 1904 году она вышла замуж за Уилла «Па» Рейни и гастролировала с ним с различными шоу, включая «Rabbit Foot Minstrels» Ф.С.Уолкотта. Во время этих гастролей она встретила восемнадцатилетнюю Бесси Смит, которая стала ее протеже. В 1916 году супруги Рейни открыли свое дело. Так как она была на десять лет старше остальных актеров и была очень мягкой и душевной Женщиной, она заслужила имя «Ма» (Мама). Первую свою запись она сделала в 1923 году, а в течение следующих пяти лет было сделано более ста записей, что принесло ей титул Матери Блюзов. Во многих песнях Рейни присутствует тема лесбийской любви, например «Prove It on Me Blues».

В 1920 году она развелась с мужем, а в 1925 году устроила у себя дома лесбийский приют для своих хористок. Приход полиции по поводу шума, на который жаловались соседи, заставил женщин судорожно искать свои одежды и скрываться из дома через черный ход. Пытаясь убежать, Рейни упала с лестницы, что позволило полиции ее задержать и посадить в тюрьму. Бесси Смит отреклась от нее на следующее же утро.

В 1935 году Рейни покинула Нью-Йорк и вернулась в Колумбию, где принимала активное участие в работе баптистской церкви.

Она умерла 22 декабря 1939 года.

БЕССИ СМИТ

Бесси Смит родилась 15 апреля 1894 года в Читтанога, штат Теннесси. Ее карьера началась в 1912 году, когда она пела в шоу вместе с Ма Рейни. Ее первая запись, «Downhearted Blues», принесла ей известность как наиболее талантливой черной вокалистке того времени. Появлением блюзов в американской популярной музыке мы обязаны ей более, чем кому-либо. Она регулярно записывалась вплоть до 1928 года, гастролировала по северу и югу Америки, а в 1929 году снялась в фильме «Блюз Святого Луи». Наступила Великая депрессия, и для индустрии развлечений и карьеры Смит наступили трудные времена. Состояние дел отягощалось частыми запоями. Она сделала свою последнюю запись в 1933 году. После трехлетнего перерыва в выступлениях Смит стала вновь появляться в клубах и шоу, однако вскоре умерла. Всего она сделала более двухсот записей, включая несколько известных дуэтов с Луи Армстронгом.

Говорили, что именно Ма Рейни вовлекла Бесси Смит в лесбийский секс, хотя твердой уверенности в этом нет. Что известно достоверно, так это то, что у Бесси Смит были частые скандалы с ее очень ревнивым вторым мужем Джеком Ги из-за ее многочисленных связей с женщинами, например с Лилиан Симпсон, хористкой из гастрольного шоу Смит «Harlem Frolics».

Как и у Рейни, в репертуар Смит входили песни откровенного лесбийского содержания, такие, как «Это грязно, но хорошо» (1930).

Смит любила южную домашнюю пищу, лунный свет, пользующиеся дурной славой районы городов, где она выступала. Ее кузина Руби Смит так описывала печально известную в Детройте «квартиру-буфет», которую Смит не могла обойти своим вниманием при каждом посещении этого города:

«Здесь не было ничего, кроме «фаготов», настоящий открытый дом. В этом доме могло произойти всякое. Они же называли это «буфетом», потому что буфет означает все, что есть в жизни. Бесси была хорошо известна в этом месте».

Бесси Смит погибла в автомобильной катастрофе 26 сентября 1937 года в Кларксдейле в штате Миссисипи.

Другими бисексуальными черными исполнительницами того времени были: Этель Уотерс и ее многолетняя любовница Этель Уильяме, Альберта Тернер, для которой замужество стало прикрытием бисексуальности, но которая не жила с мужем ни дня, ее любовницей была Лотти Тайлер.

Все вместе эти певицы были частью гейского сообщества. Раздвигая границы того, что было приемлемо в популярной музыке, они совершили еще один шаг на пути к болезненному и медленному признанию наличия геев и лесбиянок в нашем XX столетии. Если мы сейчас считаем приемлемым присутствие лесбийских мотивов в популярной музыке, начиная с обработки народной музыки Холли Нир и кончая песенками Мадонны, то мы должны помнить, что Глэдис Бентли, Ма Рейни и Бесси Смит делали это почти полвека назад.

87. ДОКТОР ТОМ УОДДЕЛЛ

note 113

Когда Том Уодделл был ребенком, он занимался балетом; когда был подростком — атлетикой; в университете он бросил занятия спортом, чтобы полностью посвятить себя медицине. Ярый противник Вьетнамской войны, он умудрился избежать участия в военных действиях, а вместо этого готовился к Олимпийским играм 1968 года вместе с другими спортсменами-военнослужащими. Было необычно, что этот атлет в возрасте тридцати одного года тренировался всего лишь три месяца, а не как принято — четыре года, прежде чем возглавить олимпийскую команду Соединенных Штатов на играх в Мехико. На этой Олимпиаде он занял шестое место, что само по себе является экстраординарным, а особенно при данных обстоятельствах.

Два члена олимпийской команды Соединенных Штатов воспользовались моментом и во время вручения золотой и бронзовой наград за соревнования в легкой атлетике, когда исполняли государственный гимн США, совершили салют черными перчатками. Уодделл поддержал их акцию и в результате был отдан под военный трибунал.

В 1980 году Уодделл, практикующий врач, высказал идею об организации Олимпийских игр геев — «новую идею», как он писал: «… в смысле спорта, основанного скорее на участии, чем на исключении». К Олимпийским играм геев допускались все, независимо от расы, пола, возраста, национальной принадлежности, сексуальной ориентации или атлетических способностей. Там не берутся во внимание квалификационные стандарты, а только желание принять участие в соревнованиях и использовать все свои возможности. Убежденный социалист, Уодделл полагал, что Олимпийские игры геев помогут создать «единственное сообщество», основанное на принципах равенства и всеобщего участия. К этому времени он организовал совместно с другими фирму «San Francisco Arts & Athletics, Inc.» специально для организации Олимпийских игр геев.

Олимпийский комитет Соединенных Штатов (USOC) отреагировал на новость об организации Уодделлом Олимпийских игр геев с яростью, и в 1982 году, незадолго до начала Первых Олимпийских игр геев, выпустил «Постановление о любительском спорте», утвержденное Конгрессом США, в

котором среди прочих пунктов был пункт, дающий USOC эксклюзивное право на использование слова «олимпийский». Несмотря на то, что USOC санкционировал такие мероприятия, как «Крысиные Олимпийские игры» и «Собачьи Олимпийские игры», организаторы Олимпийских игр геев вынуждены были изменить название на «Игры геев».

На первых Играх геев, которые проходили в Сан-Франциско в 1982 году, тысяча триста спортсменов — мужчин и женщин — соревновались по шестнадцати видам спорта. Спустя два года USOC затеял судебный процесс, чтобы покрыть сумму в девяносто шесть тысяч долларов, затраченных на проведение в жизнь указа 1982 года о запрещении Олимпийских игр геев. На имущество Тома Уодделла был наложен арест.

Игры геев 1986 года также проходили в Сан-Франциско. В них участвовало более трех тысяч спортсменов, соревнующихся по семнадцати видам спорта, включая баскетбол, соккер, легкую атлетику, марафон, гиревой спорт, плавание, волейбол, борьбу и т. д. Как отмечала Рита Мэй-Браун на церемонии открытия. **Игры показали «миру, кто мы есть на самом деле. Мы интеллигентные люди, мы приятные люди, мы заботливые люди, мы здоровые люди, и мы гордимся тем, какие мы есть»**.

За четыре недели до начала Игр геев 1986 года Уодделл заболел пневмонией, вызванной СПИДом. Тем не менее, он участвовал в этих Играх и завоевал золотую медаль в метании копья. Ухудшение состояния здоровья вынудило его уйти с поста заведующего инфекционным отделением Центрального госпиталя Сан-Франциско. Последний год он провел в судебной тяжбе, затеянной LJSOC против него. За месяц до его смерти Верховный Суд Соединенных Штатов постановил, что USOC имел «законное право запретить гомосексуальной группе использовать такое значительное слово, как «олимпийский», в названии своих Игр».

Доктор Том Уодделл умер от СПИДа 11 июля 1987 года в своем доме в Сан-Франциско.

Он был выдвинут на награду Киноакадемии в 1990 году за документальный фильм «Обычные связи: истории из-под одеяла». В этом фильме Сара Левинштейн, лесбиянка и сопредседатель Игр геев 1982 года, рассказывает душещипательную историю развития своих профессиональных и личных отношений с Томом, отношений, которые привели к свадьбе и рождению дочери Джессики.

Спустя три года после смерти Уодделла в Ванкувере состоялись Игры геев 1990 года. В них приняло участие более семи тысяч спортсменов со всего мира, тем самым сделав их самым грандиозным событием любительского спорта в истории.

Игры геев 1994 года, которые проходили в Нью-Йорке, собрали около одиннадцати тысяч участников и сотни тысяч зрителей. Слава Тома Уодделла живет в одном из самых значительных институтов, созданных геями в мире.

88. ХОЛЛИ НИР

note 114

Холли Нир родилась 6 июня 1949 года в Юкайа, в штате Калифорния. Она выросла в музыкальной семье, очень рано привязалась к народной музыке, кантри, вестернам и бродвейским мелодиям. В семилетнем возрасте у нее состоялся публичный дебют в качестве певицы. К десяти годам она уже появлялась в ряде фильмов и телевизионных программ. В конце шестидесятых годов она переехала на Восток, в Нью-Йорк, где исполняла ведущую партию в бродвейской постановке мюзикла «Волосы». Она начала активную политическую деятельность, присоединившись к кампании против войны во Вьетнаме и посетив эту страну в начале семидесятых годов с шоу «Освободите армию», направленном на прекращение вьетнамской агрессии, где ее партнершей была Джейн Фонда. На протяжении семидесятых годов Нир исполняла народную музыку и считалась зрелой в творческом плане певицей. Ведущая фирма звукозаписи предложила ей контракт, но, отказавшись предоставить большие права и контроль над своим материалом, содержащим песни с лесбийскими темами, она создала собственную студию «Redwood Records» и выпустила в 1973 году свой первый альбом «Hang in There». К 1979 году она выпустила еще три альбома и продала более ста пятидесяти пяти тысяч экземпляров — впечатляющая цифра для маленькой независимой студии. В течение семидесятых — восьмидесятых годов она много гастролировала, часто в поддержку политических течений, таких, как «Женщины против насилия над женщинами». Одна из ее песен — «Singing for Our Lives» с припевом «Мы представители геев и лесбиянок и мы воспеваем наши жизни» — фактически стала гимном движения геев за социальные права в восьмидесятых годах.

Очерк о Холли Нир помещен на страницы этой книги, так как она является ярким представителем женского движения в музыке, которое началось в конце шестидесятых в ответ на засилие мужской культуры рок-н-ролла — «петушиного рока», как некоторые феминистки называют этот жанр. Джоан Никсон в 1973 году характеризовала «женскую» музыку как «мягкость, страсть, чувственность и сила — в отличие от разрушительного тяжелого рока, которым кормит нас «мужская» культура. Темами нашей музыки являются: любовь к себе, любовь к другим

женщинам, любовь к животным и ко всем живым существам, вред, наносимый женщинам патриархальными устоями, и необходимость отделиться от мужчин, нарастающие силы женского братства, мы сами, как духовный источник, возрастающий прилив феминистской силы и создание нового социального порядка на основе феминистских принципов воспитания». Идиома, чаще всего используемая исполнительницами женской музыки, обычно уходит корнями в традиции народного искусства.

Значительной фигурой в начале этого движения была Максин Фельдман, чья песня «Angry Athis» (1969) рассказывала о женщине, которая хотела держать свою любовницу за руку не таясь. В 1973 году была организована студия «Olivia Records», что сыграло важную роль в развитии женской музыки. По словам Джинни Берсон, одной из основательниц студии, она ставила себе четыре основные задачи:

1. Сделать высококачественную женскую музыку (музыку, которая открыто и реалистично говорит о жизни женщин) доступной широкой публике.

2. Обеспечить талантливым музыкантам, ориентированным на женщин, возможность звукозаписи и контролировать их творчество.

3. Обеспечить большое количество женщин, работающих в музыкальной индустрии, достойным жалованьем и не оказывать на них давление.

4. Обеспечить профессиональную подготовку женщин, работающих на индустрию звукозаписи.

«Olivia Records» была не только студией звукозаписи, но и политической организацией. В отличие от структуры мужских студий звукозаписи, в «Olivia Records» отсутствовала иерархия и утвердилось коллективное управление. Основой коллективного принятия решений в студии было политическое доверие, а основы доверия, по словам Берсон, «проистекали из того факта, что мы все являемся лесбийскими феминистками, которые видят наше настоящее и будущее тесно связанными с будущим всех женщин: мы черпаем всю нашу энергию в женщинах; мы осознаем, что нас притесняют из-за того, что мы женщины, и что мы покончим с этим притеснением с помощью других женщин, особенно тех, которые желают посвятить все свое время, всю свою жизнь служению борьбе за женщин».

«Olivia Records» стала одной из самых главных лесбийских организаций семидесятых годов. Первым альбомом, выпущенным компанией, был «Мег Кристиан: я знаю, что ты знаешь», в который вошла знаменитая «Ода учителю физкультуры». Затем

последовал альбом Крис Уильямсон «The Changer & the Changed». Эти две певицы и впоследствии присоединившаяся к ним Холли Нир создали особый стиль «Olivia», который был очень популярен на протяжении семидесятых и в начале восьмидесятых. Однако к середине восьмидесятых годов у «Olivia Records» начались неприятности. Из-за резкого падения уровня продажи продукции на студии намечался финансовый кризис, что вынудило руководство отказаться от некоторых основных лесбийско-феминистских принципов. К 1989 году Джинни Берсон пришлось написать: «Впервые за всю историю студии во время концерта «Olivia Records» на сцене было больше мужчин, чем женщин… Мне казалось, я знаю, что позывной «Olivia Records» представляет… что значит музыка о жизни женщин, музыка, написанная женщинами и исполняемая женщинами. Но то, что мы видим сейчас, это несколько песен о женщинах и очень много о лошадях; много песен, написанных мужчинами, и большое количество мужчин-исполнителей».

Тем временем Холли Нир продолжала борьбу, исполняя свои песни в колледжах и кафе, иногда выезжая на большие гастроли. Недавно выяснилось, что она является бисексуалкой — факт, который она долгие годы скрывала, не желая разочаровывать своих лесбийских поклонниц.

Хотя жестокие законы рынка в конце концов и уничтожили мечту об установлении альтернативного лесбийско-феминистского направления в культуре, Холли Нир, тем не менее, остается одной из немногих мужественных лесбиянок или бисексуалок, которые не прельщаются коммерческим успехом, чтобы не изменять своим идеалам. Поступая так, она оказывает влияние на продолжающуюся борьбу, участвуя в таких мероприятиях, как ежегодный Мичиганский музыкальный фестиваль женщин. Очерк о ней помещен в эту книгу, так как Холли Нир, хотя и не так известна, как ее последовательницы, тем не менее ее вклад гораздо значительнее, ведь именно ее музыка и политическое положение — подобно Мег Кристиан и Крис Уильямсон — позволили следующему поколению добиться успеха.

89. РУДОЛЬФ НУРИЕВ

note 115

Рудольф Нуриев родился 17 марта 1938 года в поезде, недалеко от Иркутска на станции Слюдянка. Его отец, башкирский мусульманин, был политинструктором Советской Армии. Мать — татарка из Казани. Семья жила в Уфе в такой нищете, что Нуриев вынужден был в детстве носить платье сестры, чтобы иметь возможность ходить в школу. Когда ему было восемь лет, его мать взяла своих четверых детей и отправилась на большой концерт в Театр оперы и балета. Впечатления от этого концерта были столь велики, что коренным образом изменили жизнь Рудольфа. Он начал танцевать в школьном ансамбле народного танца. В одиннадцать лет Нуриев начал серьезно заниматься балетом. Его отец, который мечтал о том, что его сын станет инженером, пытался изменить его выбор, но Нуриев настаивал на своем. В 1955 году Нуриев поступил в кордебалет Оперного театра города Уфы. В этом же году он одновременно поступал в балетное училище при Большом театре в Москве и в училище при Кировском театре в Ленинграде. Он успешно сдал экзамены и был принят в оба училища, но выбрал Ленинград, несмотря на то что один из членов приемной комиссии сказал ему: «Молодой человек, вы станете или блестящим танцором, или потерпите полное фиаско, скорее всего второе». В училище при Кировском театре он занимался с таким легендарным преподавателем, как Александр Пушкин, который стал его вторым отцом. В 1958 году он окончил училище и поступил в труппу балета Кировского театра и, минуя кордебалет, сразу же получил сольные партии. Его дебют состоялся в балете «Лауренция», где он танцевал вместе с известной примой-балериной Натальей Дудинской.

С самого начала творческой карьеры его характер — бурный, высокомерный и нонконформистский — проявился в конфликтах с администрацией. В 1961 году, во время гастролей Кировского театра в Париже, Нуриев снискал большой успех за партии в «Спящей красавице», «Лебедином озере» и «Жизели». Кроме того, он навлек на себя недовольство руководства театра за преклонение перед Западом. Он в одиночестве бродил по Парижу, посещал художественные галереи и концерты, знакомился с французами. Во время гастролей Кировского театра в Париже

Нуриеву приказали вернуться в Советский Союз для участия в особом концерте в Кремле. Он подозревал, что его накажут за беспокойный нрав тем, что запретят выезды за рубеж. 17 июня 1961 года во время посадки на самолет в аэропорте в Ле Бурже, Нуриев подошел к двум французским офицерам полиции и заявил, что просит политического убежища. Его поступок привлек к нему внимание международной общественности, и он не имел возможности посетить Советский Союз вплоть до 1987 года, когда ему дали специальную визу, чтобы он мог навестить умирающую мать.

В течение первого года, проведенного им на Западе, Нуриев танцевал в «De Cuevas Ballet» и в небольшой труппе с Эриком Брюном, датским танцором, оказавшим большое влияние на профессиональную и личную жизнь Нуриева. В ноябре 1961 года он дебютировал на британской сцене, в благотворительном концерте, организованном знаменитой балериной Марго Фонтейн, которой так понравилась техника Нуриева, что она пригласила его в феврале 1962 года танцевать с ней в «Жизели». Их дуэт потряс аудиторию. Перед закрытием занавеса произошло легендарное событие: Нуриев встал на колено перед своей партнершей и поцеловал ее руку. Таким образом, именно здесь зародилось артистическое партнерство, которое вошло в историю большого балета. Нуриев стал «постоянным приглашенным артистом» в Королевском балете. Это партнерство возродило былую славу стареющей балерины, чья карьера к этому времени уже клонилась к закату. «С моей точки зрения, — заявлял Нуриев, — Фонтейн всегда остается юной; ее прекрасное тело и пластика абсолютно музыкальны. Поскольку мы всегда искренни и преданы друг другу, каждый раз, когда мы танцуем вместе, между нами возникает сильная и абстрактная любовь». Аудитория неистовствовала при виде этого танцующего дуэта и бесконечно вызывала их на «бис». После представления «Лебединого озера» в Вене их вызывали на сцену столько раз, что они попали в Книгу рекордов Гиннеса за самое большое количество вызовов.

Партнерство Нуриева и Фонтейн — особенно в таких классических балетах, как «Лебединое озеро», «Жизель», «Спящая красавица», «Корсар» — вызвало в шестидесятые годы подъем интереса к балету в Америке. Британский балет неоднократно приглашался для гастролей в «Метрополитан Опера» в Нью-Йорке и по всей стране. Нуриев стал суперзвездой, привлекая к себе столько внимания и пользуясь такой славой, которые обычно сопутствуют рок-звездам. В 1970 году Олег Керенский написал, что «отчасти сенсационный успех Нуриева вызван его животным магнетизмом и чувственностью. Он обращается к материнскому

инстинкту женщин среднего возраста, к половому влечению юных и к желанию многих мужчин-гомосексуалистов». И действительно, истории о регулярном посещении танцором баров для геев, пользующихся дурной репутацией, лишь прибавили ему популярности среди значительной части его аудитории — известно, что некоторые из них пели: «Мы хотим Руди, особенно в нуди (голым)».

«В настоящее время существует лишь несколько мужчин, — пишет Филипп Кор, — чье физическое присутствие воспринимается таким большим количеством людей как мощная эротическая сила; я знал мужчин, которые иначе никогда бы не приобщились к этой идее и которые гордились любовью к Нуриеву».

Неудовлетворенный тем, что он танцует только классику, Нуриев выступает в современных работах, таких, как «Аполлон» Джорджа Баланчина и «Танцы на тусовке» Джерома Роббинса. В течение семидесятых годов он выступал с такими мастерами современного танца, как Марта Грехем и Пол Тейлор. Он также осуществлял новые постановки классических балетов, часто подчеркивая роли танцоров-мужчин, а иногда, как в его фрейдистском «Щелкунчике», предлагая новаторское толкование хорошо известной и всеми любимой сказки. Неутомимый исполнитель, он часто гастролировал на сценах разных театров.

Профессиональная жизнь танцора была ужасающе короткой, к концу семидесятых его слава пошла на убыль. Тем не менее он продолжал танцевать. Он защищал свое решение продолжать выступления, говоря: «Самое главное в моей жизни — это чувство танца, и пока оно не покинет мое тело, я буду танцевать».

В 1983 году он был назначен на пост художественного руководителя парижского «Гранд Опера». Во время пребывания на этом посту он преобразовал театр, воспитывая артистов классического балета, в частности Сильвию Гиллем, которую он представил в Лондоне на ее дебюте в Королевском балете, являясь ее партнером в балете «Жизель», спустя двадцать шесть лет после его собственного дебюта там. Хотя его известное презрение к «прелестям бюрократии» было причиной многих его конфликтов, он оставил свой пост лишь в 1989 году.

Прекрасный мужчина, как на сцене, так и вне ее, как танцор Нуриев был известен за высоту и изящество прыжков и скорость. У него был необыкновенно красивый торс, как бы излучающий свет. По словам Карена Робертсона, «…он перенес романтическую чувственность в танец двадцатого века, но отличался страстным уважением к классическим традициям: положение руки, точность его возвращения в пятую позицию после прыжка». Балетный

критик Клайв Барнс отмечал: «Люди будут писать о сценической личности Нуриева так долго, как они будут помнить, что такое сцена вообще. Это была личность, состоящая из чувственного очарования и сексуального презрения. Все же он всегда считался одиноким, и этим много сказано. Он был «Ин» и «Янь» личностью, всегда и всюду. Неудивительно, что его сравнивают с Нижинским».

Нуриев, изможденный и не в состоянии передвигаться без посторонней помощи, вышел на сцену в последний раз 8 октября 1992 года на поклон после премьеры его новой постановки «Баядерки» в Париже. Десять минут не смолкали овации, министр культуры Франции Джек Ланг наградил его орденом «Почетного легиона».

Рудольф Нуриев умер 6 января 1993 года в Париже, вследствие сердечного осложнения, вызванного СПИДом.

Начиная с Сергея Дягилева и Вацлава Нижинского, балет этого века был балетом геев: в течение трех десятилетий Нуриев был его бессменным сказочным Принцем. Его гомосексуальность была «открытым» секретом. Он привлек внимание всего мира своим профессиональным и ни с чем не сравнимым очарованием гея и этим заслужил появление на страницах этой книги.

90. ФРЕДДИ МЕРКЬЮРИ

note 116

Сын государственного служащего, бухгалтера турецкого происхождения, Фредди Меркьюри родился 5 сентября 1946 года с именем Фаррух Бульсара в Занзибаре в Африке. В 1971 году он жил в Лондоне, изучая античность в Кенсингтон Маркет и играя на синтезаторе в группе «Wreckage», когда гитарист Брайен Мэй и ударник Роджер Тейлор пригласили его в свою новую группу «Queen». После присоединения к ним бас-гитариста Джона Дикона они начали играть в стиле «heavy metal» (тяжелый металл). Эра глэм-рока только начиналась: это был тот культурный-коммерческий феномен, который включал такие группы, как «New York Dalls», «Kiss», и таких разноплановых исполнителей, как Дэвид Боуи и Элтон Джон. На яркие, провокационные, сметающие все устои представления глэм-рока тратились очень скромные средства; спектакли обставлялись очень строго. «Queen» стали олицетворением глэм-рока, а Фредди Меркьюри — его царственной вершиной.

Находясь всегда там, где была публика, готовая их слушать, — в барах, клубах и кабаках, — они очень быстро снискали себе популярность и подписали контракт на звукозапись своих песен. Их первый альбом (1973) не пользовался успехом как у слушателей, так и у критиков, но они неожиданно получили приглашение на гастроли в Соединенные Штаты в качестве «разогревающей» группы перед концертами «Mott the Hoople». Их следующий альбом (1974) содержал их первый хит-сингл «Seven Seas of Rhye». За этим альбомом последовал следующий – «Sheer Heart Attack» с его успешным синглом «Killer Queen». Их новый альбом «Ночь в Опере» стал настоящим прорывом к сверхпопулярности. Он стал самым успешно продаваемым альбомом со времен «Beatles» с их известным «Sergeant Pepper» в 1967 году. Семиминутный сингл «Богемская рапсодия» считается «эпическим китчем». Сочетая хард-рок, почти классическую музыку и невыразимую чувственность, «Богемская рапсодия» стала хитом номер один в Великобритании, установив рекорд пребывания на позиции номер один в списке популярности за двадцать предшествующих лет. В Соединенных Штатах она достигла девятого места в хит-параде. Новаторское введение видео, которое сопровождало сингл, было одним из первых рок-

видеоклипов и помогло внедрить в музыкальную индустрию видеоизображение для сопровождения синглов. Стиль этого видеоролика повлиял на многочисленные последующие видеоклипы. Их сценический образ, атласные одежды и сильные голоса сделали «Queen» самой гейской группой из всех групп, исполняющих глэм-рок в семидесятых годах — по крайней мере если судить по имиджу. Но в глэм-роке имидж — это все. То, что они пользовались большим успехом у «правильной» аудитории, остается одним из наиболее пикантных парадоксов культуры этого десятилетия.

Их хиты продолжили «You're My Best Friend»(1975) и «Somebody to Love» из альбома «A Day at the races» (1976). Затем вышли и пользовались большим коммерческим успехом следующие альбомы: «News of the World» (1977) с его хард-рок-гимном «We are the Champions», «Jazz» (1978), «The Game» (1980), чей диско хит-сингл «Another One Bites the Dust» поднялся до первого пункта в хит-параде в Соединенных Штатах. К восьмидесятым годам каждый их альбом становился бестселлером во всем мире, а члены группы «Queen» превратились в самых богатых рок-музыкантов. Они грамотно распоряжались своими финансовыми делами и образовали собственную компанию «Queen Production Ltd.». В 1981 году они были самыми высокооплачиваемыми музыкальными менеджерами в британской шоу-индустрии.

Музыка, написанная ими для фильма «Flash Gordon» (1980), открыла новое поле деятельности, так как «Queen» была первой рок-группой, которую пригласили озвучивать большой художественный фильм. Хотя в начале восьмидесятых их популярность пошла немного на спад, дуэт Меркьюри с Дэвидом Боуи в сингле «Under Pressure» (1982) поднял их на первую ступень популярности в Великобритании.

Свои последние годы Меркьюри прожил очень замкнуто, не откликаясь на слухи о том, что он страдает СПИДом. Но 23 ноября 1991 года он сделал официальное заявление, подтверждающее этот диагноз. «Я считал правильным держать эту информацию при себе до определенного момента, чтобы защитить личную жизнь окружающих меня людей, — сказал он. — Однако наступило время знать правду моим друзьям и поклонникам по всему миру, и я надеюсь, что все поддержат меня, моих врачей и всех страдающих в мире в борьбе против этого ужасного заболевания».

Фредди Меркьюри умер от вызванной СПИДом бронхопневмонии на следующий день, 24 ноября 1991 года у себя дома в Лондоне.

Вскоре после смерти Меркьюри была переиздана «Богемская рапсодия», чтобы собрать деньги на поддержку медицинских разработок вакцины против СПИДа, и сингл снова поднялся на высшую ступень британских хит-парадов. Концерт, посвященный его памяти и прошедший в 1992 году на стадионе Уэмбли в Лондоне, собрал таких ярких поп-звезд, как Дэвид Боуи, Лайза Миннелли, Элтон Джон, Джордж Майкл, Энни Леннокс и смотревшуюся неуклюже гомофобную группу «Guns'N'Roses», которая явно контрастировала с этой яркой чередой звезд. Этот концерт собрал как значительную сумму на исследования в области СПИДа, так и поднял уровень озабоченности общества таким явлением, как СПИД.

Смерть Меркьюри — как и смерть Рока Хадсона семью годами раньше — вызвала большой общественный резонанс и показала опасность эпидемии СПИДа миллионам людей, которых до сей поры эта проблема не волновала. Что касается «Богемской рапсодии», то кажется, что она являет собой в некотором роде поп-бессмертие, переизданная снова с невероятным коммерческим успехом после фильма 1992 года «Мир Уэйна». Что бы подумал Фредди Меркьюри о чудесном спектакле всех тех «правильных» мальчиков, подпевающих ему «Mamma mia, mamma mia»?

91. ДЖУДИ ГРАН

note 117

Джуди Рэй Гран родилась в 1940 году в Чикаго. Ее отец был поваром, а мать — помощником фотографа. детство она в основном провела, как описывала позднее, «в экономически бедном и духовно угнетенном пустом городе Нью-Мехико конца пятидесятых годов, недалеко от адской границы с Западным Техасом. Там, казалось мне, было запрещено все, кроме изматывающего труда за копейки и принудительного безрадостного брака». Когда ей было восемнадцать лет, она бежала, чтобы не разлучаться с Ивонн, студенткой небольшого, рядом расположенного колледжа. Ивонн была первой, кто открыл ей секреты гей-культуры и чью судьбу она позднее повторит. Она поступила на службу в военно-воздушные силы, но в возрасте двадцати одного года была «не совсем с почетом», как она говорила, уволена со службы за то, что была лесбиянкой. Ее письма и записки были перехвачены и использованы против ее друзей по службе, а ее родителей оповестили о ее «вине». Когда она приехала в Вашингтон, чтобы почитать в библиотеке книги о гомосексуалах и лесбиянках и попытаться понять, кем же она была, библиотекари сказали ей, что подобные книги заперты под замок и выдаются лишь профессорам, докторам, психиатрам и юристам, когда дело касается криминала. Как она позднее напишет, эта ситуация «явилась одним из самых серьезных потрясений, которые я испытала в свои двадцать, в связи с положением геев в американском обществе». Такие потрясения сделали ее «злой и достаточно убежденной, чтобы использовать свою жизнь для изменения этой рискованной ситуации».

В 1963 году она была одним из пятнадцати членов сообщества «Мэттечин», которые пикетировали Белый Дом, борясь за права геев. В 1964 году она опубликовала под псевдонимом статью в «Sexology Magazine», в которой доказывала, что лесбиянки — нормальные, обычные люди. Также под псевдонимом она опубликовала ряд поэм в «Ladder» — журнале, выпускаемом сообществом «Дочери Билитии». Она понимала, что основная часть ее поэзии не будет опубликована ведущими издательствами, поэтому в 1969 году вместе с Уэнди Кадден (ее любовница того времени) основала издательство «Women's Press Collective». Они начали печатать свои издания на

мимеографической машине, но со временем выросли в большое оснащенное производство.

В этом же году Джуди Гран стала учредителем «Нового лесбийского феминистского движения Западного побережья». Наряду с такими поэтессами, как Сьюзен Грифин, Альта и Пэт Паркер, она способствовала возрождению поэзии женщин Западного побережья в семидесятых годах. Среди ее сборников были: «Edward the Dyke & Other Poems» (1971), «Которые» (1972) — эксперимент в феминистской культуре, «Женщина говорит до самой смерти» (1974). Эти три томика были собраны вместе в «Словах обычной женщины» и опубликованы в 1978 году с предисловием Адрианы Рич. Вместе с Пэт Паркер, чернокожей лесбиянкой-поэтессой, Гран записала альбом своих стихов на студии «Olivia Records» в первом выпуске этой компании.

В 1982 году под влиянием Х.Д., использовавшей мифы в «Елене из Египта», Гран опубликовала «The Queen of Wands», первую из четырех задуманных поэм. «The Queen of Swords» появилась в свет в 1987 году, за ней последовали «Cups» и «Diamonds».

В 1984 году Гран опубликовала свою самую значительную работу «Второй родной язык: слова геев, миры геев». В этом глубоком и специфическом исследовании истории культуры геев и лесбиянок она изучает историю слов (таких, как gay, faggot, dyke, fairy, butch, drag) и их связь с гомосексуализмом. Как она пишет; «эта книга предполагает, что у геев есть культура, что она рассекает классовые, расовые, половые и даже национальные и племенные категории. Народ геев имеет функции в обществе, которое вовлекает и даже требует присутствия геев. В ней говорится, что гейская культура является центром народа геев и что народ геев является центром их общества, даже если они занимают в нем нелегальное и презренное положение».

По словам Гран, уникальное место, которое геи занимают в любом обществе, является оппозиционным любому стабильному, одностороннему, монохромному восприятию Вселенной: «Я полагаю, что культура геев в своей сути постоянно, однако неосознанно, пытается открыть другую сторону, иногда просто открыть факт существования других сторон. Я полагаю, мы делаем так, оглядываясь на половые принадлежности, на социальные позиции, на мир трезвого рассудка и духовных ценностей: эстетики, философии и других проявлений сознания. Мы вырабатываем иронию, естественный юмор и парадоксы».

Подобно работе Глории Анзальдо и Шерри Морага, эта книга смешивает жанры поэзии, эссе и автобиографии, чтобы создать текучую, плавную новую форму.

В своей следующей работе «Самое высокое яблоко» (1985), Гран, опираясь на свое понимание культуры геев, строит исследование лесбийских поэтических традиций от Сафо через такие фигуры, как Х.Д., Эмми Лоуэл, Гертруда Штайн, до современниц, включая Адриану Рич, Одри Лорд, Ольгу Брумас и Паулу Ганн Аллен.

В своей самой последней и самой противоречивой большой работе «Кровь, хлеб и розы: как менструация создала мир» (1993), Гран предпринимает попытку, ни более ни менее, как радикально пересмотреть историю происхождения человека. Кровь, как она думает, стоит в центре культуры. Как она говорила в «Адвокате», «это не должна быть болезненная кровь, это может быть естественная кровь и ритуалы, которые женщины исполняли всегда, и которые дают нам все вещи, ценимые нами». Среди этих вещей: стулья, соломинки, через которые пьют, губная помада и красные венчальные платья.

Исследования Джуди Гран не только настоящей жизни геев, но и корней их знаков и кодов, имели далеко идущие последствия для воображения геев. Ее версия культуры геев очень во многом субъективна, и, возможно, слишком спекулятивна для более строгих вкусов. Тем не менее вся работа ее жизни — подобно трудам очень отличающегося от нее поэта Джеймса Мерилла — была попыткой увидеть более широкую картину, создать космологию геев и животворную сагу, рассказывающую нам о том, кто мы есть, где мы были и к чему мы идем. Таким образом, она создала бесценные для геев и лесбиянок мифы, – а, возможно, даже реальности, — наполнив значением все вокруг.

92. ЭДМУНД УАЙТ

note 118

Эдмунд Уайт родился 19 января 1940 года в Цинциннати, в Огайо. Его отец был, по словам Уайта, «небольшим предпринимателем, который нажил большие деньги и потерял большую их часть, когда малые бизнесмены были подавлены большими корпорациями». Когда Уайту было семь лет, его родители развелись и он переехал со своей матерью и сестрой на окраину Чикаго. Каждое лето он проводил со своим отцом в Цинциннати. В 1961 году в эссе под названием «Из шкафа, на книжную полку» Уайт написал: «Будучи тинейджером, я жадно искал книги, которые могли бы оправдать меня и подтвердить мне, что я был не единственным, могли бы подтвердить наличие того сообщества, к которому я, к несчастью, относился. В начале пятидесятых годов единственными книгами, которые я смог найти в публичной библиотеке Эванстона в штате Иллинойс, были «Смерть в Венеции» Томаса Манна (по которой гомосексуальность была зловонной, платонической и ведущей к смерти) и биографию Нижинского, написанную его женой (в которой она яростно обличала демоническое влияние импрессарио Дягилева на ее святого мужа, великого танцора, — влияние, которое в данном случае привело не к смерти, но к сумасшествию)».

Уайт поступил в Академию Кранбрука и позднее преуспел в изучении китайского языка в Мичиганском университете. Переехав в Нью-Йорк в 1962 году («в поисках кого-нибудь, кого я позднее нашел и с кем жил пять лет»), он проработал в компании «Книги на всю жизнь» вплоть до 1970 года. Он пишет: «Я никогда не считал себя компанейским парнем. Я бегом бежал с работы домой, в свою квартиру на Мак-Дугл-стрит, что-нибудь ел и тут же ложился спать. В одиннадцать я просыпался, одевался под хиппи и направлялся в бары». После года пребывания в Риме Уайт вернулся в Соединенные Штаты, где стал работать редактором в «Субботнем обозрении» и в «Горизонте». В середине семидесятых годов он и еще шесть писателей-геев из Нью-Йорка — Эндрю Холлеран, Роберт Ферро, Фелайс Пикано, Джодж Уитмор, Кристофер Кокс и Майкл Грамли — организовали специальный клуб, известный как «Violet Quill» («Фиолетовое перо»).

Встречаясь у кого-нибудь на квартире, они читали и

анализировали работы друг друга, затем отправлялись перекусить. Все эти писатели представляли ту ветвь литературы, которую Уайт так безуспешно пытался найти в Иллинойсе, когда был подростком.

Среди романов Уайта были: его аллегорическая фантазия о жизни на Огненной Земле «Забыв Елену» (1973), «Ноктюрн королю Непала» (1978) и первые два тома задуманной автобиографической тетралогии «Собственная история мальчика» (1982) и «Прекрасная комната пуста» (1988).

В 1983 году он переехал во Францию; потери, понесенные из-за СПИДа среди литераторов, заставили его в 1990 году вернуться в Соединенные Штаты. Четверо членов «Фиолетового пера» — Ферро, Грамли, Кокс и Уитмор — уже умерли, так же как и множество других молодых, подающих надежды писателей, например Тим Длугос и Джон Фоке. Двое близких друзей Уайта, критик Давид Калстоун и его издатель Билл Уайтхед, тоже умерли от этого заболевания. Он писал: «Для меня эти потери были значительными. Свидетели моей жизни, люди, которые разделяли мои взгляды и чувство юмора, покинули меня. Потеря всех тех книг, которые они могли бы написать, остается невосполнимой».

Хотя его творчество как романиста высоко оценивалось такими писателями, как Владимир Набоков и Сьюзен Сонтаг, наибольшее значение, вероятно, имеет его работа в качестве художественного критика. Урбанист, софист, он вел хронику жизни геев с семидесятых до девяностых годов, будучи ее свидетелем и участником. Он стал главным арбитром, хотя его и критиковали за узость вкусов — особенно после его антологии «Беллетристика геев» (1991), в которую он не включил ни одного сочинения, написанного цветным. Тем не менее его путевые заметки 1980 года «Состояния желания: путешествия по Америке геев» оставались бы классикой, если бы не беззаботный (а теперь болезненный) взгляд на жизнь геев в тот особый момент культуры, перед самым нашествием СПИДа. Его новаторская книга 1977 года «Радость секса геев: интимное руководство для геев», написанная им вместе с доктором Чарльзом Сильверштейном, открывала миллионам (геям, «правильным» и чудакам) смелый новый мир сексуальной практики и стиля жизни. Кумулятивный эффект присутствия Уайта одновременно в таких разных жанрах должен был привести к определению параметров «культуры геев» в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов, какой бы эта развивающаяся сущность ни была.

Конечно, СПИД омрачал все это, и Уайт, будучи ВИЧ-

инфицированным, писал о дилемме, которая стоит перед писателями-геями сегодня: «Некоторые… думают, что невозможно иметь дело с чем-нибудь (кроме СПИДа); другие полагают, что, так как культура геев представляет собой постоянную опасность, особенно при отсутствии постоянного партнера, для любого, кто вступит еще раз в гомосексуальную связь, не соблюдая медицинских предосторожностей, основной обязанностью писателя-гея является напоминание читателям о том, к чему это может привести. Только таким образом наследие геев может передаться тем, кто родится после «чумы XX века».

Собственный выбор Уайта был ясен: его самая последняя работа — это монументальная биография французского романиста и драматурга Жана Жене, в которой утверждается, что гомосексуальность Жене давлеет над другими аспектами его жизни. Что касается Эдмунда Уайта, то он и его работа остаются частью жизни гомосексуалистов высшего и среднего класса второй половины XX столетия в Америке.

93. КЭТРИН ФИЛИПС

note 119

Кэтрин Филипс родилась 1 января 1631 года в церковном приходе Святой Марии Уолчерч в Лондоне. Ее отец Джон Фаулер был купцом. После его смерти мать вышла замуж за Гектора Филипса, и Кэтрин приняла фамилию отчима. В восьмилетнем возрасте ее отослали в аристократическую школу в Кокни, которой руководила миссис Сальман, бывшая ярой роялисткой (это происходило во времена правления Оливера Кромвеля). В 1647 году Филипс вышла замуж за Джеймса Филипса, сына ее отчима от первого брака. Она была его второй женой. Вместе они делили свое время между Кардиганом в Уэльсе, который Джеймс Филипс представлял в Парламенте, и Лондоном.

Образованная и умная женщина, Филипс начала писать стихи, и в 1651 году ее первые стихи были опубликованы в сборнике вместе со стихами Генри Вагана. Другие ее стихи расходились в рукописном варианте, принеся ей славу среди просвещенных людей. Она создала вокруг себя Платоническое общество дружбы, члены которого брали себе экзотические имена: ее муж стал Антенором, сэр Эдвард Диринг — Сильвандером, а она сама была известна как Оринда, или, более часто, Несравненная Оринда.

Несравненная Оринда посвятила почти половину своих стихотворений своей подруге Анне Оуэн, которую она называла Лукасией. Множество ее других творений были посвящены Мэри Обри, известной как Розания. Одно из ее самых известных стихотворений называлось «Лукасия, Розания и Оринда, гуляющие у фонтана, июль, 1663» и описывало интимную дружбу женщин в XVII веке. Написанные страстным языком, подобные поэзии Джона Донна, ее стихи прославляют с необычным жаром радости и боли ее любви к этим женщинам — что она называла «таинством дружбы». Это был мир, сконцентрированный вокруг любви женщин к женщинам, величественный и благородный мир, в котором мужчинам практически не было места. Она называла Лукасию «моя радость, моя жизнь, мой отдых». Она писала Розании:

Итак, наши души-близнецы срастаются в одну,
И научат мир новой любви,
Освободят возраст и секс, и внешность,

Которые пламенный рок не осмелится тронуть.

А эти прекрасные стансы из поэмы «Оринда Лукасии» ставились современниками Филипс в один ряд с самыми лучшими поздними метафизическими виршами:

Ты, моя Лукасия, значишь для меня гораздо больше,
Чем он мог бы быть для целого мира;
Ты меня греешь и наполняешь светом,
Твое отсутствие превращает все в ночь.
Но ах! Мой друг, эта ночь слишком длинна,
Печаль тяжела, а темнота беспросветна:
Мои слезы (вызванные этим) текут по щекам,
И все же сердце трепетно жаждет тебя,
И к тебе оно взывает,
Если я буду ждать слишком долго,
Даже ты не сможешь меня спасти,
И не восстановишь мою жизнь, а закроешь мои глаза.

Спустя более века после ее смерти поэмы Филипс продолжали восхищать не меньше, чем поэзия Джона Китса.

В 1662 году Филипс переехала в Дублин в Ирландию, и, пока жила там, перевела драму «Помпеи» Пьера Корнеля, которая была поставлена в театре Смок-Элли и с успехом шла в 1662—1663 годах. Пьеса была опубликована в Дублине в 1663 году и еще двумя издательствами в Лондоне. В 1664 году лондонский издатель выпустил неавторизированное издание ее поэм, чем так рассердил Филипс, что в конце концов 18 января 1664 года этот издатель принес публичные извинения в лондонской газете «Intelligencer» за это самовольное издание и изъял весь тираж из продажи.

Находясь на высоте успеха и популярности, Кэтрин Филипс заразилась ветрянкой и умерла 22 июня 1664 года в Лондоне. Ее стихи были собраны и опубликованы в 1667 году, включая версию пьесы Корнелия «Горацио», незавершенную из-за ее смерти.

Кэтрин Филипс была одной из тех немногих женщин, которым удалось достигнуть того, что Вирджиния Вульф называла «жизненное пространство» — личное пространство, в котором женщина, несмотря на все предрассудки общества, может проявить свои способности, занимаясь какой-либо деятельностью. Как одна из немногих женщин-писательниц (лесбиянок или нет), достигших широкой известности в XVII веке, Филипс является не просто историческим курьезом: ее поэзия обладает настоящими достоинствами, а то, что в ней воспеты любовь и дружба женщин того века, служит значительным подтверждением существования влечения женщины к женщине, которое иначе осталось бы незафиксированным. Как и другие

значительные представительницы поэтесс-лесбиянок в этом сборнике — Адриана Рич, Одри Лорд, Х.Д. и Джуди Гран, она заслужила место на страницах этой книги.

94. ЭТЕЛЬ СМИТ

note 120

Этель Смит родилась 22 апреля 1858 года в Мерилбоунс в Англии. Ее отец был генералом британской армии, а мать, француженка, занималась домашним хозяйством. Этель росла в богатой семье. В 1877 году она поступила в Лейпцигскую консерваторию, но скоро была разочарована преподаванием и начала брать частные уроки у Хайнрика фон Херцогенберга. Первые камерные работы Смит были приняты благосклонно, и ее поддерживали такие известные композиторы, как Брамс, Григ, Чайковский, Клара Шуман – все они серьезно относились к ее работе. Ее первое крупное произведение, мощная и экспансивная «Mass in D Major» («Месса в до-мажоре») произвела глубокое впечатление на аудиторию во время премьеры в январе 1893 года в Лондоне. В то время считалось, что женщины не способны писать музыку такой глубины и уровня.

Самого большого успеха Смит добилась в опере. Ее первая опера «Фантазия», для которой она сама написала либретто на немецком языке, была неудачно поставлена в Веймаре в 1898 году, а ее постановка в Карлсруэ в 1901 году была более успешной. Позднее Смит пришла к заключению, что эта работа ей не удалась, и в 1916 году она уничтожила почти все напечатанные партитуры. Более удачной оказалась ее претенциозная одноактная опера «Der Wald» («Лес»), поставленная в Берлине в 1902 году, в «Ковент Гардене» – в 1902 и в Нью-Йорке — в 1903 году.

Третьей оперой, возможно, шедевром Смит, стала опера«The Wreckers» («Вредители») по ее собственному либретто, написанному на французском языке, которая была поставлена впервые в Лейпциге в 1906 году под названием «Strandrecht». Ее также поставили в Праге в 1906 году, а в Лондоне — в 1909 году, где она заслужила шумный успех.

В первом десятилетии XX века Смит стала все больше интересоваться движением за женские права в Британии и сочинила для этого движения «Марш женщин», который часто пели на уличных демонстрациях. Ее следующая опера «The Boatswain's Mate» (1916) с сильными женскими характерами была навеяна ее политической активностью и получила широкое одобрение публики, войдя в постоянный репертуар «Олд Вик» –

театра. Яркая, неординарная женщина, она без устали сражалась за равноправие женщин в творчестве. Она получила почетную степень от университета Дурама в 1910 году и титул Леди Британской империи в 1922 году.

Среди ее поздних работ: оперы «Fete Galante» (1923) и «Entente Cordiale» (1925), «Концерт для виолончели, рожка и оркестра» (1927) и «Тюрьма» (1931) — симфония для сопрано, бас-баритона, хора и оркестра.

Хотя нарастающая глухота вынудила ее в последние годы прекратить занятия композицией, она продолжала писать прозу. Ее двухтомная автобиография «Впечатления, которые остались» была принята с энтузиазмом, когда она вышла в свет в 1919 году. Затем последовали еще восемь книг, которые стали известны благодаря обезоруживающей открытости автора и легкому стилю изложения.

Обладая неуемной энергией и непомерной самовлюбленностью («Я самая интересная личность из всех, кого я знаю, и мне все равно, согласен ли кто-нибудь со мной», — заявила она в 1935 году), она была личностью, которая не вмещалась в окружающую ее среду. За свою жизнь Смит неоднократно влюблялась в разных женщин. Прочитав «Жизненное пространство» Вирджинии Вульф, она загорелась желанием встретиться с ее автором, что ей удалось в 1930 году. К тому времени Смит был уже семьдесят один год, но она все равно влюбилась, записав в своем дневнике: «Я не думаю, что я когда-нибудь была привязана к кому-либо так глубоко. Целых восемнадцать месяцев я едва могла думать о чем-нибудь еще». Она стала одной из самых преданных — и самых требовательных — подруг Вульф и посвятила ей сборник «Когда проходит время» (1936). Что касается Вульф, мы читаем ее запись от февраля 1933 года, сделанную после визита к ней почти совсем глухой к тому времени Смит: «Вчерашний день тянулся черепашьим шагом и был настоящим адом, пока ее зычный голос не вывел меня из отупения. Я всегда говорю «Бедная старая Леди!» Потому что я склонна думать, что она проделала путь от Уокинга ради того, чтобы провести со мной всего лишь час… А сейчас она уезжает в Бат на пять недель — к моему собственному облегчению, потому что я не могу вынести роль панциря черепахи, а она так настойчива. Быть Этелью так привычно для нее». Тем не менее Вульф говорила, что ее тронула «сумасшедшая страсть» Смит.

Этель Смит жила в Койне, в доме, построенном ею недалеко от Уокинга, со своей служанкой и собакой вплоть до самой смерти 9 мая 1944 года.

Редкое явление — женщина-композитор — Этель Смит была

значительной фигурой в возрождении английской музыки, которая возникла на рубеже столетий. Ее величественные и мощные мелодии бурно приветствовались как критикой, так и публикой тех дней. Мужественным сопротивлением условиям, всевозрастающей борьбой за осознание как своей любви, так и своих амбиций в музыке наперекор течению обычной жизни она заслужила право быть занесенной на страницы этой книги.

95. ХОЛСТОН

note 121

Рой Холстон Фроуик родился 23 апреля 1932 года в Дес-Мойнесе, в штате Айова. После поступления в университет Индианы и Художественный институт в Чикаго, он открыл салон дамских шляп в Чикаго. Его первой клиенткой была телевизионная звезда Френ Аллисон из шоу «Кукла, Френ и Олли». Его салон пользовался постоянным успехом. Скоро он уже занимался дизайном шляп для таких клиентов, как Ким Новак и Ширли Бут, а в 1957 году, когда ему было двадцать пять лет, он переехал в Нью-Йорк, чтобы работать с известным модельером шляп Лили Даше, затем в 1959 году он перешел к Бергдорфу Гудману, модельеру дамских шляп номер один, где и разработал новую модель шляпы в форме «коробки для булавок», которая была надета на Жаклин Кеннеди во время инаугурации ее мужа на пост Президента Соединенных Штатов Америки.

К несчастью, мода отвернулась от шляп, в моду вошли парики. Холстон расширил сферу деятельности, введя новое направление в моде, которое заполнило нишу между высокой модой и готовой одеждой. В 1968 году Холстон открыл свой собственный Дом моделей на Мэдиссон-авеню, где его клиентами были: Элизабет Тейлор, Лайза Миннелли, Лорен Бейкол, Кендис Берген, Бьянка Джеггер.

Начало семидесятых годов было для Холстона пиком славы. В частности, его потрясающая коллекция 1971 года с ее приглушенными тонами и строгим дизайном, возвращением в моду кашмирских свитеров, которые были популярны в пятидесятых годах, привела к концу эру моды, нарушающей устои общества, и положила начало эре шикарной элегантности. Он был человеком, который внедрил ультрасуеде (искусственная кожа японского производства) на американский рынок: она являлась основным материалом для индустрии моды в течение следующих нескольких лет. Его показы мод стали настолько популярными событиями, что это привело к тому, что его друг Энди Уорхэл назвал их «художественной формой семидесятых». Холстон сделал очень много для того, чтобы поднять авторитет американских дизайнеров за рубежом. В 1971, а потом и в 1972 году, он был награжден Coty American Fashion Critics' «Winnie» Award в номинации «Самое значительное влияние на моду», в

1974 году он завоевал Coty Hall of Fame Award.

В 1973 году Холстон продал свое имя и компанию Нортону Симону за шестнадцать миллионов долларов. Он остался на фирме как главный дизайнер и продолжал разрабатывать модели, занимался мехами, косметикой, парфюмерией и аксессуарами. На протяжении семидесятых годов, которые для него складывались удачно, он стал международным законодателем моды, известной всему миру суперзвездой, ведущей великосветский образ жизни. Визитной карточкой Холстона был непременный черный шейный платок. Его основная деятельность в мире моды стала для него обузой, когда в 1982 году он подписал контракт с «JCPenney», чтобы разрабатывать модели готовой одежды. В ответ на это компания «Бергдорф» закончила свое двадцатипятилетнее сотрудничество с дизайнером. Модели готового платья не пользовались успехом; критики утверждали, что он взял на себя слишком много. Его профессиональные привычки также изменились. К концу семидесятых — началу восьмидесятых годов он проводил время в модной, но пользующейся дурной славой «Студии 54» (частым посетителем которой был и Рой Кон). Вместо того чтобы работать с восьми утра до полуночи, как он делал всегда, Холстон гулял до четырех-пяти утра и приступал к работе лишь после обеда.

В 1984 году он попытался выкупить свое дело, чтобы иметь возможность творить под собственным именем, но ему это не удалось, а имя «Холстон» было выкуплено «Beatrice Corporation». Затем оно перешло к «Revlon Group». Поздние работы Холстона в основном были ограничены театральным дизайном: костюмы для танцевальной группы Марты Грэхем и бродвейского шоу Лайзы Миннелли.

В начале девяностых годов Холстон покинул Нью-Йорк и переехал в Калифорнию, чтобы быть ближе к своим заказчикам.

Он умер в Сан-Франциско 26 марта 1990 года вследствие осложнений СПИДа.

Геи оставили след в индустрии моды более яркий, чем, возможно, в любой другой области. Может быть, это звучит и слишком пафосно, но это правда: начиная от шляпки, которую он сделал для Жаклин, до его ночей в черном шейном платке в «Студии 54», ни один из дизайнеров не был более заметным, чем Холстон. Никто больше, чем он, не повлиял на внешний вид своего времени.

96. САМУЭЛЬ ДЕЛАНИ

note 122

Самуэль Рэй «Чип» Делани родился 1 апреля 1942 года в Гарлеме, в Нью-Йорке, где его семья владела похоронным бюро. Когда он был ребенком, его интересовали науки и особенно математика, но так же — под влиянием его матери — музыка, театр и книги.

В десятилетнем возрасте он обнаружил, что его основные сексуальные интересы направлены на мужчин. Позднее он вспоминал: «Я записывал свои мастурбационные фантазии в тетрадь с черным переплетом, которую я хранил под моим нижним бельем в высоком, сделанном из мореного дуба, комоде, стоявшем у стены в моей комнате на третьем этаже… Они были… грандиозны, гомоэротичны, полны королей и воинов, рабов, мечей и …» Случайная потеря одного листка из этого дневника, который нашла его мать, привела к принудительному курсу лечения.

Хотя в юности Делани думал посвятить себя науке (он посещал элитную Школу науки в Бронксе), его огромная созидательная энергия нашла множественный выход: кроме того, что он писал новеллы (первая была написана в тринадцатилетнем возрасте), он сочинял музыку, включая «Концерт для виолончели» и «Камерную симфонию».

В 1961 году Делани женился на молодой талантливой поэтессе Мерилин Хеккер, которая была от него беременна и которой он рассказал о своей гомосексуальности. Свадьба девятнадцатилетнего Делани и восемнадцатилетней Мерилин состоялась в Мичигане — одном из двух штатов, где их могли легально обвенчать (на территории США в разных штатах существует разный возрастной ценз для мужчин и женщин для вступления в брак). Хотя они оставались в браке до конца 1980 года, их отношения, по словам Делани, «дрейфовали от одного аспекта к другому, превращаясь в ночной кошмар». Майкл Эмери так писал о жизни Делани в то время:

«Он был молодой черный гей, нарушающий закон интеллектуал, женатый на белой еврейке, пытающийся сделать себе малооплачиваемую карьеру писателя вместо получения степени в колледже (к которой он никогда серьезно не относился) и живущий тайной гомосексуальной жизнью на улицах Нью-

Йорка».

В своих мемуарах «Движение света на воде: сексуальная и научная фантастика в Ист Виллидж, 1957 — 1965» (1988) Делани описывает эту нелегальную жизнь с обезоруживающей честностью. Здесь он пишет о своих неустанных и еженощных блужданиях между грузовиками, припаркованными на набережной, у начала Кристофер-стрит:

«Обычно к часу или двум ночи движение грузовиков стихало, за исключением выходных. Но даже тогда тут всегда был какой-то намек на движение.

Иногда просто походить между автобусами или машинами значило переходить от единичной сексуальной связи — с интервалом в пять, двадцать или сорок минут — к другому сексуальному партнеру. В другое время ходить между трайлерами, пролагать себе путь между гладкими или шершавыми стенами значило проникать в пространство с такой насыщенностью либидо, которую невозможно описать тому, кто этого не знает. Многие режиссеры порнографических фильмов — геи и «правильные» — пытались воспроизвести подобное, но эти попытки не удавались, так как то, что они пытались показать, было диким, безоглядным, бесконтрольным, тогда как актуальность подобной ситуации была основана если не на сообществе, то на тридцати пяти, пятидесяти или сотне тех, кто с этим сталкивался, и это сообщество было велико, упорядоченно, высокосоциально, внимательно и молчаливо. В те времена в этих аллеях, ограниченных стенами автобусов — иногда между грузовиками, иногда в кузове, — «кок» переходил из уст в уста, в руку, в зад, в рот, даже не прерывая контакта с другой плотью более чем на несколько секунд; рот, рука, зад принимали все, что им предлагалось: когда один «кок» покидал тебя в поисках другого места, другой требовал лишь поворота головы, бедер, руки не более чем на дюйм, три дюйма».

Когда ему было двадцать, Делани написал свою первую зрелую новеллу, научно-фантастическую работу под названием «Драгоценности Аптора». Она была опубликована издательством «Ace Books», в котором он работал помощником редактора. Следом за ней были написаны и другие произведения, многие из которых заслужили различные награды. К двадцатишестилетнему возрасту Делани был четыре раза награжден Nebula Award от американских писателей-фантастов: в 1966 году — за роман «Вавилон 17», в 1967 – за «The Einstein Intersection» и за короткий рассказ «Эй и Гоморра», в 1968 году — за «Time Considered as a Helix of Semi-Precious Stones». Ни на одной из своих работ он не заработал денег.

В 1967 году Делани решил бросить свою писательскую карьеру, чтобы стать музыкантом. Он выступал с группой «Heavenly Breakfast» и некоторое время жил в коммуне в Ист Виллидж. Когда он вернулся к научной фантастике в 1970 году, его книги стали более интеллектуальными и вызывающими. Темы их стали более гомосексуальными. Особенно значительным было влияние на его работы постструктуралистской мысли. «Дальгрен» (1975) стал бестселлером, и хотя напоминал некоторые из его ранних работ, рассказ представил его гораздо большей аудитории вне жанра научной фантастики. «Triton: An Ambiguous Heterotopia or Some Informal Remarks Toward the Modular Calculus, Part One» (1976) называлась шедевром и поносилась как нечитабельная за то, что вызывала духов утопического будущего, где разнообразие сексуальной ориентации считалось нормой. Между 1979 и 1987 годами Делани написал серию фантастических сказок под общим названием «Neveryon», включая «Tales of Neveryon» (1979), «Neveryona» (1983), «Flight from Neveryon» (1985) и «Мост утерянного желания» (1987). Третий том этой серии совпал с распространением эпидемии СПИДа в мире (и особенно в Нью-Йорке), подобно чуме в Neveryon. Другой интересной большой научно-фантастической работой Делани была книга «Звезды в моем кармане, как песчинки» (1984), в центре которой стоят гомосексуальные отношения между двумя мужчинами.

Самуэль Делани был чрезвычайно важной фигурой в популярном жанре научной фантастики, особенно если учесть, что он был дважды аутсайдером: как черный и как гей. В таких реалистичных работах, как «The Jewel-Hinged Jaw» (1977), он показал себя одним из самых главных литературных теоретиков в научной фантастике, и сегодня он расценивается многими как отец киберпанка. Его женственные и андрогеничные образы постоянно бросают вызов ожиданиям читателя, а яркость характеров геев делает возможным то, к чему стремились многие писатели-геи до него: донести до широкой читательской аудитории эту сложную проблему, которая в ином случае могла бы с ней не столкнуться. В последние годы Делани стал значительной и яркой фигурой, как обозреватель гомосексуальных изданий, что видно из его ключевых речей на Международной Конференции исследований геев и лесбиянок в 1991 году и на Outwrite convention 1993 года.

Научная фантастика играет важную роль в формировании чувства возможностей нашей культуры. Этот жанр был всегда образом мыслей о мире не только таком, как он есть, но и о том, каким он мог бы быть — во всем многообразии, которое способно воспроизвести человеческое воображение. Смело представляя

самый широкий перечень сексуальных возможностей, научные фантасты-геи, такие, как Самуэль Делани и его лесбийская коллега Джоана Русс, расширили нашу и без того необъятную Вселенную.

97. ЯН МАК-КЕЛЛЕН

note 123

Ян Мюррей Мак-Келлен родился 25 мая 1939 года в Бернли в Англии. Свое начальное образование он получил в Грамматической школе Уигана и в школе Болтона. Он поступил в колледж Святой Катарины в Кембридже, где его наставником в актерском мастерстве был Джон Бартон, который позже стал режиссером Королевского шекспировсского театра. Мак-Келлен получил степень бакалавра искусств в 1962 году. Его сценический дебют состоялся в 1961 году в роли Роджера Роупера в «Человеке на все времена» в театре Белфейд, Ковентри. Лондонский дебют Мак-Келлена в 1964 году в роли Годфри в пьесе Джеймса Сондера «Увядание цветов» принес ему Clarence Derwent Award в номинации «Лучший актер», что обеспечило заключение сезонного контракта в Национальном театре.

В 1967 году он играл в Нью-Йорке в пьесе Арбузова «Обещание», а в 1968 году получил положительные отзывы за роли в спектаклях «Белые лжецы» и «Черная комедия» Питера Шаффера. Он упрочил свою творческую репутацию как один из самых лучших актеров Англии главными ролями в «Ричарде II» Вильяма Шекспира и в 1969 году — в «Эдуарде II» Кристофера Мэрлоу, которую он считает своей любимой театральной ролью.

В 1972 году он помог Actor's Company создать современную труппу, в которой актеры сами выбирали пьесы, получали равное жалованье и сами распределяли роли. В 1973 году на Фестивале в Эдинбурге он завоевал награду года Drama Desk Award в номинации «Выдающееся исполнение» за роль Эдгара в «Короле Лире».

В 1974 году, по приглашению своего наставника из Кембриджа Джона Бартона, Мак-Келлен поступил в труппу Королевского шекспировского театра, участвуя в выдающихся спектаклях: «Доктор Фауст» Мэрлоу (1974), «Слишком хорошо, чтобы быть правдой» Бернарда Шоу (1975), «Ромео и Джульетта», «Зимняя сказка» и «Макбет» Шекспира (все в 1976). В 1978 году он ушел из Шекспировской труппы для участия в прославленной драме Мартина Шермана «Уклон» о геях в нацистских концентрационных лагерях. За эту роль Мак-Келлен в 1979 году получил награду Лоуренса Оливье в номинации «Лучший актер». Он также начал гастролировать с шоу одного актера «Играя

Шекспира», ставшим теперь знаменитым. Первое же представление этого шоу на Эдинбургском фестивале в 1977 году принесло Мак-Келлену награды Drama Desk Award, Elliot Noitoii Award и Antoinette Perry Award, а в 1979 году — Commander of tlie Order of the British Empire.

Его исполнение роли Сальери — ревнивого соперника Моцарта — в пьесе Питера Шаффера «Амадеус» в 1981 году в нью-йоркском театре Бродхерста принесло ему ошеломляющий успех и многочисленные награды: Drama Desk Award в номинации «Лучший актер». The Drama League of New York's Distinguished Perfomance Award, Tlie Outer Critics' Circle Award и Antoinette Perry Award в номинации «Лучший актер».

В 1988 году Ян Мак-Келлен первым из больших актеров официально объявил о своей сексуальной направленности. С этого времени его голос все чаще и громче поднимался в защиту прав сексуальных меньшинств Великобритании, тогда как правительство тори во главе с Маргарет Тэтчер было занято тем, что пыталось провести в жизнь драконовские законы, направленные против геев и лесбиянок. Известный как «Клаус-28», новый закон возобновил уголовную ответственность за многие действия между взрослыми геями.

В своем официальном заявлении Мак-Келлен позже скажет:

«Существует множество актеров, обеспокоенных своей карьерой, которые занимаются тем, чем занимался и я в их возрасте, и держат свою сексуальную ориентацию в секрете. Я не собираюсь выражать по этому поводу протест, хотя и сожалею об этой их позиции ради их собственного блага. Но что я категорически не выношу — это ложь: когда говорят, что ждут подходящую маленькую женщину или подходящего маленького мужчину, чтобы сделать их счастливыми, жениться и нарожать детей. Из чувства самосохранения я никогда не лгал. Я просто уходил от вопросов».

В 1991 году, на пике славы своей длинной карьеры в качестве британского «ведущего мужчины», как его называли, Яну Мак-Келлену пожаловали титул. Решение принять эту честь резко критиковалось режиссером Дереком Джарменом, который в своем письме в газету «Гардиан» написал, что Мак-Келлен должен был отказаться от титула, предлагаемого ему тем самым консервативным правительством, которое жестоко репрессирует и подвергает остракизму всех геев. В горячей дискуссии, которая развернулась вслед за этим, Мак-Келлена поддерживали восемнадцать выдающихся кино– и театральных профессионалов, которые написали открытое письмо в эту же газету, признаваясь в своей гомосексуальности и приветствуя титул Мак-Келлена как

«важный ключевой момент в истории британского движения геев». Никогда более, по их словам, «общественные деятели не смогут обвинять их в том, что они вынуждены держать свою гомосексуальность в секрете, боясь повредить своей карьере». Среди тех, кто подписался под этим письмом, были: кинорежиссер Джон Шлезингер, продюсеры Камерон Мак-Кинтош и Нед Шеррин, актеры Саймон Келлоу, Алек Мак-Коуэн, Энтони Шер и актриса Пэм Сент Клемент.

На сторону Мак-Келлена встал драматург Питер Шеффер, написав, что «он никогда не скрывал своего истинного отношения к легальной политике правительства в отношении сексуальных меньшинств» и что титул «по крайней мере является признанием этим правительством его мужества и бесстрашного человеколюбия». Член парламента Крис Смит, который открыто признавал свою гомосексуальную ориентацию, писал:

«Нападки все время нарастают. Дискриминационные законы загоняют всех в узкие рамки. Бульварные газеты подливают масла в огонь. День за днем людей увольняют с работы или выгоняют из домов, увеличивают стоимость страховки или отказывают им в праве воспитывать своих детей, а то и просто подвергают оскорблениям — и все это обусловлено их сексуальной ориентацией. Со многих позиций трудное положение, в котором вынуждены жить лесбиянки и геи, изменяется скорее к худшему, чем к лучшему.

Всему этому мы можем противопоставить целую плеяду храбрецов, подобных Яну Мак-Келлену, — и тем самым продемонстрировать, что такая открытость может по крайней мере вызывать уважение у миллионов людей».

Многие выдающиеся актеры этого века были геями. Среди них сэр Лоуренс Оливье, его любовник Денни Кайе, сэр Джон Джильгут, Тайрон Пауэр, Монтгомери Клифт, Эррол Флинн, Чарльз Лоутон и, конечно, Рок Хадсон. Однако в большинстве случаев мы узнавали о их сексуальной направленности только после их смерти, когда правда вылезала на поверхность. Круг молчания, окружавший тайной сексуальную ориентацию многих актеров, к несчастью, укрепил мнение тех геев, которые считали, что официальное признание приведет их карьеру к краху. Ян Мак-Келлен заслужил свое право попасть на страницы этой книги именно тем, что был честен и мужественен, делая официальное признание, рискуя при этом своей карьерой, тем, что встал на борьбу за права сексуальных меньшинств.

98. ДЖЕЙМС МЕРРИЛЛ

note 124

Джеймс Меррилл родился 3 марта 1926 года в Ныо-Йорке. Сын Чарльза Эдварда Меррилла, основателя брокерской фирмы «Меррилл Линч», он вырос в богатой семье и воспитывался гувернанткой, которую он называл «мадемуазель», вдовой прусско-английского происхождения, которая первой смогла ему привить любовь к языку. Когда ему было двенадцать лет, его родители развелись. «Мадемуазель» уволили, а юного Меррилла отправили в престижную школу в Лоренсвилле, недалеко от Принстона в штате Нью-Джерси. Он очень рано начал писать стихи и короткие рассказы, а его первое произведение «Книга Джима» было опубликовано частным образом его отцом, когда Мерриллу было восемнадцать лет. В 1943 году он поступил в Амхерст-колледж. Двухлетняя служба в качестве рядового в армии Соединенных Штатов прервала его обучение в 1944 — 1945 годах, но после войны он вернулся в школу и закончил ее в 1947 году. К этому времени был выпущен второй сборник его стихов «Черный лебедь», тоже на собственные средства.

В начале пятидесятых годов Меррилл активно путешествовал по Европе и Азии. В 1953 году он встретил Дэвида Джексона, писателя и музыканта из Лос-Анджелеса. Они стали любовниками и в 1954 году поселились в Стонингтоне в штате Коннектикут, и именно там, в тишине и покое, он написал большую часть своих стихов. В 1955/56 академическом году Меррилл преподавал на Отделении английского языка в Амхерсте. Именно в это время его пьеса «Бессмертный муж» была поставлена в Нью-Йорке, где имела большой успех. В 1957 году был опубликован его первый роман «Сераль», а в 1959 году он выпустил свою первую большую книгу поэм «Страна тысячелетнего мира».

Подобно Адриану, жившему в I веке, Винкельманну – в XVIII веке, Саймондсу — в XIX веке, Меррилла очень притягивала Греция. В 1959 году он снял дом в Афинах и с тех пор проводил там ежегодно более полугода. Живя в Греции, Меррилл старательно избегал встречи с американцами и имел возможность изучать жизнь страны из первых рук. Творчество грекоязычного поэта-гея Константина Кавафи, жившего в Александрии на рубеже столетий, очень повлияло на работу Меррилла в эти годы. В конце семидесятых годов Ки Уэст в штате Флорида стал еще

одним местом отдохновения странствующего поэта.

Элегантные, интимные, интроспективные (полные наблюдений над собственным сознанием и мышлением) томики его стихов в те годы выходили один за другим, принося ему известность: «Уотер-стрит» (1962), «Ночи и дни» (награжденный в 1966 году National Book Award), «Огненный экран» (1969), «Braving the Elements» (приз Боллингена в 1972 году), «Желтые страницы» (1974), «Божественная комедия» (Пулитцеровская премия 1976 года). Роман Меррилла «Дневник Дьявола» (1965) была также награждена National Book Award.

Поэзия Меррилла была урбанистичной, софистичной, блестящим образцом творчества мастера-миниатюриста. Начиная с конца семидесятых, все неожиданно переменилось. Он опубликовал в нескольких выпусках потрясающую работу эпических размеров — более пятисот страниц — которая станет известна, как «Мерцающий свет над Сандовером». Состоящая из книг: «Книга Эфраима» (1976), «Мирабель: Книги чисел» (премия National Book Award 1978 года), «Сценарий для маскарада» (1980) и «The Higher Keys» (1981), эта работа сравнивалась с «Божественной комедией» Данте, «Утерянным раем» Мильтона, «Браком Небес с Адом» Уильяма Блейка. Хотя в общем эта работа не похожа ни на что другое: чрезвычайная экстравагантность, сочетающая серьезность с тонким юмором.

В своих предыдущих стихах Меррилл открыто не показывал свою гомосексуальность, часто тактично прикрывая адресата своих любовных стихов безличным «ты». «Мерцающий свет над Сандовером» — несомненно принадлежит к культуре геев, как по теме, так и по чувственности. Основной сюжет книги таков: с помощью излюбленной викторианской салонной игры в оккультизм Дэвид Джексон и Джеймс Меррилл, слегка касаясь пальцами фарфоровой чашки, которую они использовали в качестве указателя на своей домашней доске для спиритизма, вступили в контакт с другим миром. Их первым контактором был дух по имени Эфраим, который отождествлял себя с греческим евреем, жившим в I веке и которого сослали на Капри по приказу Тиберия за то, что он был любовником Калигулы, племянника императора. Эфраим почувствовал в этих двух любовниках XX века родственные души, и действительно, поэма является громким гимном сложному переплетению энергий любви Джексона и Меррилла друг к другу. Именно любовь заставляет работать, любовь, которая открывает им секреты Вселенной — населенной мерцающими метафизическими павлинами и трубящими архангелами, а наряду с ними старыми друзьями, такими, как Ханс Лодейзн, Мария Митсотаки и У.Х.Оден. Эта

Вселенная живет, кроме того, под постоянной угрозой кризиса перенаселения и ядерного разрушения.

После «Мерцающего света над Сандовером» Меррилл продолжает очень продуктивно работать и сегодня считается одним из самых значительных поэтов Америки. Я поместил в эту книгу очерк о нем, принимая во внимание его работу «Мерцающий свет…», которая помогла сформировать души геев, будучи экстравагантной, глубокой и по существу комичной космологией, которая будет действовать на обобщенный мир наших фантазий еще долгие годы.

99. МАДОННА

note 125

Мадонна — настоящее имя Луиза Вероника Чикконе — родилась 16 августа 1958 года в Рочестере в штате Мичиган. В средней школе она занималась танцем и драмой, а во время ее короткого пребывания в колледжах Мичигана и Северной Каролины она также занималась танцами. Благодаря влиянию своего друга Стива Брея, который был ударником в рок-группе, она заинтересовалась музыкой. Затем, переехав в 1977 году в Нью-Йорк, Мадонна изучала танцевальное искусство с Элвином Эйли и работала манекенщицей. Спустя два года она переехала в Париж, где некоторое время работала на подпевках у французской дискозвезды Патрика Хернандеса (его лучший хит «Рожден, чтобы быть живым»). Вернувшись в Нью-Йорк, Мадонна играла в нескольких группах: она была ударником в группе «Breakfast Club», ведущей вокалисткой в группе «Emmy». Демонстрационная кассета так понравилась на студии Sire Records, что там заключили с ней контракт, а ее первый сингл «Everybody», который ее дружок и популярный диск-жокей Марк Камине старательно рекламировал, стал хитом клубной сцены в 1982 году. Хотя ее первый большой альбом «Мадонна-83» получил разноречивые критические отзывы («Minnie Mouse in helium»), в нем были пять сингл-хитов, включая «Holiday», написанный для нее ее приятелем Джоном «Джеллибин» Беницем. В следующем году она выпустила «Like a Virgin»: и альбом, и сингл с этим же названием поднялись до первой позиции в американских хит-парадах.

В 1985 году она заслужила неожиданно хорошие отклики за роль Сьюзен Зайдельман в фильме «Постоянно ищущая Сьюзен». Кульминацией этого фильма стал хит-сингл «Into the Groove». Ее следующий фильм «Шанхайский сюрприз» (1986), в котором ее партнером был ее новый муж — голливудский «неприкаянный» Шон Пенн, заслужил резкие критические отзывы. В этом же году она выпустила свой альбом «True Blue», который вызвал разноречивые мнения критиков, но все же имел коммерческий успех. В «Who's That Girl» (1987, фильм и альбом) Мадонна впервые стала подражать облику Мерилин Монро, и у нее это великолепно получалось.

Мадонна оказалась в центре яростной дискуссии в 1989 году,

когда ее сингл «Like a Prayer» и сопровождающий его видеоклип, в котором она обольщает чернокожего священника и получает от него стигматы, был в резкой форме осужден Ватиканом. Несмотря на это компания «Пепси-Кола» заключила с Мадонной долгосрочный спонсорский контракт. Скандальная слава этого альбома превратила его в международный мегахит. После съемок в фильме «Дик Трейси» (1990) Мадонна отправляется в мировое турне «Blonde Ambition», во время которого она подверглась аресту в Торонто за изображение мастурбации на сцене. Ее видеоклип «Justify My Love» был изъят с MTV за изображение пансексуальной оргии. Она была на высоте своей славы, и это турне запечатлено на пленке в фильме «Истина или вызов: на сцене, за сценой и в постели с Мадонной», в котором она намеренно ведет себя шокирующе сексуально со своими партнерами по группе, в основном мужчинами-геями. Удачливая бизнесменка на всем протяжении своей карьеры, Мадонна подписала в 1992 году контракт на много миллионов долларов с Time Warner. Это один из самых крупных контрактов подобного типа, когда-либо подписанных в мире.

Проявляя удивительное постоянство в поддержке сообщества геев и всегда поддерживая их морально, чрезвычайно щедрая в своем участии в борьбе против СПИДа, в 1991 году Мадонна удостоилась премии Media Award от Gay & Lesbian Alliance Against Defamation (GLAAD).

Я включил очерк о Мадонне в этот сборник, так как я считаю, что Мадонна представляет значительный феномен конца XX века, появление которого оказалось возможным благодаря весомому вкладу всех тех ярких личностей, которые предшествовали ей на страницах этой книги. В своей статье в бостонской «Gay Community News» Сидни Покорный так писал о Мадонне в ее мировом турне: «Говорящая языком гетеросексуальности и посылающая лесбийские взгляды…трансформирующаяся из игрушки мальчика в его подружку». В некотором смысле эта номинально гетеросексуальная женщина (она берется утверждать, что каждый человек бисексуален) поднимается на гребень волны в тот момент культуры, когда открытое и публичное признание своей гомосексуальности можно использовать в собственных целях. В этом признании вполне может крыться обман; тем не менее то, что такая видная фигура, как Мадонна, сегодня может извлекать выгоду как раз из того образа жизни и стиля, который долгое время предавался анафеме, имеет большое историческое значение. Тем, что Мадонна открыто выставляла напоказ свою скандальную связь с бывшей лесбиянкой Сандрой Бернардт, откровенно сексуально вела себя с мужчинами-геями или

«скромно» рассказывала о том, что достигала оргазма в детстве от пальчика своей подружки, она лишь способствовала своей стремительной карьере.

Некоторые действительно могут ее критиковать за то, что она позволила себе это рискованное поведение: следование моде является для нее лоском; для молодых людей из house balls, выражаясь литературно, — это иногда вопрос жизни и смерти. В то же время можно утверждать, что никто не сделал больше, чем Мадонна, для того, чтобы образы жизни геев и лесбиянок стали привычными и, возможно, более приемлемыми для миллионов людей во всем мире. Уничтожая предубеждения, существующие в обществе относительно половой роли и сексуальности, геев и «правильных», Мадонна внесла большой вклад в создание более прогрессивного и терпимого социального климата, который мог оказаться полезен геям и лесбиянкам.

100. МИКЕЛАНДЖЕЛО СИНЬОРИ

note 126

Микеланджело Синьори родился в 1960 году в Бруклине в Нью-Йорке. Его родители американцы первого поколения с итальянскими корнями. Он вырос в набожной католической семье, где подавлялось проявление индивидуальности. Тем не менее он выбрал собственный путь, избегая обычных занятий мальчиков бейсболом, а вместо этого играл в куклы со своей кузиной Мэри-Лу. Когда его в школе начали обзывать Sissy, Faggot и Queer, он отвечал кулаками, причем не только своим обидчикам, но и другим мальчишкам, которых тоже называли Faggot. Как он позже написал: «Я стал драться, чтобы доказать, что я не такой».

Когда ему было восемь лет, семья переехала в Стейтон Айлэнд. В двенадцать лет он имел свой первый сексуальный опыт с тридцатилетним мужчиной, который работал на складе по соседству.

Он пишет:

«Вина была непреодолимой. Я был физически болен много дней, забросил все, сильно страдал, что я такой плохой католик и позволяю себе такие ужасные вещи».

Пытаясь «излечиться», он решил активно заняться футболом и, чтобы держать себя в форме, часто бегал на стадионе Франклина Рузвельта в Саут Бич. Именно на этом стадионе он обнаружил множество итальянских мальчиков его возраста, которые встречались после обеда, чтобы заниматься сексом.

Он пишет:

«Мальчики были в той же лодке, что и я: никто из них никогда не называл себя геем. Это все были ребята, которые пытались справиться с этим сумасшествием и, казалось, справлялись со своим телом. Большинство из них говорили, что они ненавидят это и не хотели бы идти этим путем; все утверждали, что это только временное явление, что это со временем пройдет. Никто из нас никогда не собирался стать гомосексуалистом, когда вырастет: мы все собирались жениться, как и все остальные».

Он поступил в престижную школу Монсеньора Фаррелли, где продолжал играть в футбол и драться. Когда после двух лет

подобного поведения его вызвали в кабинет директора для объяснения, он сказал, что дрался потому, что другие мальчишки обзывали его. Он также признался в том, что то, как его обзывали, на самом деле было правдой. За эту честность его попросили покинуть школу. Он закончил свое образование в муниципальной школе, где начал принимать наркотики, а когда его поймали на этом, два года проходил курс лечения, во время которого вопрос о его гомосексуальности ни разу не вставал. После окончания школы он поступил в колледж Бруклина, но спустя два года перевелся в S.I.Newhouse School of Public Communication при Сиракузском университете, чтобы изучать журналистику. Там, впервые в своей жизни, он мог позволить себе жить открыто как гей.

«Для меня это было самое счастливое время, чем когда-либо до этого. Как будто я в конце концов нашел тот фантастический мир, о котором мечтал. Но я также понимал то, насколько мне повезло, что удалось пройти через все эти тяжелые годы испытаний: тридцать процентов подростковых самоубийств в Америке, как я узнал, происходят среди геев и лесбиянок, которые чувствуют, что жизнь ничего не может им предложить и что они — уроды».

После окончания университета он переехал в Нью-Йорк и начал работать в фирме, которая помещала разные сведения из жизни знаменитостей в колонках светских сплетен. Все в этой колонке казалось ему справедливым, за исключением того, что касалось геев. Фактически все знаменитые геи постоянно прикрывались своими агентами, своими студиями и самими журналистами, пишущими для колонок светских сплетен, которые подавали их как гетеросексуалов; все это вызывало у него ощущение, что вокруг их истинной сущности создавался вакуум, огромный заговор молчания. Это привело к пробуждению политического сознания Синьори, который ранее был абсолютно аполитичным геем и в середине восьмидесятых годов гораздо больше интересовался тем, что происходило в специфических клубах Манхэттена, чем тем, что делается на политической арене. Один из его ближайших друзей того времени, журналист Майкл Масто, который работал в журнале «Village Voice», открыл ему глаза на игнорирование многими геями самой страшной стороны их жизни — СПИДа, что больше всего и подливало масла в огонь, делая геев уязвимыми для нападок. К концу восьмидесятых годов эту проблему нельзя было далее игнорировать. Как пишет Синьори:

«Самые близкие мои друзья заболевали. Прежние любовники звонили мне и сообщали, что их анализы оказались

положительными».

Это вывело его из состояния, которое позволяло ему не замечать происходящее вокруг, в котором он пребывал до сих пор, и в 1987 году он начал посещать митинги движения ACT UP. Участвуя в движении гражданского неповиновения и публикуя материалы о деятельности движения ACT UP, он пришел к осознанию того, что «было абсолютно необходимо выпустить из темного шкафа и через средства массовой информации показать всем истинное лицо СПИДа». Когда в 1989 году Габриэл Ротелло спросил Синьори, заинтересован ли он в создании журнала, который бы встряхнул людей, он немедленно ответил «Да!» И так родился особый журнал новостей геев и лесбиянок «Outweek». Как художественный редактор журнала, Синьори занимался отбором публикуемых материалов и фактов с разрешения журнала «Time», которые следовало довести до сведения общественности как «гласность» — публичное признание закрытой дотоле информации об общественных деятелях и других известных личностях, которые являлись геями и лесбиянками.

Он пишет:

«Вразрез с общепринятым предвзятым мнением эта гласность была скорее побочным явлением движения, нежели сознательным изобретением. Независимо от того, как часто некоторые более пожилые и более консервативные активисты морщились при мысли об этом, обнародование этих фактов было естественным и неизбежным результатом той работы, которой каждый участник движения лесбиянок и геев занимался в течение более двадцати лет. К 1990 году гласность стала следующим логическим шагом. Таким образом, это был не единственный фактор, который заставил меня в марте прошлого года «раскрыть» недавно заболевшего мультимиллионера, магната прессы Малькольма Форбса, если не считать того, что внутри меня было что-то, что говорило мне, что это сделать необходимо, что это правильно».

notes

Note1

469 — 399 до н. э.

Note2

период наибольшего расцвета ее творчества относится к VI веку до н. э.

Note3

28 июня 1969 года

Note4

1874 – 1946

Note5

1825 – 1895

Note6

1844 – 1929

Note7

1840 – 1893

Note8

1820 – 1906

Note9

1882 – 1941

Note10

356—323 годы до н. э.

Note11

76 — 138 годы н. э.

Note12

354 – 430

Note13

1475-1564

Note14

1452 – 1519

Note15

1564 – 1593

Note16

1564 – 1616

Note17

1717 – 1768

Note18

Род. 1912

Note19

53

Note20

5

Note21

1930 – 1978

Note22

1626 – 1689

Note23

1284 – 1327

Note24

1860 – 1935

Note25

1830 – 1886

Note26

1880 – 1943

Note27

1840 – 1893

Note28

1869 – 1951

Note29

3

Note30

1871 – 1922

Note31

1926 – 1984

Note32

33

Note33

34

Note34

1928 – 1987

Note35

1972 – 1992

Note36

1887– 1948

Note37

1924-1987

Note38

Holly Roller

Note39

1326? – 1389?

Note40

1788 – 1824

Note41

1755 – 1831

Note42

1739 – 1829

Note43

Приблизительно 1000 г . до н. э.

Note44

сына Саула

Note45

или, согласно некоторым переводам, а перевод иврита сопряжен с рядом проблем, слово это означает «{и Давид} плакал более», или, как полагают некоторые ученые, «{пока Давид не} извергнул семени»

Note46

Умер предположительно в 66 г . н. э.

Note47

Encolpius

Note48

Ascyltus

Note49

Giton

Note50

Мария Антуанетта

Note51

Лесбиянками

Note52

Falmouth

Note53

Eumolpus

Note54

доисторическая эпоха

Note55

1876 – 1972

Note56

1884 – 1962

Note57

1910 – 1986

Note58

1872 – 1929

Note59

1890 – 1950

Note60

Род. 1929

Note61

Род. 1935

Note62

1911 – 1983

Note63

прежние любовники

Note64

1822 – 1899

Note65

«Нивернейская пашня»

Note66

1854 – 1891

Note67

1844 – 1896

Note68

1934 — 1992

Note69

1849 – 1896

Note70

berdache

Note71

ihamana

Note72

1820 – 1910

Note73

1873 – 1947

Note74

Род. 1940

Note75

1910 – 1987

Note76

36

Note77

5

Note78

1879 – 1970

Note79

9

Note80

1857 – 1935

Note81

1904 – 1986

Note82

1922 – 1975

Note83

1925 – 1970

Note84

1925 – 1985

Note85

1886 – 1968

Note86

1892 – 1962

Note87

1865 – 1950

Note88

1919 – 1987

Note89

Род. 1926

Note90

1901 – 1992

Note91

Род. 1908

Note92

1886 – 1961

Note93

1873 – 1945

Note94

1874 – 1970

Note95

1913 – 1976

Note96

Род. 1944

Note97

Род. 1934

Note98

Род. 1956

Note99

Род. 1932

Note100

Род. 1930

Note101

Род. 1942

Note102

Род. 1952

Note103

1905 – 1983

Note104

1909 – 1992

Note105

1942 – 1994

Note106

1912 – 1954

Note107

3

Note108

1927 – 1986

Note109

1895 – 1982

Note110

1907– 1960

Note111

1886— 1939

Note112

1894 – 1937

Note113

1937 – 1987

Note114

Род. 1949

Note115

1938 – 1993

Note116

1946 – 1991

Note117

Род. 1940

Note118

Род. 1940

Note119

1631 – 1664

Note120

1858 – 1944

Note121

1932 – 1990

Note122

Род. 1942

Note123

Род. 1939

Note124

Род. 1926

Note125

Род. 1958

Note126

Род. 1960